

С Е Р И Я

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Ю. Б. Циркин

ГРАЖДАНСКИЕ
ВОЙНЫ В РИМЕ
ПОБЕЖДЕННЫЕ

Издательство
Санкт-Петербургского
университета

Филологический факультет
Санкт-Петербургского
государственного университета
2006

ББК 63.3(0)32
Ц69

Рецензент д-р истор. наук, проф. *Е. И. Кычанов*

Циркин Ю. Б.

Ц69 Гражданские войны в Риме. Победенные. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Издательство СПбГУ, 2006.— 314 с. — (История и культура).

ISBN 5-8465-0136-2 (Филологический факультет СПбГУ)

ISBN 5-288-03867-8 (Издательство СПбГУ)

Книга представляет собой сборник биографий военных и политических деятелей последних десятилетий истории Римской республики. Почти все они были либо убиты, либо, видя свой крах, покончили жизнь самоубийством, но их жизни оставили яркий след в истории. Параллельно кратко описываются судьбы тех людей, которые находились рядом с главными персонами.

Книга рассчитана на студентов-историков и на широкий круг читателей, интересующихся историей и биографиями ее активных деятелей.

ББК 63.3(0)32

ISBN 5-8465-0136-2
ISBN 5-288-03867-8

© Ю. Б. Циркин, 2006
© Филологический факультет СПбГУ, 2006
© Издательство СПбГУ, 2006
© С. В. Лебединский, оформление, 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

Последний век существования Римской республики стал временем страшной и в то же время героической трагедии. Об этом времени интересно писать и читать, но в нем было трудно и порой невозможно жить. Это время рождало героев и подлецов, замечательных ораторов и искусных полководцев, политиков и поэтов. Это было время жестоких столкновений, горячих споров, разрушительных гражданских войн и кровавых репрессий. Неотъемлемым элементом политической карьеры становился риск для собственной жизни. Немногие в это время добивались победы, большинство терпело поражения. Впрочем, «чье поражение, чья победа, кто победил, кто поражен?»

Явным победителем выглядел Сулла. Он разгромил всех своих врагов и стал первым диктатором нового типа в Риме. Но незадолго до смерти он сам отказался от неограниченной власти, а установленный им режим был в значительной степени демонтирован через восемь лет после его смерти его же бывшими сторонниками.

В следующем туре гражданских войн победил Цезарь. Сама фигура Цезаря, несомненно, чрезвычайно притягательна. Он был великолепным писателем, превосходным мастером «золотой латыни» и прекрасным оратором, умевшим увлечь за собой своих слушателей, замечательным полководцем, который проигрывал отдельные сражения, но не проиграл ни одной войны, и прежде всего искусным политиком, превосходным стратегом политической игры. Он был талантлив во всех своих проявлениях. Недаром за прошедшие две тысячи лет его по-прежнему одни боготворят, а другие ненавидят, и все попытки историков дать объективную картину его жизни и личности пасуют перед яркой литературностью его образа. Цезарь добился всех своих целей, но когда он достиг вершины власти и пика славы, был убит заговорщиками.

Так можно ли считать Суллу и Цезаря безусловными победителями? Без всяких оговорок это определение, пожалуй, подходит только к приемному сыну Цезаря Октавиану. Октавиан не только победил всех своих врагов, но и более или менее спокойно правил государством еще 44 года,

и, что важнее, создал тот режим, ту форму государства, которая при всех последующих изменениях будет существовать почти два столетия.

То время, о котором идет речь, выдвинуло много видных политических и военных деятелей (часто это были одни и те же люди), так что отбор биографий было довольно труден. Я постарался отобрать тех, кто на определенных этапах и истории Рима, и личной жизни играл виднейшую роль, но в конце концов не добился своих целей, будь то благо государства, как он его понимал, или собственные эгоистические стремления. Почти все они, кроме Лепида, либо были убиты, либо, видя свой крах, покончили самоубийством. Этим критериям отвечает и Цицерон, видный деятель той эпохи. Но в отечественной литературе уже существует очень хорошая биография Цицерона, написанная С. Л. Утченко, и поэтому включать его жизнеописание в данную книгу не имело смысла. Все те люди, о которых пойдет речь, были в свое время очень знамениты, но с течением времени их имена и судьбы все более забывались и во многом оставались известными только специалистам. Некоторым исключением являются Антоний и Клеопатра, но и их знают скорее как героев романов и пьес, фильмов и балетов, чем как исторических персонажей.

Данная книга носит популярный характер. Поэтому анализ источников и их обобщение, выводы, сделанные на этой основе, обзор существовавших и существующих работ по этому периоду, научная полемика — одним словом, все, что составляет исследовательскую часть работы, оставлено за рамками текста. Нет в тексте и научного аппарата. И все же предлагаемые биографии основаны на многочисленных источниках. Прежде всего, конечно, это сочинения современников событий — Цицерона, Цезаря, Саллюстия и более поздних авторов — Веллея Патеркула, Плутарха, Аппиана, Флора, Диона Кассия, автора произведения «О знаменитых мужах» (может быть, это был Аврелий Виктор) и др. Учены и в значительной степени использованы и работы ученых XX в.: Р. Сайма, Г. Бенгтсона, Ф. Мюнцера, М. Гельцера, Э. Лепоре, К. Николе и др., а из отечественных исследователей — Н. А. Машкина, М. И. Ростовцева, С. Л. Утченко, И. Ш. Шифмана, В. С. Дурова, А. Б. Егорова, В. Н. Парфенова.

История любит победителей и не очень хорошо относится к побежденным. Но и они оставили свой след в этой истории. Поэт писал: «Пускай олимпийцы завистливым оком/ глядят на борьбу непреклонных сердец. / Кто, ратуя, пал, побежденный лишь роком,/ тот вырвал из рук их победный венец». О павших — кто действительно по вине рока, а кто по причинам, связанным с их характером, — и повествует книга, предлагаемая самой широкой читательской публике.

I. ПУТЬ К ГИБЕЛИ

В результате многочисленных войн к середине II в. до н. э. Рим установил свое господство во всем Средиземноморье. Значительная часть средиземноморских стран была превращена в римские провинции, другие формально сохраняли свою независимость, но в них всю хозяйничали римляне, а их правители фактически подчинялись римскому диктату. Однако счастья это большинству римлян не принесло. Скорее наоборот — неимоверно обогатилась небольшая группа людей, стоявшая у власти, и все более беднело большинство граждан. Это привело к резкому обострению противоречий, и вот уже внешние войны по своей значимости отступили на второй план по сравнению с внутренними, гражданскими. Рим потрясали распри, убийства, резко усилилась коррупция, пришла в упадок нравственность. В середине следующего столетия историк Гай Саллюстий Крисп писал: «Когда государство благодаря труду и справедливости увеличилось, когда могущественные цари были побеждены в войнах, дикие племена и многочисленные народы покорены силой, Карфаген, соперник Римской державы, разрушен до основания и все моря открылись для победителей, то Фортуна начала свирепствовать и все ниспровергать... И вот сначала усилилась жажда денег, затем — власти... Алчность уничтожила верность слову, порядочность и другие добрые качества; вместо них она научила людей быть гордыми, жестокими, продажными во всем и пренебрегать богами. Честолюбие побудило многих быть лживыми, держать одно затаенным в сердце, другое — на языке, готовыми к услугам, оценивать дружбу и вражду не по их сути, а по их выгоде и быть добрыми не столько в мыслях, сколько притворно». Упадок нравов, о которых пишет Саллюстий, был, конечно, лишь одной, хотя, наверное, и самой заметной стороной наступившего кризиса.

Многочисленные войны доставили римлянам огромное количество рабов. В древности теоретически вообще всякий враг считался потенциальным рабом, и если не все побежденные поработались, то это была только милость победителя. И часто эту милость не оказывали. Так, в

167 г. до н. э. римляне обратили в рабов 150 тысяч жителей Эпира. Это, пожалуй, самая большая известная нам цифра. Но и в других случаях цифры были впечатляющими. В 146 г. до н. э. после взятия Карфагена 55 тысяч уцелевших карфагенян стали рабами. В том же году были превращены в рабов жители Коринфа, не успевшие разбежаться. 20 тысяч сардов было продано в рабство после покорения Сардинии и 10 тысяч лузитан — после разгрома их вождя Вириата. Известны и другие случаи порабощения побежденных. А о многих подобных случаях мы просто ничего не знаем.

Война была не единственным источником рабства. Людей похищали разбойники на суше и пираты на море. Пиратство было непобедимым злом древности. В Риме закабаление граждан было прекращено, но в провинциях долговое рабство и другие формы порабощения свободных людей практиковались довольно широко. Рабы продавались на специальных рынках. Цены на них колебались в зависимости от количества продаваемых и качества товара. В среднем раб стоил около 500 денариев или 5 тысяч медных ассов. Но были и такие, кто ценился очень дорого, как, например, образованные греки, становившиеся учителями. Наоборот, дешево продавались строптивые и плохо обучаемые сарды. Особенно ценились рабы, рожденные в доме. С раннего детства привыкшие к своему положению, они были самыми покорными и верными хозяину. Хотя официально рабы не могли иметь семью, рабовладельцы часто поощряли сожительство рабов ради получения потомства.

В это время в Риме окончательно формируется рабовладельческая система. Слово «фамилия», которое раньше обозначало римскую семью, особенно большую семью, находившуюся под властью «отца фамилии», в которую включали в качестве младших членов клиентов и даже рабов, теперь все чаще стало обозначать совокупность рабов, принадлежавших одному хозяину. Такая фамилия обычно делилась на сельскую и городскую. В сельском хозяйстве старые отрасли земледелия, такие как зерновое хозяйство, в большинстве оставались в руках свободных крестьян, но роль этих отраслей в Италии неуклонно сокращалась, так как привоз более дешевого хлеба из Египта или Сицилии делал выращивание зерновых невыгодным. Зато в новых отраслях, бурно развивавшихся в Италии, таких как оливководство и виноградарство, рабы были основной рабочей силой. Они выращивали урожай, перерабатывали его на вино или масло, а управляющий, обычно раб или специально нанятый человек, вез продукт на рынок. Во многих имениях владельцы создавали различные мастерские, чтобы обеспечить необходимыми изделиями имение и занять рабов, но мастерские большой роли в хозяйственной жизни имения не играли, и даже одеждой рабов

обычно снабжали с рынка. Рабский труд активно применялся в скотоводстве. Провалились все попытки римских властей ограничить число рабов-пастухов, которые, пользуясь относительной свободой, легче могли вступить в какой-либо заговор, казались особенно опасными. И пастухами были в основном рабы.

Городская часть фамилии обслуживала непосредственно хозяина и его семью. Раньше личных слуг даже у богатых римлян было немного, но во II в. до н. э. их число увеличивалось взрывообразно. У обычного «светского» человека число таких рабов доходило до 200, а у особо знатных их было и больше: повара и кондитеры, птичники и массажисты, садовники и привратники, носильщики и рыбаки и всякая другая челядь. Среди них часто встречались домашние учителя, а иногда и «придворные» поэты. Расходы на городскую фамилию постоянно росли, во время как эти рабы ничего не производили.

Сельское хозяйство и личное услужение были не единственными сферами применения рабского труда. Значительное число рабов занималось ремеслом. Хорошо обученные рабы-ремесленники стоили очень дорого. Были рабы, которые получали от хозяина мастерскую и работали, порой имея под своим началом других рабов. Такие самостоятельные рабы, занятые, например, в гончарном деле, ставили даже собственные клейма на произведенные изделия. Но надо заметить, что о крупных рабовладельческих мануфактурах говорить не приходится; мастерские были небольшие.

Рабский труд активно применялся в строительстве, особенно на самых тяжелых работах. Широко использовались рабы в горном деле. Условия труда там были чрезвычайно тяжелые, может быть, самые тяжелые в древности, и часто в рудники отправляли наиболее строптивых рабов или мятежников в наказание. В этом отношении с горным делом мог поспорить только труд на ручной мельнице. Наконец, была еще одна, специфически римская сфера использования рабов: гладиаторские игры. Рабы-гладиаторы (от слова *gladis* — меч) сражались друг с другом на арене цирка на потеху публике. Римляне любили, чтобы на арене или сцене действие разыгрывалось всерьез, и героев трагедий или побежденных участников поединка убивали по-настоящему. Только если толпа, подняв палец, разрешала не убивать побежденного, ему сохраняли жизнь. Гладиаторов учили в специальных школах, и они очень ценились.

По мере развития политической борьбы рабов стали использовать и в этой области. Соперничающие между собой политики зачастую со- }
здавали из своих рабов отряды, защищавшие их от соперников или на }
них нападавшие. Вооруженные рабы не раз устраивали настоящие свал-

ки и даже сражения на улицах городов, в том числе в Риме или в его окрестностях. Так появилась еще одна сфера применения рабов: их использовали как ударную силу в открытом политическом соперничестве.

Рабство проникло не только во все области римской жизни, но и в мышление римлян. Деление людей на рабов и свободных воспринималось как само собой разумеющееся. Большинство римлян (если не все) вообще не считали рабов людьми. Писатель и ученый I в. до н. э. Марк Теренций Варрон называл их «говорящими орудиями» и включал в инвентарь имения. Никакого «рабского вопроса» в римской общественной мысли того времени не существовало.

Грабежи во время войн и контрибуции после них, тяжелые подати, налагаемые на провинции, и активная деятельность римских купцов и ростовщиков и в провинциях, и даже за их пределами доставляли в Рим не только рабов, но и другие виды богатства. Большое значение имело все более тесное знакомство с эллинистическим миром, включая Грецию, с его культурой и нравами, с его любовью к роскоши. Эту любовь восприняли и многие римляне. Проникновение излишней, с их точки зрения, роскоши и греческих нравов, портящих «обычаи предков», встревожило многих представителей римской знати. Выразителем и главой этой «староримской» группировки стал Марк Порций Катон, занявший в 184 г. до н. э. пост цензора. На этом посту он упорно боролся с нравственным разложением, как он его понимал, с ненавистными «гречишками» и их римскими последователями. Как-то он даже исключил из сената одного сенатора за то, что тот поцеловал свою жену в присутствии дочери. Но эти строгие моралисты при всем огромном уважении, которое питали к ним римляне, особенно из средних и низших слоев гражданства, все же успеха не имели. Эллинистическая мысль и восточные обычаи все глубже проникали в римское общество, особенно в среду знати и образованных людей. Проводниками такого «эллинизма» были, в частности, Сципионы — и победитель Ганнибала, и разрушитель Карфагена. Вокруг последнего вообще сложился кружок его единомышленников, среди которых большую роль играли греки — родосец Панеций и ахеец Полибий.

В это время изменяется образ жизни знатных римлян. Если раньше богатством семьи, передающимся по наследству, могла быть серебряная солонка, то теперь дома украшаются драгоценной утварью Греции и Востока. В быту используются самые разнообразные дорогие вещи и ткани. Именно тогда резко растет численность городской фамилии, обслуживающей богатых рабовладельцев.

Изменяется и сам Рим. Город украшается художественными произведениями, вывезенными из захваченных стран. По греческой моде в

нем возводятся портики, базилики для заседаний суда и деловых встреч. В 144—143 гг. до н. э. строится новый водопровод, самый мощный по тому времени.

В ходе борьбы патрициев и плебеев сформировалась римская *civitas*, являвшаяся специфически римской разновидностью полиса. Одним из принципов полисного устройства общества была поддержка государством неимущих граждан, реализация их права на часть доходов государства. И римское правительство, стремясь хоть как-то сгладить противоречия между резко возросшим богатством сравнительно небольшой правящей группировки и основной массой гражданства, тратило огромные средства для выдач населению, для подкормки бедняков. Но это не спасало положения. Пропась между богачами и бедняками росла, а это ставило под вопрос существование внутригражданской солидарности. Особенно бросалась в глаза непомерная роскошь, и недаром все чаще звучали требования эту роскошь ограничить. С такими требованиями, например, выступал тот же Катон. С этой целью был принят ряд законов, ограничивавших число приглашаемых и расходы на пиры и другие слишком уж вызывающие поступки знати. Их инициаторами были сами сенаторы — в основном те, кто придерживался консервативных взглядов, и это было для них еще и средством борьбы со своими политическими противниками. Много позже даже предложение отменить один из таких законов привело к исключению автора предложения из сената. Но остановить растущую эллинизацию жизни знати было уже невозможно.

Конечно, не все получаемые богатства шли только на роскошь и удовлетворение самых низменных потребностей. Значительная часть их использовалась и в хозяйстве. Но сенаторам было фактически запрещено участвовать в торговых операциях. Ремесло считалось в Риме «рабским делом». Поэтому сенаторы стали вкладывать свои средства преимущественно в землю, тем более что владение землей и земледельческий труд считались в римском обществе почетными. И богатые всадники, т. е. члены следующего после сенаторов сословия, тоже часть своего капитала «зарывали» в землю. Но у них были и другие сферы применения денег и обогащения, о чем речь пойдет ниже, а у сенаторов их не было, и земля оставалась практически единственной сферой вложения сенаторского капитала. Это и привело к возникновению крупного сенаторского и частично всаднического землевладения.

Крупное землевладение принимало разные формы. Многие землевладельцы стремились создать огромные имения, обрабатываемые массами закованных рабов под контролем надсмотрщиков. Но такие имения оказывались очень невыгодными, ибо трудно было организовать

труд массы рабов, совершенно не заинтересованных в результатах своего труда. Это вело, с одной стороны, к низкой производительности труда, а с другой — к созданию огромного контрольного аппарата в лице прежде всего надсмотрщиков, которые сами ничего не производили, но на которых надо было тратить огромную часть дохода. Однако без них в обширных имениях — латифундиях — обойтись было невозможно, по крайней мере в земледелии. И большинство таких имений довольно скоро исчезло. Более доходными были скотоводческие латифундии, которые требовали много земли под пастбища, но обслуживались относительно самостоятельными и поэтому более заинтересованными рабами. Такие латифундии и господствовали в южной части Италии, где природные условия были особенно пригодны для скотоводства.

В наиболее плодородных областях, где условия гораздо больше подходили для интенсивного земледелия (Кампания, Лаций, частично Этрурия и соседние территории), дающим наибольшие доходы оказывалось среднее имение. Оно включало в себя три структурных элемента: виллу — центр имения, состоящий из господского дома и жилищ рабов, фондус — земля, на которой велось хозяйство, и инвентарь, при помощи которого велось хозяйство. В инвентарь, как уже упоминалось, включались и рабы, а также скот и орудия труда. Рабы считались говорящими орудиями, скот — полуговорящими, а остальные орудия — немыми. Название центра обычно распространяют на все имение, и такие средние имения в науке именуются виллами. Их размеры были различны — от 100 до 500 югеров (25–125 га), что зависело от местных условий, но наиболее распространенными, как установлено учеными, были, вероятно, имения в 200–300 югеров, т. е. 50–75 га. Здесь под надзором управляющего, называемого вилликом, который и сам был рабом, работало 10–15 рабов. Такое сравнительно небольшое количество рабов было довольно легко организовать. В руках многих землевладельцев сосредоточивалось несколько, а порой и довольно много, таких вилл, каждая из которых, однако, являлась автономным хозяйственным организмом. Обычно на вилле производились одна-две сельскохозяйственные культуры, что позволяло вести целенаправленное хозяйство, а труд рабов делать достаточно производительным. Обозримое количество работников сводило контрольный аппарат к минимуму. Получаемый продукт увозился в основном на рынок, где, в свою очередь, закупалось все необходимое. Иногда урожай даже продавали скупщику на корню. Это был высокотоварный и в высшей степени конкурентоспособный тип сельскохозяйственного производства.

Соперничать с виллами другим хозяйствам было не под силу. Менее всего это могли делать крестьянские хозяйства. Они были относи-

тельно небольшими. Приличным, по-видимому, считался надел в 20 югеров (4 га), а предельным был участок в 30 югеров (7,5 га). Их обрабатывали сами владельцы и их семьи с помощью одного-трех рабов. В принципе такие участки давали возможность сносно существовать. Но в условиях почти непрерывных войн, которые в то время вел Рим, крестьяне в самом трудоспособном возрасте постоянно отрывались от производства. Специализироваться на какой-либо одной культуре и достичь в этом значительной рентабельности они также не могли и в конкуренции с виллами проигрывали. В результате многие крестьяне разорялись и теряли землю.

Эту землю скупали те же хозяева вилл. Поскольку это были преимущественно представители правящих кругов, то они часто использовали и свое положение, чтобы округлить имение. В определенный период, например при уборке урожая, виллы нуждались в дополнительных рабочих руках. Поэтому хозяева вилл и их управляющие обращались к найму. Наемными работниками были часто соседние разорившиеся крестьяне. Но крестьяне шли на это очень неохотно. Римляне презирали наемников, они считали, что наемный труд сближает свободного человека с рабом. Поэтому многие крестьяне предпочитали уходить в город. Оставшиеся мучились на своих участках, пытаясь свести концы с концами. И разорившиеся, и оставшиеся на земле крестьяне жаждали земли и все больше ненавидели богатых владельцев вилл, тем более что официально большая часть обрабатываемой земли считалась собственностью не отдельного гражданина, а всего римского народа, составляя *ager publicus* — «общественное поле», на котором в силу старинного закона запрещалось иметь огромные владения. Сами владельцы вилл об этом давно забыли или сделали вид, что забыли, но крестьяне это прекрасно помнили и мечтали о восстановлении справедливости. Аграрные противоречия все более выдвигались на первый план.

Как уже говорилось, многие разорившиеся крестьяне уходили в город. II в. до н. э. стал веком бурной урбанизации Италии. Особенно вырос Рим, ибо именно туда устремлялся основной поток переселенцев из деревни. Но что эти люди могли найти в городе?

С военной добычей в Рим пришли более дешевые, но высококачественные продукты греческого и восточного ремесла. Развитие торговых связей и ограбление провинций сделали этот приток постоянным. Но еще важнее было переселение в Рим эллинистических мастеров. Многие из них прибывали туда не по своей воле, их привозили в качестве рабов. Одни из них, так и оставаясь рабами, все же участвовали в развитии ремесла. Но много было и таких, кто сумел тем или иным способом освободиться и стать отпущенником. Отпу-

щенники заводили свое дело, принося с собой и навыки эллинистического ремесла. Постепенно именно отпущенники стали брать в свои руки изготовление самых разных товаров, вытесняя из этой сферы природных римлян. Последним ничего не оставалось, как компенсировать это обстоятельство растущим презрением к ремесленному труду как к делу, не достойному свободного римлянина. Значительную конкуренцию римским ремесленникам составляли и италийские мастера. Особенно это заметно в керамическом ремесле. Сначала кампанские, а затем и арретинские (из города Арретия в Этрурии) сосуды наполняли и римские, и италийские, и провинциальные рынки. Все это вело к разорению ремесленников-римлян. Так что найти применение своему труду в Риме бывшим крестьянам было непросто.

Но даже у самых бедных римских граждан было огромное преимущество — их гражданский статус. Они обладали правом голоса и правом на часть дохода государства. И этим они активно пользовались. Многие обедневшие граждане становились клиентами, т. е. отдавали себя под покровительство богатых и знатных сограждан, которые теперь являлись их патронами. Клиентела существовала в Риме издавна. Но прежде клиенты были работниками у своих патронов. Теперь же с развитием рабства необходимость в их труде отпала. Отныне клиенты были нужны патронам не для обработки земли или, тем более, изготовления тех или иных предметов, которые легче и дешевле было купить на рынке, а для активной поддержки их политической деятельности. Правда, среди клиентов были и такие, кто продолжал работать; это отпущенники, которые теперь становились клиентами, а бывшие хозяева — их патронами. Но все возрастающая масса клиентов из числа свободнорожденных граждан бросала труд вообще. Эти люди жили только подачками своих патронов. Клиентела становилась преимущественно паразитической. Паразиты оплачивали подачки голосованием в народном собрании и вообще поддержкой патронов в политической жизни.

Появление массы клиентов усилило позиции правящей олигархии. Она все больше замыкается в себе. Число фамилий, а тем более родов, из которых выходили консулы, было сравнительно небольшим. За весь II в. до н. э. насчитывалось лишь 45 фамилий, члены которых были консулами два и более раз, и из них только 23, из которых выходило три и более консулов. Клавдии, например, имели по крайней мере одного консула в каждом поколении. Корнелии Сципионы и их родственники Назики занимали этот пост десять раз (особенно в первой половине века), а Цецилии Метеллы — восемь (все во второй половине). К ним

можно прибавить Корнелиев Лентулов (пять раз) и Корнелиев Цетегов (три раза), Постумиев Альбинов (семь раз) и Фульвиев Флакков (пять раз), а также ряд других. Эти роды и составляли римскую знать — нобилитет (*nobilitas*). Пробриться в состав нобилитета было очень трудно. За время с 200 по 146 г. до н. э. из 108 консулов было только восемь, в семьях которых раньше консулов не было. Таких пробившихся в знать римляне называли «новыми людьми» (*homines novi*). По некоторым подсчетам, нобили составляли около 0,5% всех римских граждан. Но именно они практически и осуществляли политическое руководство Римской республикой.

Естественно, что эту правящую олигархию раздирали внутренние раздоры. Борьба честолюбив была характерной чертой римской политической жизни. И без того небольшая правящая группировка делилась на более мелкие. В конце III — начале II в. до н. э. остро соперничали Корнелии и Фабии. Несколько позже антисципионовскую группировку возглавил Марк Порций Катон. Были и люди, которые стремились жить в дружбе и с теми, и с другими. Таким был, например, Люций Эмилий Павел. Его отец погиб в битве при Каннах, а сам он прославился своими победами и в Испании, и в Греции. Своих сыновей от первого брака он отдал в усыновление — одного Сципионам, другого Фабиям Максимумам. Оба они позже прославились своими деяниями, особенно Сципион Эмилиан, победитель Карфагена и Нуманции.

Появление большого числа клиентов обострило эту внутреннюю борьбу. Чем больше было клиентов у нобилия, тем заметнее была его роль в политической жизни, тем больше у него было шансов занять высокий пост, получить командование в выгодной войне, добиться известности. Вокруг знатных людей спланивались группы их сторонников и клиентов, создавая так называемые факции. Политическая жизнь Рима во многом определялась борьбой таких факций. Конечно, нельзя сводить их борьбу только к удовлетворению самых низменных честолюбивых стремлений их лидеров. Обычно каждая такая факция, каждый кружок, объединяющийся вокруг того или иного деятеля, имел и определенную программу. Неразрывная смесь безудержного личного честолюбия, стремления к материальным благам, желания провести в жизнь собственные политические и иные программы была характерна для политической жизни Рима того времени. Нобилитет в целом считал себя воплощением Римской республики вообще, и каждый нобиль полагал, что он вполне способен занять любой административный, военный или судейский пост. А для этого нужно было утвердиться самому и привести с собой свою «команду», свою факцию.

Раскол внутри нобилитета не был единственной угрозой стабильности. Не менее важен был раскол между сенаторами и всадниками. Раньше всадниками были самые богатые люди, которые по реформе царя Сервия Туллия стояли выше первого класса и выступали на войну со своим конем. Позже военное значение всадников сошло на нет. Теперь так назывались богатые люди, не входившие в сенат. К ним относились и младшие сыновья сенаторов. Следуя примеру сенаторов, многие всадники тоже составляли свое благосостояние, приобретая землю. Но крупное землевладение было не единственной сферой их деятельности.

На всадников не распространялось запрещение заниматься торговлей и финансовыми операциями, а богатство давало им возможность обратиться к этим сферам экономики. Некоторые всадники стали заниматься ростовщичеством, многие занялись различными финансовыми операциями. В провинциях всадники брали на откуп различные налоги и подати. В Риме в то время не существовало специального налогового аппарата, и налоги сдавались на откуп, чем и пользовались всадники. Они также арендовали в провинциях земли, принадлежавшие государству, особенно рудники. Правда, часто бывало, что отдельным всадникам не хватало начального капитала, и тогда они объединялись в компании, совместно занимавшиеся разработкой рудников или откупами. Известно довольно много таких всаднических компаний, например «Компания Серебряной горы» в Испании. Все это приносило всадникам огромные богатства.

Хотя всадники все больше богатели, подавляющее большинство их так и не получило доступ в узкую группу правящей олигархии. И чем больше они богатели, тем больше завидовали сенаторам. В руках последних находилось не только политическое руководство римским обществом, но и огромная власть в провинциях. А именно провинции являлись основным полем деятельности всадников, и для них делом жизни становилась необходимость хоть как-то контролировать сенаторских провинциальных наместников. В руках сената находился суд. Не только преторы (должностные лица, осуществлявшие судебную власть) избирались из числа сенаторов, но и судебные комиссии, в которых собственно и разбирались дела, состояли исключительно из сенаторов. И всадники стали претендовать именно на представительство в судебных комиссиях, видя в них важнейший рычаг реальной власти.

Таким образом, римский гражданский коллектив раздирали серьезные противоречия. Крестьяне ненавидели крупных землевладельцев, всадники — сенаторов, сенаторскую олигархию раздирала внутренняя борьба. Эти противоречия становились сильнее внутренних связей и

грозили полным распадом римской *civitas*. Перед нами принципиально то же явление, какое определяло историю Греции IV в. до н. э., т. е. кризис полиса. Но была одна чрезвычайно важная особенность, которая резко отличала римский кризис от греческого. Рим стоял во главе огромной державы и претендовал на ее расширение вплоть до границ вселенной. Нарастающий кризис грозил самому существованию этой державы. Да и внутри нее все яснее вырастали свои противоречия.

Под властью Рима находилась Италия. В ходе подчинения Италии римляне активно проводили политику «разделяй и властвуй». Часть побежденных получила римское гражданство, но их города сохраняли внутреннее самоуправление, став муниципиями. Другие обрели римские экономические права, но не имели прав политических; это были «общины без права голосования». Большинство же италиков считались «союзниками римского народа» и не имели римского гражданства вовсе. Они тоже были неоднородны. Высшую категорию союзников составляли латины; лица, которые занимали в их общинах руководящие должности, в случае переезда в Рим автоматически получали римское гражданство. Но большая часть были обычными союзниками, заключившими с Римом неравный договор, который гарантировал им внутреннюю автономию при условии исполнения ими своих обязанностей по отношению к Риму. При этом союзники теряли часть земли, а если им какие-то земли возвращали, то за возвращенную они платили арендную плату. Обычных налогов союзники не платили, но они были обязаны участвовать во всех войнах, которые вел Рим без всякого их согласия. Они не имели права вступать ни в какие сношения с другими городами и государствами. В реальности и их внутреннее самоуправление контролировалось римскими властями, порой довольно жестко. В отличие от латинов эти союзники, даже их высший слой, при переселении в Рим никаких прав не получали. Предоставление союзникам римского или латинского гражданства было возможно только в виде награды за те или иные услуги римскому народу и строго персонально. Самый низ сложной пирамиды, какую представляла собой Италия, занимали «подданные». Это были те общины и племена, которые вообще никаких договоров с Римом не заключали, а сдавались без всяких условий «на милость и немилость римского народа». Они были почти полностью лишены самоуправления, подчинены власти римских должностных лиц, обладавших на их территории «империем», т. е. военной властью, члены этих общин были лишены права носить оружие и должны были платить римлянам подати.

Прогрессирующее обезземеление крестьянства охватывало не только римское, но и италийское общество. И если крестьяне, бывшие рим-

скими гражданами, могли найти выход и, переселившись в город и став клиентами, жить за счет своего гражданского статуса, то италики такой возможности не имели. Италия долго не могла оправиться от последствий продолжительной и чрезвычайно разорительной войны с Ганнибалом. Политика конфискации италийских земель, характерная для периода подчинения Италии, продолжалась, хотя и в меньшем масштабе, и во II в. до н. э. Так, уже в год окончания войны с Карфагеном значительные земли в италийских областях Самнии и Апулии были распределены среди ветеранов римской армии, победившей Ганнибала. В тот же Самний римские власти переселили часть побежденных лигуров. Это обуславливалось как продолжением политики «разделяй и властвуй», так и стремлением решить аграрный вопрос за счет италиков. Такая политика пользовалась поддержкой римского плебса и вызывала страх и недовольство италиков.

И экономические процессы, и подчиненное положение италиков усиливали обезземеление италийского крестьянства. Его вытесняли рабовладельческие хозяйства, так что римский народ был даже напуган, что Италия больше не даст ему союзников для новых войн. И сами союзники подчеркивали это обстоятельство. Например, в 177 г. до н. э. и латинские граждане, и самниты жаловались римскому сенату, что их города так обезлюдели, что они уже не могут дать Риму нужного числа воинов. Как и крестьяне из числа римских граждан, италийские земледельцы тоже покидали деревню и переселялись либо в италийские города, либо в провинции, особенно в те, которые по своим природным условиям напоминали привычную им Италию — Цизальпинскую Галлию и Дальнюю Испанию. У себя на родине италики рассматривались как люди «второго сорта», а в провинциях на них смотрели как на представителей господствующего народа, и римские власти видели в них свою опору независимо от наличия или отсутствия у них гражданского статуса.

И все же основная часть италиков оставалась в Италии. Экономические процессы вели ко все более усиливающемуся разложению италийского общества. При общем обнищании основного земледельческого населения верхушка общества богатели. Италийские ремесленники завоевывали рынок всей республики своими изделиями, особенно керамикой. Италийские «деловые люди» распространили свои операции на все Средиземноморье. Италийское вино вывозилось далеко за пределы Апеннинского полуострова. Богатеющие ремесленники и торговцы особенно остро ощущали свое неравноправие по сравнению с менее удачливыми римскими коллегами, которые уступали им во всем, кроме гражданского статуса и умения им пользоваться.

Очень важно было то, что италики наряду с римлянами, как уже говорилось, участвовали во всех войнах. И если римские граждане, терпя лишения и страдания, теряя своих друзей и родственников, все же получали от войн и определенные выгоды, то италики таких выгод не имели. Конечно, во время войн италийские солдаты, как и римские, обогащались в результате грабежа и мародерства. Но долгосрочных выгод от войн они не имели. Римляне сражались за свое государство, италики — за своих порабитителей.

В то же время совсем отпадать от Рима италики не хотели. Участвуя в войнах, италийские солдаты волей-неволей проникались общеримским духом. Эмиграция в провинции была делом трудным, и на нее решались далеко не все. Но все же само существование римских провинций давало им возможность повысить свой реальный статус, хотя бы и вдаль от родины. Италийские ремесленники и торговцы не желали терять общеримский рынок. Во II в. до н. э. изменился характер италийского населения. Все более распространялся латинский язык, и он практически вытеснил местные языки, хотя и приобрел ряд диалектных черт. Насильственное и ненасильственное перемешивание населения привело к постепенной утрате собственного этнического характера населения Италии. Италики все больше чувствовали себя частью единого итало-римского народа, но частью неравноправной и ущемленной. И они требовали не отделения от Рима, а равноправия с римлянами, римского гражданства.

Эти требования, однако, вызывали острую реакцию римлян. Благополучие «низов» римских граждан жаждалось на их гражданском положении, и делиться им они ни с кем не хотели. Римские крестьяне, разоряясь, мечтали о земле, а получить эту землю легче всего было за счет италиков. Уезжать в провинции римские крестьяне, в отличие от италийских, не желали. Правящая олигархия привыкла рассматривать италиков как побежденных и в своем консерватизме не намерена была менять эту точку зрения. Всадничество боялось предприимчивых италийских конкурентов. Все это вело к обострению противоречий между римским гражданским коллективом и его италийскими «союзниками».

В еще более худшем, чем италики, положении находились жители провинций. На завоеванных территориях имелись некоторые города, которые официально считались «союзными» или «свободными», они не входили непосредственно в состав провинций, но реально вся их жизнь находилась под жестким контролем провинциальных властей. Основная же часть захваченных стран была «римской землей». Оставшиеся на этой земле жители были «подданными» и платили римлянам особый налог — стипендий, не говоря о прочих налогах и податях. Всем

в провинции распоряжался присланный из Рима наместник, который был либо бывшим консулом — проконсул, либо бывшим претором — пропретор. Он отвечал перед государством за сбор налогов и прочие выгоды государства, за внутреннюю безопасность, за защиту провинции от внешнего врага, творил суд и расправу на основании римского права. В его распоряжении находились войска и сравнительно небольшой штат помощников, с которыми он и осуществлял свои функции. Провинциалы не имели права не подчиняться наместнику, даже если тот творил прямой произвол, нарушая даже римские законы. Они могли только жаловаться на проконсула или пропретора римскому сенату, но так как наместники происходили из той же senatorской среды, сенат обычно вставал на защиту своего собрата. Поэтому провинциалы были вынуждены искать в Риме покровителей из числа тех деятелей, которых они знали и которые казались им относительно справедливыми. Они признавали их своими патронами, а себя — их клиентами. Провинциальная клиентела увеличивала политический вес такого деятеля. Цицерон называл провинции «имениями римского народа». И эту точку зрения разделяли практически все римляне. Соответственно и сами провинциалы рассматривались как «инвентарь» такого имения, чьим единственным назначением было обогащать и прославлять Рим. Сами провинции были, однако, разными. Уже к концу республиканской эпохи можно выделить две их основные группы: восточные и западные.

Восточные провинции были странами с древней цивилизацией, с уже давно сложившейся экономической, социальной и политической структурой, их культура даже в глазах победителей обладала ореолом глубочайшей древности и, следовательно, величайшего почтения. Римское завоевание не разрушило их социальные структуры. Но на них теперь еще наложились влиятельная прослойка римско-италийских эксплуататоров: римские солдаты, провинциальная администрация, римские и италийские купцы, ростовщики, откупщики, арендаторы. Местная государственность была ликвидирована, что привело к значительному, хотя и не полному (ибо на местах она еще сохранилась), оттеснению правящей аристократии от власти. Продолжительные разорительные войны нанесли страшный удар средиземноморской экономике. Многие города были разрушены, массы людей обращены в рабство. В значительной степени переместились направления экономических связей, старые налаженные контакты рухнули, а возникающие новые еще не могли полностью компенсировать утраты. Экономика восточных провинций все более ориентировалась на Рим. В политических целях римляне открыли свободный рынок на Делосе,

практически ликвидировав этим торговое преимущество Родоса, а в 146 г. до н. э. разрушили такой важный экономический центр Балканской Греции, как Коринф. Это тоже нанесло тяжелый удар экономике эллинистического мира.

Единственной сферой эллинистической жизни, которая не только не претерпела ущерба в результате римского завоевания, но даже получила определенные выгоды, была культура. Рим принял греческую культуру в ее эллинистическом облики. Греки стали модными в Риме. Греческие рабы-учителя покупались римскими богачами за бешеные деньги. Образованные римляне с удовольствием слушали греческих ораторов и философов, читали поэтов и прозаиков, драматургов и историков, воспринимали достижения эллинистической науки. Все это ложилось в фундамент римской культуры. Поэты и историки стали писать по-латыни, но на греческий лад. Позже Гораций ставил себе в величайшую заслугу, что он «приобщил песнь Эолии к итальянским стихам». Но и задолго до Горация римская поэзия создавалась по эллинистическим образцам. Даже своих богов римляне теперь приравнивали к греческим и греческие мифы воспринимали как свои. Тот же Гораций сказал, что «побежденная Греция взяла в плен своего дикого победителя». Греческий язык стал вторым родным языком всякого образованного римлянина. В провинциях даже римская администрация предпочитала пользоваться греческим языком, и этот язык не только не был вытеснен латынью, но даже расширил сферу своего применения.

Сами греки очень остро чувствовали несоответствие между своим культурным превосходством и политическим бессилием. В душе они по-прежнему смотрели на римлян как на «варваров» и компенсировали политическое и экономическое подчинение «варварам» презрением к ним. Чувство оскорбленной национальной гордости, вынужденность «низов» нести двойное бремя эксплуатации, причем эксплуатация со стороны победоносных чужеземцев ощущалась еще острее, оттеснение знати от управления обществом на высшем государственном уровне и необходимость подчинения чужакам — все это вызывало ненависть к римлянам. Однако экономический упадок был слишком глубок, политическое бессилие было слишком велико, противоречия между «верхами» и «низами» общества были слишком значительными, чтобы подчиненные греки и другие народы эллинистического Востока могли открыто и самостоятельно выступить против Рима, и ненависть к нему выливалась обычно во время войн, когда значительные массы восточно-средиземноморского населения либо активно, либо пассивно поддерживали врагов Рима.

Близким было положение в Африке, на территории бывшей Карфагенской республики. Там тоже существовала старинная цивилизация, и культурный уровень местного населения был довольно высок. Но карфагеняне так долго рассматривались как заклятые враги и страх перед ними был столь велик, что воспринять карфагенскую культуру римляне никак не могли. К тому же в Африке рознь между финикийскими колонистами, основавшими в свое время Карфаген и ряд других городов и господствовавшими над соседями, и местным африканским населением была так велика, что ни о каком союзе между ними говорить не приходилось. Пользуясь этим, римляне активно внедрялись во все поры североафриканской жизни.

Совершенно иное положение сложилось в западных провинциях. Они стояли на более низком социальном и политическом уровне. Здесь имелись только сравнительно небольшие очаги раннегосударственных образований (не считая греческих и финикийских колоний). Основная масса местного населения жила еще в условиях родового строя, хотя и на довольно продвинутой его стадии. Аристократия по традиции воспринималась большинством населения как его естественная представительница. В социально-политическом отношении противоречия между «верхами» и «низами» были весьма незначительны. Это спланивало общество и увеличивало возможности его сопротивления. 123 года пришлось потратить римлянам на покорение Сардинии, 83 года — на подчинение Лигурии, 34 года сопротивлялись галлы, жившие по эту сторону Альп. 200 лет продолжалось завоевание Испании. В захваченные земли, особенно в Цизальпинскую Галлию и Дальнюю Испанию, хлынул, как об этом уже упоминалось, поток италийских иммигрантов. Они являлись опорой римской власти, им перепали плодородные земли и доходные рудники. Это, с одной стороны, привязывало провинции к Римской державе, но с другой — увеличивало недовольство местного населения. К этому надо добавить тяжелые налоги, разорение во время войн и карательных экспедиций, порабощение части населения, произвол римской администрации и италийских откупщиков. Все это создавало глобальную конфронтацию между Римом и провинциями западной части республики.

Таким образом, разные группы провинций находились в разном положении. Но общим было то, что все провинции являлись лишь полем для эксплуатации римлянами и италиками. Ни о какой интеграции провинций в единую Средиземноморскую державу говорить не приходилось. Захваченное римлянами Средиземноморье в то время было механическим, скрепленным лишь римским оружием соединением самых разнообразных стран и народов под властью Рима.

Итак, приблизительно в середине II в. до н. э. в римском обществе сложился целый клубок противоречий: между рабами и свободными, между крестьянами и крупными землевладельцами, между всадниками и сенаторами, между различными группировками самих сенаторов. Рост паразитической городской клиентелы и городской фамилии усиливал паразитизм римского общества и создавал — правда, еще не очень-то ощущаемое — противоречие между его трудовой и паразитической частями. Все это резко ослабляло государство, что особенно отчетливо стало проявляться в армии. Римская армия формировалась преимущественно из средних слоев населения, в основном крестьянства. И размывание этих слоев вело к ослаблению войска. Эта опасность стала столь велика, что наиболее дальновидные представители нобилитета готовы были предпринять необходимые меры для уменьшения противоречий, что неизбежно должно было вести к земельной реформе. Но любая такая попытка вызывала резкое неприятие основной части знати, что еще больше усиливало напряжение в обществе. С другой стороны, увеличение клиентелы, в том числе провинциальной, усиливало не столько знать в целом, сколько отдельные группировки и семьи нобилей, что имело своим неизбежным результатом усиление личного момента в римской политической жизни. Следствием было все более укореняющееся насилие, к какому прибегали противоборствующие политические группировки. Римское государство слабело, а отдельные фамилии и личности усиливались, и в общий клубок противоречий вплетались противоречия между римлянами и италиками и между римлянами и италиками, с одной стороны, и провинциалами — с другой. Римская республика вступила в полосу жесточайшего кризиса, из которого выйти восстановлением старых добрых нравов было уже невозможно.

Кризис взорвался в середине 30-х гг. II в. до н. э. мощным восстанием рабов в Сицилии и началом демократического движения в Риме. В упорной борьбе римляне жестоко подавили восстание. Ни положение рабов, ни отношение рабовладельцев к своим «говорящим орудиям» не изменились. Сложнее было положение в Риме.

Одним из самых известных кружков в Риме был кружок, сформировавшийся вокруг Публия Корнелия Сципиона Эмилиана. Там обсуждали самые разные вопросы, в том числе и политические. И именно в этом кружке серьезно обеспокоились судьбой римского крестьянства. Прежде всего, конечно, Эмилиана и его друзей волновала проблема армии, ибо, как уже говорилось, ослабление среднего крестьянства вело и к ослаблению римской армии. Но это было, как им казалось, лишь частью более общей проблемы. Великий греческий историк Полибий,

входивший в кружок Сципиона, утверждал, что причиной установления фактической власти римлян над Средиземноморьем была особенность их государственного строя, в котором гармонично сосуществуют и взаимодействуют элементы демократии, аристократии и монархии. По существу это был перевод на теоретический язык эллинской философии некоторых основных принципов римского самосознания, особенно дорогих Сципиону Эмилиану и его друзьям.

Среди ценностей римского общества очень большое место занимала свобода (*libertas*), присущая римскому народу, которая наряду с другими качествами римлян и божественным покровительством обеспечивала им власть над миром. Свобода была тесно связана с согласием (*concordia*), под которым подразумевалась совместная деятельность всех сословий и граждан Рима, их единодушие в укреплении величия государства. Воплощением согласия являлась гармония сената и народа во всей деятельности. Отсюда и официальная формула «народ и сенат римский». Народ и сенат воспринимались в некоем единстве, которое и обеспечивало победу во внешних делах и свободу во внутренних. Нарушение этого согласия в пользу какой-либо группировки, сословия или отдельного лица ведет к нарушению свободы и установлению царства (*regnum*), или тирании. Чрезмерное обогащение отдельных сенаторов и разорение крестьян как раз и вело к нарушению «согласия сословий», представляя, таким образом, прямую угрозу величию римского народа.

Один из членов кружка Гай Лелий попытался даже выразить озабоченность сложившимся положением в законопроекте, улучшавшем положение крестьян. Возможно, он предлагал восстановить старинный закон Лициния—Секстия, согласно которому никто не мог иметь на «общественном поле», официально принадлежавшем всему Риму, земли больше 500 югеров, т. е. 125 га. Этот закон не был отменен, но уже давно не выполнялся. Именно на «общественном поле» находились и имения богачей, в своей совокупности намного превышавшие законный лимит, и мелкие участки крестьян, терявших и эти земли. Сенат, однако, воспротивился предложению Лелия, и тот взял его назад, не желая ссориться с сенатом, ибо такая ссора явно нарушала равновесие в обществе. Однако другой член кружка — шурин Сципиона Тиберий Семпроний Гракх — решился на ссору.

Став народным трибуном 133 г. до н. э., Гракх выдвинул аграрный законопроект, повторяющий забытый закон Лициния—Секстия, но идущий дальше: освободившуюся землю предлагалось участками по 30 югеров (7,5 га) бесплатно раздать беднякам в наследственное владение без права продажи и другого какого-либо отчуждения, а для проведения в жизнь закона надо было создать комиссию из трех человек. Се-

нат, естественно, этому законопроекту резко воспротивился, и Гракх обратился к народу, который его активно поддержал. Попытка другого трибуна — Марка Октавия — воспротивиться законопроекту закончилась его досрочным отрешением от должности. Закон был принят, а в комиссию были избраны сам Тиберий, его брат Гай и тесть Аппий Клавдий. Когда сенат фактически отказался финансировать работу комиссии, Гракх провел еще один закон, по которому доходы от Пергамского царства, которое именно в этом году перешло к Риму, должны были пойти на нужды аграрной комиссии. Многие акты Тиберия Гракха резко рвали со всеми римскими традициями. Вопреки обыкновению он сосредоточил в своих руках несколько должностей, добился отрешения от должности другого трибуна, вмешался в финансовые прерогативы сената. И наконец он попытался переизбраться на следующий год. Все это вело к полному разрушению «согласия сословий» в пользу народа. И это сплотило сенаторов, которые, за немногими исключениями, решительно выступили против Гракха. От него отвернулись и его старые друзья, и даже родственники. Спротивление трибуну возглавил его двоюродный брат по матери Публий Корнелий Сципион Назика. Когда распространился слух, что Тиберий требует себе царский венец, именно Назика возглавил толпу сенаторов, которые убили Тиберия Гракха, а находившийся в далекой Испании Сципион Эмилиан, узнав о гибели шурина, процитировал стих Гомера: «Так да погибнет каждый, задумавший дело такое».

Однако законы Гракха отменены не были и продолжали действовать. Но скоро стало ясно, что без привлечения земель италийских союзников решить аграрный вопрос не удастся. Почувствовав эту угрозу, италики обратились за помощью к Эмилиану, и он встал на их защиту. Но в 129 г. до н. э. Эмилиан неожиданно умер. Распространились слухи, что его отравили гракханцы, а может быть, даже и жена, сестра погибшего Тиберия. Но дело замяли, так как народ боялся, что слухи могут подтвердиться.

Через десять лет во главе демократического движения встал брат Тиберия Гай. В 123 г. до н. э. он провел ряд законов, направленных против сената. Аграрный закон являлся, по-видимому, новой редакцией закона Тиберия, и по нему, как кажется, возобновлялась угасшая было деятельность аграрной комиссии, в которую по-прежнему входил сам Гай Гракх. По другому закону ограничивалась военная служба крестьян, а воинов государство должно было снабжать не только оружием, как было до этого, но и одеждой. В интересах городского плебса Гай провел закон, устанавливавший твердую цену на хлеб. Идя навстречу интересам всадников, Гай настоял на принятии закона, согласно которому на

бывшее Пергамское царство, ставшее теперь провинцией Азией, была распространена римская откупная система, а откупа сдавались на аукционе в самом Риме. Объединив вокруг себя все силы, оппозиционные сенату, Гай добился своего переизбрания и на следующий год. А первым мероприятием нового трибунского года стало принятие по инициативе Гая закона, по которому судебные комиссии фактически передавались всадникам. Сам трибун оценил значение этого закона так: «Я одним ударом уничтожил сенат».

Чтобы уменьшить популярность Гая и не допустить его избрания еще и на третий срок, его противники выдвинули его коллегу Марка Ливия Друза, который, памятуя об опыте Октавия, открыто против Гракха не выступал, а предлагал народу законопроекты, по форме еще более радикальные и нравящиеся толпе, но практически неисполнимые. И он добился своей цели. Авторитет Гая падал, и на выборах трибуна на 121 г. он потерпел поражение. А вскоре в Риме развернулись настоящие уличные бои, в ходе которых гракханцы потерпели поражения и сам Гай был убит.

Разгром гракханцев означал поражение римской демократии. Но вернуться к прежнему положению было невозможно. Продолжал действовать аграрный закон, действенность которого, однако, через несколько лет была подорвана приравнением участков, полученных по этому закону, к частной собственности, что открывало путь к их скупке крупными землевладельцами. Как и предлагал в свое время Гай Гракх, римское правительство стало выводить колонии в провинции. А главное, суд так и остался в руках всадников. В результате они практически вошли в правящий слой государства. Но это его не усилило, ибо две группы — сенаторы и всадники — охраняли свои интересы, во многом противоречащие друг другу. Не только не исчезло, но еще более усилилось соперничество внутри знати. Временно объединившись для борьбы с общим врагом, отдельные олигархические группировки снова и даже с еще большей силой принялись бороться между собой. Следствием всего этого стал новый этап кризиса Римской республики.

В 112 г. до н. э. началась война Рима с нумидийским царем Югуртой. Римляне долго не могли справиться с ним, и в народе росла уверенность, что это происходит из-за бездарности и коррумпированности сенаторских полководцев. И консулом на 107 г. до н. э. со специальным поручением вести войну с Югуртой был избран «новый человек» Гай Марий. В целом успех в войне был на стороне римлян, но добиться решающей победы не смог и Марий. Тем не менее римляне регулярно продлевали ему командование, и, наконец, в 105 г. до н. э. мавританский царь Бокх, во владения которого бежал Югурта, выдал

того римлянам, на чем война и завершилась. В январе 104 г. до н. э. Марий, заочно избранный консулом на этот год, справил триумф. Победа над Югуртой вызвала энтузиазм народной массы. Война, проигрываемая аристократическими полководцами не столько из-за слабости войска, сколько из-за алчности подкупаемых полководцев, была блестяще выиграна человеком, ставшим консулом и полководцем только благодаря своим заслугам, а не знатному происхождению. После этой победы Марий надолго стал любимцем римлян.

Приблизительно в то же время римлянам пришлось впервые столкнуться с германскими племенами. Это были кимвры и тевтоны, которые перешли Рейн и затем вторглись в римскую провинцию Трансальпийскую Галлию. Римская армия, возглавляемая обоими консулами Квинтом Сервилием Цепионом и Гнеем Маллием Максимом, была наголову разгромлена около города Араузиона. И это страшно напугало римлян. Консулом заочно (что в то время случалось очень редко) был избран Марий, еще воевавший в то время в Африке. Понимая все трудности борьбы, Марий начал прежде всего тренировать свою армию, изматывая ее бесконечными походами и физическим трудом. Солдаты роптали, но Марий был непреклонен. А доверие народа к нему было столь велико, что, несмотря на длительное, казалось бы, бездействие, его дважды избирали консулом — на 103 и 102 гг. до н. э. А в 102 г. до н. э. в ожесточенном сражении около города Аквы Секстии армия Мария наголову разгромила тевтонов, уничтожив практически все это племя. Но в это же время кимвры, обойдя Альпы, с северо-востока вторглись в Цизальпийскую Галлию, откуда открывался прямой путь в Италию и на Рим. Коллега Мария Квинт Лутаций Катул был разбит, но сумел добиться заключения годичного перемирия. Марий с торжеством вернулся в Рим, но от триумфа отказался до тех пор, пока оставались непобежденные враги. Он добился своего избрания на 101 г. до н. э., а затем направился в Цизальпийскую Галлию, где армией продолжал командовать Катул в ранге проконсула. И в 101 г. до н. э. Марий и Катул полностью разбили кимвров. Страшная опасность, нависшая над Италией, была устранена. Марий и Катул справили великолепный триумф, а авторитет Мария в Риме стал неоспоримым.

Во время войн в Африке и Галлии Марий провел ряд мероприятий, которые привели к коренным изменениям в римской армии. Они касались разных сторон воинской жизни, но главным стал новый принцип формирования войска. До сих пор римская армия формировалась преимущественно из средних слоев населения, главным образом крестьян. И резкое сокращение этих слоев ставило перед римскими политиками неразрешимые задачи. Марий решил пойти по другому пути. Он

не стал набирать войско в соответствии с имущественным цензом, как это было принято, а начал вербовать добровольцев. И это были в основном люди, стоявшие вне ценза, т. е. бедняки, которые ранее к военной службе не привлекались. Не имея никаких или почти никаких средств существования, эти люди получали в армии возможность сравнительно благополучной жизни, разумеется, под вечным страхом гибели в бою. И это создавало совершенно новые отношения между воинами и полководцем. Последний выступал в какой-то степени как патрон своих солдат, а те — как его клиенты.

Еще важнее было другое. Земля оставалась вожаделенной мечтой большинства римлян. Это целиком относилось и к солдатам, тем более что многие из них происходили из разорившихся крестьян. И полководец, будучи как бы патроном солдат, принимал на себя обязательства (по крайней мере моральные) обеспечить землей ветеранов, т. е. бывших воинов, уволенных в отставку после окончания войны. И ни от кого другого солдаты получить столь желанную землю фактически не могли. Военно-аграрный вопрос переворачивался: теперь надо было не воссоздавать крестьян, чтобы из них набирать воинов, а давать землю ветеранам, превращая в крестьян бывших воинов. Во время службы солдаты жили и умирали вместе, они жили в одном лагере, ели одну пищу, вместе рисковали жизнью, причем часто только взаимопомощь и могла ее спасти, повиновались одному полководцу, надеялись на него, от него ждали награды и землю. Это создавало особую корпоративную мораль, и даже ветераны представляли собой сплоченную и организованную силу, с которой трудно было сравниться неорганизованным группам клиентов знатных лиц. Армия, даже в лице отслуживших ветеранов, превращалась в значительный фактор политической жизни. Опираясь на него, честолюбивый полководец мог эффективно проводить свои чаяния в жизнь. И постепенно именно полководцы выходят на первый план в политической жизни Римской республики. А это усилило личностный аспект всей римской политики. С другой стороны, вовлечение армии (пока еще в виде ветеранов) в политическую борьбу резко повышало уровень насилия в ней.

Последнее обстоятельство проявилось уже в ходе политических столкновений в конце II в. до н. э. Как и в 30-х гг. этого века, второй этап кризиса республики проявился в одновременном восстании рабов в той же Сицилии и новым подъемом демократического движения в Риме. Сицилийское восстание вспыхнуло в 104 г. до н. э. и было окончательно подавлено только в 99 г. А в Риме почвой для нового обострения политической борьбы стало растущее недоверие основной массы населения к сенаторской олигархии, в среду которой глубоко проник-

ла коррупция. Именно на волне этого недоверия и пришел впервые к власти Гай Марий. «Новый человек», он оказался гораздо более способным, чем его аристократические предшественники. Он не только разгромил нумидийского царя, но и спас Рим от германцев. За последние восемь лет II в. до н. э. Марий шесть раз избирался консулом, причем со 104 по 100 г. подряд. Можно говорить, что все эти годы были временем бесспорного первенства Мария в политической жизни Рима. И римская демократия пошла на союз с ним.

Лидером демократов в это время стал Люций Аппулей Сатурнин. Будучи народным трибуном 103 г. до н. э., он фактически и заключил союз с Марием. Его первым предложением стал законопроект о наделении земель ветеранов Мария, воевавших в Нумидии. Законопроект прошел в обстановке насилия, в ходе которого другой трибун был просто закидан камнями. Затем Сатурнин провел закон о «нарушении величия римского народа», согласно которому можно было привлечь к суду и наказать вплоть до смертной казни любого человека, нанесшего ущерб этому величию, под которым подразумевалось все что угодно — от проигранного сражения до оскорбления народной толпы. Сатурнина активно поддержал Марий на консульских выборах на 102 г. до н. э.

В 101 г. до н. э. Марий выдвигался в консулы в шестой раз, Сатурнин в трибуны во второй раз, а его друг Гай Сервилий Главция в преторы тоже вторично. Избирательная кампания отличалась применением насилия. И голосами, или скорее кулаками, марианских ветеранов все трое были избраны. После этого Сатурнин вновь проводит ряд законов, в том числе аграрный, по которому все ветераны галльской войны Мария, включая не только римлян, но и италиков, получали землю, хлебный, который снижал цену на хлеб почти до символической цифры, и некоторые другие. И принятие всех законов сопровождалось ожесточенными схватками и на форуме, и на улицах Рима.

На 100 г. до н. э. Сатурнин снова был избран народным трибуном. Главция же был выдвинут кандидатом в консулы. Во время консульских выборов один из кандидатов, соперник Главции, был убит. Этот неприкрытый акт насилия переполнил чашу терпения противников Сатурнина. В результате невероятного шума народное собрание было распущено и выборы сорваны. Сенаторская пропаганда еще больше подогревала недовольство трибуном. Ему и его сторонникам грозили расправой. В ответ последние заняли Капитолий, а лидеры сената потребовали от консулов принять меры для сохранения власти и величия римского народа. И Марий подчинился этому требованию, предав сво-

их недавних союзников. Именно он вооруженной силой подавил движение Сатурнина. И в скором времени аристократическая молодежь без всякого суда убила взятых в плен Сатурнина и его сторонников.

Демократическое движение в Риме снова потерпело поражение. Законы Сатурнина отменены не были, но обстановка в городе резко изменилась. Марий, одними ненавидимый за измену, а другими подозреваемый в неискренности, под предлогом выполнения обета на время покинул Рим. Сенат праздновал победу. Но эта победа не означала возвращения к сравнительно недавним временам.

Непосредственной причиной поражения римских демократов была измена Мария. И этот факт ясно показал, что собственных сил у демократии было слишком мало. Только союз с армией (в лице пока еще ее ветеранов) и популярного полководца мог дать какие-то плоды. Это привело к ориентированию демократических сил именно на армию. Соответственно изменились и приоритеты: место крестьянского вопроса занял ветеранский. Увеличилась поляризация политических сил. Может быть, именно с этого времени можно говорить о римских политических «партиях». Речь, конечно, не идет о политических организациях с членской массой, центральным и региональным руководством, органами массовой информации и т. п. Это скорее направления политического действия и политической мысли.

Одни политики были популярными (от слова *populus* — народ). Для достижения своих политических целей, как правило чисто эгоистических, они опирались на народ и использовали народные собрания. Поэтому хотели популярны или нет, они должны были использовать демократические лозунги и проводить те или иные законы в интересах широких кругов населения, особенно аграрные и хлебные. Поэтому создавалось впечатление, что они действуют в духе Гракхов и Сатурнина.

Оптиматы (от слова *optimus* — лучший, т. е. аристократ) в своей деятельности опирались на сенат. В их число входили и честолюбцы, расчитывавшие, что авторитет сената будет лучше способствовать достижению их целей, и искренние сторонники существующего режима. Последние отождествляли существующий порядок со свободой и рассматривали любое покушение на господство сенаторской олигархии как урон для самой свободы римского народа. Именно в их среде особенно активно продолжала циркулировать идея «согласия сословий», ибо она обеспечивала фактическое преобладание в политической жизни сенаторского сословия.

Появление этих двух «партий» не означало прекращения соперничества отдельных аристократических группировок, опирающихся на родственные и дружеские связи и на своих клиентов. Но оно в какой-то

1. ПУТЬ К ГИБЕЛИ

степени «организовывало» это соперничество, заставляя те или иные факции действовать в популярском или оптиматском направлении. И естественно, что связи между группировками внутри одной «партии» оказывались более тесными, чем между теми, кто относился к разным «партиям» или нейтралам. Это обстоятельство наложило свой отпечаток на римскую политическую жизнь.

Другое важное обстоятельство, во многом определившее ход политической борьбы, — возрастающая роль армии. А это привело к усилению напряженности и повышению уровня насилия. В разгоревшейся ожесточенной борьбе уже ничто не спасало от насилия и даже убийства — ни алтари богов, ни право гражданина апеллировать к народу в случае смертного приговора (убивали без приговора), ни неприкосновенность должностных лиц, в том числе народных трибунов, чья личность была по закону священна и неприкосновенна. Внесение в политическую жизнь военных методов создавало обстановку психологической неустойчивости среди гражданского населения и вело к кризису моральных ценностей римского общества. Римская республика заходила в тупик, и общество лихорадочно искало выход из него. Некоторым казалось, что таким выходом станет возрождение «старых добрых нравов», и в первую очередь восстановление гражданского согласия. Этот путь избрал Марк Ливий Друз.

II. НЕУДАЧЛИВЫЙ СОГЛАШАТЕЛЬ (МАРК ЛИВИЙ ДРУЗ)

Среди самых знатных плебейских родов Рима был и род Ливиев. Еще в IV в. до н. э., когда римляне вели упорные войны с галлами, обосновавшимися по эту сторону Альп (в Цизальпинской Галлии и несколько южнее ее), один из Ливиев победил галльского вождя Дравза и в честь этой победы взял в качестве своего прозвища (когномена) это имя, которое было слегка переделано на латинский манер. С тех пор оно сохранялось в одной из ветвей рода Ливиев. Впрочем, непосредственной кровной связи с этим первым Друзом герой нашего очерка не имел. По крови он происходил из не менее знатного, но патрицианского рода Эмилиев. В 216 г. до н. э. в битве с Ганнибалом при Каннах погиб римский консул Люций Эмилий Павел. Один из его сыновей позже прославился своими победами в Испании и Греции. Но по каким-то причинам другой его сын около 200 г. до н. э. был усыновлен бывшим коллегой Павла по консульству 219 г. до н. э. Марком Ливием Салинатором и, как было положено в Риме, получил новое имя — Марк Ливий Эмилиан. Это был первый известный нам случай, когда путем усыновления патриций переходил в плебеи. Одним из сыновей Эмилиана был Гай Ливий, принявший старинный когномен «Друз».

Оба рода — и Ливии, и Эмилии — относились к самым «сливкам» римской знати. Поэтому неудивительно, что Ливии Друзы уже своим рождением были предназначены для успешной карьеры. Гай Ливий Друз, сын Эмилиана, в 150 г. до н. э. был претором, а в 147-м — консулом, причем его коллегой был его двоюродный брат Публий Корнелий Сципион Эмилиан, как и он, внук консула, павшего при Каннах, усыновленный в семейство Корнелиев Сципионов. В это время римляне вели последнюю войну с Карфагеном, которая вопреки ожиданиям протекала тяжело; хотя она фактически свелась к осаде самого Карфагена, взять этот город римляне долго не могли. К этому времени Эмилиан уже прославился в войне, и поэтому Друз без всякого жребия

(как это было принято при распределении руководства армиями между консулами) уступил командование в Африке Эмилиану, который в следующем году и завершил осаду, разрушив Карфаген, за что получил почетное прозвище Африканский, как и его дед через усыновление, победитель Ганнибала. У консула было по крайней мере два сына, старший из которых в соответствии с римским обычаем носил то же личное имя, что и отец, — Гай. Но он был слеп, и это поставило крест на его политической карьере. Зато Гай Друз получил превосходное образование и считался хорошим юристом, хотя, разумеется, из-за своего физического недостатка был не практиком, а теоретиком, автором ряда юридических трудов, а также учителем будущих правоведов. К нему не раз обращались за советом и практикующие юристы, и политические деятели.

Второй сын консула получил имя Марк. Он очень скоро выдвинулся как прекрасный оратор и был избран народным трибуном 122 г. до н. э., став таким образом одним из коллег Гая Гракха. В развернувшейся острой политической борьбе того времени он выступил решительным противником Гракха. Видимо, еще до избрания он был выдвинут антигракхскими силами в трибуны именно для противодействия Гаю. Как уже говорилось, Друз (его обычно называют Друзом старшим) не выступал открыто против предложений своего коллеги, а противопоставлял им свои, на вид более радикальные и более нравящиеся народу, дабы подорвать авторитет Гая Гракха, чего он в конце концов и добился. В популярной, учебной и даже порой в научной литературе Друза старшего обычно изображают как наймита сенатской олигархии, ее орудие в борьбе с демократическими силами римского общества. Но все было сложнее. Друз был одним из самых богатых людей Рима, и мероприятия Гракха задевали и его самого, хотя внешне ни одно его предложение не имело личной выгоды. Однако имелись и идеологические, и фракционные причины вражды Друза и Гракха. Друз старший женился на Корнелии. К сожалению, точно не известно, к какой ветви рода Корнелиев принадлежала его жена, но в любом случае он становился родственником Сципиона Эмилиана, который к тому же по крови был его двоюродным дядей. Не лишено оснований предположение, что в молодости он был членом кружка Эмилиана или просто близок к нему, разделяя его взгляды. А Эмилиан и его друзья, как об этом уже говорилось, решительно выступили еще против Тиберия Гракха, видя в его деятельности явное покушение на согласие сословий и, следовательно, на сами основы римского правопорядка и свободы. Хотя мать братьев Гракхов тоже была Корнелия (разумеется, другая), но все Сципионы оказались в лагере врагов Гракхов. И для Друза принадлежность к этому ла-

герю была естественной. Характерно, что народ относился к Друзу старшему совершенно иначе, чем к другим врагам Гракха. В то время как оправившись после поражения Гракха, римская демократия стала тем или иным образом преследовать явных врагов погибшего трибуна, в том числе консула Опимия, непосредственного виновника гибели Гая Гракха, на Ливия Друза эти преследования не распространялись. Более того, после трибуната он продолжил свою политическую карьеру.

Сенат был горячо благодарен Друзу за его непреклонную защиту сенатских интересов и даже присвоил ему почетный титул «защитника сената». В 115 г. до н. э. Друз был городским претором и прославился правовыми актами. Видимо, как и его брат, он был весьма сведущ в римском праве (в частности, он установил, что если отпущенник не дает клятву выполнять обязательства по отношению к своему бывшему хозяину, ставшему теперь его патроном, то он может снова быть обращен в рабство). А через три года он стал уже консулом. В это время серьезное положение сложилось в римской провинции Македонии, которой угрожали фракийцы и кельтское племя скордисков. Друз успешно воевал с этими племенами, и его командование было продлено на следующий год. Фракийцев отбросили, и они были вынуждены согласиться не переходить Дунай; ряд поражений потерпели и скордиски. Война с ними не была закончена, когда в 110 г. до н. э. Друз сдал командование консулу этого года Марку Минцию Руфу, но по возвращении в Рим он получил триумф именно за победу над скордисками. В 109 г. до н. э. вместе с Марком Эмилием Скавром Друз старший был избран цензором. Цензура, т. е. должность цензора, не имела большого политического значения, но она считалась вершиной карьеры римского гражданина, и этой вершины Друз достиг. Однако долго наслаждаться этой должностью Друзу не довелось: двух цензоров избирали один раз в пять лет, но в своей должности они пребывали только полтора года, а оставшиеся три с половиной года цензоров в Риме не было. Про Друза старшего известно, что он умер в должности цензора, значит, смерть настигла его либо в первый же год цензуры, либо вскоре после этого.

Сын Друза старшего, тоже Марк, родился в 124 г. до н. э. Он, как отец и дядя, получил блестящее образование, смолоду отличался красноречием и честолюбием, но в то же время был очень слаб здоровьем; в частности, он страдал припадками эпилепсии. Когда отец умер, Марку было всего 15 лет. Он унаследовал огромное богатство, хорошо налаженные связи, особенно в сенаторских кругах, известность в народе, которую он еще увеличивал своей щедростью. Друз младший примкнул к очень интересному кругу представителей римской аристократии.

Видную роль в этом содружестве играл Квинт Цецилий Метелл, один из самых знаменитых полководцев и политиков Рима. Он командовал римской армией во время войны с Югуртой и был вынужден уступить командование Марию, хотя до этого одержал ряд побед. Ему было дано почетное прозвище Нумидийский, но это не смягчило горечи отрешения от командования армией в момент, когда казалось, что еще немного и окончательная победа будет достигнута. Метелл стал решительным врагом Мария и всех, кто был с ним связан. Сатурнин и Марий добились изгнания Метелла, но после поражения Сатурнина он с торжеством вернулся в Рим. Метелл отличался исключительной честностью, и даже тогда, когда народ был уверен в абсолютной продажности всей аристократии, на Метелла это обвинение не распространялось. В этот круг входил и его сын, тогда еще сравнительно молодой человек, но уже воевавший под началом отца против Югурты; в будущем он тоже станет видным политическим деятелем. После гибели Сатурнина и его сторонников именно он добился возвращения отца, за что получил прозвище Пий (Благочестивый).

К этому кругу принадлежал Марк Эмилий Скавр, к тому времени уже достаточно пожилой человек. Скавр прошел весь курс римских должностей. Он был претором, консулом, а в 109 г. до н. э. вместе с Друзом старшим его избрали цензором. В качестве цензора (а цензоры занимались еще и общественными дорогами) он провел знаменитую Эмилиеву дорогу вплоть до Генуи, которая в значительной степени служит до сих пор, и отремонтировал Мульвиев мост через Тибр. Кроме того, он был понтификом, т. е. жрецом Юпитера, а со 115 г. до н. э. — принципсом сената, т. е. первым сенатором, мнение которого всегда спрашивали первым при обсуждении любого вопроса. Скавр был убежденным оптиматом, решительным врагом популяров, противником всадничества и стремился к возвращению к догракханским временам. Поэтому он не раз становился жертвой судебных преследований, но, обладая ораторским даром, избегал обвинительных приговоров. Скавр был верным другом Друза старшего и перенес свою дружбу на сына.

В этот круг видных римлян входили отец и сын Катулы. Квинт Лутаций Катул был вместе с Марием консулом 102 г. до н. э., а в следующем году вместе с тем же Марием разгромил кимвров. Оба полководца приписывали себе честь решающей победы, но, хотя они оба получили триумф, народ единственным победителем считал своего любимца Мария. В войне против кимвров под начальством своего отца сражался и Катул младший.

Можно назвать и других видных аристократов, входивших в этот круг. Среди них были и знаменитые в то время ораторы, в том числе Гортензий и Люций Лициний Красс, который в будущем станет бли-

жайшим сторонником Друза, и поэт Архий. Все эти люди (кроме выходца из Сирии Архия) принадлежали к самым знатым римским родам, по своим политическим убеждениям были оптиматами, а некоторые из них, как Метелл Нумидийский или Катул старший, имели и личные причины занимать резко антидемократические позиции. И юный Друз стал своим в этом кругу ораторов, политиков, поэтов, что, конечно, было обусловлено положением его отца, но скоро он и сам выделился как весьма незаурядный человек. Входя в круг нобилей и оптиматов, Друз, естественно, проникся этими убеждениями, к которым его тянули и воспоминания об отце.

Ближайшим другом Друза был в это время Квинт Сервилий Цепион. Его отец потерпел жестокое поражение от германцев при Араузионе и позже стал объектом особой ненависти Сатурнина. Именно он был первой целью проведенного Сатурнином закона «об оскорблении величия римского народа» и осужден за это «оскорбление». В эти трудные для семьи Цепионов времена Друз проявил себя как верный друг. Юноши были, по-видимому, близки по возрасту, и около 104 г. до н. э. (Друзу было тогда 20 лет) они решили жениться на сестрах друг друга: Друз женился на Сервилии, а Цепион — на Ливии. Однако позже друзья поссорились. В 102 г. до н. э. после осуждения Цепиона старшего его имущество было выставлено на аукцион, его сын и Друз столкнулись из-за кольца. Мы не знаем, почему именно это кольцо положило начало отчуждению молодых людей, но это столкновение постепенно привело к непримиримой вражде, повлиявшей на судьбу Друза. Дело дошло до того, что Друз развелся с Сервилией, а свою сестру заставил уйти от Цепиона и позже выдал ее замуж за Марка Порция Катона, внука знаменитого цензора. Резкий разрыв между Друзом и Цепионом, отмеченный этим двойным разводом, произошел около 98 г. до н. э., т. е. брак и брата, и сестры продолжался всего четыре года. За это время Сервилия родила по крайней мере двух детей — дочь Сервилию и сына Квинта Цепиона (позже у нее появились и дети от Катона, за которого она вышла замуж в том же 98 г. до н. э., — один из них станет вождем римских республиканцев, и о нем речь пойдет ниже. Этот мальчик, который родился в 95 г. до н. э., в детстве был очень дружен со своим единоутробным братом Цепионом). По всей вероятности, Квинт Цепион был младше своей сестры и родился между 100 и 98 г. до н. э. Когда второй муж сестры умер, Друз, который так больше и не женился, взял ее с детьми от обоих браков к себе в дом, а когда вскоре Сервилия умерла, стал официальным опекуном и воспитателем племянников. Позже он усыновил сына Клавдия Пульхра, дав ему имя Марк Ливий Друз Клавдиан.

Опираясь на свои связи и славу отца, Друз довольно рано вступил на общественное поприще как убежденный оптимат. Его отец умер, скорее всего, еще в 109 г. до н. э. Это был трудный год для оптиматов. Народ был недоволен ходом войны с Югуртой и обвинял в неудачах аристократических полководцев. Народный трибун этого города Гай Мамилий Лиметан выступил инициатором судебных процессов против тех, кого считали тайными пособниками нумидийского царя. Все попытки знати противодействовать этому предложению провалились. При этом, пытаясь не допустить принятия предложения Лиметана, но-били пытались опереться на латинов и италиков, которые, хотя и не были римскими гражданами, играли, вероятно, все же значительную роль в Риме. Возможно, уже в это время в какой-то части римского нобилитета созрела мысль использовать стремление италиков к гражданству для восстановления своего господства. Тем не менее судебные процессы прошли и несколько видных граждан были осуждены на изгнание. Принимал ли непосредственное участие в этой политической борьбе юный Друз, неизвестно, но то, что он был возмущен действиями трибуна, едва ли вызывает сомнение, тем более что среди осужденных был Люций Кальпурний Бестия, который в 122 г. до н. э. был народным трибуном вместе с отцом Друза и, как и тот, решительно боролся с Гракхом. Это совместное пребывание в должности и совместная борьба, конечно же, должны были сблизить двух политиков. Можно думать, что среди прочих причин в основе возмущения Друза процессами были и личные.

Вскоре после этих событий Друз вступает в армию и становится военным трибуном, т. е. занимает офицерскую должность в легионе. Обычно их было шесть на легион, они могли командовать его тактическими подразделениями, но чаще служили офицерами штаба командира (легата) легиона. По происхождению это были всадники или молодые сенаторы, и они должны были иметь какой-то воинский опыт. Если Друз стал военным трибуном в 105 г. до н. э. (как обычно полагают), то ему было всего 19 лет и едва ли он имел за плечами такой опыт. Видимо, знатное происхождение позволило ему сразу же получить офицерский статус. В это время Рим вел войну с кимврами и тевтонами, но участвовал ли в ней Друз, мы не знаем. В любом случае военная служба Друза была непродолжительной: уже в следующем году он получил первую гражданскую должность — был избран в коллегию децемвиров, судящих споры о свободе. Это была довольно низкая должность, но она давала и известность, и опыт в практической юриспруденции. Стал Друз и понтификом. Понтифики — жрецы бога Юпитера. В Риме не существовало кастового жречества, и жрецом вполне мог быть человек, ко-

торый в то же время исполнял различные гражданские обязанности, например консула или диктатора. Жрецы объединялись в коллегии, и одной из самых почетных была коллегия понтификов. Избрание в нее Друза свидетельствовало о его значительном авторитете, по крайней мере в аристократических кругах. Когда это произошло, неизвестно. Конечно, чтобы занять в этой коллегии высокое положение, например верховного понтифика, нужно было, кроме всего прочего, достичь определенного возраста, но для младшего члена коллегии это было не обязательно. Известно, что Тиберий Гракх стал членом другой жреческой коллегии — авгуров, едва выйдя из детского возраста.

В конце 100 г. до н. э. Рим потрясли события, связанные с деятельностью Сатурнина и Главции. Дело дошло, как об этом уже говорилось, до вооруженной борьбы на улицах города. Сатурнин и его сторонники заняли Капитолий, а консулы собрали какие могли силы и осадили их. Осаждающих было немного, и консулы, одним из которых был Марий, были вынуждены обратиться с призывом к гражданам взяться за оружие. Это стало прекрасным поводом для аристократов открыто сразиться со своими демократическими противниками. Среди тех, кто горячо откликнулся на призыв консулов, был и двадцатичетырехлетний Друз. Он принял самое активное участие в вооруженной борьбе против Сатурнина.

На этом карьере Друза не закончилась. Он был избран квестором. Квесторов в это время было несколько, и занимались они различными, преимущественно хозяйственными, делами. Некоторые квесторы были провинциальными, т. е. их направляли в какую-либо провинцию в помощь наместнику, и квестор фактически становился его правой рукой, занимаясь в основном финансами и другими подобными делами. Позже диктатор Сулла введет закон, по которому минимальным возрастом для квестора будет 30 лет. Но в рассматриваемое время этого ограничения не было: Тиберий Гракх был избран провинциальным квестором в возрасте 25 лет, а его брат Гай — 27. Друзу 25 лет исполнилось в 99 г. до н. э., и вполне возможно, что именно тогда он и стал квестором (хотя существует предположение, что это произошло еще в 102 г. до н. э., т. е. до его выступления против Сатурнина). Друз к этому времени уже имел опыт и военный, и гражданский, и, может быть, жреческий. Активное участие молодого человека с оружием в руках в борьбе против Сатурнина и его сторонников привлекло внимание оптиматов, которые вполне могли оказать ему на выборах значительную поддержку. Разгром демократов в 100 г. до н. э. подорвал силы римской демократии, и она, возможно, была не в состоянии противостоять сенаторскому кандидату.

Друз был избран провинциальным квестором и отправился в провинцию Азию. По пути он остановился в Греции в Антикире, где лечился от эпилепсии и весьма успешно. Правда, позже болезнь возобновилась, но пока он, казалось, вылечился полностью. Пробыв в провинции положенный год, Друз вернулся в Рим и вскоре выдвинул свою кандидатуру на должность эдила. Эдилы, как и децемвиры, и квесторы, принадлежали к младшим должностным лицам и занимались городским хозяйством и устройством различных игр. И вот это-то последнее обстоятельство давало им возможность приобрести огромную популярность среди римлян, любящих разнообразные зрелища. Друз был избран, и даже его недоброжелатели признавали, что обязанности эдила он выполнял превосходно. А это значит, что он действительно устроил великолепные игры. Друз гордился своей знатностью и не упускал случая ее подчеркнуть и унижить кого-либо из тех, кого он считал недостойным. Так, он одернул своего коллегу по эдилитету некоего Реммия, ответив на какое-то его замечание о благе государства: «А что тебе до государства, Реммий?» Таких людей в народе обычно не любят. Однако Друза, как показали последующие события, любили, и это можно с наибольшей вероятностью объяснить его успехами в качестве эдила. Много позже Цезарь тоже приобрел бешеную популярность у римского народа играми, которые он устраивал, когда был эдилом. Организация зрелищ требовала больших расходов, но Друз был богат и щедр, и деньги не стали для него препятствием: он явно рассматривал эдилитет как ступеньку в своей политической карьере, не собираясь останавливаться на этой должности. Следующей ступенькой стал для него трибунат.

Со времени братьев Гракхов должность народного трибуна приобрела большое политическое значение. Когда-то эта должность была установлена для защиты плебса от произвола патрициев. Именно для этого, в частности, было учреждено право вето. Если трибун считал, что какая-либо мера или какое-либо решение любого обычного (но не чрезвычайного, как диктатор) должностного лица противоречит интересам плебса, он говорил только одно слово «*veto*», т. е. «запрещаю», и любая мера, любое решение отменялись. Борьба патрициев и плебеев давно ушла в прошлое, но широкие prerogative трибунов остались. Они умерялись только коллегиальным характером трибуната — ибо избиралось 10 трибунов и каждый мог наложить вето на действие своего коллеги — и тем, что трибунские полномочия распространялись только на территорию самого города и лишь на одну милю за пределами городской черты. Но уже Гракхи, особенно Гай, стали брать на себя многочисленные обязанности и за пределами города, и даже Италии. Опираясь на народное собрание и используя теоретический принцип народного суве-

ренитета, трибун мог провести различные законы даже при полном противодействии сената. В условиях острой политической нестабильности роль народного трибуна резко возрастала. И Друз решил этим воспользоваться.

Стремление к политической карьере было неотъемлемым качеством каждого более или менее видного римлянина. Одной из ценностей римского общества была *honor* — честь как награда за службу гражданина государству и признание его высоких достоинств на этой службе. Чем длиннее был у гражданина *cursus honorum* — список должностей, тем более почетное место он занимал. Вершиной этого списка была цензура. Трибунат стоял несколько в стороне от основного политического пути римских деятелей, но порой и он давал им возможность достичь многого. Трибуном, претором, консулом и наконец цензором был отец Друза. И Друз младший был готов повторить этот путь.

Но не только карьерные соображения двигали Друзом. Уже говорилось, что в глазах многих римлян согласие сословий являлось необходимой основой римской свободы и величия. Именно это согласие в прежние времена обеспечило римскому народу господствующее положение в Средиземноморье. Но теперь оно было нарушено. Сначала сенаторы слишком сильно накренили государственный корабль в свою сторону, и поэтому Сципион Эмилиан и его друзья рассуждали о необходимости помочь простым гражданам, дабы этот корабль выпрямить. Но Гракхи чрезмерно накренили его в противоположную сторону. И уже сам Эмилиан выступил против гракханцев, а после его смерти это продолжали делать его последователи, в том числе и Друз старший. Особенно нетерпимым казалось то, что всадники взяли в свои руки суды и активно пользовались ими в ущерб сенаторам. В Риме прошел ряд процессов, осудивших многих видных сенаторов. И очень многих особенно возмутил суд на Публием Рутилием Руфом.

Публий Рутилий Руф был одним из наиболее уважаемых сенаторов. Он получил прекрасное образование, одним из его учителей был философ-стоик Панеций, и в философском плане Руф принадлежал к стоикам, был он также известным оратором, знатоком права и любителем греческой литературы, которую знал блестяще. Свою карьеру Руф начал военным трибуном, сражаясь в Испании под командованием Сципиона Эмилиана, и впоследствии был близок к кружку, сгруппировавшемуся вокруг этого видного военного и политического деятеля. Обладал Руф и превосходными военными качествами, которые он, в частности, проявил в войне с Югуртой. В 105 г. до н. э. он был консулом и после разгрома римской армии при Араузионе при-

ложил огромные усилия для создания новой армии, которая могла бы противостоять кимврам и тевтонам. В 94 г. до н. э. только что отбывший консульский срок Квинт Муций Сцевола был направлен в качестве проконсула в провинцию Азию и взял с собой в качестве легата Руфа. И Сцевола, и его ближайший помощник Руф были редчайшими исключениями в череде римских провинциальных наместников. Справедливое и беспристрастное управление Сцеволы вошло в пословицу, а Руф снискал ненависть римских откупщиков, которым он не давал грабить провинцию. В ответ откупщики призвали Руфа к суду по обвинению в вымогательстве. Откупщики были всадниками, и судила Руфа комиссия по вымогательствам, также состоявшая из всадников. Хотя обвинения были совершенно вздорные и доказательств не было никаких, суд осудил Руфа на изгнание. Возмущенный Руф демонстративно уехал в провинцию Азию, где был с восторгом встречен якобы ограбленными им провинциалами. Там, кстати, Руф написал сочинение по истории своего времени, видное место в котором, по-видимому, заняла его автобиография. Пристрастность, некомпетентность и несправедливость судей бросались всем в глаза. Это было вызывающим нарушением самых элементарных норм правосудия и циничной демонстрацией всемогущества всаднических судов. Ни о каком согласии сословий не могло быть речи. И этот случай, видимо, стал последним толчком для Друза, чтобы выставить свою кандидатуру в народные трибуны на 91 г. до н. э.

Друз шел на выборы со своей программой. Он ее кратко сформулировал так: латинам — гражданство, плебсу — землю, всадникам — кюрию (т. е. доступ в сенат), сенату — суды. Этим Друз хотел ликвидировать все противоречия. Предоставление полного римского гражданства латинам, которые составляли высший слой италийских «союзников», должно было не только увеличить гражданский коллектив количественно, но и, впустив в него свежую кровь и сделав гражданами людей, до того не принимавших прямого участия в межпартийной борьбе, уравновесить противоборствующие партии и сделать политическую и социальную жизнь стабильной. Дав нуждающимся землю, Друз надеялся успокоить римских бедняков, отвратить их от бесчестных демоогогов, которые их постоянно волнуют, и возродить старинное римское крестьянство, своим трудом создававшее величие республики. Часть всадников должно было войти в сенат, и такое приобщение к политической власти должно было компенсировать им потерю судебной исключительности. И наконец, сенат получал то, о чем он страстно мечтал после трибуната Гая Гракха: сенаторам возвращались суды. Получив все, чего желали, все слои римского общества должны успокоиться и прекратить

братоубийственную борьбу, обессиливавшую римское государство. Возродится согласие сословий, и Римская республика снова станет высокоморальным обществом и главой всего мира.

Друз не был одинок, его активно поддерживала довольно большая группа тогдашних политиков. Одним из них был уже упоминавшийся Марк Эмилий Скавр, принцепс сената, бывший друг отца Друза и его коллега по цензуре. Другим видным деятелем «партии» Друза был Люций Лициний Красс. Он уже давно вступил на политическое поприще. Еще в 118 г. до н. э. Красс в качестве одного из членов специальной комиссии участвовал в основании Нарбона в Галлии, первой (после неудачной попытки Гая Гракха) колонии римских граждан, выведенной за пределы Италии. Позже он прошел всю лестницу должностей, был квестором, эдилом, претором, консулом, проконсулом Цизальпинской Галлии и наконец цензором. Но особенно Красс славился как оратор и считался одним из самых крупных ораторов своего времени, с блеском выступая и в сенате, и в народном собрании, и в суде, проявляя себя и прекрасным знатоком римского права. Несмотря на значительную разницу в возрасте (Красс был по крайней мере на 15 лет старше), он был близким другом Друза, так что те, кто хотел сблизиться с ним, пытались это сделать именно через Друза. Возможно, что именно Красс в значительной степени был «мозгом» предприятия Друза.

Другим видным оратором был Марк Антоний. Он был близок к Крассу и, по-видимому, к Друзу: по крайней мере позже он активно поддерживал Друза. Он тоже был в свое время и претором, и консулом, и цензором. Старше всех был, пожалуй, Квинт Муций Сцевола, тесть Красса, учитель и его, и многих других ораторов, в том числе Цицерона. Ранее Сцевола активно боролся и с Гракхами, и с Сатурнином. Теперь Сцеволе было уже лет под 80, но в трудное для Друза время он его активно поддержал. Ближайшими друзьями Друза были его ровесники Гай Аврелий Котта и Публий Сульпиций Руф. Оба они пока еще не сделали политической карьеры, но были молоды и энергичны, и их старшие товарищи возлагали на них большие надежды. Ближайшим советником Друза был Люций Меммий, о котором мы, к сожалению, знаем очень мало, но плебейский род Меммиев входил в круг римского нобилитета. К нобилитету принадлежали и другие сторонники Друза.

Друз повел активную предвыборную пропаганду, ориентированную, в частности, и на городской плебс, обещая ему щедрые раздачи. В результате Друз был избран и 10 декабря 92 г. до н. э. приступил к выполнению обязанностей народного трибуна, после чего начал проводить в жизнь свою программу. К сожалению, проследить конкретно ход связанных с этим событий невозможно. Можно лишь говорить о меро-

приятнях, проведенных трибуном, и о той борьбе, которая вокруг них разворачивалась. Впоследствии Друза обвинили в нарушении закона 98 г. до н. э. о запрещении объединять в одном законопроекте различные предложения и устанавливавшего срок не менее чем в 24 дня между опубликованием законопроекта и голосованием по нему. Цель этого закона, который по форме восстанавливал старое, но давно уже забытое положение, очевидна: не дать возможности популярам выдвигать предложения, удовлетворяющие интересы разных кругов общества, и получить в результате широкую поддержку, ибо именно так действовали и Гракхи, и Сатурнин; с другой стороны, дать возможность их противникам развернуть свою агитацию. Какое положение этого закона нарушил Друз, неясно. Но ясно то, что оптимат и защитник сената Друз прибег к тем же приемам, какие использовали враги сената популяры. Логика политической борьбы оказалась сильнее убеждений.

Вероятнее всего, первым законопроектом Друза был аграрный. Он был принят народным собранием и, став законом, предусматривал разделение еще не разделенных земель в Италии между неимущими гражданами. Сам Друз говорил, что после него останутся неразделенными только небо и грязь. По латыни это звучит почти как каламбур: *aut caelum aut caenum*. В первую очередь это подразумевало распределение части плодородной Кампании, так называемого *ager Campanus*, но им не ограничивалось. В распределение должны были быть пущены и другие земли Италии, в частности в Бруттии, на самом юге полуострова. Для конкретного проведения этой меры в жизнь создавались две комиссии (может быть, для разных областей Италии), и в каждую из них входил сам Друз. Было предусмотрено также создание в Италии и на Сицилии ряда колоний римских граждан. В 122 г. до н. э. Друз старший предложил вывести 12 колоний в Италии, и это предложение было принято, но не осуществлено. Закон Друза младшего, вероятно, возвращал закон отца. Народ с восторгом принял это предложение, но италики испугались, ибо в результате выведения колоний они лишались части своих земель. Особенно взволновались землевладельцы Этрурии и Умбрии, где уже относительно широко развилась система конкурентоспособных и прибыльных вилл, владельцы которых совершенно не желали уступать их римским беднякам. Кое-кто из них даже замыслил убить ненавистного Друза.

Другим законом Друза стал хлебный. Первоначально он не входил в программу Друза, но трибун скоро понял, что без поддержки городского плебса провести свои мероприятия он не сможет. Как бы крестьяне ни поддерживали трибуна, они были сравнительно далеко и не всегда могли прибыть в Рим, особенно во время полевых работ. А городская

толпа всегда была под рукой, и ее голоса во многом решали судьбу и законопроектов, и их авторов. Содержание хлебного закона точно не известно. Десять лет назад Сатурнин провел такой же закон, который, как уже говорилось, снизил цену на хлеб до почти символической цифры. Разгром Сатурнина, возможно, привел к отмене его закона, и Друз, который с оружием в руках сражался против Сатурнина, теперь восстанавливал его закон. Но не исключено (хотя и маловероятно), что закон Друза шел дальше, отменяя (хотя бы на какое-то время) плату за хлеб вовсе. Бесплатную раздачу хлеба позже использовали некоторые политические деятели, стремясь привлечь к себе городских бедняков.

Может быть, для пользы бедняков, включая крестьян, а может быть, для лучшего финансирования своих реформ Друз предложил законно фальсифицировать монету, разрешив прибавить к серебру 12% меди, что увеличивало количество денег, находящихся в обращении. Это предложение было выгодно и некоторым сенаторам, в то время в большой степени обремененных долгами. Неизвестно, было ли оно принято, но оно шло в русле всей его политики, направленной на удовлетворение желаний как можно большего числа римлян из самых разных кругов общества.

И наконец, Друз перешел к тому закону, который он сам считал главным, предложив ввести в сенат 300 всадников, т. е. столько же, сколько было к этому времени сенаторов, и передать обновленному сенату суды, в том числе комиссию о вымогательствах, дабы честные люди не боялись впредь стать жертвами несправедливых преследований. Законопроект этот также прошел и стал законом.

Принятие законов Друза (или одного закона, который объединил все его предложения, как это считают некоторые исследователи) сопровождалось упорной борьбой. Друз вызвал в Рим своих сторонников не только из числа граждан, но и латинов, которым обещал в недалеком будущем гражданство. Он шел напролом, не обращая внимания ни на плохие предзнаменования, которыми его пугали, ни на реальное сопротивление врагов его преобразований. Против предложений Друза выступил один из преторов, но трибун просто сдвинул ему шею, пообещав задушить. Цепиона, тоже претора, он угрожал сбросить с Тарпейской скалы, с которой сбрасывали осужденных на смерть преступников. Консула Филиппа сторонники Друза избили. Даже некоторые его сторонники испугались чрезмерной энергии трибуна и обстановки, напоминавшей времена Гракхов и Сатурнина. «Куда ты идешь, Друз?!» — в отчаянии спросил его один из приверженцев. Но Друз упорно шел к своей цели и добился, что его законопроекты стали законами. Но это было только началом борьбы.

Как это часто бывает, попытка примирить всех и согласовать все интересы привела к всеобщему недовольству. Всадники были возмущены новым законом. Их было во много раз больше, чем сенаторов, и отбор из их числа всего 300 человек оставлял за бортом огромную массу всадников. А лишались они при этом самого важного: возможности через суды влиять на политику и на конкретных деятелей ради достижения своих, часто корыстных, целей. К тому же не были установлены механизм отбора и критерий, по которому тот должен был осуществляться. Лишение влияния на суды беспокоило многих всадников и лично, ибо они боялись, что обновленные суды смогут заняться расследованием их темных дел. Возглавил всадников бывший друг, а ныне смертельный враг Друза Квинт Сервилий Цепион, бывший в этом году претором. Упорное сопротивление встретил Друз и там, где он ожидал его меньше всего, — в сенате. Хотя существовала довольно влиятельная группа сенаторов во главе со Скавром, которая активно поддерживала Друза, большинство их коллег выступило против него. Эти сенаторы опасались, что увеличение численности сената вдвое за счет всадников приведет к утере старой сенаторской знатью ее ведущей роли в политической жизни Римской республики. Лидером этого сенаторского большинства стал консул этого года Люций Марций Филипп. Всего год назад Цепион пытался привлечь Филиппа к суду, но на его защиту выступил Друз. Теперь же Цепион и Филипп объединились против Друза.

Поскольку расстановка сил в сенате еще не была ясна, Филипп решил действовать вне этого учреждения. На народном собрании он не только решительно выступил против Друза и его законов, но и в запальчивости заявил, что с *этим* сенатом он управлять республикой не сможет и что для блага государства необходим новый совет. Как и Друз, оптимат Филипп в увлечении борьбой действовал совершенно в духе популяров, позволив себе даже столь антисенатское выступление, на какое решались далеко не все популяры. Возможно, Филипп подразумевал тот сенат, который будет расширен вдвое за счет всадников, но выходило, что консул вообще противопоставляет себя сенату. Друз сразу же решил воспользоваться этим выступлением и призвал сенат собраться на экстренное заседание, которое состоялось в сентябрьские иды 663 г. от основания Рима, т. е. 13 сентября 91 г. до н. э. Его открыл своей речью Друз, жалуясь на Филиппа и обвиняя его в оскорблении сената. Вслед за ним с заранее подготовленной речью выступил Красс, жестоко нападая на консула. Филипп попытался прервать оратора, угрожая ему штрафом за оскорбление консула, но тот продолжал говорить. Сенат, увлеченный горячим красноречием Красса, единогласно принял решение, что «римский народ не должен сомневаться в том, что

сенат всегда неизменно предан заботе о благе республики». Косвенно это был ответ на заявление Филиппа в народном собрании, но большего ни Красс, ни Друз добиться не смогли. Более того, во время речи Красс почувствовал себя плохо, а на седьмой день умер.

Смерть Красса была тяжелой потерей для Друза. Ушел не только очень авторитетный и красноречивый сторонник, но и один из вдохновителей всего предприятия народного трибуна, возможно даже его фактический инициатор. Это сразу же изменило ситуацию, и прежде всего в сенате. Этим изменением тотчас решил воспользоваться Филипп. Он был не только консулом, но и авгуром, жрецом, который толковал различные знамения и предзнаменования. Созвав сенат, Филипп выступил в обоих своих качествах. Как консул он заявил, что законы Друза приняты вопреки существующему закону о запрещении объединять разнородные предложения и давать двадцатичетырехдневный промежуток для их обсуждения, а как авгур — что они приняты при неблагоприятных знамениях и, следовательно, боги против них и накажут Рим за их принятие вопреки божественной воле. И сенат огромным большинством принял решение отменить законы Друза. Это было для трибуна тяжелейшим ударом.

Конечно, можно было попытаться опереться на народ и добиться отмены сенатского решения. Но сенатское большинство, по-видимому, учло такую возможность. Была развернута мощная агитация, направленная против Друза и его сторонников. В городе распространяли самые различные слухи, порочащие трибуна. Говорили, что, исчерпав свое огромное состояние, он, отчаянно нуждаясь в деньгах, совершал самые предосудительные поступки. Так, он якобы за деньги выдал мавританскому царю Бокху его противника Магульсу, нашедшего убежище в Риме, а тот бросил своего врага под ноги слонам, что он держал в своем доме сына нумидийского царя Миципсы Адгербала в ожидании, когда отец его выкупит. И эта агитация сыграла свою роль. Друз не решился выставить свою кандидатуру на пост трибуна на следующий год, а его сторонники в качестве гаранта возобновления реформ выдвинули кандидатом его друга Гая Аврелия Котту, но тот на выборах потерпел поражение. Стало ясно, что Друз потерял все прежнее влияние и популярность. Никаких надежд на продолжение своего дела у него не осталось. Тяжелая борьба подкосила силы Друза. Он снова стал страдать от болезни, которую, казалось, в свое время вылечил в Греции. Во время одного из выступлений с ним случился припадок, и его, полумертвого, отнесли домой друзья. Но дух Друза сломлен не был. Теперь он вспомнил об еще одном пункте своей программы — о предоставлении римского гражданства латинам, но решил расширить его и предложил дать

гражданские права всем италикам. Возможно, на это решение повлияла его дружба с Квинтом Поппедием Силоном, италиком из племени марсов. Когда Силон по каким-либо делам оказывался в Риме, он останавливался в доме Друза. Может быть, он и уговорил трибуна добиться гражданства для италийских «союзников», обещая взамен поддержку новых граждан всем его будущим предложениям.

Италийский вопрос оставался одним из самых острых в политической жизни Рима того времени. В нем в значительной мере сконцентрировались все противоречия, вызвавшие кризис Римской республики. Римские всадники, панически боявшиеся своих более успешных италийских конкурентов, решительно выступали против всяких, даже самых робких, попыток решить италийский вопрос. Зато часть сенаторов еще до Друза была не прочь использовать италийскую карту против всадников. Из италиков состояла значительная часть римской армии, и поднять ее боеспособность без удовлетворения каких-либо требований «союзников» было невозможно. В событиях 103–101 гг. до н. э. ветераны из числа италиков играли довольно значительную роль и получили удовлетворение части своих требований: они, как и ветераны-римляне, получили землю во вновь выведенных колониях. Но особенно резко в связи с италиками встал аграрный вопрос.

Уже вскоре после реформ Тиберия Гракха стало ясно, что собственная римская земля для наделения ею всех обедневших граждан не хватает. Выход мог быть или в более радикальной аграрной реформе, которая вовсе ликвидировала бы относительно крупное как сенаторское, так и всадническое землевладение, или в приобщении к римской общественной земле земель италиков. Попытка реформаторов посягнуть на земли «союзников» привела к обострению ситуации, и защитником италиков выступил Сципион Эмилиан. В 125 г. до н. э. консул Марк Фульвий Флакк, активный реформатор и друг Гая Гракха, пытаясь выйти из создавшегося положения, предложил предоставить римское гражданство всем италикам, а их земли пустить в передел. Но сенат решительно выступил против этого предложения, и оно не прошло. В 122 г. до н. э. к этой идее вернулся Гай Гракх, но против нее выступил Друз старший. Италийский вопрос был загнан вглубь, но от этого не стал менее болезненным. Теперь к нему обратился Друз младший, предложив даровать римское гражданство италийским «союзникам».

Известие о предложении Друза вызвало энтузиазм италиков. Они стали собираться на различные сходки. Многие пробирались в Рим и находили приют в доме трибуна. Были среди них и такие, которые клялись всеми богами и героями, что друзья и враги Друза будут и их друзьями и врагами, что они не пощадят ни своей жизни, ни жизни своих детей и родственни-

ков в интересах Друза и всех, кто связан этой клятвой, что если они станут в соответствии с законом Друза римскими гражданами, то будут считать Рим своей родиной, а Друза — своим величайшим благодетелем, что они привлекут к принятию такой же клятвы как можно больше людей и сами никогда эту клятву не нарушат. Друг Друза Силон даже попытался с группой своих приверженцев силой заставить римлян принять закон Друза. Это не осталось в тайне. Обстановка в Риме накалялась. Друзу стали прямо угрожать. Какое-то время он даже не выходил из дома. Но, оставаясь дома, он не мог даже надеяться добиться своей цели.

Трибунский год Друза шел к концу. У него еще оставались почитатели, и большая толпа постоянно окружала его на форуме или на улицах. Дом народного трибуна должен был быть всегда открытым, чтобы любой гражданин, нуждающийся в помощи, мог прийти за нею в любое время дня и ночи. Поэтому и в доме всегда было полно людей. Однажды Друз шел с форума домой, окруженный людьми. Неожиданно уже во дворе дома или, может быть, в одном из помещений ему в бок вонзился небольшой, но очень острый сапожный нож. «Я ранен!» — крикнул Друз. Толпа разбежалась, и вместе с нею убежал убийца, которого так и не нашли. Пораженная горем мать Друза Корнелия наклонилась над сыном, и его кровь залила ей лицо. Друза перенесли в дом. Через несколько часов он умер. Ему было всего 33 года. Говорили, что за убийцей стоял или консул Филипп, или претор Цепион, или народный трибун 90 г. до н. э. Квинт Варий Гибрида, тоже ярый враг Друза, но доказать все это было невозможно, а проводить особо тщательное расследование ни сенаторы, ни всадники явно не желали. Более того, после смерти Друза по инициативе того же Вария был проведен закон, по которому по обвинению в нанесении ущерба величию римского народа должны были привлекаться к суду все те, кто явно или тайно помогал италикам. Он был откровенно направлен против оставшихся в живых друзей Друза, и многие из них были осуждены на изгнание, а некоторые предпочли сами уехать из Рима.

С Друзом сошли в могилу и мечта о восстановлении согласия условий, и надежда италиков добиться своих прав от самих римлян. И тогда они решили взять дело в свои руки. Италики составили заговор с целью объединения своих сил для единого выступления против Рима ради достижения гражданских прав. Началась так называемая Союзническая война. В ходе этой войны италики создали собственное государство и упорно сражались с римскими войсками. Внешне эта война закончилась римской победой, основные италийские войска были разбиты, их государство ликвидировано. Но удалось победить италиков только ценой принципиальной уступки. Жестокая война, бушевавшая

у самых стен Рима, наконец вразумила даже самых неуступчивых римлян, и те были вынуждены предоставить италикам все права римских граждан. Реально проведение этой меры в жизнь растянулось на несколько десятилетий, но принципиальный шаг был сделан. Италийский вопрос практически был разрешен, но разрешен так, как этого хотели италики, а не римляне. Началось слияние тех и других в единый гражданский коллектив. Друз потерпел поражение, но то дело, за которое он взялся уже на излете своей деятельности, восторжествовало.

У Друза не было собственных детей. Среди его племянников были Катон и Сервилия, которая позже выйдет замуж за Брута и станет матерью того Брута, который будет убийцей Цезаря и последним вождем республиканцев. О них обоих речь пойдет позже. Уже упоминалось, что Друз усыновил Клавдия, который стал Марком Ливием Друзом Клавдианом. Друз Клавдиан поневоле должен был участвовать в политической борьбе, которая становилась все острее. Занимал он и некоторые посты, но не очень значительные; вершиной его карьеры была должность претора в 50 г. до н. э. Под конец жизни Клавдиан принял участие в гражданской войне на стороне последних республиканцев под началом своего племянника по усыновлению Брута. После разгрома республиканцев в 42 г. до н. э. Клавдиан покончил с собой. Он, может быть, и не заслуживал бы особого внимания, ибо его судьба была подобна судьбе не одного нобилия эпохи гражданских войн, если бы не его дочь Ливия Друзилла (часто ее называли просто Ливией). Очень умная и необыкновенно красивая, она вышла замуж за своего родственника Тиберия Клавдия Нерона и имела от него сына Тиберия, вместе с которым и с мужем во время очередной гражданской войны была вынуждена бежать из Рима. Но вскоре беглецы были прощены и вернулись в столицу. Там в Ливию отчаянно влюбился Гай Юлий Цезарь Октавиан, фактический правитель западной части государства. Он развел ее с мужем и сам в январе 38 г. до н. э. женился на ней, хотя она уже была беременна вторым ребенком. Позже Октавиан станет первым римским императором под именем Августа, и Ливия будет первой римской императрицей. Родившийся уже после брака с Октавианом, но еще от первого мужа сын получит имя Друза, и это имя станет относительно частым в императорской семье. Август усыновит обоих сыновей Ливии. Друз погибнет, а Тиберий после смерти Августа станет его преемником. Внук Друза Гай по прозвищу Калигула (сапожок) будет преемником Тиберия, а сын Друза Клавдий — преемником своего племянника Калигулы. Таким образом, Марк Ливий Друз окажется официальным (по усыновлению) дедом первой римской императрицы, прадедом второго императора и более отдаленным предком двух следующих властелинов Римской империи.

III. МАРИАНЦЫ

После Союзнической войны положение в Риме и Италии изменилось радикально. Хотя, как уже упоминалось, реально все италики стали римскими гражданами только через много десятилетий, в принципе уже сейчас коллектив римских граждан стал столь велик, что старое республиканское государственное устройство, основанное на самоуправлении гражданского коллектива, потеряло жизнеспособность. По существу можно говорить, что эпоха кризиса Римской республики завершилась и началась совершенно новая — эпоха падения Римской республики. В конкретных условиях того времени и того общества наследником республиканского управления государством мог стать только удачливый полководец, и падение республики приняло форму тяжелых гражданских войн, перемежаемых периодами относительного мира. Значительную роль в первых гражданских войнах играли марианцы Цинна и Карбон.

Цинны были ветвью знатного патрицианского рода Корнелиев. Самыми знаменитыми Корнелиями в истории Римской республики были Сципионы и Лентулы. Цинны прославились много позже. Первым консулом из этой семьи был отец марианца, достигший этой должности в 127 г. до н. э., но в этом качестве он ничего примечательного не совершил. О начале карьеры его сына Люция Корнелия Цинны ничего не известно. Можно лишь говорить, что в 90 г. до н. э. он был претором, а затем в качестве легата принял участие в Союзнической войне. Он действовал вместе с Квинтом Цецилием Метеллом Пием против племени марсов и в 88 г. до н. э. одержал над ними победу, причем в этой борьбе погиб вождь марсов Помпедий Силон.

Союзническая война, как уже говорилось, внешне закончилась победой Рима, но римляне были вынуждены удовлетворить основное требование италиков — дать им полное римское гражданство. Однако остался нерешенным очень важный вопрос о зачислении новых граждан в старые римские трибы. Дело в том, что римские граждане делились на 35 триб, в соответствии с чем и голосовали в народном

собрании. Голосование было двухступенным: сначала голосовали внутри каждой трибы, а затем каждая триба имела в народном собрании один голос. Римское правительство решило включить новых граждан то ли в 8, то ли в 10 триб, так что в любом случае подавляющее большинство оставалось за старыми гражданами. В противоположность этому популяры, находившиеся в то время в резкой оппозиции правящей группировке, настаивали на равномерном распределении италиков по всем 35 трибам, что давало им большинство в собрании. Они надеялись, что при новом составе народного собрания они смогут быстрее провести в жизнь свои честолюбивые замыслы. К популярам вновь примкнул Марий, об измене которого успели уже забыть и на авторитет которого популяры явно рассчитывали. Одним из лидеров оптиматов стал Люций Корнелий Сулла, легат Мария, а затем его злейший враг и соперник. Врагом Суллы и видным сторонником Мария был Публий Сульпиций Руф, уже замеченный как прекрасный оратор и бывший в 91 г. до н. э. одним из друзей Друза. Активным участием в Союзнической войне он доказал, что никакого отношения к подстрекательству италиков к отпадению от Рима он не имеет. Род Сульпициев был патрицианским, но Руф перешел в плебс и в 89 г. был избран одним из народных трибунов на 88 г.

В новых условиях Руф выступил как продолжатель дела Друза. Он предложил распределить всех италиков (а также вольноотпущенников) равномерно по всем трибам, вернуть из изгнания всех тех, кто был осужден по закону, принятому после гибели Друза, и установить верхний предел долга, который могли иметь сенаторы, — 2 тысячи денариев, в противном случае они лишались сенаторского звания. Чтобы получить поддержку Мария, Руф предложил передать ему командование в начавшейся войне с Митридатом. Митридат VI, царь Понта, мечтавший о создании мощной державы, охватывавшей все берега Понта Эвксинского (Черного моря), столкнулся с римлянами, которые в тоу времени прямо или косвенно установили свое господство в значительной части Малой Азии и в проливах из Черного в Эгейское море. Воспользовавшись Союзнической войной (а на Востоке не делали особых различий между римлянами и италиками и поэтому считали, что римляне передрались друг с другом), Митридат вторгся в римскую провинцию Азию. В Риме не могли предвидеть, что война будет трудной и опасной, зато были уверены, что она принесет огромные выгоды, а полководец, одержавший в ней победу, получит преимущественные шансы в борьбе за личную власть. Одним из консулов 88 г. до н. э. был Сулла, и ему было поручено вести войну с Митридатом. Руф же предложил отнять командование у Суллы и отдать его Марию.

Сенат и оба консула решительно воспротивились предложениям Руфа. Под предлогом религиозных праздников консулы объявили дни неприступными, когда нельзя было заниматься никакими делами, в том числе обсуждать, а тем более принимать какие-либо законы. В ответ на это Руф собрал своих сторонников и, вооружив их кинжалами, приказал прийти на форум и в случае необходимости не давать никому пощады, даже консулам. На форуме Руф потребовал отменить состоявшееся объявление о неприступных днях, а его сторонники демонстративно обнажили кинжалы. Началась свалка, в которой был убит сын консула Квинта Помпея, а сам Помпей едва успел убежать. Убежал и Сулла, но под давлением толпы был вынужден выйти из дома и отменить прежнее решение. Сразу после этого он покинул Рим и уехал к армии, стоявшей наготове для отправки против Митридата. Он возбудил воинов речами и более всего угрозой, что вместо них на Восток направятся ветераны Мария, которые и получают все выгоды от этой войны. Солдаты возмутились и были готовы идти за Суллой куда угодно. И он повел их на Рим. Впервые в римской истории римская армия шла против своего родного города. Противники Суллы были разбиты. Все законы, принятые по инициативе Руфа, разумеется, отменили. Марий бежал. Руф тоже пытался бежать, но был предан и казнен.

Цинна, по-видимому, находился в армии, когда в Риме происходили эти бурные волнения. Вероятно, это обстоятельство избавило Цинну от участи Мария и его друзей. Цинна к этому времени был уже хорошо известен как популяризатор и сторонник Мария. Поэтому когда он выдвинул свою кандидатуру в консулы на следующий год, вокруг него сплотились все, кто был недоволен Суллой и его действиями. Число таких недовольных было значительным в самых разных слоях римского народа, в том числе и среди многих богатых женщин, они-то и финансировали кампанию Цинны.

Чтобы сохранить установленный им порядок и обеспечить тыл во время войны с Митридатом, Сулла стремился провести в консулы своего сторонника Гнея Октавия и племянника (сына сестры) Секста Нония Суффената. Октавий был уже достаточно известным деятелем, консулами были его дед и отец, сам он в свое время с оружием в руках участвовал в борьбе против Сатурнина, а в 90 г. до н. э. был претором и в этом качестве коллегой Цинны. О Нонии же было известно только то, что он племянник Суллы. В результате консулами были избраны Цинна и Октавий. Правда, Сулла взял с них обоих клятву сохранять верность его законам, но, думается, он и сам мало верил в ее действительность.

1 января 87 г. до н. э. Цинна и Октавий вступили в должность, и практически сразу Цинна убедил народного трибуна Марка Вергиния

подать жалобу на незаконные действия Суллы. Еще до этого попытка Суллы поставить во главе одной из армий, стоявших в Италии, Квинта Помпея Руфа вместо командовавшего ею Гнея Помпея Страбона закончилась неудачей и убийством Руфа. Все это заставило Суллу поспешить к своему войску и отправиться на театр военных действий в Грецию для войны с армиями Митридата. А как только Сулла покинул Италию, Цинна во всеуслышание заявил, что он не вступал ни в какие переговоры относительно государства и свободы римского народа. Так что ни о какой клятве речи уже не было.

Вскоре после открытого разрыва между консулами Цинна внес предложение о принятии в первую очередь закона о распределении новых граждан, какими стали теперь все италики, по всем трибам. В предыдущем году Руф среди других законов добился и принятия закона о равномерном распределении, но Сулла после захвата Рима его, естественно, отменил. Теперь Цинна снова внес такое же предложение. При этом он не скрывал, что, добившись принятия своего закона, он, опираясь на италиков, проведет еще один: о возвращении изгнанников, в том числе Мария. Ни того, ни другого сенаторы не желали. Их вождем выступил Октавий.

Обстановка в Риме накалялась. В день голосования сторонники Цинны, в том числе новые граждане, явились на форум, вооруженные кинжалами. Их противники сделали то же самое. Октавий остался дома, составляя план дальнейших действий. Обсуждение проходило при невероятном крике и угрозах. Некоторые народные трибуны попытались наложить вето на обсуждение законопроекта, и тогда многие новые граждане, вытащив кинжалы, бросились к трибуне с прямыми угрозами. Предвидя неминуемое поражение, противники Цинны направились в дом Октавия, и тот решил действовать. Он с большой группой своих сторонников вышел на так называемую Священную дорогу, которая вела на форум, и двинулся туда, где бушевали страсти. Традиционное уважение к консулу взяло верх, и толпа расступилась. Сопровождавшие Октавия с кинжалами набросились на своих противников, убивая всех подряд. Те, не ожидая такого поворота, бросились бежать, причем многие из них погибли. Бежал и Цинна. Он попытался призвать к борьбе рабов, обещая им свободу, но те не откликнулись, и тогда консул вовсе покинул Рим и направился в ближайший город. Этот раунд Цинна проиграл. Но он не отчаивался.

Сенат, полагая, что дело сделано, принял специальное решение, согласно которому Цинна за то, что покинул город в опасном положении, а до этого объявил о предоставлении свободы рабам, лишился всех гражданских прав и соответственно поста консула. На его место сенат (а не народное собрание) поставил жреца Юпитера и бывшего претора

Люция Корнелия Мерулу. При этом было извлечено на свет старинное пророчество, истолкованное в том смысле, что в Рим вернется покой, как только Цинна будет из него изгнан. Одновременно был пущен слух, что все действия консула объясняются вульгарным подкупом со стороны италиков, которые якобы дали ему взятку в 300 талантов. Цинна, естественно, не признал этого постановления, и юридической основой для его реакции было то, что это решение было принято только сенатом без всякой консультации с народным собранием, которое и должно решать такие вопросы. С группой своих сторонников он стал объезжать ближайшие города Лация и Кампании, призывая их к борьбе с незаконным, по его мнению, правительством. Постепенно число его сторонников росло, ибо к нему присоединялись, бежав из Рима, все недовольные установившимся там господством оптиматов. Но особенно важно было Цинне приобрести солидную вооруженную силу. Такую силу он нашел в армии, стоявшей в Кампании около города Нолы.

Этой армией командовал Аппий Клавдий Пульхр, по-видимому, в ранге пропретора, ибо два года назад он был претором. Клавдий был сторонником Суллы, но противостоять агитации Цинны не смог. Цинна потребовал допустить его в лагерь как законного консула, и Клавдий не решился ему помешать. Похоже, даже он не считал лишение Цинны поста консула законным. Проведя заранее соответствующую агитацию среди воинов, Цинна затем выступил на войсковом собрании с хорошо продуманной речью. Он заявил, что свою власть он принял от народа, а сенат, не спрашивая народного мнения, его этой власти лишил, что это сенатское решение ясно показало, что отныне народное собрание никакого значения не имеет, что только они, вооруженные граждане, могут обеспечить выполнение народного решения. При этом он сложил перед солдатами все знаки консульского достоинства, как бы веря теперь себя воле воинов как части граждан, части римского народа. Опыт Суллы не прошел даром: армия была призвана стать гарантом права и законности. Речь произвела нужный эффект. Солдаты сами снова вручили Цинне все знаки консульства, принесли ему присягу как законному консулу и призвали его вести их на бой ради восстановления его в должности консула и, следовательно, торжества народного суверенитета. Клавдий был фактически отрешен от командования.

Бывшая армия Клавдия стало ядром тех сил, которые собирались вокруг Цинны. К нему стекались также многочисленные отряды италиков, многие из которых, возможно, еще не стали римскими гражданами, ибо в нем видели гарантию своего реального равноправия с собственно римлянами. Цинна снова призвал к оружию рабов, и на этот раз многие из них, в том числе и бежавшие из Рима, откликнулись на его призыв.

Всего у Цинны собралась огромная армия почти в 30 легионов. Даже если далеко не все его воины были опытны в военном деле, сама такая численность составляла для укрепившихся в Риме оптиматов значительную угрозу. Цинна решил объединить в этой борьбе все силы, враждебные сенатскому правительству. Особую надежду он возлагал на Мариа. У Мариа сил в это время было немного, со своим сыном и несколькими сторонниками он, едва спасшись от убийц, находился в Африке, ожидая поворота событий. Но у него была еще значительная слава, которая могла привлечь к его делу какие-то группы людей. И Цинна вызвал Мариа из изгнания. Марий с небольшим отрядом высадился в Этрурии к северу от Рима. И через некоторое время его отряд вырос в двенадцать раз. После чего Марий с севера, а Цинна с юга двинулись на Рим.

Октавий и Мерула начали лихорадочно укреплять город. Собственных сил у них было мало, и они обратились к Гнею Помпею Страбону, чтобы тот привел свою армию им на помощь. Тот до сих пор старался держаться нейтралитета, но Цинна, не надеясь привлечь его на свою сторону, попытался поднять мятеж в его армии; мятеж не удался, и Помпей решил принять участие в борьбе с Цинной. При этом он преследовал собственные цели, видимо, намереваясь воспользоваться борьбой двух противоположных группировок для захвата власти. Но пока его интересы совпадали с интересами сената, и он повел свои войска под стены Рима для его защиты от Цинны и Мариа. Одновременно сенат призвал из Цизальпинской Галлии войска под командованием Публия Сервилия Ватия, яростного врага Мариа и Цинны. Цинна разделил свою армию на три части; одну он возглавил сам, двумя другими командовали Квинт Серторий и Гней Папирий Карбон. Чтобы предотвратить подход войск Сервилия к Аримину, пограничному городу с Цизальпинской Галлией, туда была направлена часть марианской армии, которая не только разбила направлявшиеся к Риму войска, но и значительную их часть переманила на сторону Мариа и Цинны.

С четырех сторон Цинна и Марий осадили Рим. Правда, попытка захватить город штурмом не удалась. Войска Цинны уже ворвались на холм Яникул, но солдаты Октавия и Помпея сумели их оттуда выбить. Однако почти сразу после этого Помпей Страбон погиб от удара молнии, и его войско, оставшись без командующего, по-видимому, просто разошлось. Марий захватил римский порт Остию, отрезав город от подвоза продовольствия по морю, а осаждавшие с суши войска не допускали никакого продовольствия из Италии. Рим был поставлен под угрозу голода. Квинт Цецилий Метелл, одно время возглавивший оборону Рима, отчаявшись, ушел из города. И сенат был вынужден вступить в переговоры с осаждавшими.

Хотя одну из армий, осаждавших Рим, возглавлял Марий, было ясно, что действительным командующим является Цинна. И посольство было направлено именно к нему. Однако Цинна, не вступая ни в какие переговоры, потребовал от них ответа, кем он является для них — консулом или частным человеком, т. е. фактически потребовал отмены решения о лишении его гражданства и консульства как необходимого предварительного условия ведения переговоров. Сенат и консулы растерялись. Между тем угроза голода становилась все реальнее. Начались массовые перебежки из Рима в лагеря осаждавших. И сенат сдался. Постановление, направленное против Цинны, было отменено. Мерулу лишили консульства, и таковым снова официально стал Цинна. Только после этого тот принял новое посольство. Послы просили только принесения клятвы не производить в городе резни. Цинна отказался поклясться, но пообещал, что никто по его приказу не будет убит. С этим и пришлось согласиться. По требованию Мария народные трибуны официально провели закон об отмене прежнего решения об изгнании его и его сторонников. Цинна и Марий торжественно вступили в Рим.

Их войска вели себя там, как в завоеванном городе. Начались грабежи и убийства. Ни Марий, ни Цинна не только не пытались их остановить, но даже поощряли. В первую очередь жертвами, естественно, стали враги обоих предводителей. Одной из первых жертв пал консул Октавий. Со всеми знаками консульского достоинства он сидел в кресле, спокойно ожидая убийц, и был убит неким Цензорином. Отрубленная голова консула впервые в римской истории была выставлена напоказ. Сторонники Суллы были чуть ли не официально приговорены к смерти, их дома подвергли разрушению, а имущество конфисковали. Сулла был объявлен врагом отечества. Его семья успела бежать, бежали и некоторые другие видные сулланцы, но многие все же погибли в этих жестоких репрессиях. Рабы, по призыву Мария и Цинны вступившие в их армии, теперь мстили своим господам, безжалостно их убивая. В банду отпетых убийц превратились так называемые бардиэи, личная гвардия Мария — то ли бывшие рабы, то ли испанские наемники. Они чувствовали себя совершенно чужими в Риме, зависели только от Мария и, пользуясь его покровительством, безнаказанно бесчинствовали, не встречая никакого сопротивления. Все законы, проведенные в прошлом году Суллой, были отменены. Мерула, столь неудачно для себя ставший консулом вместо Цинны, был арестован и должен был быть предан суду. Не желая участвовать в комедии, в которую должен был превратиться этот суд, он покончил с собой. Его примеру последовал Квинт Лутаций Катул, один из виднейших лидеров оптиматов, в свое время

бывший коллегой Мария по консульству и вместе с ним сражавшийся против германцев. Подобно голове Октавия, головы убитых сенаторов выставлялись на потеху римской толпе.

Трудно сказать, в какой степени Цинна лично был ответствен за этот террор. Существуют сведения, что он даже пытался повлиять на Мария, чтобы тот действовал мягче и не так откровенно утолял свою жажду мести. Но в то же время ясно, что, осуществляя вместе с Мари-ем власть в Риме, а официально даже будучи единственным ее носителем, так как он остался единственным консулом, Цинна в любом случае несет ответственность за все жесткости, совершавшиеся тогда в Риме. Враги Цинны не сомневались, что именно он является главным виновником убийств. Однако если это и так, то он скоро понял, что убийствам надо все же положить конец. Вместе с Серторием они окружили своими отрядами лагерь бардиев и полностью их уничтожили. Только после этого террор пошел на убыль, хотя и не прекратился окончательно.

Цинна и Марий стали консулами на следующий 86 г. до н. э. Некоторые античные авторы сообщают, что для этого они даже не созывали народное собрание, а просто сами объявили себя занявшими эту должность. Другие писатели древности говорят, что они все же были избраны. Видимо, Цинна все-таки провел какую пародию на собрание, которое и «избрало» новых консулов. Вступив в свое седьмое консульство 1 января 86 г. до н. э., Марий сразу же приказал сбросить со скалы сенатора Секста Лициния. Но жить Марию оставалось недолго. Он умер 13 января того же года, так что Цинна снова остался единственным консулом.

Смерть Мария окончательно положила конец террору. Высшая власть в государстве сосредоточилась в руках Цинны, и он стал заботиться о консолидации общества. Естественно, что прошел закон о равномерном распределении новых граждан по всем трибам. В результате италики превратились в самую надежную опору Цинны. Став полноправными римскими гражданами, они могли поддерживать практически все мероприятия консула. И уже поэтому кажется, что Цинне не было необходимости столь вызывающе нарушать закон, не проводя выборов консулов, ибо послушное народное собрание все равно голосовало бы за его кандидатов. И уже через некоторое время после смерти Мария он сделал своим коллегой Люция Валерия Флакка.

Флакк принадлежал к старинному знатному патрицианскому роду Валериев, и Флакки в III—I вв. до н. э. играли первенствующие роли в политической жизни Римской республики. Тот Флакк, который стал консулом вместо Мария, еще в 92 г. до н. э. был претором, а после это-

го — наместником провинции Азии. Там он стал патроном ряда городов, для празднеств в его честь азиатские города специально собирали деньги, и это, по-видимому, не было только прикрытием вымогательства или лицемерным раболепием провинциалов. Видимо, Флакк все-таки оставил хорошую память о себе в этой провинции. Такие знатные люди, как Валерии Флакки, в основном были оптиматами, но Люций в 87 г. до н. э. выступил на стороне Марии и марианцев. Возможно, предлагая консульство Флакку, Цинна наглядно демонстрировал желание заключить союз с той частью сената, которая не выступала открыто и особенно яростно против него.

Перед правительством Цинны и его сторонников стояли две сложные задачи, без решения которых нельзя было надеяться на сохранение существующего режима. Италия была охвачена жестоким экономическим кризисом — следствием Союзнической войны. Кризис привел к резкому падению стоимости земли и вообще недвижимости, в результате чего резко возросла задолженность широких кругов римского населения. И найти выход из этого положения было первой настоящей задачей марианцев. Вторая забота — военные успехи Суллы и отсюда необходимость не допустить его победоносного возвращения.

Придя к власти как лидер популяров, Цинна попытался провести мероприятия в пользу поддерживавших его широких масс. Правда, инициативу в этом деле он отдал своему коллеге. Флакк предложил и провел закон, по которому кредиторы за долги, сделанные до 88 г. до н. э., т. е. до начала ожесточенной внутренней борьбы в Риме, были обязаны принимать сестерции по цене денариев, т. е. фактически на три четверти снижались все долги, которые были сделаны до этой даты. Это, конечно, шло на пользу и сенаторам, многие из которых в условиях экономического кризиса тоже оказались в долгах. Но все же преимущественно эта мера шла навстречу желаниям основной массы рядового римского населения. Закон Валерия, как он официально назывался, являлся самым радикальным в римской истории законом, относящимся к облегчению долгового бремени. В Риме едва ли кто-нибудь сомневался, что за спиной Флакка стоит Цинна.

Другая важная экономическая мера была проведена претором Марком Марием Грацидианом. Он был сыном Марка Грацидия и сестры Мария и усыновлен братом Мария Марком. В 87 г. до н. э. Марий Грацидиан был народным трибуном и активно выступал на стороне Цинны, а после бегства Цинны из Рима тоже покинул город и одним из первых к нему присоединился. Затем он активно участвовал в осаде Рима. По-видимому, благодарностью за это и был пост претора, который Марий Грацидиан занимал два года подряд — в 85 и 84 гг. до н. э.

Поскольку кризис привел не только к росту задолженности, но и вообще к расстройству денежного обращения, претор своим эдиктом, который был разработан вместе с народными трибунами, повелел провести проверку всех ходивших денариев и исключить из обращения неполноценные или, может быть, принимать эти неполноценные монеты не по номинальной, а по реальной стоимости. В результате этого эдикта Трацидиан стал одним из самых популярных деятелей Рима, ему даже были поставлены статуи, перед которыми горели светильники и сжигались благовония.

Этот закон и другие меры, проведенные новой властью, обеспечили сохранение в Риме и Италии спокойствия и порядка. Террор прекратился, и жизнь стала более или менее безопасной. Три года Рим не знал ужасов гражданской войны. Хотя многие известные ораторы того времени погибли или бежали, в целом ораторское искусство снова расцвело. Первое место среди ораторов занял Квинт Гортензий Гортал, будущий соперник Цицерона. Гортензий был несомненным оптиматом, и то, что он свободно выступал (правда, не по политическим проблемам на форуме, а лишь в суде), говорит о том, что режим Цинны не был таким уж свирепым господством, каким его изображали противники.

Со всеми внутренними проблемами был связан и вопрос об италиках. Они по закону получили римское гражданство, Цинна провел их равномерное распределение по трибам, но реальное их включение в римский гражданский коллектив было делом очень сложным. Необходимо было такое огромное число людей хотя бы просто внести в гражданские списки. Преторы 89 г. до н. э. Аппций Клавдий Пульхр, Публий Габиний Капитон, Люций Лентул отнеслись к этой обязанности чрезвычайно небрежно, и составленные ими списки оказались очень ненадежными. Поэтому когда в 86 г. до н. э. цензоры Люций Марций Филипп и Марк Перперна провели ценз, то в списках оказалось всего 463 тысячи граждан. Если учесть, что при цензе, проведенном в 115 г. до н. э., этот список включал несколько более 394 тысяч, то увеличение числа граждан менее чем на 69 тысяч, которое легко объясняется естественным приростом, показывает, что реально гражданами стало очень немного италиков. Но ведь именно на них в значительной степени рассчитывали Цинна и его сторонники. По-видимому, под его воздействием цензоры этого года стали активнее составлять соответствующие списки, включая все большее число италиков в состав римских граждан.

Но надо было решать и вторую задачу. Над Цинной и его сторонниками постоянно висела угроза: армия Суллы. Тот в это время успешно действовал в Греции против армий Митридата. Сулла вытеснил его полководца Архелая из Беотии и осадил Афины. Эти успехи во многом были

сведены на нет практическим отсутствием у римлян флота. На море господствовали понтийцы и их союзники. Тогда Сулла отправил своего легата Люция Лициния Лукулла собирать флот. Побывав в Египте и других местах, привлекая к службе союзников, Лукулл выполнил задание, и это изменило положение в Эгейском бассейне. Уже в 86 г. до н. э. римляне взяли штурмом Афины. Афиняне ожесточенно сопротивлялись, но силы были неравны. После падения города все ожидали полного разрушения и порабощения Афин, но Сулла заявил, что он «дарит живых мертвым», т. е. ради славы прошлого щадит Афины. Правда, это не помешало ему основательно разграбить и Афины, и их гавань Пирей. Митридат послал в Грецию новую армию во главе с Таксилем, но в битве около города Херонеи Сулла разгромил и эту армию.

Эти победы Суллы чрезвычайно встревожили марианское правительство. Да и со значительной частью сената отношения у Цинны все же не сложились. Многие знатные римляне бежали к Сулле, и среди них было так много сенаторов, что Сулла смог даже собрать вокруг себя нечто вроде сената. Это был, конечно, не официальный орган, но его существование давало Сулле солидную моральную поддержку. Для марианского правительства было жизненно необходимо не дать одному Сулле победить Митридата и вообще ликвидировать сулланскую опасность, прежде чем она станет совершенно явной. Поэтому Цинна направил Флакка на Восток.

Флакк шел из Италии сухопутным путем. Основным местом его действия стала Северная Греция. Узнав о появлении армии Флакка, Сулла двинулся навстречу ему. Но в это время в тылу Суллы появился новая понтийская армия во главе с Дорилаем, так что Сулла оказался между молотом и наковальней. В этих условиях он решил все же сначала сразиться с внешним врагом и одержал над ним победу при Орхомене.

85 год до н. э. начался в сложной обстановке. Римляне побеждали, но с Митридатом сражались две соперничающие римские армии, и оба полководца ненавидели друг друга больше, чем общего врага. Пока Сулла действовал в Греции, Флакк воевал в районе Боспора Фракийского (совр. Босфор). В 85 г. до н. э. он перешел Боспор и открыл военные действия в Вифинии в Малой Азии. Однако его победы возбудили зависть его подчиненного — Гая Флавия Фимбрии.

Отец Фимбрии был коллегой Мария по консульству в 104 г. до н. э., а позже участвовал в борьбе против Сатурнина. Сам Гай в 87 г. до н. э. принял активное участие в войне против оптиматов. Он был послан к самнитам с заданием уговорить их помочь марианцам. Фимбрия с успехом выполнил это поручение. Присоединение самнитов к делу Мария и Цинны имело очень большое значение: самниты разгромили часть

армии Метелла и этим в значительной степени определили возможность захвата Рима марианцами. В этой войне Фимбрия стал одним из высших офицеров марианской армии. Он принял участие в захвате Рима и проявил себя одним из самых жестоких убийц. Теперь, участвуя в войне против Митридата под командованием Флакка, он считал несправедливым, что он, имевший столько заслуг перед марианским правительством, должен подчиняться человеку, чьи заслуги были, по его мнению, гораздо меньшими. Поэтому вскоре Фимбрия составил заговор против собственного командующего. В результате заговора около города Никомедии в Малой Азии Флакк был убит и Фимбрия встал во главе армии.

Взяв в свои руки командование, Фимбрия стал действовать чрезвычайно энергично. Он разбил армию Митридата, которую возглавлял сын царя, а его советниками были его лучшие полководцы. Армия Фимбрии выбила Митридата почти из всей захваченной им провинции Азии. И Митридат был вынужден пойти на переговоры. Он решил воспользоваться противоречиями в римском лагере и начал переговоры с Суллой. Тому тоже был нужен скорейший мир, чтобы начать войну за отвоение Италии и Рима. В Дардане в 85 г. до н. э. был заключен мир, и это развязало руки Суллы. И прежде, чем возвращаться в Италию, ему было нужно разделаться с Фимбрией. Со своей победоносной армией Сулла двинулся на север, разбив по пути некоторые фракийские племена. Фимбрия не остался в долгу и тоже пошел навстречу Сулле. Но до сражения дело не дошло. Сулла развернул мощную агитацию и сумел переманить на свою сторону значительную часть фимбриевских солдат. А вскоре после этого сам Фимбрия был убит. Тогда большая часть оставшихся без полководца воинов Фимбрии тоже перешла к Сулле, а некоторые бежали к недавнему врагу Митридату. Зимой 85/84 и часть 84 г. до н. э. Сулла провел в Азии, реорганизуя эту провинцию, наказывая за недавнее присоединение к Митридату, а главное — собирая средства для нового витка гражданских войн.

Пока все это происходило на Балканском полуострове и в Малой Азии, в Риме сохранялось спокойствие. Ведущей фигурой правительства был, конечно, Цинна. После Флакка его коллегой стал Гней Папирий Карбон, с которым он делил консульство и в следующем 84 г. до н. э. Как только весть о решающих победах на Востоке дошла до Рима, Цинна и Карбон поняли, что час новой гражданской войны приближается. Они начали активно к ней готовиться. Производился набор новой армии, готовились припасы, ремонтировались корабли. Особую надежду Цинна и Карбон возлагали на новых граждан. И им удалось в короткий срок создать довольно сильную армию. Сулла, обладавший

немалым дипломатическим талантом, предварил свое возвращение в Италию соответствующей подготовкой. Он направил сенату послание с перечислением всех своих подвигов, с жалобой на несправедливые действия марьянцев по отношению к нему и с угрозой своего быстрого возвращения и мести врагам; правда, при этом он обещал не трогать невинных и простить всех новых граждан за их поведение во время недавней гражданской войны. Это послание вызвало страх в сенате, который направил специальное посольство к Сулле и запретил Цинне и Карбону набирать армию до получения ответа от Суллы. Инициатором отправки посольства и, по-видимому, запрещения производить набор был Люций Валерий Флакк, двоюродный брат бывшего марианского консула. Можно еще раз отметить, что, видимо, власть Цинны не была столь жесткой, как об этом писали многие античные авторы, воспроизводя мнения его врагов, раз сенат решился не только на своеволие, но даже на повеление консулам. Сенат явно оставался силой, враждебной марианцам.

По плану Цинны, войну надо было начать в Греции, не дав Сулле возможности переправиться в Италию. С этой целью Цинна сосредоточил на восточном побережье Италии значительную армию, чтобы частями переправить ее на противоположный берег Адриатического моря. Обычным портом для таких экспедиций был Брундизий, но Цинна, вероятно, решил, что переправиться оттуда непосредственно в Грецию будет трудно, поскольку Сулла мог ожидать именно такого развития событий, поэтому задумал высадиться на иллирийском побережье и уже оттуда двинуться против Суллы. Портом для переправы была выбрана Анкона. Оттуда весной 84 г. до н. э., как только позволила погода, армия начала переправу. Авангард сумел благополучно высадиться в Либурнии. Но когда в море вышли корабли со вторым отрядом, началась жестокая буря и значительная часть кораблей с солдатами погибла. Лишь немногие спаслись, вернувшись на побережье Италии, и сразу же разбежались по домам. Как только весть об этом событии достигла собравшегося в Анконе войска, солдаты подняли мятеж, заявив, что они не желают участвовать в братоубийственной войне.

Цинна в это время находился в Анконе, руководя переправой. Узнав о мятеже, он созвал солдатскую сходку и стал грозить бунтовщикам различными карами и даже приказал арестовать одного солдата. Это не только не успокоило воинов, но еще больше их распалило. В консула полетели камни. А те, кто находился рядом с ним, вероятно офицеры, закололи Цинну кинжалами. Как и Октавий три года назад, Цинна погиб во время своего консульства. Он не увидел победу Суллы.

Сын Цинны Люций после победы Суллы не был включен в проскрипционный список и сохранил жизнь. Но по инициативе Суллы был принят закон, который запрещал потомкам его осужденных противников занимать какие-либо общественные должности. Цинна, по-видимому, был посмертно осужден, так что его сыну путь политической карьеры был закрыт. Поэтому неудивительно, что молодой Цинна принял участие в антисулланском восстании Лепида в 78–77 гг. до н. э., а затем с остатками армии Лепида перебрался в Испанию к Серторию. После разгрома Сертория он оставался в Испании и вернулся в Рим только после того, как была объявлена амнистия всем участникам серторианского движения. Но закон о запрещении занятия должностей все еще был в силе, так что Цинна младший оставался частным человеком без всяких надежд на карьеру. Только в 49 г. до н. э. Цезарь отменил этот закон, и Цинна смог в 44 г. до н. э. стать претором. После убийства Цезаря он занял ясную антицезарианскую позицию, толпа сочла его участником заговора, и его с трудом спас Лепид.

У Цинны были также две дочери. Одна из них вышла замуж за Гнея Домиция Агенарба, активного участника войны с Суллой, умершего в 81 г. до н. э. в Африке. Другая стала первой женой юного Цезаря, когда тому было всего 16 лет. Отказ Цезаря развестись с ней по приказу Суллы привел к включению будущего диктатора в проскрипционный список, и только молбы влиятельных друзей склонили Суллу исключить его из этого списка. Все же Цезарь от греха подальше уехал из Рима, а Корнелия, по-видимому, оставалась там. Позже Цезарь вернулся и соединился с женой. Корнелия родила единственного законного ребенка Цезаря — дочь Юлию. Она умерла в 68 г. до н. э. На ее похоронах Цезарь выступил с надгробной речью, что по отношению к молодым женщинам в Риме было еще не принято, но привело к росту симпатий римлян к Цезарю.

Вернемся к событиям 80-х гг. I в. до н. э. После гибели Цинны, самого энергичного и способного деятеля антисулланской коалиции, единственным консулом остался Гней Папирий Карбон. Он не имел того авторитета, каким обладал Цинна, но все же первенство его в какой-то степени признавалось в той политической группировке, которая в это время правила в Риме и готовилась противостоять Сулле.

Имя Папиров носили как патрицианский, так и плебейский роды. Патриции Папирии играли видную роль на ранних этапах римской истории, но позже они сошли со сцены, а Папирии-плебеи приобретали все большее значение. Карбоны были ветвью плебейского рода Папиров. Первым Папирием Карбоном, занявшим общественную должность, был Гай, который в 168 г. до н. э. стал претором. Его сын, тоже Гай, был знаменитым оратором и другом Тиберия Гракха. Уже после ги-

бели Тиберия он был избран народным трибуном и в качестве такового провел закон о тайном голосовании по законопроектам в народном собрании. Позже, когда неожиданно и при странных обстоятельствах умер Сципион Эмилиан, возник слух, впрочем, никак не доказанный, что в смерти Сципиона каким-то образом замешан Карбон. Карбон был членом аграрной комиссии, созданной для проведения в жизнь реформы Гракхов, претором, а в 120 г. до н. э. консулом. Это было уже после убийства Гая Гракха, когда воцарилась сенаторская реакция и Карбон поспешил изменить своим прежним друзьям и взглядам и перейти на сторону сената. Он даже защищал в суде бывшего консула Люция Опимия, убийцу Гая Гракха. Но это ему не помогло, и для более поздних оптиматов Гай Карбон навсегда остался врагом.

Гней, младший брат Гая, сделал похожую карьеру, но уже в новой обстановке. Поэтому непосредственного участия в политической борьбе он не принимал. В 115 г. до н. э. он был претором, а через год — консулом. Именно в его консульство кимвры вторглись в пределы Римской республики. В качестве консула Карбон двинулся против них и был наголову разбит. Когда в 112 г. до н. э. он стал снова частным человеком, знаменитый оратор Марк Антоний за это поражение привлек его к суду. Карбон предпочел покончить жизнь самоубийством.

Старшим сыном этого неудачливого консула был Гней Папирий Карбон, о котором и пойдет речь. Как и его дядя, он был известным оратором, особенно блиставшим в политических диспутах на народных сходках и собраниях. Высокообразованные знатоки ораторского искусства, такие как Цицерон, его осуждали, но собравшемуся народу речи Карбона нравились. В результате он был избран народным трибуном на 92 г. до н. э. И на этом посту он столкнулся с сенатом. К сожалению, суть этого столкновения неизвестна. По-видимому, он предложил какой-то закон, на который один из его коллег наложил вето, но Карбон его игнорировал и продолжал настаивать на своем предложении, в результате чего возникли беспорядки. При обсуждении этого события в сенате оратор Люций Лициний Красс резко выступил против Карбона, назвав происшедшее мятежом, и его поддержал консул Гай Клавдий Пульхр, по докладу которого было принято специальное решение. В чем суть этого решения, тоже неизвестно. Но в любом случае это событие не отразилось на карьере Карбона. В 89 г. до н. э. он был претором и в качестве такового участвовал в Союзнической войне, успешно воюя против луканов, живших в Южной Италии. Тяжелые поражения луканам нанес легат А. Габиний, но он погиб при осаде лагеря, и ему на смену отправился Карбон. Он нанес окончательное поражение луканам, и это укрепило его авторитет.

И семейные традиции, и собственные политические взгляды привели Карбона в лагерь популяров, и он стал активным деятелем этой «партии». В 88 г. до н. э. он принял деятельное участие в движении Публия Сульпиция Руфа и после поражения оказался среди тех двенадцати лидеров движения, которые были изгнаны из Рима и даже объявлены вне закона. Когда в следующем году Цинна развернул открытую вооруженную борьбу с сенатом, Карбон тотчас примкнул к нему и возглавил один из трех корпусов его армии. При осаде Рима войска Карбона вместе с войсками Цинны стояли у самых стен города. И Карбон среди первых вошел в Рим после его капитуляции. Предварительно закон о его изгнании был отменен.

Хотя в первое время после победы Карбон оставался частным человеком, его влияние было довольно велико. Враждебно относившиеся к нему античные писатели всячески клеймят его как негодяя, безрассудного тирана, низкого человека, но не приводят при этом ни одного факта, подтверждающего обвинения. Создается впечатление, что основанием для них была только принадлежность Карбона к руководящей верхушке антисулланской коалиции. Если Карбон и принимал какое-то участие в марианском терроре после захвата Рима (никаких сведений об этом нет), то личной выгоды от этого он не получил. Он жил в довольно скромном доме, в котором было всего семь рабов, в то время как многих знатных римлян обслуживали сотни рабов. Известно о его покровительстве молодому Помпею, хотя отец Помпея Страбон был явным противником марианцев. Видимо, как и Цинна, он стремился расширить базу движения, одним из несомненных лидеров которого он был. То, что он в 85 г. до н. э. вместе с Цинной стал консулом и это их совместное консульство продолжилось и в следующем году, говорит о принадлежности Карбона к руководству марианцев.

Готовясь к войне с Суллой, консулы разделили между собой районы действий. Карбон отправился на север Италии и в Цизальпинскую Галлию. В дуэте с Цинной Карбон играл подчиненную роль, но после гибели коллеги он остался единственным консулом и сразу же выдвинулся как неоспоримый лидер всей антисулланской коалиции. Недаром иногда гражданскую войну, вспыхнувшую несколько позже, называли Карбоновой. По закону в случае смерти одного консула другой должен был организовать избрание нового на оставшийся срок, но Карбон под любыми предлогами затягивал эти выборы. Сначала Карбон отказался явиться в Рим для организации выборов, и только угроза некоторых народных трибунов отрешить его от должности за такое явное нарушение закона заставила Карбона прибыть в Рим. Но и после этого он находил различные предлоги, чтобы оттянуть созыв народного со-

брания до тех пор, пока выбирать консула на оставшееся небольшое время не стало бессмысленным. И были организованы выборы консулов на следующий год.

План Карбона радикально отличался от плана Цинны. Он решил не наносить упреждающий удар на Балканском полуострове, а, наоборот, заманив Суллу в Италию, здесь покончить с ним. Он рассчитывал на активную поддержку италиков, которые уже поддержали популяров во время войны с Октавием. Чтобы еще больше связать италиков со своим делом, Карбон провел меры по возможности реального осуществления новыми гражданами их гражданских прав. Видимо, он ускорил процесс регистрации новых граждан и распределения их по трибам. Начиная с 84 г. до н. э. они реально (а не только в теории) получили «право голосования», т. е. возможность избирать на все должности и быть избранными. Но одновременно он стал требовать у италийских общин и тех общин Цизальпинской Галлии, которые имели римское гражданство, заложников. Сенат решительно запретил это делать, но Карбон, по-видимому, пренебрег запретом, как и в прошлом году, когда вместе с Цинной продолжал подготовку к войне, несмотря на такой же сенатский запрет. Иногда он, правда, встречал сопротивление, как это случилось в Плаценции, где против этой практики, ссылаясь на решение сената, решительно выступил один из руководителей города Марк Каструций.

Стремлением объединить всех реальных и потенциальных сторонников было продиктовано и избрание консулов на следующий год. Карбон отказался выставить свою кандидатуру, и консулами были избраны Люций Корнелий Сципион Азиатский и Гай Норбан. Сципион, как и Цинна, принадлежал к патрицианскому знатному роду Корнелиев, но к еще более известной семье Сципионов. Свою карьеру он начал в конце прошлого века как монетарий, т. е. лицо, контролирующее выпуск монеты, был авгуром, претором, пропретором на Балканском полуострове и в этом качестве участвовал в военных действиях. Будучи столь знатным и известным, он в то же время был врагом Суллы и, таким образом, в определенной степени представлял ту часть римской аристократии, которая была оппозиционна сулланцам и просулланскому большинству сената.

В противоположность Сципиону Норбан был «новым человеком». Он даже был, если так можно выразиться, «новым гражданином». Вероятнее всего, он был первым человеком в своем роде, который получил римское гражданство и, став им и приняв римскую систему имен, произвел свое родовое имя, которое римляне считали главным, от названия родного города Норбы. Это имя было не очень обычным, ибо в отличие от большинства римских родовых имен, которые кончались на -ius, оно кончалось на -anus, как некоторые дополнительные имена. Это

не помешало Норбану заниматься активной политической деятельностью. Уже в 103 г. до н. э. он был народным трибуном, т. е. коллегой Сатурнина. Норбан активно поддерживал его. Будучи популяром, Норбан принимал активное участие в суде над бывшим консулом Квинтом Сервилием Цепионом, нобилем и убежденным оптиматом, обвиненным в «нанесении ущерба величию римского народа» за его поражение от кимвров и тевтонов. В 102 г. до н. э. Норбан был квестором и отправился вместе с претором Марком Антонием на войну с пиратами. И после окончания своего служебного года они оба оставались на театре военных действий — один как пропретор, другой как проквестор. Находясь далеко от Рима, Норбан не принял участие в движении Сатурнина в 101—100 гг. до н. э., но своих симпатий к своему бывшему коллеге не скрывал. Это вызывало ненависть к нему победивших оптиматов, и Норбан в 94 г. до н. э. сам был обвинен в «нанесении ущерба величию римского народа». Его блестяще защищал его бывший начальник знаменитый оратор Антоний, и он был оправдан. В 88 г. до н. э. Норбан был претором, но принимал ли он какое-либо участие в волнениях этого года, неизвестно. После этого он в качестве пропретора управлял Сицилией и оставил там очень хорошие воспоминания о своем управлении.

Избрание консулами Сципиона и Норбана символизировало объединение в одном лагере части нобилитета и италиков. Обеспечив, как он полагал, солидный тыл, Карбон стал ждать высадки Суллы. И в 83 г. до н. э. Сулла действительно высадился в Брундизии. Начался новый тур гражданских войн. В начале войны перевес был на стороне противников Суллы. Было уже подготовлено значительное войско, насчитывавшее 100 тысяч воинов, что в два с половиной раза превосходило численность армии Суллы, а позже это войско было еще увеличено. На их стороне было общественное мнение в Риме. Их поддерживало большинство италиков. Казалось, что план Карбона прекрасно сработает. Но он не учитывал закаленности сулланских воинов, их преданности своему командующему, а главное — военных способностей Суллы, так блестяще проявившихся во время войны с Митридатом. Военные же способности Норбана и особенно Сципиона никуда не годились. Уже в первом же сражении Норбан был разбит и отступил в Капую, а Сципиона Сулла просто обманул: он повел с ним переговоры, заключил перемирие, а затем сумел переманить к себе его воинов.

Карбон, узнав о поражениях, поспешил в Рим. Было необходимо принять меры, чтобы в условиях поражений все-таки укрепить свой тыл. Подозрительным оставался сенат. Хотя многие сенаторы, открыто выступавшие против марианцев, к этому времени перебрались к Сулле, особой уверенности в верности оставшихся у Карбона не было, ибо се-

нат в целом, кроме некоторых его членов, оставался ему оппозиционным. Чтобы запугать оставшихся сенаторов, Карбон провел решение об объявлении всех сенаторов, перебежавших к Сулле, врагами отечества. Историк Аппиан, рассказывающий об этом эпизоде, не уточняет, через какой орган Карбон провел это решение, но, учитывая, что в принципе принятие таких постановлений было прерогативой сената, можно думать, что именно сенат по настоянию Карбона такое решение принял. В таком случае принятием столь сурового решения Карбон связал оставшуюся часть сената с собой. Фактическое исчезновение армии Сципиона показало, что надо принимать и организационные меры. Больше не доверяя своим союзникам из числа сенаторов, Карбон провел на народном собрании выборы консулом следующего года снова себя, а своим коллегой выбрал Гая, сына Мария. Правда, юному Марию было всего 27 лет и до этого он не занимал никакой выборной должности, так что консулом он быть не мог, но Карбон сумел добиться его избрания. Враги Карбона, еще оставшиеся в городе, подняли голову и, воспользовавшись случившимся в эти дни пожаром в храме Юпитера, обвинили Карбона в поджоге. Впрочем, параллельно ходили слухи, что это дело агентов Суллы.

К зиме военные действия прекратились. В целом итог боев этого года был в пользу Суллы. Но Карбон и его сторонники не смирились с этим. Зима в этом году выпала необыкновенно суровая, и это заставило противников остановить активные действия. Карбон и Марий воспользовались возникшим фактическим перемирием, чтобы подготовиться к новой кампании. Произведен был набор новых войск как в самой Италии, так и в Цизальпинской Галлии. Но когда весной 82 г. до н. э. военные действия возобновились, марианцы снова стали терпеть поражения. Театры военных действий были разделены между консулами так, что Карбон вновь, как и во времена Цинны, действовал уже на привычном ему севере. Его легат Гай Каррина был разбит Метеллом. Карбон пришел на помощь и окружил Метелла. Положение последнего было весьма тяжелым, и его разгром мог бы стать поворотным пунктом в войне, но в это время Марий был наголову разгромлен в Лации у города Пренесте, и это сразу же изменило положение. Карбону пришлось снять осаду с армии Метелла и двинуться на юг. Посланный на помощь Метеллу Помпей стал нападать на войска Карбона с тыла. В этих условиях Карбону изменил его квестор Г. Веррес. С огромной суммой денег, которые ему как квестору были доверены для выплаты жалования войнам и оплаты продовольствия, он перешел на сторону Суллы. Измена лишила Карбона огромных средств, с трудом собранных им, и во многом предопредила дальнейший ход событий.

Армии Карбона и Мария терпели поражение за поражением. Марий, опасаясь возможной измены сенаторов, вообще решил перебить многих из них, что и было сделано по его приказу тогдашним претором Люцием Брутом. Реакция Карбона на это бессмысленное избиение неизвестна. Но среди убитых был его двоюродный брат Гай Папирий Карбон Арвина, так что едва ли он отнесся к этому акту с большим восторгом. Главная ставка Карбона располагалась в городе Аримин на границе Италии и Цизальпинской Галлии. Здесь к нему присоединились войска бывшего консула Норбана. Сюда пришла и часть италиков под командованием Альбинована. Собрав все эти силы, Карбон обрушился на войска Метелла, но потерпел поражение, следствием которого стал переход части италиков на сторону сулланцев. Норбан, совершенно растерявшись, вообще бежал из Италии на Родос, связь с которым у него существовала еще со времени его участия в войне с пиратами в этом районе. Но, увидев, что родосцы не собираются его активно поддерживать, Норбан покончил с собой.

Теперь главной задачей Карбона стало освобождение Мария, осажденного в Пренесте. Однако посланные им легионы под командованием Люция Брута не смогли преодолеть горные проходы, защищаемые сулланцами. Часть войск Карбона потерпела поражение от Метелла, а основная их часть во главе с самим Карбоном была разбита Марком Лицинием Лукуллом. И хотя часть марианцев, особенно италики-самниты, еще продолжали упорно сражаться, Карбон понял, что война в Италии проиграна. Еще раньше из Италии в Испанию направился Серторий. Теперь его примеру решил последовать Карбон. С частью своей армии он переправился в Африку. Оставшаяся в Италии другая часть его армии была разбита Помпеем. Сулла захватил Рим; вскоре после этого пал Пренесте, в котором погиб Марий, а через некоторое время в результате измены был захвачен последний оплот марианцев — Норба, родной город Норбана.

Карбон, находившийся в Африке, стал собирать силы для новой войны с Суллой. В его распоряжении был флот, с помощью которого он переправился на Сицилию, чтобы этот самый близкий к Италии остров сделать базой для возобновления войны. В Африке же был оставлен зять Цинны Гней Домиций Агенобарб. Власть Карбона признала и Сардиния. Сулла, укрепившись в Риме, направил против Карбона армию во главе с Помпеем. Наместник Сицилии Марк Перперна перешел на его сторону. Карбон бежал на остров Коссурю, но Помпей направил туда свой отряд. Полностью лишившийся поддержки, Карбон был схвачен и приведен к Помпею, где претерпел череду унижений и был убит в начале 81 г. до н. э.

IV. БЛАГОРОДНЫЙ МЯТЕЖНИК КВИНТ СЕРТОРИЙ

Одним из виднейших деятелей антисулланской коалиции был Квинт Серторий.

Он родился в 123 г. до н. э., т. е. был почти ровесником Друза, но в отличие от него был не сенатором, а всадником. Да и среди всаднических родов его род ничем не выделялся. Родиной его был сабинский город Нурсия в горной части Италии, но он все же был римлянином, а не италиком, и его род занимал видное положение в этом небольшом италийском городке. Серторий рано потерял отца, и его воспитывала мать, нежную любовь к которой он пронес через всю свою жизнь. А жизнь он начал как идеальный римлянин. Получив неплохое образование, особенно в области права, он научился красноречию и, обладая значительными способностями, рано выделился среди сверстников и земляков, так что мог рассчитывать на хорошее положение в родном городе. Но он стремился к большему.

В 18 лет он начал служить в армии. В это время римским владениям в Галлии угрожали кимвры и тевтоны, и армия под командованием Квинта Сервилия Цепиона, в которой служил Серторий, направилась против опасных врагов. Под Араузионом он впервые в своей жизни вступил в сражение. Это сражение закончилось полным поражением римлян. Но Серторий в этой битве прославился. Он сражался в коннице, потерял коня, был ранен, но в панцире и со щитом сумел переплыть бурную реку Родан и не только спастись, но и сохранить вооружение. Это очень ценилось в Риме. И юноша сразу стал знаменит. Теперь Серторий служил в армии, воевавшей против тех же «варваров» в Галлии, но уже под командованием Мария. И здесь Серторий не остался в тени. Однажды Марий направил его в разведку. Серторий, одевшись по-кельтски и выучив несколько наиболее распространенных фраз, проник в лагерь врагов и принес оттуда очень ценную информацию. Затем он неоднократно участвовал в боях, проявляя и смелость, и смекалку. Марий

не мог не отличить храброго и разумного воина. Но Серторий, похоже, относился к своему полководцу скептически. Уже будучи прославленным воином, молодой Серторий в 98 г. до н. э. вступил в армию консула Тита Дидия в качестве военного трибуна, т. е. одного из офицеров легиона. Дидий был направлен с войском в Испанию. Так Серторий впервые попал в эту страну, с которой будет тесно связана его дальнейшая судьба.

Римские войска впервые появились в Испании в 218 г. до н. э. в самом начале войны с Ганнибалом. По миру, заключенному с Карфагеном в 201 г. до н. э., карфагеняне отказывались в пользу римлян от своих владений в Испании, но сами испанцы не собирались подчиняться новым господам. Тем более этого не желали те испанские племена, которые и карфагенянам не подчинялись. Начались долгие и утомительные испанские кампании римской армии. Римляне не раз одерживали блестящие победы, и их полководцы праздновали заслуженные триумфы. Но испанцы продолжали сопротивляться, и конца этим войнам, казалось, не было видно. Правда, приблизительно в середине II в. до н. э. были одержаны решительные победы. Был коварно убит вождь племени лузитан Вириат, созданное им объединение вскоре распалось, и лузитаны потерпели тяжелое поражение. В 133 г. до н. э. Сципион Эмилиан после долгой осады захватил город Нуманцию в центральной части страны, где жили кельтиберы. Римляне сочли, что испанский вопрос окончательно решен. Специальная сенатская комиссия рассмотрела положение в стране и упорядочила управление ею. Были уточнены границы между двумя римскими провинциями: Ближней Испанией и Дальней. Но многие испанцы продолжали сопротивление. В 99 г. до н. э. испанские племена кельтиберов и вакцеев разбили претора Ближней Испании Гая Целия Кальда. Положение стало столь серьезным, что в следующем году в Ближнюю Испанию был направлен сам консул. Вместе с ним туда прибыл и Серторий.

Дидий решительно взялся за наведение порядка в этой провинции. Он коварно пообещал некоторым испанцам земли соседнего города Коленды, а когда они ему поверили, он, разделив их предварительно на мужчин, женщин и детей, окружил и полностью уничтожил. Римляне расценили это жестокое коварство как великий подвиг. Испанцы, разумеется, восприняли его совершенно иначе. Борьба продолжалась. Дидию было продлено командование в ранге проконсула еще на пять лет, до 93 г. до н. э., и все это время рядом с ним находился Серторий. В глазах римлян он прославился в результате событий в городе Кастулоне. Там местные жители, воспользовавшись беспечностью римского гарнизона, восстали и с помощью соседей из города Истурги многих

римлян перебили. Серторию с группой воинов удалось бежать. Собрал из уцелевших солдат отряд, он, в свою очередь, воспользовался беспечностью кастулонцев, которые оставили открытыми городские ворота, ворвался в город и перебил восставших. А затем он передел своих воинов в местную одежду и с ними напал на Истурги, где ничего не подозревавшие жители впустили якобы соотечественников в город. Серторий со своими воинами перебил часть врагов, а когда остальные сдались, продал их в рабство. Для римлян Серторий стал героем. Но, как ни странно, и испанцы восхищались им. Имя Сертория отныне было известно во всей стране, и это повлияло на последующие события.

В 93 г. до н. э. Дидий вернулся в Рим. Он отпраздновал пышный триумф за победы в Кельтиберии в Испании, и в рядах победоносной армии шагал, вероятно, и Серторий. Вскоре после этого Серторий был избран квестором и в качестве такового был направлен в Цизальпийскую Галлию, т. е. Галлию по эту сторону Альп. Эта провинция была расположена непосредственно к северу от Италии, от которой практически не была отделена никакими природными рубежами. Это обстоятельство делало ее очень важной и в политическом, и в стратегическом отношении. Обстановка в Риме и Италии была очень напряженной. После провала попытки Друза предоставить римское гражданство италикам те стали готовиться к войне за эти права. Хотя подготовка, естественно, велась втайне, все более настойчивые слухи о грядущей войне распространялись в Риме, и римляне, по крайней мере наиболее дальновидные из них, не обманывались в ощущении опасности этой войны. В этих условиях роль Цизальпийской Галлии еще более возрастала. Серторий, став ее квестором, постарался подготовить провинцию к войне. Он принял энергичные меры, собрал воинов и оружие, укрепил города, подготовил необходимые припасы, проявив во всем этом уже не военные, а административные способности.

Когда в 90 г. до н. э. разразилась Союзническая война, Серторий принял в ней активное участие. Одним из командующих римской армии был Дидий. Хотя официально он подчинялся консулу этого года Сексту Юлию Цезарю, на деле, как и другие командиры римской армии, действовал самостоятельно на своем участке фронта. И он, по-видимому, предложил Серторию снова воевать вместе с ним, теперь уже в ранге легата, т. е. одного из своих помощников. Серторий сражался отважно и, вероятно, именно в этой войне потерял глаз. В одном из сражений погиб Дидий. Это было тяжелым ударом для Сертория: он потерял покровителя, а других у него в Риме, по-видимому, не было.

В 88 г. до н. э., когда происходили волнения в самом Риме, а затем началась первая гражданская война, закончившаяся захватом Рима

Суллой, Серторий выставил свою кандидатуру в народные трибуны. Он был в это время чрезвычайно популярен в Риме. Слава о его подвигах гремела повсюду, а его раны, особенно потерянный глаз, не давали возможности забыть о его деяниях. При его появлении в театре толпа восторженно ему рукоплескала. Но против него выступил Сулла, и это решило дело. Свою популярность и восторг народа Серторий явно переоценил, да и в условиях победы Суллы в пока еще короткой гражданской войне этот восторг не мог иметь решающего значения. Надежных связей и покровительства у Сертория в Риме не было. Большую часть своей карьеры Серторий сделал вне Рима, так что бурные события в городе в значительной степени прошли мимо него, и никаких связей он завязать просто не успел. По своим личным политическим контактам Серторий до этого времени был связан скорее с аристократическими группировками. Службу он начал под знаменами Цепиона, который в свое время навлек на себя ненависть демократов. Позже он служил под командованием Мария, но, как уже говорилось, относился к нему скептически. Покровитель Сертория Дидий был «новым человеком», но верно служил сенаторской олигархии: в 103 г. до н. э. он, будучи народным трибуном, пытался спасти от суда того же Цепиона, обвиненного в нанесении ущерба величию римского народа за проигранную битву при Араузионе, и за свою позицию даже подвергся насилию, а позже, став консулом, вместе со своим коллегой Метеллом провел уже упоминавшийся закон, запрещающий объединять в одном «пакете» разнохарактерные законопроекты и устанавливавший большой срок между внесением закона и голосованием, что в то время имело явную антидемократическую направленность. Учитывая контакты Сертория, можно предполагать, что политических противоречий с Суллой у него не должно было быть. Едва ли между ними могли встать какие-либо личные противоречия, ибо в предшествующее время пути Сертория и Суллы не пересекались. Но противоречия все же были. Возможно, Сулла просто хотел видеть на посту народного трибуна своего человека. Но главное, как кажется, было другое.

Видимо, популярность Сертория сыграла с ним злую шутку. Свежий пример трибуната Руфа еще раз показал, насколько опасной может стать эта должность в руках человека, которого поддерживает толпа. Популярен и поэтому опасный, но в то же время беззащитный из-за отсутствия сильного покровителя или «партии», Серторий был обречен на поражение. Серторий учел этот урок. Он стал «партийным», а ненависть к Сулле, погубившему его политическую карьеру, решила выбор. С этого времени он стал ярким врагом Суллы и его приверженцев.

Уже после захвата Рима Сулла провел выборы консулов на следующий год. Одним из них стал его сторонник Гней Октавий, но вторым консулом вопреки ожиданию Суллы был избран не его племянник Ноний, а его ярый враг Люций Корнелий Цинна. Когда между Цинной и Октавием началась борьба, среди вооруженных сторонников Цинны был и Серторий. Но в развернувшейся схватке Цинна и его отряд потерпели поражение. Серторий к этому времени был уже сенатором. Вероятно, он вступил в сенат в качестве квестория после исполнения им обязанностей квестора Цизальпинской Галлии. Но в сенате, большинство которого явно было на стороне Суллы и Октавия, он чувствовал себя неуютно. И он не был единственным. Сенаторами, выступившими на стороне Цинны, были некий Гай Милоний, о котором больше ничего не известно, и Гай Марий младший, сын Мария. Все трое предпочли покинуть Рим и присоединиться к Цинне.

В Риме сулланцы торжествовали. Сенат официально отрешил Цинну от консульства и даже лишил его гражданских прав. Консулом вместо него стал Люций Корнелий Мерула. Но Италия в основном поддержала Цинну. В Италию стали возвращаться ранее бежавшие оттуда противники Суллы, в том числе сам Марий. Сначала Серторий возражал против присутствия Мария, опасаясь его необузданного характера, но затем был вынужден согласиться. Антисулланцы начали формировать свои армии, и Серторий принял в этом самое активное участие. Было создано четыре армии, и во главе одной из них встал Серторий. Он к этому времени уже выделился как один из видных антисулланских лидеров, доказавший наличие у него не только ясной политической позиции, но и значительных военных способностей. Четыре армии двинулись на Рим, осадили его (при этом армия Сертория расположилась на левом берегу Тибра) и в конце концов вошли в Рим. Среди победителей был и Серторий.

После взятия Рима победители, как уже об этом говорилось, обрушили на римлян невиданный доселе террор. Особенно бесчинствовали так называемые бардиэи, личная гвардия Мария. Это встревожило часть марианцев, к которым принадлежал и Серторий. Со своим отрядом он вместе с Цинной окружил бардизев и уничтожил их.

Этот поступок Сертория не был случайным. Антисулланская коалиция была довольно разнородной. Серторий представлял в ней антиаристократическую и даже антимарианскую оппозицию. Понимая невозможность защиты своих позиций в одиночку, он, видимо, занялся формированием своей «партии». И это, по всей вероятности, вызвало подозрения других лидеров победившей коалиции. Консулами на 86 г. до н. э. были избраны Марий и Цинна, но Марий очень скоро умер.

Самым авторитетным лидером коалиции стал Цинна. Каково было его отношение к Серторию, неизвестно. Но после бурных событий 87 г. до н. э. он на несколько лет исчезает из поля зрения античных авторов. Казалось бы, та роль, которую сыграл Серторий в этих событиях и особенно в свержении сулланского режима, обеспечила ему видное место в новом правительстве. Но этого не произошло. Конечно, вполне возможно, что Серторий получил от Цинны то, чего он не мог получить из-за противодействия Суллы, — трибунат. Но подтверждений такому предположению нет. Возможно также, что в 83 г. до н. э. он был претором. Однако даже если он и занял в какое-то время этот пост, то в своей деятельности был, вероятно, блокирован партнерами по борьбе с Суллой и сулланцами и ничего значительного совершить не мог.

Между тем положение осложнилось. Сулла разгромил Митридата и в 85 г. до н. э. заключил с ним мир. Его победоносная армия была готова к высадке в Италии и отвоеванию Рима. Находившееся в Риме правительство попыталось опередить Суллу, но смерть Цинны лишила антисулланскую коалицию самого энергичного и способного ее деятеля. Оставшиеся лидеры коалиции не имели ни авторитета, ни военных способностей Цинны. А война приближалась.

Весной 83 г. до н. э. сорокатысячная армия Суллы высадилась в Брундизии. Город благосклонно ее принял, и это сразу дало Сулле прекрасный плацдарм для дальнейших военных действий. Закаленные упорной войной с Митридатом, гордые своей недавней победой, уверенные в славе и мощи своего победоносного полководца, солдаты с удовольствием пошли за Суллой, хотя первоначально соотношение сил было явно не в его пользу. Его войску противостояли армии его противников общей численностью в 225 тысяч человек. Но антисулланские полководцы были бездарны и пассивны. Одной из армий командовал консул этого года Люций Корнелий Сципион Азиатский, а одним из его легатов был Серторий. Еще до начала войны он был назначен наместником Ближней Испании, возможно, в ранге пропретора или даже проконсула, хотя консулом он никогда не был. Отправляя Сертория в далекую Испанию, главы правящего режима стремились удалить как можно дальше своего политического противника внутри самой коалиции. Но начавшаяся война изменила ситуацию, и Сертория, известного своими военными способностями, пришлось назначить одним из помощников Сципиона. Но долго действовать в Италии ему не пришлось.

Сципион, хотя и был наследником славного имени, авторитетом в своей армии не пользовался, да и способностей был весьма скромных. Этим решил воспользоваться Сулла. Он завел со Сципионом перегово-

ры о мире, надеясь выиграть время и переманить на свою сторону его солдат. Такую тактику он уже использовал на Востоке. Сципион попался на эту удочку и заключил с Суллой перемирие. Напрасно Серторий убеждал его не верить Сулле и использовать свое численное преимущество для нанесения удара. Сципион его не послушался, и Серторий понял, что рассчитывать на него как на полководца нельзя. Со своим отрядом он покинул армию Сципиона и захватил важный в стратегическом отношении город Суэсс, находившийся на стороне Суллы. Сулла выразил за это претензии Сципиону, и тот осудил действия своего легата. И это переполнило чашу терпения Сертория. Еще до этого эпизода, когда антисулланские лидеры совещались по поводу выдвижения кандидатур в консулы на следующий год, Серторий решительно выступил против выдвижения Мариа младшего. Но его не послушались, кандидатура сына Мариа была выдвинута, и он вместе с Карбоном был избран консулом на 82 г. до н. э. Серторий понял, что его окончательно оттесняют на задний план, а занявшие руководящее положение аристократы не в силах противостоять Сулле. И у него возник оригинальный план.

Воспользовавшись уже имевшимся назначением в Испанию, он решил со своими сторонниками отправиться туда и, предвидя полное поражение в Италии, сделать из этой страны плацдарм для наступления на Италию по тому пути, по какому когда-то шел Ганнибал, вторгшийся через Пиренеи и Альпы на Апеннинский полуостров. И в конце 83 г. до н. э. Серторий отправился в Испанию. С отрядом из своих сторонников он добрался до Пиренеев, но там его застигла непогода, а главное — занимавшие горные проходы «варвары» не захотели его пропускать, требуя за это денег. Друзья Сертория пытались его убедить с боем прорваться через горы, но Серторий прекрасно понимал, что для него сейчас важнее всего выиграть время, не тратя его на бои с горцами, дабы успеть укрепиться в стране до неминуемого прихода туда сулланских войск, ибо в победе Суллы в Италии он уже не сомневался. Серторий выдал горцам требуемые деньги и получил свободный проход в провинцию.

Заняв Ближнюю Испанию, Серторий начал активно готовиться к новой войне. Возможно, что его власть распространялась фактически и на Дальнюю Испанию. В населении обеих провинций надо выделить два основных элемента. Одним были итальянские поселенцы, перебравшиеся в Испанию, другим — местные жители. Среди них романизация уже сделала значительные успехи, особенно в долине Ибера в Ближней Испании и в долине Бетиса в Дальней, а также на побережье Средиземного моря. Но в целом эти два элемента еще в значительной степени

противостояли друг другу. Колонисты, естественно, пользовались поддержкой римских властей, которые рассматривали основную массу местных жителей как презренных «варваров», которых нужно только подчинять и эксплуатировать. Серторий же в предвидении войны с Суллой решил опереться на оба элемента испанского населения. Он вооружил всех поселенцев, способных носить оружие, и приказал им изготавливать различные военные машины, а приморским городам — строить военные корабли. На примере италийской кампании он понял большое значение городов и, чтобы не допустить их отпадения в решающий момент, взял их под строгий контроль. Но переселенцами Серторий не ограничился. Полное покорение Испании еще далеко не завершилось. Испанцы были готовы восстать в любой подходящий момент, а гражданская война явно была таким моментом. И Серторий обратил на местное население особое внимание. Прежде всего он резко изменил сам стиль общения с туземцами. Вместо гордого, высокомерного и весьма корыстного наместника перед ними предстал человек вежливый, спокойный, обходительный и бескорыстный. И это сразу привлекло к нему симпатии местной знати. Он снизил подати и стал выводить из местных городов гарнизоны, содержание которых ложилось на население этих городов. Зимой он стал располагать военных не в самих городах, а в пригородах, дабы уменьшить их контакты с местными жителями. И свою резиденцию он тоже устроил в пригороде. При решении различных дел, которыми должен был заниматься наместник, он старался выносить как можно более мягкие приговоры. Авторитет Сертория резко вырос. Но его оказалось недостаточно.

Пока Серторий готовился к тому, чтобы сделать из Испании плацдарм для новой войны, в Италии Сулла одержал полную победу. В 82 г. до н. э. он захватил Рим и обрушил на римлян жесточайший террор, перед которым померкли все воспоминания о марианском терроре. Затем он ввел в этот террор своеобразный порядок, составив так называемые проскрипционные списки, в которые вносились имена тех, кто был объявлен вне закона. В эти списки, естественно, попал и Серторий. В конце 82 г. до н. э. Сулла стал пожизненным диктатором, что окончательно оформило его единоличную власть. В следующем году Сулла назначил Гая Анния Луска, одного из своих сторонников, наместником Испании в ранге проконсула, распространив, по-видимому, его власть на обе испанские провинции. Еще до этого, понимая неизбежность подобного поворота дел, Серторий послал отряд из 6 тысяч воинов во главе с Ливием Салинатором занять горные проходы. И когда Анний со своей армией подошел к Пиренеям, прорваться через эти проходы он не смог. Тогда в ход пошло коварство. Некий Кальпурний

Ланарий, видимо не без поощрения Анния, убил Ливия, и его воины, лишившись командира, самовольно покинули свои позиции. После этого армия Анния свободно перешла Пиренеи и вторглась в Испанию. Серторий пытался оказать сопротивление, но неудачно. Его войска были разбиты, а сам он бежал в Новый Карфаген, бывший в то время столицей Ближней Испании. Но и там отсидеться ему не удалось. Его армия была разбита, а получить значительную поддержку от населения Испании, как от переселенцев, так и от туземцев, он не смог: времени для укрепления своего авторитета среди них не хватило. И Серторий решил бежать. С тремя тысячами воинов, сохранивших ему верность, он сел на корабли и направился в Африку.

Эти события нанесли тяжелый удар по Серторию и его надеждам. Он метался, не зная, что предпринять. В Африке он сначала тоже потерпел неудачу, когда его воины проявили беспечность и на них напали мавританцы, убив многих из них. Тогда Серторий с оставшимися воинами снова направился к испанским берегам, но высадиться не смог. С помощью присоединившихся к нему киликийских пиратов он сумел захватить остров Питиуссу, разбив оставленный там Аннием гарнизон, но закрепиться там не смог, ибо в ходе морского сражения с посланным Аннием флотом его корабли были бурей отнесены к скалистому берегу, где многие из них погибли. Оставшиеся корабли Сертория несколько дней носило бурей по волнам Средиземного моря, пока он не сумел пройти пролив между Европой и Африкой (Гибралтарский) и высадиться в районе устья Бетиса. Там он встретил моряков, приплывших откуда-то с океанских островов; они рассказали ему об Островах блаженных, расположенных в океане.

Представления о существовании за пределами обитаемого мира какой-то счастливой страны, где нет места ужасам существующего современного мира, были свойственны разным народам. В греческой литературе они выражены уже Гомером в «Одиссее» в виде повествования о Елисейских полях, являвшихся обиталищем душ героев, не подверженных обычной участи мертвеца уйти в мрачное царство Аида. Такие представления особенно оживают во времена социальных и политических бурь, когда порой кажется, что никакого другого спасения уже нет и быть не может. Но если гомеровские герои, как, например, спартанский царь Менелай, должны уйти туда только после смерти, то в период жизни Сертория Острова блаженных представлялись уже реальным местом, куда и при жизни вполне можно добраться и где такого путешественника не достигнут земные власти. При этом, видимо, старые утопические мечты сливаются с туманными сведениями о каких-то реальных островах в Атлантическом океане. Описание

этих островов с их мягким и влажным, но не дождливым климатом, плодородной землей, слабой разницей между временами года слегка напоминает Канарские острова. И вот туда Серторий, измученный постоянными неудачами, и решил отправиться, ибо там наконец надеялся найти убежище, где его не достанут ни неверные союзники, ни длинные руки Суллы.

Однако спутники Сертория его не поддержали и даже были готовы покинуть его; видимо, жажда немедленной добычи оказалась сильнее надежды найти мир и покой за краем земли. Сразу же Сертория покинули его союзники — киликийские пираты. Они направились в Африку, где свергнутый с трона мавританский царь Аскалид обратился к ним за помощью. И Серторий тоже решил вмешаться в мавританские дела, выступив против Аскалида. Прибыв в Мавританию, он почти сразу же вступил в бой. Армия Аскалида была разбита, и сам он со своими братьями бежал в город Тингис на берегу океана. Серторий со своим отрядом осадил Тингис. Сулла, понимая, что Серторий в случае победы сможет превратить Мавританию в свою опорную базу, направил туда Пакциана с сильным отрядом. Это был богатый и крупный землевладелец Южной Испании, ярый сторонник Суллы. По-видимому, Сулла торопился покончить с Серторием, не теряя времени, которое понадобилось бы для посылки армии из Италии. Но Серторий разбил войска Пакциана, а сам Пакциан был убит. После этого он продолжил осаду Тингиса и взял его. Эта победа сделала Сертория фактически господином Мавритании. Но победы в Африке снова вдохновили его, и он опять был готов сделать все, чтобы свергнуть ненавистный сулланский режим. Поэтому он ограничился восстановлением власти местного царя, взамен получив от него мавританских всадников и какую-то долю добычи. Он стал готовиться к войне. Но очень скоро положение изменилось радикально. В 80 г. до н. э. Серторий получил предложение лузитан возглавить их в восстании против римлян. И он, не колеблясь, принял это предложение.

Лузитаны жили на западе Пиренейского полуострова. В течение многих лет и десятилетий они вели упорную борьбу с римлянами. К 80 г. до н. э., казалось, борьба закончилась, и лузитаны подчинились, их территория была включена в провинцию Дальняя Испания. Но гражданская война, по-видимому, возбудила надежды лузитан вернуть себе независимость. Лузитаны, как и все испанцы, в своих отношениях с Римом избирали себе патронов из числа хорошо им известных деятелей. Серторий к этому времени прославился в Испании своими подвигами и воинским умением, давшими ему не только славу у соотечественников, но и уважение испанцев, а во время своего недавнего пребывания в ка-

честве наместника он продемонстрировал качества умелого и справедливого администратора, что снискало ему расположение населения. Для Сертория приглашение испанцев стало единственной возможностью продолжить борьбу с сулланским правительством. Пропретором Дальней Испании был в это время Люций Фуфидий, ярый сулланец, который и подал в свое время Сулле мысль создать проскрипционные списки. Ближней Испанией управлял другой сулланец — Марк Домиций Кальвин. Так что для Сертория борьба с ними была не мятежом против собственного государства (чем она реально, конечно, являлась), а продолжением гражданской войны.

Со своими воинами, в число которых входили и мавританские всадники, он, оставив в Африке небольшой отряд на случай, если придется вернуться, ночью переправился через пролив. Лузитаны с восторгом приняли его и провозгласили своим верховным вождем. Сил у Сертория было немного: 6600 пехотинцев, 4 тысячи из которых были лузитанами, и 1400 всадников (700 лузитанских и столько же мавританских). Тем не менее он активно начал военные действия. В морском сражении был разбит флот под командованием Марка Аврелия Котты, а затем в упорном сражении на берегах Бетиса Серторий разбил армию Фуфидия. Фуфидий обратился за помощью к Кальвину. Стремясь не допустить соединения вражеских сил, Серторий направил против Кальвина часть своей армии во главе с Люцием Гиртулеем. Гиртулей был активным врагом Суллы, но большой карьеры в антисулланской коалиции не сделал. В 86 г. до н. э. он был квестором, и Серторий сохранил за ним этот ранг. Вместе с Серторием он покинул Италию и оставался ему верным соратником, несмотря на все превратности. В армии Сертория Гиртулей пользовался огромным авторитетом. И позже Серторий не раз поручал ему командование самостоятельными частями войска. А когда много позже Гиртулей погиб, Серторий убил вестника его смерти, чтобы слух о гибели Гиртулея преждевременно не распространился в армии.

Гиртулей разбил Кальвина. И после этой победы значительная часть испанских племен уже на территории Ближней Испании присоединилась к Серторию. Часть испанцев, как и лузитаны, признали его своим верховным вождем, а кельтиберы объявили его своим патроном, а себя его клиентами. Значительная часть испанцев «посвятила» себя Серторию: они дали клятву умереть вместе с ним, шли за ним, не раздумывая, и с риском для жизни спасали его в случае необходимости. Это был древний кельтский обычай, засвидетельствованный не только в Испании, но и в Галлии. В глазах кельтиберов Серторий выступал наследником их старой родовой аристократии. Они питали почти мистическую

веру в этого человека и видели знак особого покровительства ему сверхъестественных сил в белой лани, которая всюду его сопровождает, ибо культ оленя был широко распространен на Пиренейском полуострове.

Победы Сертория привлекали к нему все большее число испанцев. Сулле встревожило положение в Испании. На место Фуфидия он послал Квинта Цецилия Метелла Пия. Мы уже встречались с ним в рассказе о Ливии Друзе. Он был сыном полководца, сражавшегося против Югурты, и упорного врага Мария. И сам Метелл уже прославился и на военном, и на гражданском поприще. Он был претором в 89 г. до н. э. и пропретором, принимал активное участие в гражданской войне на стороне Суллы, одержав ряд важных побед, а в 80 г. до н. э. был консулом вместе с самим Суллой, который ему безгранично доверял. В следующем году Сулла сделал его проконсулом Дальней Испании, отправив вместе с ним значительную армию, состоящую из двух легионов и большого количества вспомогательных частей. Главной задачей Метелла была война с Серторием.

Метелл был более опытным и известным полководцем, чем Кальвин, и он фактически взял на себя руководство военными операциями на Пиренейском полуострове. Метелл разработал план одновременного удара по Серторию действиями своего войска и войска Кальвина: они должны были взять армию Сертория в тиски и раздавить ее в них. Но Серторий, предвидя действия сулланских наместников и понимая всю их опасность, опередил противников. Он снова направил Гиртулея против Кальвина, а сам обрушился на Метелла. И тут, и там были одержаны победы. План Метелла провалился. Теперь он действовал без спешки. Главной задачей Метелл считал установление контроля над важнейшими дорогами и овладение некоторыми городами. С этой целью был основан ряд римских лагерей и городков. Серторий тоже не решался на окончательное сражение и ограничился неожиданными рейдами и разгромом отдельных частей противника. Метелл обратился за помощью к наместнику Трансальпинской Галлии Люцию Манлию, но его войска были встречены в Пиренеях частями Гиртулея и разбиты. Серторий сумел установить хорошие отношения с аквитанами, живущими по ту сторону Пиренеев, и угроза с их стороны окончательно парализовала Манлия, так что о помощи Метеллу и Кальвину не могло быть и речи. Война затягивалась.

В 79 г. до н. э. Сулла неожиданно отказался от власти, а в следующем году умер. Но у власти в Риме остались его сторонники, так что Серторий не имел основания прекращать борьбу. Но вскоре в среде сулланцев обнаружили противники существующего режима. Бывший

активный сторонник Суллы Марк Эмилий Лепид поднял восстание с целью восстановления досулланского положения, но был разбит под стенами Рима. Остатки его армии переправились на Сардинию, где Лепид умер, а во главе отряда встал Марк Перперна. Перезимовав на Сардинии, Перперна решил отправиться в Испанию и присоединиться к Серторию. 20 тысяч пехотинцев и 1500 всадников под командованием Перперны высадилось на Пиренейском полуострове. Перперна попытался самостоятельно воевать с Метеллом, но неудачно, а его воины все настойчивее требовали объединить все силы и сделать общим командующим Сертория, слава которого уже гремела не только в Испании, но и в Италии. По происхождению Перперна был гораздо знатнее Сертория и отличался повышенным самомнением, но в конце концов ему пришлось уступить. Обе армии объединились, и Серторий встал во главе всех антисулланских сил в Испании. Это усилило повстанцев, хотя и сделало их силы более разнородными.

Серторий не ограничился военными действиями. Он принялся за организацию своего государства, которое противопоставил тому, где господствовали сулланцы. В качестве первого шага Серторий учредил в Испании сенат. Конечно, даже после прибытия в Испанию Перперны и его людей там не могло быть столько сенаторов, чтобы создать полноценный легальный орган. Серторий просто выбрал из числа своих сторонников (разумеется, только римлян) какое-то количество, из которых и создал сенат. Перперна и другие сенаторы, прибывшие в Испанию, были включены в его состав. В римской истории это, пожалуй, первый случай создания в восставшей провинции органа, претендующего на замену правительства, находившегося в Риме. Правда, несколько раньше, когда Сулла находился на Востоке, к нему перебежало столько нобилей, что вокруг него собралось некое подобие сената. Однако сам Сулла не считал его полномочным органом и действовал самостоятельно, а желая начать пропагандистскую кампанию в Италии, обратился с письмом именно в римский сенат. К тому же в лагере Суллы находились именно сенаторы в отличие от большинства тех, кто собрался вокруг Сертория. Возможно, примером для Сертория послужил Сульпиций Руф, создавший как раз в год, когда Серторий решил начать политическую карьеру, из числа всадников «антисенат», опираясь на который он напал, как говорилось выше, на консулов, одним из которых был Сулла. Этот пример, хорошо известный Серторию, вполне мог его вдохновить.

Способ создания Серторием своего сената неизвестен. Сулла, захватив власть, увеличил число сенаторов до 600, как в свое время хотел сделать Друз. Но Друз не определил критерии и способ отбора, а Сулла

юридически оформил это пополнение как выборы всадников по трибам. Серторий был лишен возможности провести подобное голосование. По-видимому, он отложил легализацию своего сената до победы над сулланским правительством. Местный сенат Серторий считал высшим авторитетом во внешней и внутренней политике, хотя на деле он мог и оказывать на сенаторов довольно сильное воздействие, добиваясь своих целей даже вопреки воле сенаторов, как это произошло при обсуждении договора с Митридатом. Из числа своих приверженцев Серторий назначал также преторов и квесторов. Они помогали Серторию в армии, а в случае необходимости могли действовать самостоятельно. Кроме военных функций они исполняли и гражданские, управляя от имени полководца теми или иными территориями. Имелись у Сертория и другие должности. Так, известен некий Гай Инстей, который был префектом всадников и тоже порой действовал самостоятельно.

При создании своего государственного аппарата Серторий применял принцип не выборности, а назначаемости. Конечно, это было вызвано экстремальными обстоятельствами, в которых он находился, и трудно сказать, как бы он действовал в случае победы. Рим в целом не пошел по этому пути. Даже Сулла и позже Цезарь прикрывали назначение новых сенаторов и должностных лиц фикцией выборов. Еще позже, когда республика рухнула и ей на смену пришла Римская империя, новый государственный аппарат, основанный на назначаемости и иерархичности, формировался рядом со старым, базирующимся на формальных выборах, и только почти через два столетия бюрократический аппарат стал фактически единственным. В государстве, созданном Серторием, такой бюрократический аппарат стал практически единственным. Это говорит о появлении под руководством Сертория государства иного типа, чем полисно-республиканское, еще существовавшее в Риме. В какой-то степени Серторий оказался предшественником поздней империи, хотя сам едва ли осознавал новизну своих действий. Он был просто вынужден действовать так, а не иначе.

Держава, созданная Серторием в Испании, была довольно сложным образованием. По отношению к своим римским воинам он выступал как главнокомандующий на основе той высшей военной власти (*imperium*, как ее называли римляне), которую ему вручило еще досулланское правительство, направляя в Испанию. Серторий не признавал никаких актов, проведенных незаконным и даже мятежным, по его мнению, правительством, находящимся в Риме. В условиях, когда на всей территории Римской республики, кроме Испании, не существовало никакой более или менее оформленной силы, способной возро-

дить законное правительство, свергнутое мятежником Суллой, свое государство Серторий считал единственным законным представителем римского народа.

Но было еще и население Испании. К этому времени значительную долю в нем составляли италийские переселенцы и их потомки. Во время первого пребывания в Испании в качестве наместника Серторий явно рассчитывал на их активную поддержку. Однако после того, как он встал во главе лузитан и кельтиберов, положение изменилось. Юг и восточное побережье Пиренейского полуострова, где в основном концентрировалось италийское население, не только не помогли Серторию, но и оказали активную поддержку его врагам. На первый взгляд это кажется парадоксом, ибо именно Серторий и его единомышленники в свое время активно поддерживали италиков, в самой Италии те до конца поддерживали врагов Суллы. Но в Испании положение было другим. Там, как и в провинциях вообще, италики и их потомки обладали значительными привилегиями по сравнению с местным населением, а политика Сертория, направленная на привлечение туземцев, грозила колонистам потерей этих с трудом приобретенных привилегий. Поэтому та часть Испании, где влияние переселенцев было особенно сильным, выступила против Сертория.

Что касается местного населения, то, как уже говорилось, лузитаны и, может быть, некоторые другие народы признали Сертория своим верховным вождем, а для кельтиберов он был патроном. В целом же отношения между Серторием и аборигенами были оформлены в виде союза между полководцем и местными общинами. Зимой во время перерыва в военных действиях Серторий собирал съезды представителей таких общин, на которых рассказывал о своих делах, давал распоряжения относительно подготовки к новым военным действиям, собирал подати. Союзные общины были обязаны поставлять войско, оружие и подати, которые все же существовали, хотя и были меньше обычных. Взамен полководец благодарил за труды, раздавал награды и побуждал собравшихся убеждать население, как важна для Испании его победа. В необходимых случаях он оставлял в городах гарнизоны и брал заложников, хотя без особой нужды старался этого не делать.

Своей столицей Серторий избрал Оску. Оска была расположена в сравнительно мало романизованной области, которая поддерживала Сертория, и в то же время вблизи основного театра военных действий на востоке и северо-востоке Испании. В случае возможности оттуда легко было начать поход в Италию. Кроме того, этот город был важным экономическим центром. В нем уже давно находился активно действующий монетный двор, и оскские денарии были широко распространены

ны во всей восточной части Ближней Испании. Этот монетный двор использовал и Серторий. Он выпускал большое количество монет, но не римского, а местного типа, и, вероятнее всего, они служили в первую очередь средством расплаты с местными общинами, ибо Серторий предпочитал не забирать, а покупать у местных жителей то, что ему было необходимо для войны.

В Оске Серторий открыл школу для детей местной знати, которые получали римское образование. Программа образования и даже римская одежда детей содержали изрядную долю демагогии, тем более что дети служили ему и заложниками. Но и в этом случае школу надо рассматривать в общем русле «испанской политики» Сертория: он как бы показывал местной аристократии те возможности, какие она получит в случае его победы. Возможно, что он серьезно рассчитывал сделать в будущем из этих юношей свою опору в провинции. Серторий использовал и гражданскую политику, давая наиболее отличившимся испанским воинам римское гражданство, и наличие в Испании Серториев свидетельствует о том, что позже римское правительство признало эти акты мятежного полководца.

Итак, можно говорить, что держава Сертория имела двойственный характер. С одной стороны, это была легальная, с его точки зрения римская, власть, действующая в изгнании и опирающаяся на римское же войско. С другой — это был союз испанских общин, возглавляемый Серторием, со значительной частью которого он был еще связан патроно-клиентскими отношениями. Обе части державы скреплялись личностью самого Сертория. Для него самого главным было положение во главе римской эмигрантской общины, а союз испанцев — лишь орудием в гражданской войне. Он не только не допускал никого из местной знати в сенат, но, даже собирая из местных воинов армию на римский манер, во главе воинских частей ставил только римских командиров. Но обойтись без своих местных союзников он не мог и был вынужден идти им на значительные уступки.

Объединив под своим командованием значительные силы, состоявшие и из римских эмигрантов, и из аборигенов, Серторий развернул военные действия. Гиртулей наголову разбил войска Кальвина, и Кальвин погиб в сражении, а сам Серторий с успехом сдерживал Метелла. Положение было столь грозным, что в Риме решили принять чрезвычайные меры. Было решено направить в Испанию еще молодого, но уже прославившегося Гнея Помпея. Он еще не занимал никаких общественных должностей и даже не был сенатором, но тем не менее его возвели в ранг проконсула. В этом качестве он довольно быстро собрал новую армию и в конце 77 г. до н. э. появился на Пиренейском полуострове. С этого времени именно Помпей стал главным врагом Сертория.

Серторий стремился создать единый фронт борьбы с сулланским режимом. Исходя из правила, что враг моего врага — мой друг, он пошел на переговоры с понтийским царем Митридатом. Разбитый Суллой, Митридат не отказался от своих попыток создать мощную державу, спорящую с Римом за власть на Востоке, и попытался воспользоваться гражданской войной в Италии для возобновления войны. Он был быстро разбит, и мирный договор восстановил довоенное положение. Теперь Митридат подготовился тщательнее и решил вступить в переговоры с Серторием. Непосредственными инициаторами переговоров стали два римских эмигранта Магий и Фанний, находившиеся при дворе Митридата. В свое время они были воинами в армии Гая Флавия Фимбрии, которая была направлена против Митридата антисулланским правительством. Фимбрия сумел одержать ряд побед, но Сулла, торопившийся развязать себе руки для борьбы в Италии, заключил с Митридатом мир, а затем сумел переманить на свою сторону большинство солдат Фимбрии. Вскоре после этого сам Фимбрия покончил с собой, а часть его воинов, не желавших перейти на сторону Суллы, перебежала к Митридату, надеясь, видимо, с его помощью свергнуть сначала диктатора, а затем его преемников. Среди них и были Магий и Фанний, которые решили объединить все антисулланские силы, т. е. Сертория на Западе и Митридата на Востоке. В таких условиях они становились участниками продолжающейся гражданской войны, а не прислужниками чужого царя. Митридат легко согласился с инициативой и направил их своими послами к Серторию, который и ввел послов в сенат, а затем настоял на заключении договора с понтийским царем. Заключая договор, Серторий явно действовал как преемник и в настоящее время глава законного правительства республики, находившегося в изгнании в Испании.

По условиям договора, Серторий соглашался признать за Митридатом Каппадокию и Вифинию в Малой Азии, которые, хотя и находились под сильным римским влиянием, официально были независимыми царствами. За это Митридат давал Серторию 40 кораблей и 3 тысячи талантов денег. Объединение врагов создавало огромную угрозу для римского правительства. Возможно, что какие-то известия о предполагаемом союзе послужили решающим аргументом для отправления в Испанию Помпея с новым войском. Одновременно правительство развернуло широкую пропагандистскую кампанию для дискредитации Сертория. В ход была пущена версия, согласно которой Серторий якобы отдавал Митридату не только Каппадокию и Вифинию, но и римскую провинцию Азию. Сенат, по-видимому, объявил его врагом римского народа, что официально ставило его вне закона. Воспользовавшись тем, что значительная часть войска Сертория состояла из испанцев, сенат считал войну с ним не

гражданской, а «внешней». Это значило, что все, кто хотя бы сочувствовал Серторию, становились предателями родины.

Однако полностью убедить римское общественное мнение эта пропаганда не смогла. Значительная часть плебса ждала Сертория. Благожелательно относились к нему средние слои римского населения и муниципальная аристократия, т. е. верхушка италийских городов, получивших после Союзнической войны полное римское гражданство. В каких-то связях с мятежным вождем находилась и часть собственно римской знати, оппозиционная к существующему режиму. Все эти круги населения видели в Сертории не мятежника, а единственного еще активно действующего вождя антисулланской «партии», использующего Митридата, пиратов, испанцев как орудия в борьбе с сулланским сенатом. Но все же сила инерции, заданной сулланским террором, была еще столь сильна, что оказать какую-либо реальную помощь Серторию его сторонники в Риме и Италии не могли. Дело решалось на полях сражений в Испании.

Для того чтобы не дать реально объединиться силам Сертория и Митридата, Помпею было необходимо взять под полный контроль средиземноморское побережье Испании. Это понимал и Серторий. Уже при первом известии о прибытии в Испанию сил Помпея он произвел перегруппировку своих сил. Гиртулея, который до этого воевал в основном в Ближней Испании, он направил для наблюдения за действиями Метелла с тем, чтобы не дать объединиться войскам Метелла и Помпея. А сам сначала укрепился в северной части Пиренейского полуострова, а затем двинулся к побережью Средиземного моря. К этому времени Помпей пересек реку Ибер и выступил против войск Перперны. Перперна был вынужден отступить к Валенции, единственному городу побережья, который недвусмысленно поддерживал Сертория. Валенция была в свое время основана для лузитан, сражавшихся под командованием Вириата и после его убийства и поражения лузитанской армии переселенных на восток полуострова, ее населяли преимущественно потомки бывших воинов Вириата, которые поддерживали своих сородичей, воюющих под знаменами Сертория. Отступление Перперны фактически отдавало все побережье в руки Помпея. Поэтому Серторий решил взять дело в свои руки и с основными своими силами направился к побережью. Армии Сертория и Помпея встретились около города Лаврона.

Лаврон не занимал особо важного стратегического положения, но он твердо стоял на стороне Помпея, и для Сертория было важно взять этот город, чтобы показать свою силу остальным городам побережья. Лавронцы не захотели сдаться, и Серторий осадил город. Помпей пришел ему на помощь. Но отряд, посланный Серторием, уничтожил фуражиров

Помпея, а когда сам Помпей бросил в бой армию, Серторий, предварительно спрятав часть своей армии в засаде, с остальной вступил в бой. Когда казалось, что враг одолевает, спрятанная часть армии ударила по войскам Помпея с тыла. Он был полностью разгромлен, потеряв в этом сражении 10 тысяч солдат и весь обоз, а жители Лаврона, видя полное поражение Помпея, сдались Серторию. Вопреки законам войны Серторий не стал уничтожать или порабощать жителей Лаврона, а отпустил их, но город сжег, дабы подорвать престиж Помпея и вызвать разочарование деятельностью этого полководца среди местных жителей. Вскоре Серторий смог одержать еще одну победу. Узнав, что квестор Помпея Меммий сумел все-таки взять Валенцию, он двинулся на этот город и окружил его. Меммий надеялся на помощь Помпея, но тот после поражения под Лавроном отступил за Ибер. Серторий овладел Валенцией. Однако полностью достичь своих целей Серторий все же не смог.

В это время Гиртулей, чтобы сдержать возможное наступление Метелла, вторгся в долину Бетиса. Обе армии столкнулись у города Италики на берегу реки. Метелл, будучи более опытным полководцем, чем Гиртулей, сумел выманить его в открытое поле и в условиях жары заставил его солдат несколько часов дожидаться сражения, а затем ударил по ним, уже измученным жарой, своими свежими силами. В результате армия Гиртулея была полностью разгромлена и около 20 тысяч его воинов пало на поле боя. Это совершенно изменило стратегическую обстановку. Теперь Метелл получил необходимую свободу рук и смог двинуться на соединение с Помпеем. И это не дало Серторию возможности добить Помпея и укрепиться на побережье.

В этих условиях своей основной базой на побережье Серторий сделал город Дианий, который ни до этого, ни после значительным центром средиземноморской Испании не был. Видимо, ни на какой другой крупный порт он рассчитывать не мог. Но уже обладание Дианием дало ему возможность получить обещанную помощь от Митридата — деньги, корабли и экипажи киликийских пиратов. Это, конечно, усилило Сертория. Одновременно он провел воинский набор в Лузитании, зачислив в свои войска 20 тысяч лузитан, чтобы компенсировать потери Гиртулея. Это было, пожалуй, временем наивысшего подъема движения Сертория.

Весной следующего года основные военные действия снова развернулись на средиземноморском побережье. На какое-то время Помпей перехватил инициативу. Понимая, что выбить Сертория с побережья будет трудно, а окончательно разгромить невозможно без лишения его активной поддержки внутри Испании, Помпей двинулся в Кельгиберию и сумел захватить несколько городов, включая Нуманцию. Главные силы Сертория в это время находились на побережье, и задержать

наступление Помпея попытался Гиртулей. Однако он был разбит и сам погиб в бою. И это поражение, и гибель самого надежного соратника были тяжелым ударом для Сертория. А Помпей, решив, что он сумел лишить врага его тыла, вернулся на побережье. Ожесточенное сражение произошло у Сагунта. Битва развернулась уже под вечер. На левом фланге воины Сертория дрогнули под ударами солдат, которыми командовал сам Помпей, Серторию, который в это время сражался на правом фланге с частями верного помощника Помпея Люция Афрания, пришлось переместиться на левый фланг. Одно его появление так вдохновило воинов, что они не только остановили отступление, но и перешли в решительную атаку, так что даже сам Помпей с трудом спасся, потеряв своего украшенного драгоценностями коня. Зато Афраний опрокинул воинов Сертория и захватил его лагерь. Но захватившие лагерь воины тотчас начали его грабить, так что командир никак не мог их остановить. А вернувшийся с подкреплениями Серторий ударил по грабителям. Армия Помпея снова потерпела тяжелое поражение. На следующий день Серторий был готов возобновить бой, но узнал о приближении свежих сил Метелла и решил отступить. Говорят, он сказал: «Когда бы не эта старуха, я отстегал бы того мальчишку и отправил в Рим».

Победа Сертория была далеко не решающей. В этом сражении обе стороны понесли тяжелые потери. Но Помпей объединился с Метеллом, и их соединенные силы превосходили войска Сертория. Позже произошло новое сражение, в котором Серторий снова разбил Помпея, но Метелл одержал победу над Перперной и Серторию пришлось прийти ему на помощь. В результате противники Сертория сохранили свободу действий, а Помпей в скором времени получил новые подкрепления из Италии, и все это создало перевес на стороне врагов Сертория.

Уже осенью 75 г. до н. э. Помпей начал наступление против испанских союзников Сертория в северной части Кельтиберии и в области племени васконов на севере полуострова. В качестве своей базы в этом районе он основал город, названный по его имени Помпелоном, где он и перезимовал. Часть испанцев перешла на его сторону, и Серторий был вынужден отступить. Он даже был окружен в городе Клунии, но сумел вырваться из окружения. В следующем году военная инициатива практически полностью перешла к Помпею, на сторону которого стали переходить некоторые бывшие союзники Сертория. Не имея больше сил вступить в открытую схватку с противником, Серторий был вынужден перейти практически к партизанской войне. Его воины то расходились, то собирались вновь в условленном месте. Бои шли с переменным успехом, но Серторий полностью потерял инициативу. Его положение становилось все более сложным.

Двойственность государства, созданного на испанской почве Серторием, дала себя знать. С затяжкой войны противоречия между римлянами и испанцами становились все более явными. Некоторые должностные лица, назначенные Серторием, завидуя ему и надеясь занять его место, намеренно провоцировали испанцев на неповиновение полководцу, налагая на них, якобы по приказу Сертория, суровые кары и высокие подати. Но главное было в другом. Долгая война потребовала максимального напряжения всех сил и средств, в том числе и увеличения податей. Это вызывало недовольство многих испанцев, следствием чего были все более частые их отказы последовать дальше за Серторием, а умелая политика Помпея, перенявшего у Сертория основные методы взаимоотношений с аборигенами, в том числе и мягкое и уважительное обращение с ними, вела к отпадению от Сертория все большего числа его бывших союзников. В ответ Серторий сам перешел к достаточно суровым и даже жестоким карательным акциям, были совершены походы против враждебных испанцев, дети в Оске были казнены в ответ на измены их отцов. Это еще больше ожесточало испанцев, и им все чаще казалось бессмысленным вести войну в защиту полководца, который теперь стал ничуть не лучше, а по сравнению с Помпеем даже хуже, чем обычные римские наместники.

Нарастали противоречия и в лагере римских эмигрантов. Их выражением стал заговор против Сертория, организованный Перперной. Перперна принадлежал к знатному роду, его отец и дед были консулами, а сам он претором. К нобилитету относились и некоторые другие заговорщики, так же как сенатор Люций Фабий Испанский и Квинт Тарквиций, бывшие ранее квесторами, Люций Антоний или Манлий. Они увлекли за собой и ряд других римлян. Видимо, снова проявились противоречия между двумя крыльями антисулланской группировки. В 80-х гг. Серторий выступил против ее аристократических лидеров и, покинув Италию, удалился для самостоятельных действий на Пиренейский полуостров. В конце 70-х гг. бежавшие в Испанию аристократы, вынужденные подчиняться Серторию, задумали ликвидировать своего незнатного полководца.

Это произошло в 72 г. до н. э. Перперна завлек Сертория в свой дом под предлогом пира в честь выдуманной победы. Во время пира по знаку, поданному Перперной, Антоний вонзил в Сертория меч, а затем схватил его, не дав возможности сопротивляться. На Сертория посыпался град ударов. Заговорщики провозгласили полководцем Перперну¹.

¹ Точный год убийства Сертория является предметом спора в науке. Многие ученые полагают, что Серторий был убит не в 72, а в 73 г. до н. э.

Фигура Сертория, как отмечалось выше, по существу была единственным звеном, соединявшим два лагеря воевавших против римских правительственных войск в более или менее сплоченное целое. С гибелью Сертория связь между ними порвалась. Кельтиберы были связаны с Серторием клиентскими отношениями и не имели никаких обязательств по отношению к Перперне. Более того, они должны были возненавидеть Перперну за убийство своего патрона. Лузитаны, провозгласившие Сертория своим верховным вождем, отказались подчиниться его преемнику. Даже в римском эмигрантском войске убийство Сертория вызвало недовольство. Правда, Перперне удалось усмирить армию, но без поддержки испанцев она была обречена на поражение. Перперна продержался около года, но в конце концов был наголову разгромлен Помпеем, попал в плен и был казнен. Погибли и другие заговорщики. Только некоему Ауфидию удалось бежать в испанскую деревню, где он дожил до глубокой старости и умер в нищете и забвении.

Помпей и Метелл с торжеством вернулись в Рим, где им устроили пышный триумф за победы в Испании. Но в действительности война на Пиренейском полуострове не закончилась. Часть испанцев и после гибели Сертория продолжала упорно сопротивляться римлянам. Против них воевал оставленный Помпеем в Испании Люций Афраний, тоже позже удостоенный триумфа за свои победы. По-видимому, последним отзвуком Серторианской войны были экспедиции, которые предпринял в 61–60 гг. до н. э. против лузитан Цезарь, в те годы пропретор Дальней Испании.

Фигура Сертория уже в древности вызывала самые противоречивые чувства: и современники, и сравнительно близкие потомки оценивали ее совершенно противоположно. Для одних он был благородным патриотом, которого превратности судьбы заставили выступить против правительства, но который и в этих обстоятельствах не переставал прежде всего думать о благе Рима. Другие видели в нем преступного мятежника, не постеснявшегося в своих целях поднять против отечества всех его врагов. И современная наука в оценке Сертория по существу не пошла дальше тех же суждений. Видимо, Серторий был и тем, и другим. Субъективно он, конечно, не был врагом римского народа, а боролся с тем правительством, которое, по его мнению, узурпировало власть этого народа. Но ход событий заставил Сертория пойти много дальше, чем он хотел. Более того, сила обстоятельств исказила даже некоторые благородные черты его характера. В конце своей жизни он стал подозрительным (что, однако, не спасло его от заговорщиков), угрюмым, жестоким. Но еще важнее объективные последствия серторианского движения.

Движение Сертория было одновременно и эпизодом гражданских войн в Риме, и освободительным движением нероманизованной или малороманизованной части Испании против того же Рима. В чрезвычайных обстоятельствах Серторий создал государство нового типа, во многом предвещавшее более позднюю бюрократизацию римского государственного аппарата. В борьбе против Сертория римское правительство было вынуждено пойти на чрезвычайные меры, отправив во главе антисерторианской армии сравнительно молодого человека, не достигшего еще 30 лет и не только не бывшего консулом, но и не исполнявшего других должностей, тем не менее облакая его полномочиями проконсула. В этом плане движение Сертория подтолкнуло Рим на шаг от республики к империи.

В Испании под руководством Сертория возник союз общин, охватывавший почти всю нероманизованную (или малороманизованную) зону Пиренейского полуострова, и это стало новым этапом в политической жизни страны. Участвуя в войне под командованием Сертория, испанцы вовлекались в политическую жизнь Рима. В серториевской армии они были организованы и вооружены на римский манер. Хотя опыт со школой в Оске закончился трагически, сам факт привлечения испанской аристократии к римской жизни был многозначителен и позже повторен. После подавления движения была прекращена чеканка местных денег (видимо, это стало наказанием за участие в войне), и отныне подать испанцы должны были платить в римских деньгах. Это усиливало вовлечение местного населения в общеримскую экономическую систему. Таким образом, движение Сертория стало определенным этапом в романизации Испании. И в этом плане оно также явилось шагом от республики к империи.

Само римское правительство вскоре осознало необходимость залечивания глубокой раны, нанесенной движением Сертория. В 70 г. до н. э. был принят закон об амнистии всем уцелевшим сторонникам Сертория. Этим же законом, видимо, признавались законными акты, изданные мятежным полководцем в Испании, в том числе и дарование римских гражданских прав многим испанцам. Недаром в Испании и позже насчитывалось довольно много Серториев: они были потомками тех испанцев, которые получили римское гражданство от Сертория, что и было признано в Риме.

Подавление движения Сертория не означало конца гражданских смут в Римской республике. Более того, они все более усиливались и обострялись. Республика быстро шла к своей гибели.

V. ПОСЛЕДНИЕ РЕСПУБЛИКАНЦЫ (КАТОН, БРУТ, КАССИЙ)

Бурный период гибели Римской республики выдвинул большое количество знаменитых полководцев, политических деятелей, ораторов. Часто все эти качества совмещались в одном лице. Почти все они, какими бы высокими соображениями ни прикрывались, стремились в первую очередь к достижению собственных целей, а те, кто выбивался на самый верх, — к установлению личной власти. Но были в Риме в то время и такие люди, которые в своей деятельности одушевлялись действительно высокими идеалами. Они были несовременны, их взгляды утопичны, они не понимали духа времени, но их благородство признавалось даже противниками. И первое место среди них занимал Марк Порций Катон.

Самым знаменитым среди Катонов был прадед нашего героя, тоже Марк. В первую очередь он прославился как цензор. Когда римляне говорили просто «цензор» или писали это слово с большой буквы, то подразумевали только одного из многочисленных цензоров — Марка Порция Катона. Он был разносторонним и очень неординарным человеком, и его путь к цензуре оказался долгим. Плебейский род Порциев происходил из латинского города Тускула, где в 234 г. до н. э. родился будущий цензор. Он активно участвовал в войне с Ганнибалом и, имея за собой вереницы знатных предков, тем не менее сделал блестящую карьеру, будучи типичным «новым человеком». В начале его жизненного пути его заметил знатный патриций Люций Валерий Флакк, и покровительство этого нобиля способствовало карьере Катона. В 199 г. до н. э. Катон был эдилом, в 198-м — претором, а в 195-м — уже консулом вместе со своим патрицианским покровителем Флакком. В этом году особенно обострилось положение в Испании, и туда пришлось направить консульскую армию во главе с Катоном. Катон одержал ряд блестящих побед, и ему было продлено командование на следующий год. По возвращении в Рим он был удостоен триумфа. Позже он выпол-

нял ряд дипломатических поручений, участвовал в войнах, а в 184 г. до н. э. вместе все с тем же Флакком стал цензором. И после цензуры Катон не отошел от активной политической деятельности. Он выполнял ряд важных поручений, а в 153 г. до н. э. с одним из таких поручений отправился в Африку, где, к своему ужасу, увидел процветающий Карфаген. После этого идея необходимости уничтожить этого грозного соперника Рима овладела им безраздельно. С тех пор, выступая в сенате, по какому бы поводу он ни говорил, все свои речи Катон заканчивал одной фразой: «А кроме того, я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен». В 149 г. до н. э. началась новая война с Карфагеном, которая через три года действительно закончилась полным разрушением Карфагена. Но Катон не дожид до исполнения своей мечты, он умер в год начала этой войны.

Во времена Катона римляне все теснее связывались с греческим и эллинистическим миром, и в Риме все сильнее ощущалось влияние его культуры, искусства, любви к роскоши, необычных для суровых римлян нравов. Это тревожило многих представителей римской знати. Чрезвычайно встревожила их, в частности, греческая риторика; они опасались, что, научившись искусным греческим приемам, римские ораторы привлекут народ не истиной и справедливостью, а искусством убеждения. Греческая философия представлялась им разрушительницей нравственных основ римского общества. В 161 г. до н. э. был издан даже специальный эдикт, запрещающий пребывание в Риме риториков и философов. А эллинистические нравы казались им верхом разврата, что, по их мнению, уничтожало не просто «добрые старые нравы», а саму суть государства. И во главе этой «староримской» группировки стоял Катон. Он упорно боролся с «гречишками» и их римскими последователями, среди которых видное место занимала семья Сципионов.

Когда Катон был цензором, он сурово преследовал малейшие отклонения от традиционной римской морали. Он ввел новые и более жесткие правила против роскоши и увеличил подати на предметы, которые казались ему излишними для простой и обычной жизни, открыл желоба, по которым вода из общественного водопровода текла в частные дома, приказал снести здания или их части, которые выступали за пределы частных участков на общественную землю, увеличил цену на откупа и провел еще ряд подобных мероприятий. Пересматривая список сенаторов, Катон исключил оттуда ряд видных nobilium, среди них бывшего консула Люция Квинция Фламинина, брата знаменитого полководца, под началом которого сражался и сам Катон. Он обвинил Люция Фламинина в потворстве своему любовнику,

дошедшему до убийства. А еще одного сенатора Катон исключил из этого учреждения только за то, что тот поцеловал свою жену днем и в присутствии дочери.

Сам Катон подавал пример верного следования старым римским нравам. Его дом был сравнительно небольшим и не украшенным, даже не оштукатуренным. Жену он никогда не обнимал, а ей позволял это делать только во время грозы, ибо она боялась молний. В это время в семьях знатных римлян распространился обычай поручать обучение своих детей ученым рабам, преимущественно грекам, которые ценились очень дорого. Катон сам воспитывал и обучал сына, несмотря на то что у него был ученый раб Хилон, судя по имени, грек или представитель эллинистического Востока. Именно в качестве учебников для сына он задумал создать энциклопедию полезных знаний, состоящую из отдельных монографий. При этом Катон справедливо полагал, что такая энциклопедия будет полезна римлянам вообще. Составной частью такой энциклопедии было историческое сочинение «Начала», ибо Катон считал, что исторические знания абсолютно необходимы гражданину. Свое историческое сочинение он создавал в пику проэллинистическим тенденциям, распространявшимся в римском обществе. Катон резко порвал с традициями более ранних историков, которые писали на греческом языке, и писал на родной латыни. Он фактически стал родоначальником латинской прозы. В это время под эллинистическим влиянием в Риме распространяется тенденция преувеличивать значения отдельных личностей. Катон же принципиально отказывается от упоминания вообще всяких имен, ибо, по его мнению, героем, создавшим и теперь укрепляющим римскую державу, является весь римский народ.

Другой монографией, входившей в эту серию, явилось его сочинение «О сельском хозяйстве». В нем Катон с присущим ему практицизмом дает очень много полезных советов по организации и ведению сельского хозяйства, рассчитанных на имение среднего размера, какое в то время было наиболее распространенным. Это единственное сочинение Катона, которое дошло до нас полностью и является прекрасным источником сведений о сельском хозяйстве и среднем имении Италии II в. до н. э.

Своими действиями Катон заслужил ненависть очень многих влиятельных людей. Его не раз привлекали к суду, но он неизменно выходил из суда оправданным. Ему долго не хотели ставить почетную статую, а он в ответ на вопрос, почему в Риме нет его статуи, отвечал, что предпочитает, чтобы спрашивали, почему нет статуи Катона, чем — почему она стоит. Зато простой народ любил и уважал Катона, он был ему гораздо ближе, чем грекофильские представители нобилитета. Ему

в конце концов все же поставили статую в честь того, что он, будучи цензором, своими здравыми советами и разумными наставлениями и поучениями снова вывел на правильный путь уже клонившееся к упадку римское государство. Катон стал не только воплощением идеального цензора, но и символом честности и безупречной жизни.

Катон, как уже говорилось, был «новым человеком», но, достигнув самых высоких степеней политической карьеры, открыл своим потомкам путь в римскую политическую элиту. Жена Катона умерла, оставив единственного сына Марка. Воспитанный в суровых правилах своим отцом, Марк участвовал и в войнах, и в политических баталиях Рима, стал известным юристом, но умер еще при жизни отца. Его сын, тоже Марк, был претором, пропретором, консулом и погиб во время Союзнической войны. Сам бывший цензор на старости лет женился на дочери своего клиента Салония и имел от нее еще одного сына — Гая. Сын Гая Катона Марк в 99 г. до н. э. был народным трибуном, а в следующем году женился на Ливии, сестре Друза, которая незадолго до этого по настоянию брата развелась с Цепионом. Брак этот длился недолго, ибо Катон вскоре умер, оставив дочь Порцию и сына Марка, родившегося в 95 г. до н. э. Кроме них у Ливии были дети от первого брака. Ливия переселилась в дом брата, который и взял на себя заботу о малолетних племянниках и племянницах. На этом, однако, несчастья семьи не закончились, ибо Ливия умерла уже в 92 г. до н. э., а Друз был убит в следующем году, когда Марку Катону было всего четыре года, так что опекуной детей стала их бабушка Корнелия. Но и она умерла, когда дети были еще очень юными, так что Катону пришлось рано стать взрослым человеком. Его идеалом был его знаменитый прадед, нравам которого он пытался подражать, хотя время было уже совершенно другое, да и сам он был другим. Катон старший ненавидел греков, приписывая им то зло, что поразило Рим, а воспитателем его правнука был грек Сарпедон. Позже Катон стал ревностным приверженцем стоической философии, и возможно, что первые сведения о ней он получил от Сарпедона, хотя тот вовсе не был образцом стоической непреклонности.

Отец Катона был старым другом Суллы, и когда «избранный» пожизненный диктатор стал неограниченным властителем Рима, юный Катон был частым гостем всемогущего владыки республики, пользуясь его несомненным покровительством. Это, в частности, проявилось при так называемых Троянских играх. Сами по себе эти игры, вероятно, уходили своими корнями в глубокую древность, но Сулла их, по-видимому, возобновил и придал им новое значение: отныне они должны были символизировать троянское происхождение римского народа. Во время этих игр мальчики из знатных семейств в возрасте от 6 до 17 лет де-

длись на два отряда (турмы) во главе со своими магистрами и вступали в борьбу, инсценируя различные мифы о Троянской войне, причем борьба не была игрой. А после упорной борьбы, в которой можно было даже покалечиться, заключалось торжественное перемирие. И вот одним из таких магистров стал пасынок самого Суллы, а другим якобы по воле самих участников игр был назначен Катон. Впрочем, частые посещения дома Суллы, где тот нередко допрашивал своих противников, произвели на юного Катона впечатление, обратное тому, какое, видимо, хотел произвести диктатор, привечая сына своего старого друга. Видя несправедливые убийства граждан, Катон проникся ненавистью к тирании, с которой он отождествлял отныне всякое единоличное правление. Можно сказать, что именно в это время сформировались его республиканские убеждения.

В детские и юношеские годы закалялся характер Катона. Оставшись круглым сиротой, потеряв и опекуна-дядю, и опекуншу-бабку, он во многом стал воспитывать себя сам в самом строгом духе, ограничивая свои желания. Суровые годы детства наложили отпечаток на его нрав, сделав его суровым и недоверчивым, что даже мешало ему учиться. Все же он, по-видимому, усвоил многие начала тогдашней науки. Как и все знатные юноши того времени, Катон увлекался риторикой, но не решался выступать публично. И уже тогда он решил поставить свои способности, знания и умения на службу государству, как он это понимал.

В 15–17 лет римские юноши торжественно снимали с себя детскую тогу с широкой пурпурной полосой (некоторые, много позже став сенаторами, снова надевали такую же) и облачались в «мужскую тогу», и это происходило во время праздника Либералий, устраиваемых 17 марта в честь бога Вакха. С этого времени юный римлянин становился совершеннолетним и полностью ответственным за свои поступки: «Детей облачают вольной мужской тогой и в жизненный путь вольно пускают идти», — писал Овидий². И Катон, став совершеннолетним, получил значительную часть отцовского имущества, оцениваемого в огромную сумму 120 талантов, но продолжал непритязательную жизнь и даже поселился не в отцовском доме, а в своем, гораздо более скромном. Возможно, вскоре после достижения совершеннолетия Катон стал жрецом Аполлона, хотя об активном исполнении им жреческих обязанностей ничего не известно. Приобретенная самостоятельность позволила ему расширить круг друзей. Так, он подружился с философом Антипатром, сторонником стоицизма, навсегда став приверженцем этой философской школы, которая лучше всего отвечала его характеру. Выбор Анти-

² Перевод Ф. Петровского.

патра был не случаен. Этот философ, происходивший из финикийского города Тира, был довольно известен. Он написал ряд сочинений, в том числе «О мире» и «Об обязанностях», которые, к сожалению, до нас не дошли, но которые явно излагали стоическую физику и этику. Последнее сочинение в некоторой степени стало образцом для одноименного произведения Цицерона. Антипатр, по-видимому, считался авторитетом в вопросах стоической этики, что и могло привлечь юного Катона, ибо он был особенно озабочен этическими аспектами политической жизни и деятельности.

С самого раннего детства Катон был дружен со своим единоутробным братом Квинтом Сервилием Цепионом, и долгое время брат был вообще его единственным другом. Позже круг друзей, естественно, расширился, но брат постоянно оставался его лучшим другом. В 72 г. до н. э., когда Италия была потрясена восстанием рабов под руководством Спартака, на борьбу с восставшими были направлены консулы Люций Геллий Попликола и Гней Корнелий Лентул Клодиан. В армии Попликолы служил в качестве военного трибуна Цепион, и Катон решил добровольцем вступить в эту армию, чтобы разделить с любимым братом все опасности войны. Около горы Гарган Попликола разбил отряд восставших под командованием Крикса, но затем сам потерпел страшное поражение от основной армии Спартака. Катон, по всей вероятности, принимал участие в обоих сражениях и должен был получить из рук консула награды, которые, однако, отказался принять, считая, что не заслужил их. Это вызвало насмешки сослуживцев, но вполне соответствовало характеру двадцатитрехлетнего Катона. Участвовал ли Катон в других боях против Спартака, неизвестно.

Мало сведений и о том, как протекала его жизнь после подавления восстания Спартака. Видимо, в это время он оставался сугубо частным человеком. Даже его риторические упражнения оставались в значительной степени неизвестными широкой публике. Возможно, к этому времени относится его единственное публичное выступление. Когда народные трибуны задумали снести или передвинуть одну колонну в Порциевой базилике, в свое время построенной его прадедом, Катон счел это намерение оскорблением своего рода и решительно выступил против него. И на форуме перед собравшимся народом он произнес свою первую публичную речь, проявив в ней недюжинные ораторские способности. Катон выиграл дело и вновь удалился в частную жизнь.

К этому времени относится и его женитьба, которая, однако, сопровождалась неожиданным скандалом. Решив жениться, Катон с присущим ему рационализмом выбрал себе невестой Лепиду, которая была уже помолвлена со Сципионом Метеллом, но тот по какой-то причине

расторг помолвку. И тогда Катон выступил претендентом на ее руку, явно желая породниться со знатной семьей Лепидов. Однако почти накануне свадьбы Метелл передумал и отнял у Катона невесту. Возмущению несостоявшегося жениха не было предела, он даже хотел подать в суд на Метелла, но был остановлен друзьями, убедившими его в том, что в таком случае он сам станет объектом насмешек. Отказавшись от судебной тяжбы, Катон обратился к поэзии и, подражая древнему греческому поэту Архилоху, излил в стихах весь свой гнев и обиду. Успокоившись и вернувшись к обычному образу жизни, Катон посватался к Атилии, дочери ничем не выдающегося Атилия Серрана, и вскоре женился на ней. Позже Атилия родила ему сына Марка и дочь Порцию.

Вскоре Катон решил стать военным трибуном, поскольку без военной ступеньки трудно было рассчитывать и на гражданскую карьеру. Официально эта должность была выборной, и Катон смело пошел на выборы. Более того, он демонстративно подчинился недавно принятому закону, запрещавшему использовать услуги рабов-номенклаторов, которые при обходе кандидатом граждан называли своему хозяину их имена. Катон сам приветствовал всех встречаемых, что вызывало недовольство в том кругу, в котором он обычно вращался. Такое подчеркнутое повиновение закону в этом кругу воспринималось как своеобразный вызов. Катон был избран, и в 67 г. до н. э. отправился в Македонию к пропретору этой провинции Рубрию. Обычно молодых аристократов, отправлявшихся на службу в провинцию, сопровождал огромный штат из рабов, отпущенников, друзей или клиентов, предназначенный для того, чтобы сделать жизнь своего хозяина или патрона как можно легче и приятней. Катон же взял с собой всего пятнадцать рабов, двух отпущенников и четырех друзей, одним из которых был его лучший друг Мунаций Руф, которого юная супруга Катона умоляла позаботиться об ее муже. Мунаций обещал, но было неизвестно, кто о ком больше заботился — Мунаций о Катоне или Катон о Мунации.

Рубрий назначил Катона командиром одного из своих легионов и поручил ему контроль над районом Пропонтиды (Мраморное море), моря, входившего в систему проливов, соединяющих Понт Эвксинский и Эгейское море. Контроль над этим районом был очень важен для бесперебойного снабжения Рима и Италии северочерноморским хлебом. Вероятно, дисциплина у солдат, стоявших в столь отдаленном уголке Римской республики, изрядно расшаталась, раз Катону пришлось принимать значительные меры для ее восстановления. Действуя приказами и убеждениями, наставлениями и личным примером, он сумел не только восстановить дисциплину и боеспособность своего легиона, но

и стать любимцем воинов, что в то смутное время было далеко не просто, тем более что никаких военных подвигов за Катонем не числилось.

Увлекаясь стоической философией, Катон решил познакомиться с известным, тогда уже достаточно пожилым стоиком Афинодором, заведующим знаменитой Пергамской библиотекой. Афинодор прославился тем, что использовал свой пост главы библиотеки для исправления, как ему казалось, некоторых мест в сочинениях древних стоиков, в том числе основателя стоицизма Зенона, и он тщательно вымарывал из этих сочинений то, что он считал уступкой другому философскому направлению — кинизму. Но он был уличен, даже привлечен к ответственности, что не мешало ему оставаться во главе библиотеки. Может быть, именно привлечение к ответственности заставило Афинодора вообще отказаться от каких-либо контактов с любыми властями, что, возможно, еще более подзадорило достаточно молодого Катона (ему еще не было 30 лет), решившего любым способом привлечь к себе пергамского затворника. Поскольку по закону военному трибуну полагался двухмесячный отпуск, Катон решил использовать его не для поездки домой, а для путешествия в Пергам. И там он сумел переспорить Афинодора и убедить его поехать с ним в лагерь, а затем и в Рим.

Однако еще до возвращения после службы в Рим Катону пришлось пережить страшное потрясение: смерть горячо любимого брата Квинта Цепиона. Цепион отправился в поездку в Азию, но по дороге во фракийском городе Эн тяжело заболел и вскоре умер. Получив известие о тяжелой болезни брата, Катон тотчас поспешил в Эн, но опоздал. Катону оставалось только увековечить память об умершем брате. Он позаботился о сожжении его тела, воздвиг на месте сожжения роскошный и очень дорогой памятник, а затем вместе с прахом умершего брата и живым философом вернулся в Рим.

После возвращения в Рим Катон решил начать и политическую карьеру. Первой ступенькой в ней была квестура, и Катон выдвинул свою кандидатуру на должность квестора. В то время как римские аристократы обычно считали, что их происхождение само по себе уже дает им возможность исполнять любые должности, Катон предварительно стал тщательно изучать все, что ему могло быть необходимо при выполнении обязанностей квестора: различные законы, относившиеся к финансовой сфере, состояние казны, вопросы размера государственного долга, пользуясь порой и советами профессионалов. В результате к тому моменту, когда он был избран квестором на 65 г. до н. э., он уже, по крайней мере в теории, стал профессионалом. И на практике он действовал в соответствии с полученными знаниями и очень эффективно. Для начала Катон произвел чистку аппарата, различными способами уволив

оттуда нечистоплотных или просто не очень компетентных писцов, т. е. профессиональных чиновников казначейства. Укрепив аппарат квестуры, он взялся за наведение порядка в финансовых взаимоотношениях с гражданами, неумолимо взыскивая государственные долги и, наоборот, возмещая, если это было законно, несправедливые выплаты государству, не поддаваясь никакому давлению. Он даже поднял руку на еще оставшихся в живых сторонников Суллы, которые сумели разбогатеть на его проскрипциях и незаконных репрессиях. В свое время по распоряжению Суллы доносчики получали часть имущества проскрибированных. Теперь Катон счел это совершенно незаконным и заставил вернуть деньги, таким образом полученные. За пять лет до этого Помпей и Красс, будучи консулами, ликвидировали сулланский политический режим. Деятельность Катона на посту квестора окончательно подвела черту под этим режимом также в области финансов и взаимоотношений граждан. Весь свой служебный год, от самого первого до самого последнего дня, Катон активно занимался делами, и это дало свои плоды: казначейство было очищено от недобросовестных чиновников, а государственная казна наполнена.

После квестуры авторитет Катона вырос еще больше. Абсолютная честность, высокое чувство долга, незыблемость принципов и несгибаемая твердость в их отстаивании — все это резко выделяло Катона на фоне других политических деятелей того времени, для большинства которых высокопарные фразы лишь служили прикрытием их низменных целей. В Катоне же чувствовалось совершенно другое. В результате он приобрел огромную популярность в народе и стал бесспорным лидером республиканцев.

Видимо, уже после исполнения должности квестора Катон отправился на Восток. Положение там было довольно сложным. Лукулл, одержавший ряд побед над понтийским царем Митридатом и армянским царем Тиграном, затем был вынужден отступить, а на смену ему был послан Помпей, который и разгромил окончательно обоих царей, а затем стал распоряжаться Восточным Средиземноморьем по собственной воле. Лукулл счел себя несправедливо оскорбленным. Ему даже было отказано в триумфе, на который, как он считал, он имел полное право. Но авторитет Помпея в Риме в то время был столь высок, что его противнику, а Лукулл стал таковым, не решались присудить столь желанную для римских полководцев награду. На сторону Лукулла встал ряд сенаторов, относившихся к оптиматам, и в их числе был Катон. Дело было не только в том, что он считал лишение Лукулла триумфа несправедливым, но и в установившихся родственных связях между ним и Лукуллом. В это время Лукулл развелся со своей женой Клодией, блес-

тящей и развратной красавицей, которую молва обвиняла в кровосмесительной связи с родным братом Публием³, и женился на Сервилии, единоутробной сестре Катона. Возможно, надежда убедить Помпея не препятствовать триумфу Лукулла явилась первой целью восточного путешествия Катона. Кроме того, он хотел своими глазами увидеть, как обстоят дела на Востоке. Уже его отец сумел установить связи с галльским тетрархом Дейотаром, владения которого Помпей увеличил и которому дал титул царя. Его приглашение стало для Катона поводом или последним толчком к путешествию. Он высадился в Эфесе и оттуда двинулся в глубь Малой Азии. Хотя Дейотар хорошо воспользовался дарами Помпея, он, желая застраховать себя и свою династию от возможных изменений в римской политике, попытался привлечь на свою сторону и Катона, пригласив его в Малую Азию и предложив стать опекуном своих сыновей, для чего послал ему драгоценные дары. Катон прекрасно понял цели Дейотара и отказался и от его просьбы, и от его даров. Если бы он на все это согласился, то был бы вынужден вмешаться в запутанные восточные дела; удовлетворить просьбу Дейотара и даже просто принять его дары значило бы поддержать его в новом качестве, которым тот был обязан Помпею, и в какой-то степени предать Лукулла. Катон вопреки мнению своих спутников предпочел остаться независимым. И это позволило ему разговаривать с Помпеем, когда они встретились, на равных. Хотя Помпей выказал внешнее и несколько показное уважение к Катону, их разговор, видимо, последнего не удовлетворил. В Рим Катон вернулся врагом Помпея. И вскоре после своего возвращения он вместе со своими сторонниками добился присуждения триумфа Лукуллу.

Возвратившись в Рим в 63 г. до н. э., Катон в скором времени выставил свою кандидатуру в народные трибуны. Правда, первое время после возвращения он собирался отдохнуть в своем поместье на юге Италии, но неожиданный приезд шурина Помпея Квинта Цецилия Метелла Непота и выставление им своей кандидатуры в трибуны на следующий год заставили Катона изменить первоначальное решение. Все прекрасно понимали, что Непот приехал в Рим по поручению Помпея и, став трибуном, он сделает все, что необходимо именно Помпею. А этому-то Катон и хотел помешать. Планы Катона осуществились только частично. Он действительно был избран, но трибунов было десять, и одним из них все-таки стал и Непот. И во время исполнения ими своих обязанностей они не раз сталкивались друг с другом.

³ Позже Клодия станет предметом страстной любви и под именем Лесбии героиней лирики великого римского поэта Катулла.

63 г. до н. э. был трудным для Рима. Это был год заговора Катилины. Консул этого года знаменитый оратор Марк Туллий Цицерон, ярый враг Катилины, сумел организовать сопротивление заговорщикам, добиться отъезда самого Катилины из Рима, а потом и ареста заговорщиков, оставшихся в городе. В этих смутных обстоятельствах проходили выборы в консулы на 62 г. до н. э., причем свою кандидатуру выдвинул и Катилина. Выборы, проходившие в октябре 63 г. до н. э., принесли победу Дециму Юнию Силану и Люцию Лицинию Мурене. Однако потерпевший поражение на выборах Сервий Сульпиций Руф обвинил Мурену в подкупе избирателей и потребовал отмены результатов голосования и наказания Мурены в соответствии с принятым недавно по инициативе Цицерона законом, ужесточившим наказание за такой подкуп вплоть до десятилетнего изгнания. Катон, уже избранный трибуном, но еще не вступивший в должность, тотчас активно поддержал Руфа и выступил на суде одним из обвинителей Мурены. Правда, использование подкупа приписывалось и Силану, но тот был мужем еще одной Сервиллии, сестры Катона, и к суду привлечен не был. Пожалуй, впервые Катон из-за родственных связей несколько уклонился от следования своим принципам. Подкуп избирателей был тогда настолько распространенным в Риме, что едва ли кто-нибудь сомневался в справедливости обвинения. Но удовлетворение требования Руфа привело бы к политическому хаосу. Катилина уже собирал войско, чтобы открыто выступить против правительства. Цицерон знал о заговоре, но у него еще не было прямых доказательств, уличающих оставшихся в Риме катилинариев. В этих условиях отмена прежних выборов и проведение новых были бы на руку Катилине, создавая на какое-то время вакуум власти и давая Катилине возможность еще раз попытаться достичь господства легальным путем. Поэтому Цицерон, так же как Квинт Гортензий и Марк Лициний Красс, выступил защитником Мурены. Мурена был оправдан, а Катон и его друзья потерпели поражение.

В скором времени жизнь доказала правильность позиции Цицерона. Потеряв всякую надежду на законный приход к власти, Катилина поднял открытое восстание. Против него был направлен коллега Цицерона Луций Антоний, сам бывший сторонник Катилины; он, правда, под предлогом болезни отказался сам сражаться со своим бывшим другом, а поручил командование Марку Петрею, который и разбил катилинариев, причем Катилина в этом сражении погиб. А в Риме Цицерон сумел наконец получить неопровержимые доказательства заговора и арестовал заговорщиков. 5 декабря 63 г. до н. э. в сенате обсуждался вопрос о судьбе арестованных. По обычаю, первым высказался Силан как избранный консулом следующего года, и он предложил наказать

арестованных и еще оставшихся на свободе заговорщиков, если их, конечно, поймут, смертной казнью. Многие сенаторы поддержали Силана, но против этого решительно выступил Гай Юлий Цезарь. Он согласился с необходимостью принять чрезвычайные меры, но предложил не казнить заговорщиков, а конфисковать их имущество и самих разослать по италийским муниципиям, где содержать их в тюрьмах. Красноречие Цезаря посеяло смуту в умах многих сенаторов, которые готовы были с ним согласиться, и даже Силан заколебался. И тогда взял слово Катон. Он без всякого колебания поддержал Цицерона и первое предложение Силана. Он, как и Цезарь, вспоминал о деяниях предков и ссылался на примеры их самой большой суровости; он призывал помнить не о своем благе, а о благе государства, и даже не о судьбе арестованных, а об угрозе государству, которому все еще грозит армия Катилины; и он, естественно, решительно выступил за смертную казнь. Речь Катона переломила настроение сенаторов, и они вынесли арестованным катилинариям смертный приговор.

Через пять дней после этого заседания Катон вступил в должность народного трибуна. И в скором времени ему пришлось решительно столкнуться с Непотом. Восстание Катилины еще не было окончательно подавлено, и Непот предложил немедленно вызвать из Азии Помпея, чтобы поручить ему защиту республики. Непота поддержал Цезарь. Всем было ясно, что защита республики была только предлогом, ибо этот закон в случае его принятия фактически передавал всю власть Помпею. И Катон решительно выступил против законопроекта Непота. Сначала он пытался в сенате уговорить коллегу снять свой проект с обсуждения, но, естественно, ничего не добился. Поскольку в сенате шансов на принятие такого закона было очень мало, Непот и Цезарь, который в этом году был претором и считался тогда лидером популяров, решили обратиться к народному собранию. Непот созвал народное собрание, окружив его при этом вооруженным отрядом из наемников, гладиаторов и рабов. Сам Непот вместе с Цезарем взошли на трибуну. Но пока они разговаривали, готовясь к выступлению, на форуме появились Катон и его коллега Квинт Минуций Терм. Несмотря на явную опасность, они смело прошли сквозь толпу и тоже поднялись на трибуну, причем Катон встал между Непотом и Цезарем, не давая им возможности переговариваться. Трибуны имели право вето не только по отношению к другим должностным лицам, но и друг к другу. Воспользовавшись этим, Катон запретил Непоту даже предлагать свой законопроект. А когда Непот вопреки запрещению попытался все же прочитать свою речь, Катон вырвал из его рук свиток с ее текстом, а Терм зажал Непоту рот. Непот приказал своему вооруженному отряду вмешаться, наемники

напали на Катона, но на его защиту неожиданно встал консул Мурена, которого совсем недавно Катон обвинял в суде. На какое-то время Катон и его сторонники были вынуждены покинуть форум. Но когда они вернулись, Катон, чтобы подчеркнуть опасность момента, облачился в военный костюм, и Непот, испугавшись, что и друзья Катона вооружились, сам покинул форум. Сенат поддержал Катона, попытавшись даже сместить Непота с должности. Но к всеобщему удивлению, против этого выступил Катон. Он счел такой акт незаконным, и сенат с ним согласился. Непот же, не выдержав и обвинив напоследок Катона в тирании и заговоре против Помпея, уехал снова на Восток, не дождавшись окончания своего трибунского года. Конечно, слова о тирании Катона — это всего лишь злобное и образное выражение потерпевшего поражение противника, но в какой-то степени оно соответствует реальному уровню катоновского авторитета в то время.

Высокий авторитет Катона косвенно признал и Помпей. Вернувшись в декабре того же 62 г. до н. э. в Рим, он попытался породниться с Катонем и просил отдать в жены ему самому и сыну то ли племянниц, то ли дочерей Катона, но получил решительный отказ. Несколько раньше Катон воспрепятствовал желанию Помпея, высказанному им в письме, посланном еще до прибытия в Италию, отложить консульские выборы, а когда на выборах все же был избран легат Помпея Марк Пупий Пизон Фруги, он стал решительным противником консула.

По-видимому, в этом же трибунском году произошло важное событие и в личной жизни Катона. Его жена Атилия далеко не соответствовала образу благородной матроны, какую хотел бы видеть в ней Катон. У них уже были сын и дочь, но, несмотря на это, Катон развелся с ней. Одиноким, впрочем, он был недолго и вскоре женился на Марции. В основе выбора вполне могли лежать политические расчеты. Марция была внучкой того Люция Марция Филиппа, который выступал как непримиримый враг Друза и который если и не был прямым виновником убийства дяди и недолгого опекуна Катона, о чем в Риме ходили слухи, то явно был его косвенным виновником. Впрочем, этот Филипп был к тому времени уже мертв, а его сын, отец Марции, видный политический деятель, в этом году был претором. Позже Филипп, лишившийся своей первой жены, женится на Атии, племяннице Цезаря, у которой от первого брака был уже сын Гай Октавий, позже усыновленный в завещании Цезарем и на этом основании ставший Гаем Юлием Цезарем Октавианом; именно он, победив всех своих соперников, станет первым римским императором Августом. Но все это произойдет позже, а пока жест Катона мог рассматриваться как желание, забыв прежние обиды, сплотить силы оптиматов перед угрозой, какую, по его мнению,

представляли для республики Помпей и Цезарь, а преторство Филиппа могло дать шанс успешнее препятствовать другому претору этого года — Цезарю.

Став с 10 декабря 62 г. до н. э. снова частным человеком, Катон не оставил политической деятельности. События в Риме менялись с калейдоскопической быстротой, и Катон принимал в них активное участие. В это время Рим потрясло дело Клодия. Публий Клодий Пульхр, брат распутной жены Лукулла (с которой Лукулл, как уже говорилось, развелся, после чего женился на сестре Катона), был страстно влюблен в жену Цезаря Поппею Сабину и в женской одежде проник в дом Цезаря во время праздника Доброй богини, когда в доме по обычаю собирались только женщины. Он был разоблачен и за святотатство привлечен к суду. Цезарь тотчас развелся с женой, заявив, что жена Цезаря должна быть вне всяких подозрений, а по делу Клодия началось следствие. Молодой, красивый, щедрый Клодий вызвал сочувствие в народе, тем более что многие увидели в его преследовании сенаторские происки. В это дело решительно ввязались Катон и Цицерон. Катон всячески торопил с рассмотрением дела, а Цицерон на суде выступил против Клодия с яркой речью. Давление толпы, находившейся на стороне обвиняемого, было столь ощутимым, что большинством голосов Клодий был оправдан, но после этого стал ярым врагом и Цицерона, и Катона.

Потерпев это поражение на форуме, пожалуй, первое серьезное политическое поражение, Катон в основном сосредоточился на деятельности в сенате. В середине 61 г. до н. э. он вместе со своим сторонником Люцием Домицием Агенобарбом внес в сенат два предложения: разрешить производить обыски у должностных лиц и считать государственным преступником того, в чьем доме укрываются люди, непосредственно подкупавшие избирателей. Оба предложения фактически были направлены против Пизона, которого открыто обвиняли в подкупе накануне консульских выборов. Сенат, настроенный враждебно к Помпею и его креатуре Пизону, поддержал оба предложения. А через год сенат одобрил и другое предложение Катона — предавать суду тех судей, которые выносят свои приговоры за деньги. Какие бы непосредственные цели ни ставил своими предложениями Катон, основной его задачей было очищение римской политической и гражданской жизни. И это вызвало насмешку Цицерона, который написал в одном из своих писем, что Катон высказывается так, будто он живет в идеальном государстве Платона, а не среди подонков Ромула.

С Цицероном Катон тоже был далеко не в идеальных отношениях. Цицерон, несомненно, высоко ценил Катона. Даже в приведенном выше высказывании откровенная издевка смешана со скрытым восхи-

шением; а несколько позже, перефразируя старое греческое выражение, Цицерон писал, что в его глазах Катон один стоит ста тысяч. В это же время Катон решительно выступил против всадников, которых открыто поддерживал Цицерон. Поводом к этому стала просьба откупщиков, которые считали слишком высокой цену за откуп на сбор налогов в провинции Азии, о пересмотре принятого решения. Катон открыто выступил против удовлетворения этой просьбы и настаивал на сохранении прежней цены, что вызвало резкое раздражение Цицерона. Дело это тянулось довольно долго, и Катон ни разу не пошел навстречу откупщикам; окончательно дело решилось только в 59 г. до н. э., когда консулом был Цезарь.

Цезарь вернулся из Испании в 60 г. до н. э. Там он столь успешно воевал с лузитанами, что те уже больше никогда не поднимали оружия против Рима. За свои победы он был вполне достоин триумфа, но хотел стать не только триумфатором, но и консулом. Однако триумфатор не мог появляться в городе до триумфального шествия, а кандидат в консулы должен был лично представляться народу. Правда, последнее правило не раз нарушалось, когда сенат разрешал баллотироваться заочно. С такой просьбой обратился к сенату и Цезарь. Когда в сенат поступила эта просьба, первым против нее выступил Катон. Его речь, произнесенная в последний день перед началом предвыборной кампании и продолжавшаяся до самого закрытия сенатского заседания, сыграла свою роль: у сената просто не осталось времени для принятия решения. Тогда Цезарь отказался от триумфа и, лично прибыв в город, выставил свою кандидатуру. Чтобы реально добиться победы, Цезарь примирил Помпея и Красса, составив так называемый первый триумвират. И когда сведения о создании такого союза просочились, на него опять же обрушился Катон, заявляя, что это шаг к гибели республики. При помощи Помпея и Красса Цезарь был избран консулом на 59 г. до н. э., но его коллегой стал Марк Кальпурний Бибул, зять Катона, женатый на его дочери от первого брака Порции. Катон и Бибул стали противодействовать всем мероприятиям Цезаря.

Первое столкновение с Цезарем произошло из-за предложенного им аграрного закона, предусматривавшего раздел земель и вывод колоний. Сенат во многом по инициативе Катона выступил против него, и тогда Цезарь созвал народное собрание. Катон и Бибул и на собрании решительно выступили против законопроекта. Вооруженные сторонники триумвиров угрожали смертью консулу, и друзья с трудом увели его. А Катон решительно бросился в середину толпы и попытался держать речь, как бы желая повторить свой успех трехлетней давности. Но время решительно изменилось. Сторонники Це-

заря просто подняли Катона на руки и вынесли с форума. Катон вернулся и, так как его никто не слушал, начал кричать на Цезаря, и тогда его снова на руках вынесли и выбросили. Закон был принят, и Цезарь добился добавления к нему особого постановления, согласно которому все сенаторы должны под угрозой смертной казни поклясться в его действенности и в защите от любого посягательства. Катон долго отказывался принести эту клятву, пока Цицерон не убедил его не подвергать напрасно себя наказанию, ибо, прибавил он, если Катон не нуждается в Риме, то Рим нуждается в Катоне. Катон и его друг Марк Фавоний были последними сенаторами, которые принесли требуемую клятву.

Новое столкновение произошло при обсуждении второго аграрного закона Цезаря: о разделении Кампании между бедняками. Катон снова решительно выступил против этого законопроекта. Он вновь прибег к обструкции: попросив в заседании сената слова, он говорил до самого вечера, когда заседание уже должно было закрыться. Взбешенный Цезарь приказал арестовать Катона, и тогда весь сенат, к которому присоединилась и часть народа, последовал за Катонем. Цезарь был вынужден его освободить, но после этого Катон вообще отказался присутствовать на сенатских заседаниях.

Вновь в сенате Катон появился только уже в новом году, когда Цезарь уехал в свои провинции, где он начал войну с галлами. Но теперь против Катона выступил Клодий, бывший в этом году народным трибуном. Для того чтобы хоть на какое-то время удалить Катона из Рима, он придумал обходной маневр. Еще в конце 59 г. до н. э. Клодий обвинил кипрского царя Птолемея в пособничестве пиратам, поскольку тот восемь лет назад не собрал выкуп для освобождения его, Клодия, захваченного пиратами. Народ поддержал Клодия, и был принят закон о лишении Птолемея трона и превращении Кипра в провинцию римского народа. Катон выступил против этого закона, считая его совершенно несправедливым, но опять потерпел неудачу. Более того, ссылаясь на огромные богатства кипрского царя, которые должны теперь перейти в римскую казну, и заявляя, что такое важное дело можно доверить лишь человеку безупречной честности, Клодий предложил направить с этой миссией на Кипр именно Катона. Катон прекрасно понимал замысел Клодия, но предложение трибуна было принято народным собранием и неповиновение ему было бы еще большим беззаконием и грозило суровым наказанием. И Катон был вынужден повиноваться. Более того, поручение ему было еще расширено: он должен был организовать возвращение изгнанников в город Византий. А для выполнения обоих поручений Катону не было предоставлено ни государствен-

ного корабля, ни воинов, а в помощники ему были даны только два писца, из которых один был клиентом самого Клодия. Таким образом, Катон надолго удалялся из Рима.

В апреле 58 г. до н. э. Катон в сопровождении нескольких друзей отплыл из Италии. Его пребывание в Азии продолжалось более двух лет. Сделав остановку на Родосе, он затем направился в Византий, где сумел примирить враждующие группировки и добиться возвращения в город изгнанников. А прежде чем отправиться на Кипр, он послал туда сначала некоего Канидия с приказом Птолемею не оказывать никакого сопротивления, обещая взамен не только безбедную жизнь, но и почетное жречество богини Афродиты в кипрском городе Пафосе, около которого богиня, по мифу, и родилась. Затем, не очень-то Канидию доверяя, он направил на остров своего племянника Брута. Канидий и Брут провели предварительную черновую работу, связанную с оценкой имущества царя. Задача Катона была облегчена тем, что Птолемей, узнав о лишении его царства, не решился сопротивляться и покончил жизнь самоубийством. После этого Катон мог с легким сердцем вести работу по передаче в римскую казну его богатств. Огромное количество ценных изделий, в том числе предметов искусства, он продал на аукционах, превращая все это в наличные деньги. Только статую знаменитого философа Зенона, основателя стоицизма (кстати, уроженца Кипра) Катон не стал продавать. Все изделия он старался продать за самую высокую цену, чтобы привезти в казну как можно больше денег. Позже многие его упрекали в чрезмерно завышенной цене. Так, он продал какой-то роскошный вавилонский ковер за немислимую цену в 800 тысяч сестерциев. Катон прекрасно справился со своей задачей, переслав почти без ущерба эти богатства в Рим, и они значительно пополнили государственную казну, но книги, в которые были тщательно внесены все финансовые расчеты и отчеты, погибли на пути в Италию, что дало позже повод врагам Катона обвинять его в нечестности, несмотря на ясную всем вздорность такого обвинения. Сам Катон, боясь, как бы что-либо не пропало при выгрузке, сошел с корабля только после того, как все деньги и другие ценности были доставлены на место. Сторонники Катона устроили ему демонстративно пышный прием, в котором с удовольствием участвовала и римская толпа.

Когда Катон возвратился в Рим, политическая обстановка там стала для него еще более неблагоприятной. Начавшееся было охлаждение между триумвирами на какое-то время было преодолено их свиданием в Луке, где, в частности, было решено, что Помпей и Красс будут избраны консулами на 55 г. до н. э., а затем получают желаемые ими провинции. Катон решительно выступил против этого сговора и приложил все силы, чтобы

Помпей и Красс не были избраны. Более того, он выставил собственную кандидатуру в преторы на тот же год и убедил мужа своей сестры Порции Люция Домиция Агенобарба соперничать с триумвирами на консульских выборах. Но на выборах Катон потерпел поражение: в обстановке насилия, когда Катон попытался защитить Агенобарба, он даже был ранен. Помпей и Красс были избраны, а Катон, принципиально не прибегавший ни к каким незаконным средствам, тем более к насилию, провалился, и вместо него претором был избран сторонник триумвиров Публий Ватиний, активно поддержанный Цезарем.

Популярность Катона падала, да и столь долгое отсутствие в Риме не могло не сказаться. Уже в древности говорили, что им больше восхищались, чем за ним следовали. Сказывались и особенности характера самого Катона. У него были друзья и даже подражатели, но еще больше было врагов. Своей моральной несгибаемостью, которая порой сочеталась с излишним подозрением других в нечистоплотности, и демонстративным законопослушанием он многих оттолкнул от себя, даже своих сторонников. Так, во время пребывания на Кипре он сумел поссориться со своим лучшим другом Мунацием, и только жена Катона Марция сумела их примирить. Чрезвычайно обижался на Катона Цицерон. Когда Клодий сумел настоять на изгнании Цицерона, Катон ничем ему не помог, а когда оратор вернулся из изгнания и вместе с друзьями разрушил медные доски с постановлениями, принятыми по инициативе Клодия (в том числе и об изгнании Цицерона), Катон во всеуслышание заявил, что хотя он не считает деятельность Клодия ни полезной, ни здоровой, в самом его избрании нет ничего противозаконного и нельзя унижать должность народного трибуна. Это вызвало огромное недовольство Цицерона. И уже позже, когда Цицерон, будучи наместником Киликии, одержал ряд побед в войне с парфянами и просил у сената назначить торжественные моления в честь этих побед, Катон, воздав самому Цицерону хвалу, счел назначение таких молений невозможным и добился отклонения его просьбы. Такое поведение Катона тем более возмутило Цицерона, что тот настоял на подобных молениях в честь своего зятя Бибула, перед которым парфяне просто (правда, непонятно почему) отступили. Впрочем, Цицерон в целом весьма высоко ценил Катона, и периоды охлаждения их отношений сменялись временами тесной дружбы.

Много толков в Риме возбудили и семейные дела Катона. Дело в том, что он уступил просьбе своего более старшего по возрасту сторонника и одного из лучших ораторов своего времени Квинта Гортензия Гортала, влюбленного в Марцию, и согласился на развод с ней и ее замужество с Гортензием, правда, только при условии согласия на это отца

Марции Филиппа. А когда позже Гортензий умер, оставив Марции довольно большое наследство, он снова взял ее в жены, хотя она была еще беременна от Гортензия.

Однако все эти перипетии не мешали активной политической деятельности Катона. Потерпев поражение на преторских выборах, Катон тем решительнее продолжал выступать против своих противников, среди которых видное место занимали Клодий и верный помпеянец Авл Габиний. Когда в 52 г. до н. э. Клодий был убит в стычке с отрядом своего соперника Тита Анния Милона и Милон был за это привлечен к суду, Катон, как и Цицерон, выступил на защиту Милона. Народный трибун 55 г. до н. э. Гай Требоний, выполняя договоренности, достигнутые триумвирами в Луке, предложил законопроект, по которому Помпей назначался наместником обеих испанских провинций, а Красс — Сирии с правом вести войну. Катон решительно воспротивился этому. Выступая в сенате, он прибег к своему излюбленному оружию — обструкции, выступая с длинной речью, пока Требоний на основе своего трибунского права на некоторое время не арестовал его. А когда этот вопрос был перенесен в народное собрание, Катон пытался убедить народ в невозможности принять решение, ибо в это время гремел гром, что считалось римлянами неблагоприятным предзнаменованием. Но все было напрасно, и предложение Требония было принято и стало законом. В конце 55 г. до н. э. Катон все-таки сумел взять реванш: он был избран претором на следующий год. Удалось ли ему преодолеть сопротивление Помпея или, наоборот, его избрание произошло при тайном согласии Помпея, сказать невозможно. Не исключено, что уже тогда Катон, полагая, что Цезарь представляет гораздо большую опасность для республики, пошел на сближение с Помпеем; недаром он именно тогда предупреждал Помпея, что тот сажает себе Цезаря на шею. Но в любом случае это сближение, несомненно, имело место.

Это, правда, не помешало Катону в качестве претора проявить самостоятельность и обычную для него шепетильность при разборе различных судебных дел. Одним из самых громких было дело Марка Эмилия Скавра, который ранее был офицером Помпея и оставлен им в качестве правителя Сирии. Позже Скавр был избран претором, после претуры управлял Сардинией, а в 54 г. до н. э. возвратился в Рим. Управлял он своей провинцией скверно и после возвращения по просьбе провинциалов был обвинен в вымогательстве. Из-за болезни Катона дело несколько раз откладывалось, но в конце концов суд состоялся. Скавра защищали лучшие судебные ораторы, в том числе Цицерон, и на его стороне были симпатии народа. Он был оправдан, но вслед за тем снова обвинен вместе с другими кандидатами в консулы за подкуп

избирателей и должностных лиц. Теперь Катон был беспощаден, и Скавр был приговорен к изгнанию. Еще яснее самостоятельность Катона проявилась в деле Авла Габиния, который был верным соратником того же Помпея. Он был сначала обвинен в нанесении ущерба величию римского народа за то, что без разрешения правительства вмешался в египетские дела и восстановил на египетском троне Птолемея XII, а затем и в вымогательстве, ибо получил от того же Птолемея большие суммы денег. Напрасно Габиния активно защищали Помпей и Цицерон, жители Александрии свидетельствовали в его пользу, а Птолемей писал в Рим, что он лишь оплатил Габинию военные расходы. Габиний был осужден и в декабре 54 г. до н. э. был вынужден отправиться в изгнание.

Сближение республиканцев, возглавляемых Катоном, с Помпеем и его сторонниками, дало свои результаты в конце 53 и в начале 52 г. до н. э. В это время в Риме царила анархия. Соперничающие кандидаты в консулы на 52 г. будущий тесть Помпея Квинт Цецилий Метелл Сципион, еще один помпеянец Публий Плавций Гипсей и Тит Анний Милон своей борьбой и сопровождающими ее насилиями довели до того, что никакие выборы провести было невозможно. Клодий, старый соперник Милона, пользовавшийся в это время большой популярностью и бывший фактически лидером популяров, активно поддержал Гипсея и Сципиона. И Милон, и Клодий возглавляли настоящие вооруженные отряды, которые при каждой встрече жестоко схватывались друг с другом. Во время одного такого столкновения в январе 52 г. до н. э. Клодий был смертельно ранен и вскоре умер. Милон был обвинен в убийстве. На его защиту выступили Цицерон, Гортензий и другие видные оптиматы. Активное участие в защите Милона принял и Катон. Тем не менее Милон под давлением собравшейся толпы был все же осужден и отправился в изгнание. Это, однако, не остановило насилия. Положение становилось все серьезнее. В этих условиях Бибул предложил сенату избрать Помпея единоличным консулом без коллеги, и Катон, к удивлению присутствующих, тотчас поддержал это предложение. И в конце февраля 52 г. до н. э. Помпей в условиях по существу чрезвычайного положения был избран единоличным консулом, хотя позже и взял себе коллегу. В том же году Катон выставил свою кандидатуру в консулы на следующий год, но потерпел поражение.

Это поражение самого авторитетного республиканца ясно показало, что республиканское движение обладает в римском обществе самой минимальной поддержкой. Во все более оформляющемся союзе с помпеянами республиканцы играют только вторую роль. Они, и особенно Катон, еще пытаются вести самостоятельную политическую линию,

но это им все меньше удается. Катон прекрасно понимал, что грандиозные успехи Цезаря в Галлии и связанный с этим невиданный рост его популярности в самом Риме (во многом связанный с элементарным подкупом) неминуемо приведут к новой гражданской войне. Не имея собственных сил для противодействия будущему нападению закаленной и уверенной в себе армии Цезаря, он не раз призывал Помпея хорошенько подготовиться к неминуемому отпору. Но Помпей в своей самоуверенности практически ничего не сделал для этого. И когда в январе 49 г. до н. э. Цезарь действительно перешел речку Рубикон, отделявшую находившуюся под его управлением провинцию Цизальпинскую Галлию от Италии, начав тем самым открытую гражданскую войну, никаких сил у Помпея не оказалось. Не имея возможности организовать цезарианцам сопротивление в Италии, Помпей покинул Апеннинский полуостров и перебрался на Балканский, а вместе с ним консулы этого года и большинство сенаторов. Катон сначала не хотел покидать Рим. Он еще надеялся на мирный исход событий и предложил обсудить условия, какие сможет выдвинуть Цезарь. Но события развивались стремительно, и Катон, поручив Марции, которую он снова взял в жены, смотреть за домом и дочерьми, тоже покинул Рим, но уехал сначала в свое поместье в Кампании, затем на юг Италии в Брутий, а оттуда на Сицилию, правителем которой он был назначен.

Очутившись на Сицилии, Катон начал энергично готовиться к обороне острова, может быть, надеясь, сделать из него оплот для борьбы с Цезарем. Он ремонтировал старые и строил новые боевые корабли, производил набор граждан в легион и провинциалов во вспомогательные части, и многие сицилийцы поддерживали его в этом. Но Цезарь не дал Катону времени для действенной организации обороны. Он направил на Сицилию армию под командованием Гая Скрибония Куриона, поручив ему очистить от врагов не только Сицилию, но и Африку. Уже в апреле 49 г. до н. э. авангард армии Куриона под командованием Гая Азиния Поллиона переправился через пролив и высадился в Мессене. Катон еще не был готов к отражению этого нападения, он надеялся на помощь Помпея, но так ее и не дождался. Понимая, что реально-го сопротивления он оказать не сможет, Катон покинул Сицилию и тоже переправился на Балканский полуостров, где концентрировались основные силы помпеянцев и республиканцев.

Помпей надеялся, что Катон сможет обеспечить ему азиатский тыл. Дело в том, что еще во время своего пребывания на Кипре Катон стал патроном этого острова, клиентом Катона признал себя и царь Коммагены Антиох. Однако в новых условиях ни Кипр, ни Коммагена за Катонем не последовали. Успеха ему удалось добиться только на Родосе. Ос-

тавив там свою сестру Сервилию, вдову Лукулла, с маленьким ребенком, сам он поспешил в лагерь Помпея у города Диррахия на побережье Адриатического моря. В начале 48 г. до н. э. около Диррахия Помпей одержал победу, и Катон принимал в этом самое активное участие. Однако Помпей не использовал результатов победы. Цезарь сумел его перехитрить и, получив подкрепления, начать маневренную войну, двигаясь со своей армией в глубь полуострова. Помпей с основными силами последовал за ним, но у Диррахия оставил Катона с 15 когортами, т. е. приблизительно с 7 тысячами воинов. Поэтому Катон не участвовал в битве при Фарсале, в которой Помпей был окончательно разгромлен.

Узнав об этом поражении, Катон переправился на остров Керкиру, где фактически распустил свое войско, предоставив всем воинам выбор либо остаться на Керкире, либо вернуться в Италию, либо вместе с ним отправиться на помощь Помпею. Решив, что бежавший после Фарсала Помпей скорее всего отправится в Египет, он с остатками своего отряда вышел в море и направился в эту страну. Но в пути, уже у африканских берегов, он встретил корабль, на котором жена и младший сын Помпея Секст возвращались из Египта, и от них узнал об убийстве Помпея. Видя, что больше в Египте ему делать нечего, Катон высадился в городе Кирене. Там он оставался недолго, ибо узнал, что все остатки антицезарианских сил собираются в провинции Африке⁴. Тогда, не дожидаясь весны, когда открывалась навигация, Катон с имеющимися у него силами двинулся по суше в эту провинцию. Преодолев довольно значительное расстояние в трудных условиях почти бездорожья и отсутствия городов, он соединился с основными силами антицезарианцев, которые теперь возглавлял бывший консул Сципион, командование которого признал и Катон.

Трудно сказать, как отнеслись к Катону те, кто собрался в Африке. С одной стороны, он стал в известном смысле символом непримиримой вражды к Цезарю и воплощением борьбы за свободу против тирании, а именно под этим лозунгом противники Цезаря и вели с ним войну. Но с другой, он был слишком принципиальным, слишком неуживчивым, к тому же обладал недостаточным военным опытом, а в условиях войны именно военный, а не политический опыт играл важнейшую роль. В Африке собрались те, с кем прежде Катон упорно враждовал, среди них был и Сципион. Помпеянцы дорожили возникшим союзом с нумидийским царем Юбой, а Катон в духе старых римских представлений относился к «варварам» если не презрительно, то весь-

⁴ Надо различать африканский материк, который греки и римляне называли Ливией, и римскую провинцию Африку, которая в эпоху республики приблизительно соответствовала современному Тунису.

ма настороженно и подозрительно. Поэтому, оказав прибывшему Катону всяческое внешнее почтение, руководители борьбы вскоре «сослали» его, назначив комендантом города Утики.

Это назначение, конечно, не было чисто формальным. Старинная финикийская колония, основанная, по преданию, еще в конце XII в. до н. э., Утика в то время играла роль провинциальной столицы и занимала важное стратегическое положение. Ее сохранение было важно для врагов Цезаря, но в самом городе существовала довольно сильная процезаревская «партия», в основном опиравшаяся на рядовые слои горожан. Катон же, опираясь в основном на живших в Утике и окрестностях римских граждан, из которых он составил свой совет, а также на бежавших в Африку сенаторов и их сыновей, начал укреплять город в предвидении возможного нападения цезарианцев. Но для этого было необходимо нейтрализовать сторонников Цезаря. Сципион предложил сделать это весьма радикально, просто перебив всех взрослых мужчин. Катон, понимая, что эти убийства лишь приведут к обострению отношений с местным населением, воспротивился, хотя и согласился с изгнанием цезарианцев из города.

Когда 6 февраля 46 г. до н. э. в битве при Тапсе Цезарь одержал новую победу, полностью разгромив и почти уничтожив армию своих противников, в Утике началась паника. Совет, составленный Катонем, выступил против него. Попытки Катона навести порядок и сделать из Утики оплот для спасшихся после сражения при Тапсе не удалось. Не сумел он также уговорить местных рабовладельцев освободить рабов, чтобы из них составить новое войско для борьбы с Цезарем. Катон понял, что сопротивление Цезарю он оказать не сможет. Для него, который всю жизнь посвятил защите римской свободы, по крайней мере так, как он ее понимал в староримском духе, победа Цезаря означала не только политическое поражение, но и конец жизни, ибо он не мыслил своей жизни под властью Цезаря, которого считал наглым тираном. Поэтому, убедившись в бессмысленности дальнейшего сопротивления, он распустил стоявшее в Утике войско и организовал его отплытие из города. После этого Катон покончил с собой, вонзив меч себе в живот. Его старший сын Марк, а также несколько друзей и врач попытались было его спасти: воспользовавшись тем, что раненый потерял сознание, они вложили на место выпавшие внутренности и зашили рану. Но, придя в себя, Катон разорвал зашитую рану и скоро умер, не дожив до 49 лет. Жители Утики независимо от своей партийной принадлежности воздали покойному погребальные почести, восхищаясь не только непреклонностью, но и уникальной честностью, так отличавшей его от всех остальных деятелей того времени. Даже Цезарь высказал сожаление по поводу его смерти.

Гибель Катона, пожалуй, в еще большей степени, чем жизнь, сделала из него символ неукротимого свободолюбия, в своем стремлении к свободе не останавливающегося ни перед чем, даже перед собственной смертью. Мертвый Катон оказался для Цезаря еще более страшным врагом, чем живой. Цицерон написал сочинение «Катон», в котором восхвалял погибшего, и это сочинение получило широкое распространение в римском обществе. Цезарь был вынужден ответить тем же, написав и выпустив в свет памфлет «Антикатон», в котором собрал все негативное, что было можно, включая самые нелепые, но все же иногда ходившие сплетни о своем мертвом противнике. Это сочинение Цезаря до наших дней не дошло, ибо большой популярностью в обществе не пользовалось. Даже сторонник Цезаря Саллюстий воздал хвалу Катону, который, по его словам, лучше желал быть честным на самом деле, чем слыть таковым, и который чем меньше искал славы, тем большей она была. И позже Катон не был забыт. Естественно, что все те, кто считал себя противником тирании, восхваляли его. Лукан в своей поэме «Фарсалия», написанной приблизительно через 110 лет после гибели Катона, сделал его одним из положительных героев; ему же принадлежит знаменитый афоризм: «Победитель любезен богам, побежденные милы Катону». Но и сторонник установившегося принципата Веллей Патеркул подчеркивал, что Катон был ближе к богам, чем к людям, совершал справедливые поступки, потому что не мог поступать иначе, был вовсе лишен людских пороков и являлся хозяином своей судьбы. Не меньше ценили Катона и более поздние поколения.

Цезарь пощадил сына Катона Марка. Но позже тот принял участие в последней войне республиканцев уже после смерти Цезаря под командованием своего двоюродного брата Брута и погиб при их разгроме. Старшая дочь Катона Порция первым браком была замужем за Бибулом, а затем стала женой того же Брута, хотя тот и был ее двоюродным братом.

Катон был сыном Ливии от ее второго брака. От первого брака с Квинтом Сервилием Цепионом Ливия имела других детей, в том числе дочь Сервилию, родившуюся около 100 г. до н. э., незадолго до развода ее родителей. После этого развода и смерти отчима Сервилия вместе с другими детьми своей матери, в том числе маленьким Марком Катонном, воспитывалась в семье своего дяди Ливия Друза, а после его убийства некоторое время находилась под опекой бабушки Корнелии. После ее смерти Сервилия, сама еще ребенок, осталась самой старшей среди своих родных и сводных братьев и сестер и поэтому уже очень рано должна была принимать самостоятельные решения. Едва выйдя из детского возраста, она вышла замуж за Марка Юния Брута, которому в 85 г. до н. э. родила сына Марка.

Сами Юнии считали себя потомками знаменитого Люция Юния Брута, основателя Римской республики, отца римской свободы. Он был родственником царского дома Тарквиниев, но ненавидел тиранию, установленную последним царем Тарквинием Гордым. Когда сын царя Секст обесчестил добродетельную Лукрецию и та покончила с собой, Брут призвал римлян к восстанию. Римляне свергли Тарквиниев и отныне стали считать свое государство не частным делом — *res privata* — царей, а общественным делом — *res publica* — римского народа. Вместо пожизненных царей государством стали управлять два консула, избираемые ежегодно. И одним из первых консулов был, разумеется, избран Брут. Однако сыновья Брута оказались вовлеченными в монархический заговор и после его раскрытия были казнены с согласия отца. Когда Бруты стали довольно знаменитыми, возникло предание, что у отца свободы якобы был еще маленький сын, который и продолжил отцовский род. Но в действительности Юнии были плебейским родом, который начал возвышаться, вероятнее всего, в IV или, самое раннее, в V в. до н. э. И с этого времени они заняли свое место в рядах римского нобилитета. Представители этого рода и той его ветви, что носила имя Брутов, не раз занимали самые различные высокие должности, в том числе и консула. Был очень известен Децим Юний Брут, консул 138 г. до н. э., который затем стал проконсулом Дальней Испании и в этом качестве успешно сражался с местными племенами, первым подчинил Галлецию в северо-западной Испании, за что получил почетное прозвище Галлаикский. Позже он успешно сражался в Иллирии, а в 122–121 гг. до н. э. выступал активным врагом Гракха.

Муж Сервилии Марк Брут был марианцем и врагом Суллы. В 83 г. до н. э. он занимал должность народного трибуна и стал инициатором выведения колонии в Капую, чем вызвал к себе ненависть со стороны оптиматов. Когда Сулла установил свою диктатуру, Брут तो ли бежал, то ли, подобно молодому Цезарю, был вычеркнут из проскрипционных списков по просьбам влиятельных друзей. Во всяком случае, в 78 г. до н. э. он действовал в Италии. Когда в следующем году Марк Эмилий Лепид поднял восстание с целью свержения сулланского режима, Брут примкнул к нему и стал его легатом. По поручению Лепида он набрал войско в Северной Италии и с ним захватил город Мутину. Однако в скором времени сюда подошел с войсками Помпей. После осады он разбил Брута и захватил Мутину. Брут попал в плен, и Помпей на следующий день приказал его убить. Так сын Брута, которому еще не было и восьми лет, стал сиротой, а Сервилия вдовой.

Сервилия была дамой любвеобильной, и как раз в то время, когда родился ее сын, у нее развивался бурный роман с Цезарем, который был ненамного старше ее. Это, видимо, не было простым увлечением. Уже много позже, в 63 г. до н. э., когда Катон и Цезарь в сенате спорили о судьбе арестованных участников заговора Катилины, Цезарю принесли какое-то письмо, и Катон, подозревая, что Цезарь получил весть от заговорщиков, потребовал, чтобы Цезарь это письмо прочитал вслух. Цезарь передал его Катону, и тот, к своему стыду, увидел, что это любовное послание его сестры Сервилии, после чего он бросил его назад Цезарю. И Цезарь, видимо, всю жизнь оставался к ней неравнодушен. В 59 г. до н. э., будучи консулом, он подарил Сервилии жемчужину колоссальной стоимости в 6 миллионов сестерциев, а еще позже, уже во время гражданской войны, продал ей же за бесценок богатое конфискованное поместье. Из-за этого романа многие считали Брута в действительности сыном Цезаря. Может быть, и сам Цезарь в глубине души думал так же. Накануне битвы при Фарсале он приказал сделать все возможное для спасения Брута и откровенно радовался, узнав, что Брут спасся. В роковой день 15 марта 44 г. до н. э., когда на Цезаря напали заговорщики, он, увидев среди них Брута, воскликнул: «И ты, дитя!», после чего перестал сопротивляться. Сам же Брут всегда считал себя сыном своего законного отца и всю жизнь ненавидел Помпея за его убийство.

Сервилия была не только любвеобильной, но и очень честолюбивой и весьма энергичной женщиной. Вскоре она вышла замуж за Децима Юния Силана, от которого имела трех дочерей, которых она затем выдала замуж за видных политических деятелей своего времени. Сервилия была одной из тех женщин, которые за кулисами пытались вершить судьбу государства. Она оказывала довольно сильное влияние на своего мужа Силана, игравшего известную роль в политической жизни того времени и ставшего в 62 г. до н. э. консулом. Влияние сестры ощущал и Катон, особенно в молодости. По инициативе Сервилии оставшийся без отца мальчик был усыновлен ее родным братом Квинтом Сервилием Цепионом и стал именоваться Квинтом Цепионом Брутом. Но в 67 г. до н. э., когда Бруту было 18 лет, умер и Цепион. Хотя официальным считалось имя, данное при усыновлении, Брута чаще называли именем, полученным при рождении. Фактическим же его воспитателем стал другой дядя — Катон. Нельзя не учитывать и влияние матери, которую Брут почитал все свою жизнь. Она очень гордилась своим происхождением из рода Сервилиев, который всегда выступал против любых покушений на свободу римского народа, и эту гордость передала сыну.

Марк Юний Брут получил прекрасное образование и воспитание. Его учителем был Стабилий Эрот, грамматик, в свое время рабом привезенный из Сирии вместе с будущим известным поэтом Публием Сиром. Еще будучи рабом, Эрот прославился своей ученостью, за что и был отпущен на свободу. Он вошел в круг той части римской знати, которая была оппозиционна Сулле, ибо во времена его диктатуры он бесплатно обучал детей проскрибированных родителей. Поэтому совершенно естественно, что Эрот стал учителем сына павшего Брута старшего и племянника Катона. Сам Катон старался привить своему воспитаннику любовь к философии, которой увлекался он сам. Правда, в отличие от дяди, бывшего поклонником стоицизма, Брут увлекся платонизмом. Это произошло, по-видимому, в Афинах, куда юный Брут, как и многие другие молодые римские аристократы, отправился пополнять свое образование. В Афинах в это время платоновскую школу — Академию — возглавлял Антиох из Аскалона, который стремился очистить учение Академии от скептицизма и вернуться к подлинному учению Платона. Брут подружился с его братом Аристом, выделявшимся красноречием и добродетелью, он надолго стал другом и образцом для Брута. Известно, что Брут и сам писал философские сочинения: «О доблести», «Об обязанностях», «О терпении». Увлекался Брут и историей. Даже в довольно драматические моменты своей жизни он делал выписки из «Истории» Полибия, «Анналов» Целия Антипатра и других исторических сочинений. В молодости Брут писал стихи, но в особенности увлекся ораторским искусством, чему учился на Родосе, куда, по-видимому, уехал после пребывания в Афинах. В эпоху бурной политической жизни, когда многие вопросы решались на форуме или Марсовом поле, риторика часто открывала путь к блестящей политической карьере. Брут часто писал речи только ради упражнения. Так, в конце 50-х гг. им была составлена речь в защиту Милона, не произнесенная, но известная образованным людям. Его знания и быстрота ума позволяли ему в любой момент приступить к написанию речи независимо от того, предназначалась ли она для произнесения или лишь для прочтения. Хотя публичных речей Брут произносил не так уже много, он был известен как оратор. Недаром позже Цицерон сделал его одним из персонажей своих трактатов об ораторском искусстве. В этом искусстве Брут примыкал к аттической школе, которая противопоставляла пафосу и некоторой напыщенности азианистской школы простоту и ясность.

Брут рано вошел в круг римской интеллектуальной элиты. Его близким другом стал всадник Тит Помпоний Атик, один из ближайших друзей Цицерона и также один из самых образованных людей своего времени. Они, видимо, познакомились в Афинах, где уже многие годы

жил Аттик (за что и получил свое прозвище), лишь время от времени приезжая в Рим и участвуя в тамошней политической и духовной жизни. Несмотря на довольно большую разницу в возрасте (Аттик был старше Брута на 25 лет), они подружились. Круг друзей Аттика был широк и разнообразен, и, может быть, с его помощью Брут тоже вошел в него. В частности, одним из его друзей стал Цицерон. Время от времени Брут выступал с речами, которые высоко ценились его современниками, но довольно скептически оценивались потомками. Но ни современники, ни потомки никогда не сомневались в высокой и всесторонней образованности Брута. Много лет спустя римский историк Веллей Патеркул, сам горячий поклонник принципата и особенно правящего принцепса Тиберия, перечисляя выдающихся людей последних 40–30 лет республики, среди них называл и Брута.

Политическую карьеру Брут начал в 60 г. до н. э. в качестве руководителя монетного двора. На следующий год Брут оказался вовлеченным в позорное дело Веттия. Люций Веттий был известным доносчиком, который сравнительно недавно пытался, хотя и неудачно, обвинить Цезаря в участии в заговоре Катилины. Теперь, когда уже сам Цезарь был консулом, он решил использовать Веттия в своих целях. Во второй половине консульского года Цезаря влияние триумвиров, в том числе и самого Цезаря, начало ослабевать, и Цезарь, видя возрастание силы сенатской оппозиции, задумал использовать Веттия для нанесения удара по всей совокупности своих наиболее значительных врагов. По его подстрекательству Веттий составил заговор против Помпея с целью его убийства, с тем чтобы схватить убийцу или убийц, а тот (или те) назовет в качестве соучастников как можно больше видных сенаторов и членов их семей. Но Веттию не удалось привлечь к этому заговору практически никого, и дело о готовящемся покушении обсуждалось на заседании сената. Среди тех, кого Веттий назвал заговорщиками, был и Брут. Совершенно ясно было, что Брут назван именно как племянник Катона. Сенат не поверил ни одному слову Веттия и решил его арестовать. На следующий день Цезарь представил арестованного народу, и тот еще более расширил список мнимых заговорщиков, но зато умолчал о Бруте. Говорили, что умолчать о нем посоветовал Веттию сам Цезарь, боясь, что имя Брута будет связывать с именем его матери да и самого Цезаря как его предполагаемого отца. Однако это дело вообще лопнуло, ибо было столь безосновательным и авантюристичным, что никто доносчику не поверил.

Когда Цезарь после окончания своего консульства стал проконсулом обеих Галлий (Цизальпинской и Трансальпинской) и намеревался начать завоевание всей Галлии, он предложил Бруту поехать вместе с ним в качестве его квестора. Бруту в это время было 26 лет, и предложе-

ние Цезаря открывало ему блестящие возможности. Но, очевидно под влиянием дяди, он решительно отказался. Вскоре, выздоравливая после болезни, он уехал отдохнуть в Малую Азию. Там его застало письмо Катона, отправленное с Родоса, в котором дядя просил его незамедлительно направиться на Кипр: как уже говорилось, не очень доверяя уже посланному на Кипр Канидию, Катон решил поручить деликатное дело описи и оценки имущества последнего кипрского царя родному человеку. Бруту очень не хотелось отправляться на Кипр, в том числе и потому, что он считал несправедливыми подозрения Катона, но противоречить не решился. Как и Катон, он больше двух лет провел на острове, активно участвуя во всей этой операции и проявляя при ее проведении усердие и прилежность. Незадолго до окончания своей миссии на Кипре Катон отправил Брута в Рим с большей частью полученных денег. Прибыв в Рим, Брут разделил с дядей его славу.

В 54 г. до н. э. Брут женился на Клавдии, дочери Аппия Клавдия Пульхра. Род Клавдиев был одним из самых знатных в Риме и играл в его жизни огромную роль, начиная с самых ранних периодов истории республики. Тесть Брута был в свое время претором, пропретором Сардинии, а в год брака своей дочери консулом. Другая его дочь в том же году была выдана замуж за Помпея, старшего сына Гнея. Сам Клавдий был другом Цицерона, а в свое время очень близок к Лукуллу. Эта семья как бы связывала различные группировки римской аристократии, в политическом плане, как правило, принадлежавшие к оптиматам. Когда в следующем году Клавдий стал проконсулом Киликии и предложил Бруту вместе с ним отправиться в эту провинцию в качестве его квестора, то на этот раз он согласился.

Сколько времени Брут находился в Киликии, точно не известно. Когда весной 51 г. до н. э. Цицерон приехал в Киликию сменить Клавдия в качестве наместника этой провинции, тот вопреки обычаю не встретил своего преемника вблизи границы и не сдал ему тотчас дела, а в ее восточной части еще продолжал свою деятельность. Но Брута в это время в Киликии уже не было; он, вероятно, уже находился в Риме. Но и сравнительно недолгое пребывание в Малой Азии Брут использовал с большой пользой для себя. Он обладал довольно большими состоянием и часть его пустил в рост, давая большие деньги в долг как зависимым царям Галатии и Каппадокии, так и провинциалам, причем последний он ссужал деньги вопреки закону. Правда, Брут действовал через посредников — своих друзей Марка Скапция, Публия Матиния, Люция Главция. Он добился (может быть, с помощью дяди), что сенат специальным решением разрешил эту финансовую операцию. Используя свое служебное положение, он с конным отрядом окружил здание

городского совета кипрского города Саламина, так что пять членов совета даже умерли от голода, и заставил признать долг с процентами, в четыре раза превышающими законные. Сменивший Клавдия Цицерон пытался урегулировать спор между друзьями Брута (за которыми стоял он сам) и жителями Саламина, но в конце концов пошел, видимо, на уступки Бруту. Брут использовал близкое знакомство с Цицероном, чтобы и в его проконсульство добиваться своих целей в Азии и «проталкивать» друзей на те или иные выгодные и нужные должности. Позже Брута не раз обвиняли и в корыстолюбии, и в жестокости при «выколачивании» долгов, и в протекционизме, чем он решительно отличался от дяди.

После возвращения из Киликии Аппий Клавдий был обвинен в «вымогательстве», т. е. в произволе по отношению к провинциалам. Хотя Цицерон был обижен на него, он сразу же встал на его защиту. Правда, непосредственно защитить Клавдия он не мог, ибо находился не в Риме, а в Киликии, но его письма в защиту своего предшественника повлияли на ход дела, причем Цицерон не скрывал, что делал это лишь ради Брута. Клавдия поддержало и государство, т. е. сенат, который увидел в этом обвинении попытку дискредитировать одного из самых видных нобилей. Характерно, что Брут, хотя и являлся ближайшим помощником Клавдия, к суду привлечен не был. Похоже, он даже не выступал в качестве свидетеля.

Брут в это время был заметной фигурой в римской жизни. Он уже довольно давно, хотя когда точно не известно, получил почетный титул *princeps iuventutis* — первого среди молодежи. Это означало, что когда цензоры составляли список всаднической молодежи, то первым в этом списке стояло имя Брута. Много позже, уже при империи, *princeps iuventutis* станет титулом сына императора как главы всаднического сословия. В эпоху же республики этот титул не давал никаких особых преимуществ, но был очень почетным и являлся знаком общественного признания.

В 49 г. до н. э. Брут снова находился в Киликии в качестве легата ее нового наместника Публия Сестия, верного друга Цицерона. Там его и застало начало новой гражданской войны. Сестий, естественно, примкнул к Помпею. То же самое вопреки всеобщему ожиданию, поскольку все знали о его ненависти к Помпею, сделал и Брут. В этом явно сказалось влияние Катона и даже, по-видимому, его прямой приказ. Как и его дядя, Брут считал Помпея в этот момент меньшим злом для республики, чем Цезарь. Встав на сторону Помпея, Брут уже не хотел отсиживаться в далекой провинции, где по существу ничего не происходило, и решил уехать непосредственно к Помпею, который в это время находился в Македонии. Впрочем, и Сестий вскоре тоже решил присо-

единиться к армии Помпея, так что возможно, что они покинули провинцию вместе. Присоединение к нему Брута стало приятной неожиданностью даже для самого Помпея. Неизвестно, участвовал ли Брут в битве при Диррахии в январе 48 г. до н. э., но в июне этого года он еще находился в лагере около этого города. Через месяц он уже был в главной армии Помпея.

9 августа 48 г. до н. э. около Фарсала произошла решительная битва этой гражданской войны, в которой помпеянцы были наголову разгромлены. Еще до того как остатки армии Помпея разбежались, Брут покинул лагерь и, спасая свою жизнь, укрылся в каком-то болоте, а затем добрался до близлежащего города Лариссы. Оттуда в полном отчаянии он написал письмо Цезарю, прося, вероятно, прощения за свою позицию в этой войне. Мы не знаем, ответил ли Цезарь ему письменно, но вскоре Брут сам явился в его лагерь и был чрезвычайно благосклонно принят победителем. Цезарь приблизил его к себе и даже стал обсуждать с ним различные вопросы. И во время этих бесед Брут высказал мысль, что бежавший Помпей, вероятнее всего, направился в Египет. Что это было? Холодно рассчитанным предательством своего бывшего командующего и доказательством своей верности новому господину? Или результатом вполне понятной депрессии, в которую впал Брут после страшного поражения? Как бы то ни было, после этого Брут очутился среди ближайших соратников и даже друзей Цезаря. Он был не один такой. Среди других, например, на сторону Цезаря перешел и начальник Брута по Киликии Сестий. К чести Брута, очнувшись от первого шока, вызванного сражением при Фарсале, он использовал свое новое положение при особе Цезаря, чтобы начать защищать других бывших помпеянцев. Так, он сумел добиться оправдания Кассия. Но его горячая речь в защиту галатского царя Дейотара, активно, хотя и вынужденно помогавшего Помпею, оказалась безуспешной, и Цезарь лишил Дейотара трона. Впрочем, надо заметить, что Кассий был родственником Брута — он был женат на его сводной сестре, дочери Сервилии от второго брака с Силаном, а с Дейотаром были связаны еще и его дядя Катон и отец Катона, да и сам Брут. Защищал ли Брут тех, кто с ним или его семьей связан не был, мы сказать не можем.

После битвы при Фарсале враги Цезаря собрались в Африке. И в конце 47 г. до н. э. Цезарь отправился в африканский поход. Перед этим он принял ряд мер по укреплению своего тыла. Брута, который не был до этого ни претором, ни консулом, он, вопреки закону и обычаю, назначил наместником Цизальпинской Галлии. Эта провинция по существу являлась предпольем Италии и в значительной степени ключом к ней, ибо не была от нее отделена ни морем, ни горами, а, наоборот,

соединена с ней прекрасными дорогами. Еще совсем недавно сам Цезарь использовал Цизальпинскую Галлию как плацдарм для начала новой гражданской войны. Так что назначение Брута в эту провинцию было делом весьма ответственным и явным знаком доверия к нему со стороны Цезаря. И Брут полностью оправдал это доверие, проявив себя в провинции как очень неплохой администратор, при этом никак не покушавшийся на власть Цезаря. Правда, узнав о гибели своего дяди, он побудил Цицерона написать сочинение, восхвалявшее Катона, да и сам вскоре тоже написал такое сочинение. Но Цезарь особенного внимания на эту фронду не обратил.

В марте 45 г. до н. э. истекал срок наместничества Брута в Цизальпинской Галлии, и он стал готовиться к передаче дел своему преемнику, а уже в апреле или мае снова появился в Риме. Цезарь высоко оценил деятельность Брута и его верность. Он назначил его, оформив через народное собрание как избрание, городским претором на следующий 44 г. до н. э. Преторов было несколько, они считались равными между собой, но городской претор (*praetor urbanus*), разбиравший дела между гражданами, занимал все же наиболее почетное положение в этой коллегии. Назначение Брута на этот пост было следующим знаком цезаревского доверия и оценки его деятельности. В Риме даже стали ходить слухи, что Цезарь якобы намеревается сделать Брута наследником своей власти.

Пока же Брут был просто частным человеком. Но он не терял времени даром, продолжая вращаться в кругах римских интеллектуалов, таких как Цицерон и Аттик. В то же время много толков в Риме вызвал развод Брута с Клавдией и его женитьба на своей двоюродной сестре Порции, дочери Катона и вдове Марка Кальпурния Бибула. В свое время Бибул был одним из близких друзей Катона и видным деятелем республиканского лагеря. В 59 г. до н. э. он являлся консулом и неудачливым коллегой Цезаря. Позже именно он предложил (или, может быть, просто «озвучил» решение, принятое Катонам как признанным главой республиканцев) назначить Помпея единоличным консулом, а во время гражданской войны командовал помпеянским флотом в Адриатическом море, но не сумел помешать переправе войск Цезаря на Балканский полуостров, а вскоре после этого события тяжело заболел и, не желая покидать свой пост и не имея возможности в этих условиях лечиться, умер. Брак Брута с Порцией, несомненно, имел политическую подоплеку, что еще больше подогрело толки в римском обществе и вызвало недовольство матери Брута Сервилии, которая, по-видимому, не хотела, чтобы ее сын этой своей выходкой испортил недавно налаженные отношения с диктатором. Что же касается самого Брута, то он в это время всячески подчеркивал свою лояльность Цезарю. Он даже уговаривал Цицерона посвятить

Цезарю какое-либо сочинение или составить приветственный адрес по случаю победы Цезаря над остатками помпеянцев при Мунде в Испании. И Цезарь, со своей стороны, не проявлял недовольства Брутом. Само его назначение на ответственный пост городского претора было знаком сохраняющегося благорасположения Цезаря. А интеллигентские выходки, вроде панегирика Катону или женитьбе на Порции, Цезаря не особенно беспокоили. Он сам сочинил памфлет «Антикатон», но этим и ограничился, считая, что пока эти высоколобые пустомели болтают и ничего практического не предпринимают, они ему совершенно не страшны. Однако он ошибался.

Римское общественное мнение начинало потихоньку изменяться. Возвратившись из Испании, Цезарь отпраздновал новый триумф. Если раньше он таким образом отмечал свои победы над Галлией, Египтом, Понтом и Нумидией, то на этот раз это был праздник победы в гражданской войне. Конечно, все понимали, что в действительности речь идет в том числе и о разгроме римских врагов Цезаря; особенно ясно это было в случае победы над Нумидией, чей царь выступал лишь союзником помпеянцев. Но внешний декор был соблюден. Теперь же и он был отброшен, и Цезарь открыто отмечал свою победу в гражданской войне. В процессии статую Цезаря несли вместе с изображениями богов. Позже сенат вообще разрешил Цезарю построить над входом в свой дом фронтон, как это было в храме. Не один раз Цезарю предлагалась царская диадема. Каждый раз он такое предложение открыто отвергал, но мало кто сомневался, что в глубине души он был бы не прочь диадему надеть. С течением времени Цезарь все откровеннее бросал вызов республиканским порядкам. Все это вызывало неприятие образованной элиты, а из нее распространялось и в народе, где еще тоже сохранились приверженцы старых ценностей, среди которых была «свобода», противопоставленная «царству». Когда Цезарь, разгневанный на народных трибунов Эпидия Марулла и Цезетия Флава, отрешил их от должности, на консульских выборах на следующий год эти люди получили довольно много голосов, хотя, естественно, и не были выбраны. Под статуей самого старшего Брута, по преданию, возглавившего свержение царей, появилась надпись: «О если бы ты был жив», а под статуей самого Цезаря надпись, прямо обвинявшая его в стремлении стать царем.

Брут долгое время колебался. Но на его преторском кресле все чаще появлялись неизвестно кем подкинутые записки типа: «Брут, ты подкуплен? Брут, ты труп? Ты — не его потомок». Это давление общественного мнения сыграло свою роль. Но еще важнее было поведение самого Цезаря. Хотя все прекрасно понимали, что единственной целью Цезаря было абсолютное единовластие, Брут еще «хватался за соломин-

ку». Когда Цезарь принял полномочия префекта Рима, Брут расценил это как возвращение к конституционным нормам. И в дальнейшем он надеялся на восстановление республиканского строя даже при сильном авторитете Цезаря. Но когда Цезарь стал пожизненным диктатором, никаких надежд на возрождение свободного государства не осталось. Возродить такое государство можно было, только убив Цезаря. Так возник заговор.

Ни о времени возникновения, ни о деталях этого заговора мы ничего не знаем. И это вполне естественно, ибо заговор — дело тайное. По одним сведениям, непосредственным инициатором заговора был двоюродный брат Марка Брута Децим Юний Брут Альбин. Он когда-то был активным цезарианцем, участвовал в войне с галлами, а затем в гражданской войне на ее первых этапах, занимал ряд видных должностей, в том числе претора, был наместником Цезаря в завоеванной им части Галлии, а в начале 44 г. до н. э. ему как доверенному лицу было поручено управление Цизальпинской Галлией, но он туда не уехал и все еще находился в Риме. Поведение Цезаря, и особенно принятие им, как это сделал когда-то Сулла, поста пожизненного диктатора, глубоко разочаровало Децима Брута, и он выступил против своего бывшего вождя. По другим данным, у колыбели заговора стоял все же Марк Брут. Он поделился своими мыслями с женой Порцией, и та не только активно его поддержала, но и посоветовала составить заговор с привлечением как можно большего числа верных сторонников. И среди первых был Гай Кассий Лонгин.

Род Кассиев был плебейским и выступил на сцену римской истории в середине III в. до н. э. во время первой войны с Карфагеном, когда некий Квинт Кассий был военным трибуном консула Гая Аврелия Котты. Лонгины были важнейшей и наиболее известной ветвью этого рода. Первым известным Кассием Лонгином был Гай, который достиг поста консула в 171 г. до н. э., затем активно участвовал в войне с Македонией и, наконец, стал цензором; на этом посту он пытался добиться постройки в Риме первого стационарного театра, но это было ему запрещено специальным сенатским решением. Отцом заговорщика был Гай Кассий Лонгин, консул 73 г. до н. э., который в следующем году управлял Цизальпинской Галлией и потерпел поражение от войск Спартака. Тем не менее он сумел приобрести в провинции обширную клиентелу, особенно в северной, транспаданской части, и эту клиентелу он по наследству передал сыну. Позже, уже давно став частным человеком, Кассий активно поддержал закон Манилия, по которому Помпею были предоставлены огромные, по существу чрезвычайные, полномочия для войны с Митридатом. Судя по имени, будущий заговорщик был старшим сыном консула.

Гай Кассий Лонгин прославился в конце 50-х гг. I в. до н. э. Когда Красс отправился в Сирию воевать с парфянами, Кассий был его квестором, но занимался не хозяйственными делами, как обычно делали квесторы при наместниках провинции, а военными, выступая фактически его легатом и командуя частью его армии. Он предлагал Крассу двигаться вдоль Евфрата, что было вполне разумно и более безопасно, а также давало римской армии возможность быстрее достигнуть основных центров Месопотамии. Но Красс его не послушал, и это привело к катастрофе. Парфяне сумели завлечь войско Красса в почти безводную местность и в битве около Карр наголову разгромить римлян. Римская армия была окружена, и сам Красс, отправившийся на переговоры, был захвачен в плен и убит. Пытавшиеся вырваться из кольца римляне были перебиты окрестными арабами, и только сравнительно небольшой отряд во главе с Гаем Кассием Лонгином, командовавшим левым крылом римской армии, сумел прорваться в Сирию. Кассий стал ею управлять в ранге проквестора. Укрепив свой тыл и подавив очередное восстание в Иудее, Кассий попытался организовать на Евфрате оборону против возможного парфянского вторжения. Однако сдержать парфян он все же не смог, и те прорвались до Антиохии. Парфянское вторжение вызвало панику в Риме, и там хотели отправить на Восток снова Помпея или Цезаря. Но Кассий сумел организовать защиту Антиохии, и взять ее парфяне не смогли. Бывший в то время наместником Киликии Цицерон двинулся ему на помощь и подошел к Исса, где когда-то Александр разбил Дария. Не решившись оказаться между двумя римскими армиями, парфяне предпочли отступить. Кассий, воспользовавшись этим отступлением, начал их преследование и разбил парфянское войско, причем в бою пал сам его командующий Озак. 7 октября 51 г. до н. э. Кассий сообщил в Рим, что им закончена война с парфянами. Добиться, однако, на деле окончательной победы Кассий не смог, так как в качестве проконсула в Сирию был направлен Марк Кальпурний Бибул, который взял в свои руки общее командование. Вскоре после этого Кассий, получивший известность как искусный командир, вернулся в Рим. Его авторитет был довольно высок; недаром Цицерон, который тяготился своим наместничеством в Киликии и опасался, что его могут продлить, просил Кассия хлопотать о том, чтобы ему прислали замену. И когда Кассий выставил свою кандидатуру на пост народного трибуна на 49 г. до н. э., он был избран и 10 декабря 50 г. вступил в должность. А в следующем году началась гражданская война.

Уже накануне войны обнаружили резкие разногласия между трибунами. В то время как Антоний, Курион и Квинт Кассий (вероятно, двоюродный брат Гая) были явными или тайными цезарианцами, Гай

Кассий выступал решительным противником Цезаря, хотя перед выборами некоторые почему-то считали его цезарианцем. Такую позицию, видимо, в значительной степени определяли его родственные связи. Он был женат на младшей дочери Сервилии и Силана, племяннице Катона и, пожалуй, находился под влиянием своего знаменитого родственника. Когда Цезарь в январе 49 г. до н. э. из Цизальпинской Галлии вторгся в Италию, перед Кассием выбор не стоял, он был на стороне Помпея и вместе с ним покинул Рим. Но очень скоро Помпей направил его к консулам, которые, оставив Рим, в то время находились в Капуе. Помпей приказал им вернуться в Рим и открыть тайную и неприкосновенную казну, в которой собиралась часть государственных доходов и которой распоряжались именно консулы, и, забрав оттуда деньги, привезти их ему, Помпею. 8 февраля Кассий прибыл с этим распоряжением в Капую, но выполнить его консулы были не в состоянии, ибо, хотя Цезарь в Рим еще не вошел, все, в том числе и консулы, в страхе ожидали его прибытия. Некоторое время Кассий находился в усадьбе Цицерона вместе с хозяином и еще некоторыми их друзьями, постоянно колеблясь между надеждой на разгром Цезаря и страхом перед его становившейся все более очевидной победой. Когда же было получено известие, что помпеянцы в Италии разбиты и консулы покинули Капую, Кассий перебрался к Помпею, который к этому времени уже находился на Балканском полуострове.

Помпей, получив некоторую передышку в связи с возвращением Цезаря в Рим, а затем его кампанией в Испании, стал собирать новую армию и решил во чтобы то ни стало не допустить переправы Цезаря через Адриатическое море. С этой целью он сосредоточил свой флот вдоль западного побережья Балканского полуострова. Одной из эскадр, состоявшей из сирийских кораблей, командовал Кассий, уже довольно хорошо знакомый с сирийцами. Все же помешать переправе сначала авангарда цезаревской армии во главе с самим Цезарем, а затем и значительных подкреплений этот флот все же не сумел. А скоро умер Бибул, и флот лишился общего командования, так что отдельные командиры, и в их числе Кассий, стали действовать по собственному усмотрению. Тем временем армии Помпея и Цезаря удалились от побережья и ушли в глубь полуострова, где и разыгралась битва при Фарсале. Еще до этого Кассий, подчинив себе также киликийские и финикийские корабли (а они, пожалуй, были лучшими в помпеянской флоте, ибо финикийцы и киликийцы обладали древнейшей морской традицией), видя полную бесполезность дальнейших действий на Адриатике, совершил рейд на Сицилию. Воспользовавшись разделением цезаревского флота на две отдельные эскадры, он неожиданно напал на ту,

которой командовал Публий Помпоний, и полностью ее уничтожил. Это вызвало панику в цезаревском лагере, и только полученное известие о победе Цезаря при Фарсале удержало его воинов и сторонников от капитуляции. Вслед за тем Кассий обрушился на эскадру Публия Сульпиция и тоже начал сжигать вражеские суда. Однако в дело вмешались находившиеся поблизости ветераны, которые по собственному почину взошли на корабли и обрушились на флот Кассия. Исход этого морского сражения по существу был ничейным, и каждая сторона, как это обычно водится в таких случаях, считала себя победительницей. Но в это время уже сам Кассий получил совершенно достоверное известие о поражении Помпея. Он решил, что в таком положении дальше сражаться бессмысленно. На какое-то время он со своими кораблями пытался удержать Геллеспонт, но вскоре без всякого сопротивления сдал свои суда и отправился на остров Родос, где по традиции находили убежище римские изгнанники. Его родственник Брут ходатайствовал за него перед Цезарем. И сам Кассий порой порывался уехать с Родоса в Александрию, где тогда находился Цезарь, но все же не решился. Только после того, как Цезарь разбил сына Митридата Фарнака, пытавшегося вернуть себе отцовское Понтийское царство, и находился в Малой Азии, Кассий двинулся навстречу ему, и они встретились в Киликии. По просьбе Брута Цезарь простил Кассия и даже дал ему ранг своего легата, но в армию на всякий случай не принял и оставил его в провинции Азии, которая занимала западную часть Малоазийского полуострова.

В Азии Кассий находился не меньше полутора лет. Было ли это выполнением поручения Цезаря или более или менее почетной ссылкой, но Кассий своим пребыванием там и своим бездействием тяготился. Правда, несколько неожиданно выпавший досуг он использовал для изучения философии. Наиболее близким ему оказалось эпикурейство, и он стал серьезно его изучать, даже критикуя за искажение учения Эпикура некоторых его римских последователей. И все же в январе 45 г. до н. э. Кассий с удовольствием покинул Азию и возвратился в Италию. Правда, ему пришлось на некоторое время задержаться в Брундизии. Цезарь в это время находился в Испании, где вел свою последнюю войну с помпеянами. Может быть, оставшиеся вместо него в Риме его сторонники все же побаивались пребывания в городе Кассия. Сам Кассий в это время еще не помышлял о выступлении против Цезаря. Сравнивая его с Гнеем, старшим сыном Помпея, стоявшим в то время во главе помпеянских сил, он отдавал предпочтение Цезарю. На какое-то время Кассий, похоже, снова покинул Италию и побывал в Афинах, где стал свидетелем убийства Марка

Клавдия Марцелла, друга Катона и противника Цезаря, но помилованного последним и готовившегося вернуться в Рим, однако убитого до того, как предпринял эту поездку.

Вернувшийся из Испании Цезарь оценил лояльность Кассия и назначил его на 44 г. до н. э. претором, ведшим дела между римлянами и иностранцами, включая считавшихся тоже иностранцами провинциалов (*praetor peregrinus*). Может быть, Кассий рассчитывал стать городским претором, но Цезарь предпочел Брута. Не исключено, что Кассий счел это обидой. Но еще важнее было то, что, как и Брут, Кассий, еще с детства ненавидевший всякую тиранию, оставался в глубине души республиканцем, а поведение Цезаря, как уже говорилось, не оставляло никаких надежд на восстановление республики. Поэтому Кассий сразу же согласился с Брутом, примкнул к готовящемуся заговору и с самого начала стал играть в нем руководящую роль. Даже если инициатором заговора был Децим Брут, он по своему характеру не подходил на роль лидера. И для современников, и для потомков, в том числе самых отдаленных, руководителями заговора были Брут и Кассий. Первый был скорее его идеологическим вождем и вдохновителем, а второй возглавил практическую подготовку убийства Цезаря.

Заговор был довольно разветвленным, число заговорщиков достигало 60 человек. Среди них были бывшие цезарианцы, разочаровавшиеся в своем вожде. Кроме Децима Брута надо упомянуть еще Гая Требония. Это был опытный политический деятель, враг Клодия, друг Цицерона, в свое время верный сторонник триумвиров. Именно он в 55 г. до н. э. предложил и вопреки сопротивлению Катона провел закон, по которому Помпею и Крассу предоставлялись испанские провинции и Сирия, а Цезарю продлевалось наместничество в Галлии еще на пять лет. Затем он воевал в Галлии под командованием Цезаря, в 49 г. до н. э. руководил осадой и взятием Массалии, был городским претором, наместником Дальней Испании, участвовал в битве при Мунде, в 45 г. до н. э. стал консулом-суфетом, т. е. «дополнительным консулом», исполнявшим консульские обязанности часть года. Но будучи убежденным республиканцем, он примкнул к заговору против Цезаря. Бывшими цезарианцами были также Люций Тиллий Цимбер, которому в 44 г. до н. э. было поручено наместничество в проконсульском ранге в провинции Вифиния-Понт, хотя консулом он не был, Люций Минуций Базил, также воевавший под знаменами Цезаря в галльской войне, а затем хорошо проявивший себя и в гражданской, и ряд других. Были среди заговорщиков, естественно, и бывшие противники Цезаря Квинт Лигарий, которого Цезарь сначала никак не хотел помиловать и который только в октябре 46 г. до н. э. сумел вернуться в Рим, бывший сена-

тор Секстий Назон, убежденный республиканец Понтий Аквила, который был в 45 г. до н. э. народным трибуном и принципиально не поднялся со своей трибунской скамьи во время триумфа Цезаря, праздновавшего разгром своих сограждан, и многие другие.

Заговорщикам нужно было торопиться. Цезарь уже полностью подготовил поход против парфян и был готов отправиться на войну 18–19 марта 44 г. до н. э. Было ясно, что если эта война будет победоносной, а в этом никто в Риме не сомневался, то никаких преград для установления Цезарем абсолютной власти, если не официальной монархии, уже точно не будет. К тому же столь широкий заговор не мог долго оставаться в полной тайне, и о нем, действительно, уже стали поговаривать, что грозило заговорщикам разоблачением. Акцию назначили на 15 марта 44 г. до н. э., мартовские иды по римскому календарю, когда в курии Помпея состоится очередное заседание сената. Казалось, что сама судьба благоприятствует убийству, ибо в этой курии стояла статуя Помпея, который таким образом был бы отомщен за свою гибель. Заговорщики собрались в доме Кассия, чтобы обсудить последние детали. Об этом узнали, и Цезаря попытались предупредить. Он и сам догадывался о заговоре, но решительно отказался от дополнительной охраны, заявив, что не может всю оставшуюся жизнь жить в вечном страхе. 15 марта, устрешенный неблагоприятными предзнаменованиями, Цезарь хотел отменить заседание, но Децим Брут уговорил его не делать этого. И Цезарь смело вошел в курию, где его уже ждали заговорщики, которых Кассий привел из своего дома.

Децим Брут (или это был Требоний) в соответствии с составленным планом отвлек Марка Антония, который казался заговорщикам слишком опасным. А когда Цезарь сел в свое кресло, его окружили заговорщики, якобы пришедшие с просьбами, и один из них сдернул тогу с плеч диктатора. Это было знаком, и удары кинжалами посыпались на Цезаря. Кто-то из заговорщиков заколебался, но Кассий решительно приказал ему действовать. Сначала Цезарь пытался сопротивляться, но, увидев среди нападавших Брута, перестал. Труп Цезаря упал к подножию статуи Помпея. «И мертв объемлет он Помпея мрамор горделивый», — много веков спустя написал А. С. Пушкин. Брут обратился было с речью к сенаторам с объяснением убийства, но сенаторы в страхе разбежались, а рабы лишь через несколько часов подняли тело и на носилках вынесли из курии.

Заговорщики были уверены, что римляне с восторгом встретят убийство тирана. Но когда они после неудачи своего обращения к сенату вышли на форум и Брут пытался с подобной же речью обратиться к народу, его встретило то же глухое молчание. Перед Римом возник при-

зрак новой гражданской войны, чего римляне боялись больше всего. Еще до убийства Цезаря верный друг и старый соратник и спутник Катона Марк Фавоний в разговоре с Брутом, который зондировал его взгляды, без обиняков заявил, что самое незаконное единовластие лучше междоусобной войны — и таково было настроение большинства римской политической элиты. А настроение городской толпы было переменчиво, в последние дни она была недовольна Цезарем, но теперь уже с сожалением вспоминала убитого. Заговор преследовал только одну цель — убийство тирана. Что делать дальше, заговорщики не представляли. Никаких личных целей ни Брут, ни Кассий, ни их товарищи не ставили, они не стремились ни к власти, ни даже к какому-либо материальному вознаграждению. Они полагали, что после гибели диктатора народ с восторгом примет возрождение свободы и дела пойдут сами собой. Не встретив активной поддержки ни в сенате, ни на форуме, заговорщики растерялись.

Положение становилось тем серьезней, что один из цезаревских полководцев Марк Эмилий Лепид, который в то время собирал солдат для отправки их в Галлию, вывел их на площадь, а консул Марк Антоний стал собирать цезаревских ветеранов. В таких условиях Децим Брут решил, что лучше всего вообще покинуть Рим. Он обратился к Антонию с просьбой предоставить лидерам заговора «свободное посольство»: это была поездка сенатора или должностного лица по своим частным делам, но на правах служебного путешествия с соответствующей защитой. Но Брут и Кассий решили пока остаться в городе. Они собрали своих сторонников на Капитолии, а затем туда созвали и народ на сходку. Сходка (*contio*) отличалась от народного собрания тем, что на ней не принималось никакого закона и не избирались должностные лица. И Брут снова обратился к народу с разъяснением происшедшего. Он не отвергал всей деятельности Цезаря и заверял собравшихся, что он не требует отмены распоряжений покойного диктатора, в том числе и относительно предоставления земель ветеранам. Это сыграло свою роль, и на этот раз среди народа появились у Брута и Кассия какие-то сторонники. Однако большинство толпы, а особенно цезаревские ветераны, было настроено враждебно. Антоний и Лепид собирали силы. Брут отпустил с Капитолия всех тех, кто боялся возможного нападения, а с оставшимися он вместе с Кассием стал укрепляться. Рим подошел к грани новой гражданской войны. Но перейти эту грань ни Брут с Кассием, ни Антоний с Лепидом не решились. И уже на заседании сената 17 марта Антоний называл Брута и Кассия не убийцами, а «славнейшими мужами». Он стал уговаривать их спуститься с Капитолия, послав им в качестве гарантии безопасности своего сына и сына Лепида.

А 17 и 18 марта в храме богини Теллус (богини земли) собирался на свое заседание сенат, и на этих заседаниях Цицерон предложил компромисс: Цезаря тираном не объявлять, похоронить его за государственный счет, утвердить все его распоряжения, а цезареубийцам объявить полную амнистию и предоставить им все должности, которые Цезарь им назначил или собирался назначить, судя по его бумагам. Сенат принял это предложение, и казалось, что в Риме воцарился мир.

Однако все изменилось уже 20 марта. Вечером этого дня состоялись грандиозные похороны Цезаря, на которых Антоний выступил с поджигательской речью, восхваляя покойного и вызывая ненависть к его убийцам. Было оглашено завещание Цезаря, в котором тот, в частности, дарил народу свои роскошные сады за Тибром и каждому бедняку по 300 сестерциев. Это окончательно изменило чувства римского плебса. В городе начались беспорядки. Толпа бросилась поджигать дома заговорщиков; был убит некий Цинна, которого спутали с одним из убийц Цезаря. В испуге заговорщики бежали из Рима. Сенат и сам Антоний испугались размаха народных волнений и сурово расправились с их зачинщиками. После этого заговорщики вернулись в Рим. Но не надолго. Под разными предлогами они скоро снова стали из него уезжать. Брут и Кассий были преторами и поэтому волей-неволей должны были оставаться в Риме.

Так прошел почти месяц. Напряжение возрастало. Ни Брут, ни Кассий практически ничего не предпринимали для укрепления своего положения. Да и сторонников у них в Риме становилось все меньше, а Антоний все более укреплял свои позиции. И 13 апреля Брут и Кассий уехали из Рима. С Брутом покинула Рим и его жена Порция. «Я — дочь Катона и жена Брута», — гордо заявила она. В Италии у Брута и Кассия оказалось больше сторонников, чем в Риме. Два итальянских города даже признали их своими патронами. Было принято решение начать собирать в итальянских муниципиях вооруженные отряды, но вскоре от этого отказались. Брут и Кассий метались по Италии, то живя в своих поместьях, то приезжая в гости к Цицерону, то посещая те или иные муниципии. Через Атика Брут организовал от своего имени в Риме игры, надеясь этим привлечь на свою сторону горожан, но напрасно. С другой стороны, и Антонию не хотелось, чтобы Брут и Кассий оставались в Италии. Чтобы их удалить оттуда под благовидным предлогом, он провел через сенат постановление, по которому Брут должен был отправиться в Африку, а Кассий — на Сицилию для сбора там хлеба и отправки его в Рим. Брут был готов выполнить это постановление, но Кассий счел его оскорблением и решительно отказался ему подчиниться. Консул Антоний и преторы Брут и Кассий обменивались эдиктами, направленными друг про-

тив друга. Еще Цезарь определил, что после претуры Брут станет наместником Македонии, а Кассий — Сирии. Но по настоянию Антония сенат изменил это решение Цезаря: Бруту был определен Крит, а Кассию — Киренаика. Брут и Кассий, естественно, это постановление не признали. А Рим становился все более цезарианским. На месте сожжения тела Цезаря был воздвигнут алтарь, месяц квинтилий, в котором Цезарь родился, был переименован в июль (*Iulius*), а так как Цезарь еще раньше был объявлен «отцом отечества», то его убийцы стали и «отцеубийцами». Во время игр в честь побед Цезаря на небе появилась комета, и теперь все были уверены, что это душа убитого диктатора поднялась на небо и отныне Цезарь будет пребывать в сонме бессмертных богов. Вокруг Брута и Кассия сжималось кольцо.

В скором времени в городе Анции собрались руководители республиканцев, включая Цицерона, и на этом собрании, которое проходило под руководством матери Брута Сервилии, решали, что делать дальше. Сервилия, разумеется, очень беспокоилась о сыне, но, с другой стороны, ее зятем был Лепид и выступать против него она тоже не хотела. В конце концов все же решили, что Брут и Кассий должны уехать из Италии. И 17 сентября 44 г. до н. э. Брут отплыл из города Веллии в Афины, а оттуда направился в Македонию, которую он продолжал считать своей провинцией. Порция вернулась в Рим. Ее никто не преследовал, но впечатление от совершившихся событий, от явного поражения республиканцев было слишком тяжелым, и вскоре она заболела и умерла. Кассий еще некоторое время оставался в Италии, но, видя полную бесперспективность борьбы на Апеннинском полуострове, отплыл в Сирию.

Положение в Сирии было довольно сложным. Цезарь назначил ее правителем своего родственника Секста. Но в провинции все еще сильны были круги, связанные с Помпеем и его «партией». Этим воспользовался некий Квинт Цецилий Басс, который поднял восстание против Цезаря. Секст Цезарь был убит, а его воины перешли к Бассу. Некоторые города Сирии оказали Бассу сопротивление, но в целом восстание развивалось довольно успешно. Значительная часть Сирии его все же поддержала, и на помощь к нему пришли окрестные племена и вассальные царьки, которые, видимо, хотели использовать ситуацию для возвращения полной независимости. Сменивший Секста Цезаря Гай Антистий Вет пытался подавить восстание и осадил Басса в Апамее. Но тому на помощь пришли парфяне, решившие и на этот раз воспользоваться смутами в римской провинции и захватить ее. Парфянская армия во главе с царевичем Пакором была готова к действию, и под угрозой войны с превосходящими силами Пакора Вет был вынужден снять осаду. Тогда Цезарь направил против восставших три легиона

под командованием Люция Стация Мурка, но тот не сумел подавить восстание, и на помощь ему был послан наместник Вифинии Квинт Марций Крисп еще с тремя легионами. Басс был снова осажден в Апамее, но упорно сопротивлялся, так что взять город цезарианцы не смогли.

Цезареубийцы явно рассчитывали на Басса. Еще Децим Брут 17 марта предложил в качестве одного из вариантов отправиться именно к нему в Сирию. Сам Басс, в свою очередь, тоже стремился войти в контакт с оставшимися в Риме противниками Цезаря и даже рассчитывал на поддержку римских легионов, стоявших в Александрии. Но обстоятельства все же обернулись против него. Консул 44 г. до н. э. Публий Корнелий Долабелла, зять Цицерона и ранее активный сторонник Помпея, после некоторых колебаний все же остался на стороне цезарианцев и затем направился в Азию для борьбы с республиканцами. Но еще до этого сенат приказал сирийским войскам повиноваться Кассию. Кассий прибыл в Сирию и принял там общее командование над войсками и Басса, и Мурка, и Криспа. Правда, Басс сначала отказался передать свой легион Кассию, но сами воины заставили его сделать это. При этом он выговорил какие-то условия, на которых передал командование римскому полководцу. Повсюду Кассий ставил во главе городов своих ставленников, которым и передавал в них всю полноту власти. Он использовал Сирию для подготовки решительной схватки с цезарианцами, для чего изыскивал все средства, и это ложилось невыносимой тяжестью на местное население. Поэтому симпатии к врагам Цезаря в Сирии таяли. И все же, когда Долабелла с некоторым опозданием прибыл в Сирию, его положение оказалось очень трудным. Силы явно были неравны. Все крупнейшие города находились под властью Кассия. Найти приют Долабелла смог только в Лаодикее. Этот город был тесно связан с Египтом, который тогда, хотя и с колебаниями, поддерживал цезарианцев, и это определило симпатии лаодикийцев. Но в таких обстоятельствах долго сопротивляться Долабелла не мог. Его флот был разгромлен. Сам он был осажден в Лаодикее, где вскоре начался голод, и когда город был взят Кассием, Долабелла приказал воину убить себя. Вся Сирия, таким образом, оказалась во власти республиканцев.

Брут после недолгого пребывания в Афинах прибыл в Македонию. Правивший Македонией Гай Антоний, брат Марка, не хотел уступить провинцию, но был разбит и вынужден сдаться, а затем был казнен. Таким образом, и Брут, и Кассий презрели постановление об изменении им провинций и вступили в управление теми, какие им назначил еще убитый ими Цезарь. Ни на Крите, ни в Киренаике они не появились. Правда, с помощью некоего Лепида Брут подчинил себе и Крит. Но основное внимание он сосредоточил на Балканском полуострове.

Здесь он стал набирать свое войско. В числе тех, кто вступил в армию Брута, был находившийся в то время в Афинах молодой Квинт Гораций Флакк, будущий великий римский поэт. Тем временем положение в Риме изменилось. Приемный сын Цезаря Октавиан, видя, что Антоний препятствует ему, пошел на союз с сенатом и Цицероном и выступил против Антония. В этих условиях в январе 43 г. до н. э. сенат не только отменил прежнее решение об отнятии у Брута и Кассия Македонии и Сирии, но и, как уже говорилось, приказал всем войскам на Востоке подчиниться Кассию, а Брута признал наместником не только Македонии, но подчинил ему и Грецию, дав обоим проконсульский ранг. А скоро сенатская армия во главе с консулами Гирцием и Пансой при участии Октавиана открыто выступила против Антония и разбила его. В этой войне пали оба консула, а Антоний начал спешно отступать за Альпы. Для Брута и Кассия забрезжила новая надежда.

Все же не очень надеясь на перемены в Италии, Брут и Кассий стали укреплять свои позиции. Им очень помогло то, что наместниками в Азии, и Киликии были их сторонники. Фактически вся восточная часть Римской республики оказалась под их властью. У Кассия уже были войска, и теперь Брут все активнее собирал свою армию. Всего ему удалось набрать восемь легионов, в том числе «туземные», т. е. набранные из провинциалов, но обученные на римский манер, в также вспомогательные части. Но для армии были нужны деньги, а никаких надежд на получение денег из Рима, разумеется, не было. И Брут, как, впрочем, и Кассий в Сирии и окрестных землях, переложил всю тяжесть налогов на местное население. Как когда-то на Кипре он силой оружия выколачивал личные долги, так теперь он, не останавливаясь ни перед чем, выбивал средства из провинций и городов, отнимал их у вассальных царей. Он не хотел входить ни в какие обстоятельства, ни в чье положение. И это дало определенные плоды. У Брута появились средства для войны. Он стал чеканить монеты со своим портретом, на некоторых изображались два меча и фригийский колпак между ними. Фригийский колпак был особым головным убором, который надевался рабам при их освобождении. Брут явно намекал на убийство Цезаря как на освобождение Рима от рабства. Чтобы это стало еще яснее, на монетах порой появлялась легенда: «Мартовские иды». Другой легендой на монетах была: «Свобода».

В скором времени положение в Италии снова радикально изменилось. Октавиан резко порвал с Цицероном и сенатом и вступил в союз с Антонием и Лепидом. Возник второй триумвират, и объединенные войска триумвиров вошли в Рим, где терроризированное народное собрание передало им на пять лет всю полноту власти. В отличие от первого второй триумвират функционировал как государственный институт,

официальный орган власти. Был издан закон, который объявлял всех убийц Цезаря вне закона. Как когда-то Сулла, так теперь триумвиры ввели проскрипции, жертвой которых пал Цицерон. Еще до этого погиб Децим Брут. Война между республиканцами и триумвирами стала неизбежной. И действительно, скоро восемь легионов триумвиров переправились в Македонию, но пока еще ничего не предпринимали.

В конце 43 г. до н. э. Брут и Кассий встретились в Смирне на западном побережье Малой Азии. Был составлен план действий. Брут предлагал объединить обе армии и встретить врага в Македонии, где уже стояла часть армии триумвиров. Кассий возразил ему, что недостаток финансовых средств не даст триумвирам возможности отправить на Балканский полуостров значительную армию, а уже находившиеся там солдаты без средств погибнут от голода. Поэтому он предложил сначала обеспечить тыл, разгромив сторонников триумвиров — Родос и союз ликийских городов. Брут согласился. И в первой половине 42 г. до н. э. они начали новую кампанию. Кассий с флотом направился против Родоса, а Брут ударил на ликийцев, избрав первой целью город Ксанф. После тяжелых боев с помощью других ликийцев, соперничавших с жителями Ксанфа, этот город был взят, причем сами ксанфийцы предпочли погибнуть, но не подчиниться римлянам. После захвата Ксанфа Брут подчинил себе и другие ликийские города, предпочтя уничтожению врагов их полное ограбление. Действия Кассия тоже были весьма успешны. Он захватил город Родос, также весьма основательно ограбив его, но в отличие от Брута не остановился и перед казнями тех, кого считал наиболее опасными и упорными противниками. И родосцы, и ликийцы были разбиты и подчинены, но республиканцы в этих войнах потеряли много времени. А те восемь легионов триумвиров, которые уже находились в Македонии, начали активные военные действия. Брут и Кассий поняли, что они ошиблись в расчетах. Вновь встретившись в городе Сардах, они решили наконец объединиться и двинуться против врага. Всего у них было 80 тысяч легионеров и около 20 тысяч воинов вспомогательных частей, среди которых были даже конные отряды парфян, арабов и мидийцев.

Тем временем, вопреки ожиданиям Кассия и Брута, главные силы триумвиров все же переправились на Балканский полуостров. Их возглавили Антоний и Октавиан, на которого еще так недавно надеялись республиканцы. Армии противников встретились недалеко от города Филиппы в восточной части Македонии. У триумвиров было около 110 тысяч воинов. Они уступали республиканцам в коннице, но превосходили их в пехоте. Но самое главное — легионы триумвиров были опытными и закаленными, в то время как значительная часть респуб-

ликанских воинов, особенно в армии Кассия, большого военного опыта не имела и в гражданских войнах не участвовала. Еще раньше авангард армии триумвиров захватил соседний город Амфиполь, имевший важное стратегическое значение, и Антоний сделал его своей базой. Само же сражение разыгралось на равнине около Филипп. Положение республиканцев было предпочтительней. Они имели хорошую материальную базу и удобное расположение лагерей: лагерь Брута соприкасался с утесами, а лагерь Кассия — с почти непроходимым болотом, за которым простиралось уже море. Единственный холм на равнине тоже был занят ими. В этих условиях Брут и Кассий стремились как можно дольше не вступать в открытое сражение, чтобы измотать противника и уморить его почти неминуемым голодом. Но и триумвиры это прекрасно понимали и стремились решить дело как можно быстрее. Антоний, фактически командовавший обеими армиями, стал тайно строить гать через болото, чтобы ударить по единственному незащищенному месту лагеря Кассия. И он сумел с успехом выполнить свой замысел.

Первое сражение произошло в начале октября 42 г. до н. э. Кассий, неожиданно увидевший часть вражеского войска, уже перешедшего через болото, приказал как можно быстрее построить стену, которая отрезала бы эту часть армии Антония от ее основной части. Приказ был выполнен, и начался бой. Антоний, увидев, в каком положении оказались его воины, вывел в поле всю свою армию, и, к его радости, началось наконец-то настоящее сражение. Особо ожесточенная битва разыгралась между лагерем Кассия и болотом. В конце концов воины Антония разбили своих противников и ворвались в лагерь. Часть воинов Кассия разбежалась, часть сдалась. Но в это же время Брут, видя тяжелое положение своего союзника, всей силой ударил по лагерю Октавиана и разгромил его войска. Самого Октавиана, еще не совсем оправившегося от болезни, в лагере не было. А лагерь его был захвачен. Брут немедленно послал конников к Кассию с сообщением о своей победе. К этому времени сам Кассий бежал и с холма с ужасом наблюдал за разгромом своей армии. Нервы его были столь напряжены, что, увидев приближавшихся конников, он решил, что это — враги, посланные его захватить. Кассий не хотел попасть живым в руки Антония и приказал своему рабу Пиндару убить себя. Так погиб Гай Кассий Лонгин, и по иронии судьбы произошло это в самый день его рождения. Брут оплакал своего друга и назвал его последним римлянином. Теперь армии триумвиров противостояла только его армия.

Второе сражение произошло 23 октября того же года. Брут придерживался старого плана, стремясь принудить врага к сдаче или по крайней мере отступлению голодом. План был совершенно разумен, и го-

лод, действительно, все сильнее угрожал войскам триумвиров. Но воины Брута, гордые недавней победой, жаждали решительного сражения. Авторитет Брута в армии был не настолько велик, чтобы заставить солдат беспрекословно подчиняться. Скорее, наоборот: боясь, как бы воины не вышли из подчинения, Брут был вынужден им уступить. И между лагерями произошла битва. Оба войска столкнулись в жестокой схватке. Некоторое время бой шел на равных, но затем воины Брута стали потихоньку отступать. Постепенно медленное отступление перешло в настоящее бегство. Ряды республиканской армии смешались, и на плечах бегущих врагов солдаты триумвиров ворвались в их лагерь. Особенно отличились воины Октавиана, как бы заглаживая недавнее поражение. Битва республиканцами была полностью проиграна.

Брут сумел бежать в горы. Сначала он полагал, что еще не все потеряно и даже попытался захватить свой лагерь. С ним еще было четыре легиона, с которыми он мог переждать какое-то время, надеясь на поворот событий, какими была полна история гражданских войн. Но его солдаты отказались ему подчиняться и решили сдаться победителям. Потеряв всякую надежду, Брут попросил своего друга грека Стратона помочь ему уйти из жизни. Тот подставил Бруту свой меч, на который Брут и бросился. Антоний приказал торжественно сжечь его тело, а урну с прахом отослал Сервилии.

Имена Брута и Кассия остались в истории. Их восхваляли и ненавидели. Уже из современников одни называли их поступок славным, другие — позорным деянием. Когда при императоре Тиберии историк Корд посмел назвать их, следуя словам самого Брута, последними римлянами, император принудил его к самоубийству. Через много веков великий итальянский поэт Данте поместил Брута и Кассия вместе с Иудой в самый последний и самый страшный круг ада как убийц своих благодетелей. А еще через много столетий во время Великой французской революции Брута и Кассия восхваляли как предшественников великой борьбы за свободу. Правда, при этом образ Марка Брута сливался с образом Люция Брута, который когда-то поднял Рим на свержение Тарквиниев. Современники и ближайшие потомки как борца за свободу больше ценили Катона, для более отдаленных такими символами стали Брут и Кассий.

Битва при Филиппах была последней, в которой, по крайней мере одна сторона, сражалась за идеалы. После этого все, кто тогда воевал, бились уже только за личную власть.

VI. ПОМПЕЙ ВЕЛИКИЙ И ЕГО СЫН

Гней Помпей родился 27 сентября 106 г. до н. э. Плебейский род Помпеев не был особенно знаменит и знатен. Первый консул из этого рода, некий Квинт Помпей, появился только в 141 г. до н. э., да и то ничем особенным на этом поприще не прославился. Правда, это не помешало ему позже достичь поста цензора. Род Помпеев делился на несколько ветвей, и гораздо больше, чем та ветвь, к которой принадлежал Гней, была известна семья Руфов. Но отец Гнея, тоже Гней, достиг довольно значительной известности. Его прозвали Страбонем; это прозвище было заимствовано из греческого языка и означало «Косоглазый», и оно не передавалось по наследству. Помпей Страбон был одним из видных политических и военных деятелей начала I в. до н. э. В 104 г. до н. э. он был квестором при пропреторе Люции Альбуции, которого он позже пытался обвинить в произволе. Позже он стал претором и пропретором Македонии, наместником которой пятнадцать лет назад был его отец. Звездный час Помпея Страбона настал во время Союзнической войны и событий, за нею последовавших.

Когда в 90 г. до н. э. началась Союзническая война, Страбон стал легатом консула этого года Публия Рут依лия Лупа. Луп отправился в северные области Италии. Его действия, однако, были неудачны. Около реки Лирис его войска были разбиты и сам консул погиб. После этого легаты убитого Лупа, в том числе Помпей Страбон, стали действовать самостоятельно.

Главной ареной действий Страбона был Пицен в центре Италии, где находились богатые поместья Помпеев и где имелось довольно много их клиентов. Сначала Страбон тоже потерпел поражение: он был разбит объединенными силами италиков и заперт в городе Фирме. Но, получив подкрепление, Страбон вскоре сам перешел в атаку и разбил врагов. Италики бежали в город Аскул, с восстания в котором и началась эта война. Страбон подошел к Аскулу и осадил его. Одному из италийских вождей Видацилию, который сам происходил из этого города, показалось, что силы столь неравны, что сопротивляться невозможно, и

он покончил с собой. Но взять Аскул Страбон так и не смог. Тем не менее успехи Страбона снискали ему славу, и он был избран консулом на 89 г. до н. э. вместе с Люцием Порцием Катонем. Еще до того, как оба консула 1 января 89 г. вступили в должность, консул 90 г. до н. э. Люций Юлий Цезарь провел закон, по которому все италики, до сих пор не выступившие против Рима, получали римское гражданство. То, что не могли сделать ни красноречие Гая Гракха, ни отчаяние Друза, сделала угроза отпадения всей Италии. Принятие этого закона сразу же успокоило и Этрурию, и Умбрию, и Лаций.

Помпей Страбон, как и его коллега Катон, сосредоточил свое внимание на северном театре военных действий, но действовали они отдельно друг от друга. И уже в самом начале своего консульского года Страбон одержал блестящую победу. Большое войско италиков, еще ничего не зная о перемене настроения этрусков, двинулось в Этрурию для соединения с готовыми, по их мнению, восстать этрусками. Страбон сумел перехватить эту армию и полностью ее разгромить. Треть италиков была истреблена в бою, половина оставшихся погибла от лишений и голода. Такой победы в этой войне римляне еще не знали. К зиме значительная часть племен Центральной Италии была подчинена. Помпей Страбон отпраздновал триумф за свои победы в Пицене. Но Катон оказался менее удачливым и потерпел поражение в бою, в котором и сам погиб. Это поражение и огромные трудности, с которыми столкнулись римляне на южном театре военных действий (хотя они и побеждали, но не так решительно, как надеялись), заставили римлян пойти на дальнейшие уступки. В 89 г. до н. э. народные трибуны Марк Плавций Силан и Гай Папирий Карбон провели закон, по которому все италики, желавшие получить римское гражданство, могли это сделать, в течение 60 дней подав соответствующее заявление римскому претору. Это означало фактическое принятие основного требования италиков. В свою очередь, Страбон, чтобы удержать от присоединения к восстанию галлов, провел закон, согласно которому все жители Транспаданской Галлии, т. е. той части Цизальпинской Галлии, которая располагалась между рекой Пад и Альпами, получили латинское гражданство; оно открывало местной знати путь и к римскому гражданству.

После принятия этих законов многие италики стали покидать ряды восставших. И в этом была большая заслуга Помпея Страбона. Но военные действия еще не везде закончились, и Страбону было продлено командование на следующий год уже в ранге проконсула. В этом году он овладел, наконец, Аскулом. Позже и его, и его сына обвиняли в незаконном присвоении значительной части имущества, захваченного в

этом городе, т. е. просто-напросто в мародерстве. Но были ли эти обвинения обоснованы, сказать трудно. Страбон еще продолжал боевые действия против не желавших сдаваться италиков, когда в бурном 88 г. до н. э. сенат, не доверяя Страбону, решил передать его армию консулу этого года Квинту Помпею Руфу, коллеге Суллы. Но Страбон не соби-
 | рался расставаться с командованием. Когда Руф прибыл в его лагерь
 | для принятия войска, он, следуя недавнему примеру Суллы, сумел воз-
 | будить против него солдат, которые и убили консула. Так Страбон со-
 | хранил в своих руках грозную военную силу, которая вскоре ему и по-
 | надобилась. Его опорой по-прежнему был Пицен, где находились
 | богатые владения Помпеев. Здесь Страбон действовал не только чисто
 | военными методами, он активно распространял среди местных жите-
 | лей римское гражданство и делал их своими клиентами. Суще-
 | | ствование мощной пиценской клиентелы очень помогло в будущем его сыну.

В 87 г. до н. э. разгорелась борьба между консулами этого года сул-
 | ланцем Гнеем Октавием и популяром Люцием Корнелием Цинной. Страбон
 | попытался было найти общий язык с Цинной, но тот не дове-
 | рял Страбону и даже пытался возбудить воинов Страбона против их
 | командующего. Большинство воинов не очень-то любили Страбона и
 | были готовы откликнуться на подстрекательство Цинны, но вспыхнув-
 | | ший было бунт был усмирен смелыми действиями юного Гнея, нахо-
 | | дившегося в лагере отца. Вскоре Цинна был вынужден бежать из Рима,
 | а затем четыре антисулланские армии двинулись на Рим. У оставшихся
 | в Риме сулланцев сил было слишком мало, и они обратились за помо-
 | щью к Страбону. После неудачной попытки договориться с Цинной
 | Страбон держал в этой борьбе нейтралитет. Теперь же под предлогом
 | выполнения поручения правительства он двинул свои войска к Риму и
 | расположил их под стенами города. Он помог сулланцам отбить первое
 | нападение марианцев, но от дальнейшего активного участия в граж-
 | данской войне фактически уклонился. Страбон явно стремился исполь-
 | зовать сложившуюся ситуацию в собственных целях, рассчитывая, ви-
 | | димо, самому встать во главе государства или по крайней мере добиться
 | своего избрания в консулы на 86 г. до н. э. Но именно тогда во время
 | грозы в лагерь Страбона ударила молния и Гней Помпей Страбон так
 | нелепо погиб в тот момент, когда казалось, что он был уже в одном шаге
 | от верховной власти. В Риме едва ли сомневались в подлинных мотивах
 | действий Страбона. Римляне боялись появления в городе нового пол-
 | ководца, а когда его смерть освободила их от этого страха, они дали волю
 | своим чувствам: во время похорон толпа набросилась на процессию,
 | сбросила тело бывшего консула с погребального ложа и надругалась над
 | ним. В армии отца находился в это время и девятнадцатилетний Гней.

Военную службу юный Гней Помпей начал, вероятно, во время Союзнической войны в войсках отца. На последнем этапе войны он участвовал во взятии Аскула, несмотря на молодость, его пригласили на военный совет, созданный Страбоном под Аскулом. Был он с отцом и во время похода Страбона на Рим. Когда отец так нелепо погиб, Помпею было всего 19 лет и он оказался в довольно трудном положении. Вскоре марианцы овладели Римом, и воины Цинны захватили и разграбили дом Помпеев. Самого Помпея привлекли к суду по обвинению в мародерстве при взятии Аскула, хотя всем была ясна политическая подоплека этого обвинения. Во время процесса юноша держался довольно твердо, умело защищаясь и опровергая обвинения. Еще важнее стало то, что он сумел завоевать расположение претора этого года Антистия, который и вел дело Помпея. Судья и обвиняемый заключили соглашение, согласно которому Помпей будет оправдан, но за это женится на дочери Антистия. О соглашении стало известно, и когда претор объявил о давно ожидаемом оправдательном приговоре, это объявление было встречено насмешками и издевками.

Помпей в скором времени действительно женился на Антистии. О его жизни после женитьбы ничего не известно. Но когда в 84 г. до н. э. Цинна готовился переправиться на Балканский полуостров для борьбы с Суллой, в его армии оказался и Помпей. Возможно, что, как и отец, он пытался сблизиться с всемогущим тогда Цинной. Однако, не добившись этого, он еще до убийства Цинны покинул его армию и отправился, по видимому, в Пицен, где располагались, как уже говорилось, его имения и жили наследственные клиенты Помпеев. Противостояние с Цинной и активное неприятие Гнея Папирия Карбона, ставшего одним из лидеров антисулланской коалиции (хотя тот некоторое время и оказывал ему покровительство), определили поведение Помпея в начавшейся гражданской войне. Когда в 83 г. до н. э. он узнал, что Сулла со своей армией высадился в Италии, он решил примкнуть к нему. В этой войне большинство италиков выступало против Суллы. Помпей решил использовать все свое влияние, чтобы не только не допустить присоединения пиценцев к врагам Суллы, но и набрать среди них дополнительные войска для него. В возрасте 23 лет он провозгласил себя полководцем, захватил город Ауксим и сделал его своим центром. По его приказу из города были изгнаны сторонники Карбона, а затем он стал набирать из окрестных жителей войска и снаряжение. Благодаря наследственному влиянию и богатству ему удалось в довольно короткий срок набрать за свой счет сначала один, а затем еще два легиона, т. е. 12–15 тысяч воинов, с которыми он и выступил навстречу Сулле. Значительную часть его воинов, видимо, составляли ветераны армии Страбона.

Антисулланские полководцы пытались помешать соединению отряда Помпея с основными силами Суллы. Они стремились окружить отряд Помпея и уничтожить его до соединения с Суллой. Но на счастье Помпея их действия не были скоординированы, что позволило Помпею напасть на них поодиночке. Первый удар он нанес по войскам бывшего претора Люция Юния Брута. В этом бою сам Помпей сумел поразить командира вражеской конницы, что вызвало беспорядочное бегство сначала всадников, а затем и пехоты противника. Неудачи, как это часто водится, вызвали раздоры среди противников Помпея, которые стали обвинять друг друга в этих неудачах, и это окончательно парализовало все попытки их противодействия молодому полководцу. В дело пришлось вмешаться консулу этого года Люцию Корнелию Сципиону, но Помпей сумел переманить на свою сторону часть его воинов, и тому пришлось бежать. Все это вынудило двинуться против Помпея наиболее авторитетного антисулланского командующего, бывшего консула Карбона. На этот раз переманить вражеских солдат Помпею не удалось, и на реке Эзии произошла битва, в которой войска Помпея одержали победу. После этой победы уже не существовало препятствий для соединения Помпея с Суллой. Еще до победы Помпея над Карбоном Сулла сам направился навстречу Помпею. Вскоре оба полководца соединились, и Помпей поставил своих воинов под командование Суллы. Блестящий и победоносный рейд Помпея доставил ему славу умелого полководца. И это признал даже Сулла, стоя встретивший двадцатитрехлетнего Помпея. Позже Сулла направил Помпея на помощь Квинту Цецилию Метеллу Пию, который сражался в Цизальпинской Галлии с его противниками. Метелл, находившийся в этой провинции и не желавший признать власть марианцев, сразу же, как только Сулла высадился в Италии, выступил в его поддержку и действовал довольно успешно. Однако позже он, по-видимому, несколько завяз и не смог одержать решительной победы, на которую Сулла надеялся. Говорят даже, что Сулла, раздраженный отсутствием у Метелла быстрых успехов, вообще хотел заменить его Помпеем, но сам Помпей отказался, ссылаясь на нежелание оскорбить уже далеко не молодого и весьма уважаемого человека. В 82 г. до н. э. Метелл одержал победу над объединенными войсками консула Карбона и проконсула Норбана около Фавенции. Возможно, что в этом сражении принял участие и Помпей. В том же 82 г. до н. э. Карбон, потерпевший поражение у Фавенции, а затем и несколько других поражений, решил отправиться в Африку, надеясь сделать из нее оплот борьбы с сулланцами. При этом, однако, он бросил значительную часть своей армии на произвол судьбы. Но оставшиеся без командующего воины, тем не менее, не собирались сдавать

ся. Около Клузия Помпей встретился с этой армией и разбил ее, после чего сопротивление марианцев в этой части Италии было сломлено. Все эти победы молодого полководца доставили ему громкую славу. Сулла решил даже породниться с ним. Он заставил Помпея развестись со своей женой Антистией и жениться на его падчерице Эмилии. Правда, брак этот был недолгим, ибо Эмилия довольно скоро умерла при родах, и в 82 г. до н. э. Помпей женился на Муции, дочери знаменитого юриста и оратора Квинта Муция Сцевола, которая родила ему дочь Помпею и сыновей Гнея и Секста. Этот брак имел для Помпея огромное значение. Муция была единоутробной сестрой Квинтов Цецилиев Метеллов Целера и Непота, и женитьба сблизила Помпея с семьей Метеллов, которая в то время обладала огромным влиянием в Риме. Его покойная жена Эмилия была не только падчерицей Суллы, но и дочерью одного из Метеллов. В результате получилось так, что, утратив родство с Метеллами после смерти жены, Помпей сразу же восстановил его новым браком.

После победы Суллы в Италии и «избрания» его пожизненным диктатором его уцелевшие и еще надеявшиеся на победу противники попытались укрепиться в провинциях. Серторий господствовал в Испании, а Карбон — на Сицилии, Сардинии и в Африке. Против Сертория Сулла направил Гая Анния Луска, а против Карбона — Помпея. Хотя официально Помпей не занимал никакой должности, сенат предоставил ему всю полноту власти. Помпей высадился на Сицилии. Претор этой провинции Марк Перперна, ранее признавший власть Карбона, сдался, но некоторые сицилийские города еще сопротивлялись. Помпею, однако, удалось завладеть Гимерой, особенно упорно не желавшей ему подчиниться, а затем и другими городами. Карбон, оставив в Африке Гнея Домиция Агенобарба, зятя Цинны, с флотом, сам переправился на остров Коссуру. Там он был разбит отрядом, посланным Помпеем. Сам Карбон был захвачен в плен и казнен по приказу Помпея. Оставшийся в Африке Агенобарб собрал новое войско и заключил союз с нумидийским царем Гиарбом. Чтобы ликвидировать новую угрозу, Помпей высадился в Африке. Часть армии Агенобарба перешла на его сторону, но у вражеского полководца еще оставалось довольно сильное войско, поддержанное нумидийцами. Вскоре две армии встретились лицом к лицу. В условиях начавшейся бури Агенобарб решил отступить, и тогда Помпей, воспользовавшись тем, что при отходе войско его противника смешало боевой порядок, напал на него. В жестокой битве погибла почти вся армия Агенобарба, включая самого полководца. Нумидийский царь попал в плен. Помпей лишил его царского ранга и передал нумидийский трон Гиемпсалу, которого незадолго до

этого с помощью римлян изгнал из своей страны Гиарб. После этого Помпей захватил ряд городов, которые еще не желали ему подчиниться, а затем вторгся в Нумидию, чтобы реально посадить Гиемпсала на трон. Попытки нумидийцев сопротивляться войскам Помпея были сломлены.

Такие успехи двадцатичетырехлетнего Помпея встревожили Суллу, который побоялся, как бы на волне своих побед тот не попытался захватить власть. Поэтому он приказал ему вернуться в Рим с одним легионом, распустив остальное войско. Это вызвало недовольство солдат Помпея, которые даже попытались побудить своего командующего идти на Рим и свергнуть Суллу. Но Помпей на это не решился. Он остался верным Сулле и сумел убедить солдат подчиниться приказу диктатора. Известия о победах Помпея вызвали восторг в Риме. Противники Суллы к этому времени были полностью деморализованы сулланским террором, а его сторонники были готовы радостно приветствовать молодого полководца. Сулле пришлось смириться и сделать вид, что он тоже в восторге от Помпея и его побед. Он встретил Помпея за городом и объявил о присвоении ему прозвища «Великий» (Магн, *Magnus*), причем оно закреплялось по наследству. Но когда Помпей пожелал триумфа за свои победы в Нумидии (за победы над согражданами триумф отмечать было, естественно, нельзя), Сулла ему решительно отказал, ссылаясь на то, что он слишком молод и не занимал еще постов ни претора, ни консула. Лишь много позже, в 79 г. до н. э., под давлением солдат, любивших своего командира, которых поддержал и консул этого года Публий Сервилий Исаврик, который ранее Помпею противился, Сулла все же согласился, и Помпей справил пышный триумф, хотя еще даже не был сенатором.

Само согласие Суллы на триумф Помпея уже было в некоторой степени знаком начавшегося упадка его диктатуры. Недаром Помпей нашел смелость заявить, что больше людей поклоняется восходящему солнцу, чем заходящему, а затем против воли диктатора поддержал кандидатуру в консулы на 78 г. до н. э. Марка Эмилия Лепида. И если в 82 г. до н. э. Сулла убил своего верного сторонника Лукреция, поскольку тот решил стать консулом против его, Суллы, воли, то теперь помешать избранию Лепида он не смог. Сулле не было дано создать новый политический порядок; его диктатура выполняла скорее негативную роль разрушения старой республики. Да и сам Сулла, пожалуй, не подходил к роли создателя нового строя. Субъективно он был консерватором и стремился в первую очередь к восстановлению строя предков с всевластием сената и мизерной ролью демократических структур. Это противоречие субъективных стремлений и объективных результатов деятель-

ности отразилось и на личной судьбе Суллы, который в том же 79 г. отказался от власти и официально превратился в частного человека, который в соответствии с законом готов ответить за все деяния во время диктатуры. Разумеется, никто не решился потребовать такого ответа. Сулла уехал в свое поместье и в следующем году умер.

Когда Сулла умер, Лепид решительно выступил против особых торжественных процессий и похорон за государственный счет. Против него выступил второй консул Квинт Лутаций Катул, которого активно поддерживал Помпей. Положение в Риме накалялось. Лепид попытался объединить вокруг себя всех недовольных Суллой, в том числе бывших землевладельцев, потерявших земли в пользу сулланских ветеранов. В Этрурии вспыхнули волнения, и оба консула направились на их подавление. Но Лепид отвел свои войска к горам и не вмешивался в события, а Катул вернулся в Рим. После окончания своего консульства Лепид получил для управления Цизальпинскую Галлию, но не направился туда сам, а отправил в качестве своего легата Марка Юния Брута. Сам же, оставаясь в Этрурии, вскоре открыто выступил против римского правительства. В Риме началась паника. Катул далеко не был способным полководцем. И взоры римлян обратились к Помпею. Хотя официально во главе армии был поставлен как бывший консул Катул, фактически ее возглавил Помпей. Стремясь не допустить мятежника в Рим, Помпей занял Мульвийский мост через Тибр и холм Яникул. Здесь и произошла битва, в которой Помпей одержал победу. Лепид отступил в Этрурию, готовясь к продолжению борьбы, а Помпей, стремясь прежде всего изолировать его, направился в Цизальпинскую Галлию против Брута. Около города Мутины он разбил Брута. Сам Брут попал в плен, но вскоре был убит по приказу Помпея. Узнав о его поражении и не встретив активной поддержки в Риме, Лепид отступил и переправился на Сардинию, где и умер, а его преемник Марк Перперна отплыл еще дальше, в Испанию, где соединился с Серторием. Помпей с торжеством вернулся в Рим, и все прославляли его как спасителя государства.

Вернувшись в Рим, Помпей не стал распускать свою армию, а продолжал держать ее в лагере недалеко от города. А затем он потребовал, чтобы его направили в Испанию, где Серторий активно и успешно воевал против сулланских полководцев, в том числе против Метелла. Многие в Риме считали, что никто не сможет справиться с Серторием, кроме Помпея. Помпея активно поддержал Люций Марций Филипп. Именно он настоял в сенате, чтобы молодого человека, еще по возрасту не получившего доступа в сенат, не исполнявшего никакой общественной должности, отправили в Испанию в ранге проконсула. При этом Филипп не преминул, играя словами, насмешливо заметить, что Пом-

пей посылаются туда не только *pro consule* (вместо консула), но и *pro consulibus* (вместо консулов), намекая на полную неспособность обоих консулов 77 г. до н. э. возглавить подавление движения Сертория. Согласившись послать Помпея в Испанию, сенат, однако, ничего не сделал для реальной помощи ему в формировании армии. Правда, в его распоряжении было войско, с которым он разбил Брута, но этого войска было явно недостаточно для борьбы с Серторием. И Помпею снова, как шесть лет назад, пришлось набирать солдат за собственный счет. В течение сорока дней он собрал армию из 30 тысяч пехотинцев и 1000 всадников, с которой и выступил в поход.

Сначала Помпею пришлось иметь дело с альпийскими племенами, преграждавшими путь его армии. Хотя южная часть Галлии была уже довольно давно подчинена Риму и образовывала римскую провинцию Трансальпийскую Галлию (Галлию по ту сторону Альп), альпийские горные племена оставались еще независимыми и постоянно угрожали связям Италии с этой провинцией. Помпей сумел не только их разбить и освободить себе путь, но и отбросить их в Галлию и даже в Испанию. При этом его воины проложили новую и более удобную дорогу из Италии в Галлию. После этой победы армия Помпея оказалась в Трансальпийской Галлии. Но и там поход помпеевских воинов не был легкой прогулкой. Часть местных племен отказалась подчиниться и Риму, и греческому городу Массалии, союзному с Римом. Помпею пришлось с оружием в руках снова подчинять эти племена. И только после этих побед он сумел пройти к Пиренеям, через которые он стал с боем прорываться в Испанию. В честь своих побед в этих горах он воздвиг там свой триумфальный памятник, который и позже был известен как Трофей Помпея.

Главной задачей Помпея было укрепление на средиземноморском побережье, куда он пробился в конце 77 г. до н. э. Хотя большинство приморских городов, как уже говорилось, к Серторию не примкнуло, утвердиться на побережье Помпей смог далеко не сразу и не без труда. Серторианская армия под командованием Перперны была вынуждена отступить, но в дело вмешался Серторий со своими основными силами. Помпей задумал начать наступление на Сертория с двух сторон. Для этого он направил часть своей армии во главе с Гаем Меммием против Перперны, засевшего в Валенции, а сам с главной частью войска двинулся против Сертория. Но в сражении около Лаврона Помпей потерпел страшное поражение и был вынужден отступить за реку Ибер. После этого Серторий окружил Меммий в Валенции и заставил его оттуда уйти. Поражение серториевского полководца Гиртулея от Метелла, как уже говорилось в биографии Сертория, развязало руки Метеллу, и до-

бить Помпея Серторий не смог. Чтобы удержать в своих руках побережье и лишить врага его баз внутри Испании, Помпей весной двинулся во внутренние районы страны, где захватил ряд городов. Еще одним успехом Помпея стал разгром армии Гиртулея и убийство ее полководца. После этого Помпей вернулся на побережье, где потерпел новое поражение от Сертория и был спасен только подошедшим войском Метелла. Объединение сил Помпея и Метелла создало перевес в силах, но в очередном сражении Помпей вновь был разбит, и лишь победа Метелла над Перперной позволила правительственным полководцам сохранить свободу действий.

Эти поражения несколько отрезвили Помпея. До сих пор он не испытывал таких поражений в течение столь долгого времени. И он отправил в Рим паническое письмо с просьбой о помощи. Напоминая о реальных и мнимых победах, он ссылаясь на полное отсутствие средств для продолжения войны и угрожал переходом Сертория из Испании в Италию, который он со своим измученным войском не сможет предотвратить. Это письмо, отосланное в конце 75 г. до н. э., пришло в сенат в начале следующего года. При его обсуждении консул этого года Марк Аврелий Котта горячо поддержал требование Помпея, призывая римлян принять все меры для спасения государства. Второй консул Люций Лициний Лукулл давно был врагом Помпея, но и он поддержал своего коллегу, надеясь, что, получив требуемую помощь, Помпей будет активно продолжать военные действия и надолго застрянет в далекой Испании, где война оказалась далеко не столь легкой, как предполагал Помпей, когда потребовал, чтобы его послали воевать с Серторием. На какое-то время Помпей был даже вынужден вовсе покинуть Испанию и перейти в Галлию.

Получив деньги, оружие, провиант и новых воинов, Помпей возобновил наступление, действуя снова в землях кельтиберов и васконов. В качестве базы в предгорьях он основал город Помпелон. Не страдая излишней скромностью, Помпей назвал город своим именем, но характерно, что форма названия была не римской, а местной, иберской. Помпей явно стремился заручиться поддержкой местного населения. В какой-то степени ему помогали в этом семейные связи: во время Союзнической войны под командованием его отца сражались испанские воины из этой части Испании и из долины Ибера, и с ними Помпей Страбон установил довольно хорошие отношения. По его инициативе наиболее отличившимся испанским воинам было даже даровано римское гражданство. Все это сделало имя Помпея известным в северо-восточной и частично центральной Испании. Теперь сын Страбона укреплял эти связи и приобретал свою клиентелу. В Помпелоне Пом-

пей перезимовал и весной 74 г. до н. э. с новыми подкреплениями повел решительное наступление на Сертория. Теперь инициатива в военных действиях находилась уже в руках Помпея, и он ее больше не упускал. Серторий перешел к партизанской войне. В этих условиях в его лагере обострились противоречия, которые завершились предательским убийством Сертория. Вместо него командующим был провозглашен Перперна, но большинство испанцев отказалось ему повиноваться, однако это не смутило Перперну. В свое время он, будучи наместником Сицилии, не решился сопротивляться Помпею и сдался, а теперь жаждал реванша. После нескольких небольших стычек, не давших решающего перевеса какой-либо стороне, в упорном большом сражении, по-видимому ближе к концу 72 г. до н. э., Перперна был наголову разгромлен. Сам он попал в плен и, пытаясь спасти свою жизнь, кричал, что он сможет многое рассказать о связях Сертория в Риме. В ответ Помпей, не желая встречаться с пленником и боясь его разоблачений, которые могли бы привести к обострению политической ситуации, приказал убить Перперну, а переписку Сертория, захваченную вместе с Перперной, сжечь не читая.

Разгром Перперны не означал полного окончания войны в Испании. Еще некоторое время сопротивлялись действовавшие самостоятельно испанцы, и Помпей продолжал воевать с ними. В результате большая часть испанских общин была подчинена. По-видимому, продолжали сопротивляться лузитаны, но добить их Помпей не смог. В 71 г. до н. э. он получил приказ вернуться с армией в Италию, где все еще бушевало восстание Спартака. Действовавший против Спартака Красс никак не мог добиться решающей победы, и римское правительство решило направить против восставших и Помпея. Правда, когда Помпей со своей армией уже прибыл в Италию, Красс все же сумел наголову разгромить Спартака, но какая-то часть его повстанцев пробилась сквозь римский строй и продвигалась на север, надеясь уйти из Италии. Эту-то часть и встретил Помпей и полностью ее уничтожил. Впоследствии он громко заявлял, что уничтожил самый корень рабской войны, чем глубоко уязвлял Красса.

После подавления восстаний Сертория и Спартака в Риме не было более популярных деятелей, чем Помпей и Красс. И поэтому неудивительно, что они оба выдвинули свои кандидатуры на должность консула на 70 г. до н. э. При этом Помпей нарушил все законы и обычаи, ибо до сих пор он не только не прошел лестницу должностей (а по закону Суллы, это было обязательным условием консульства), но даже не был еще членом сената. Тем не менее его популярность была столь велика, что он, как и Красс, был избран. Еще

раньше ему за победы в Испании был присужден триумф (разумеется, за победы над испанцами, а не над Серторием и Перперной). Но Помпей с триумфальным шествием не торопился. Поскольку триумф был присужден не только ему, но и Метеллу, то он заявил, что ждет приезда Метелла, чтобы вместе пройти в триумфе по Риму. А поскольку армия до триумфа не распускалась, то свое войско Помпей расквартировал недалеко от городской черты. В ответ и Красс заявил, что он не распустит своих воинов, пока этого не сделает Помпей. Так продолжалось и после избрания их обоих в консулы. Такое противостояние консулов вызвало сильное беспокойство римлян, ибо те еще помнили, в какие ужасы вылилось соперничество Октавия и Цинны 17 лет назад. Поэтому народ призвал консулов к примирению. Некий всадник Гай Аврелий заявил, что ему во сне явился Юпитер, который потребовал примирения консулов. После некоторых колебаний, особенно со стороны Помпея, консулы были вынуждены пойти навстречу требованиям народа и бога. Уже став консулом, Помпей отпраздновал свой второй триумф.

Консульство Помпея и Красса было обозначено в истории Рима не столько их соперничеством, сколько их реформами, приведшими к ликвидации самых одиозных черт сулланского режима. Одной из них было восстановление цензуры. Сулла ликвидировал эту должность, взяв на себя не столько надзор за нравами, сколько контроль над составом и пополнением сената. Теперь Помпей и Красс восстановили цензуру, и новыми цензорами были избраны бывшие консулы 72 г. до н. э. Люций Геллий Попликола и Гней Корнелий Лентул. Они сразу же приступили к делу. Был проведен ценз, давший цифру в 910 тысяч граждан, что означало их увеличение за 16 лет почти вдвое. Видимо, римскими гражданами становилось все большее число италиков, да и установившееся после окончания гражданских войн сравнительно мирное время способствовало увеличению рождаемости и уменьшению смертности. При проведении этого ценза Помпей разыграл хорошо задуманную и красивую пьесу. Он, как простой гражданин, в числе других всадников (не сенаторов, ибо в сенат он вошел уже только после окончания своего консульства) подошел к цензорам и в ответ на их традиционный вопрос, совершил ли он положенные гражданину походы и под чьим начальством, громко ответил, что совершил все походы и все под своим начальством. Эта умилительная картина демонстративного законопослушания вызвала восторг собравшихся. Цензоры, однако, проведением ценза не ограничились. Явно не без согласия консулов они исключили из сената 64 человека, в том числе активного сулланца Гая Антония, бывшего

при Сулле префектом Азии. Это одно уже было знаком разрыва с сулланскими традициями.

Одним из главных результатов деятельности Суллы была фактическая ликвидация политического значения должности народного трибуна. Люди, занимавшие должность народного трибуна, были лишены права когда-либо занимать всякие другие должности, что сразу же делало трибунат совершенно неинтересным для любого мало-мальски активного деятеля; к тому же за неуместное вмешательство трибун подвергался штрафу, а это на деле резко ограничивало, если не вовсе лишало смысла, трибунское право вето. После смерти Суллы неоднократно делались попытки восстановить политическую значимость трибуната. В 76 г. до н. э. трибун Люций Сициний осмелился выступить с требованием восстановить права народных трибунов в полном объеме. Но против этого решительно выступил консул Гай Скрибоний Курион, и в результате не только не прошло требование трибуна, но и сам он, по-видимому, нашел насильственный конец. На следующий год уже консул Гай Аврелий Котта попытался дать возможность трибунам занимать и другие должности, но и эта попытка кончилась неудачей. В 74 г. до н. э. очередную попытку ликвидировать сулланский закон сделал трибун Люций Квинкий, но выступление консула Люция Лициния Лукулла заставило его отступить. Наконец, в 73 г. еще один трибун — Люций Лициний Макр — решительно выступил против всевластия нобилитета, но он тоже ничего сделать не смог.

Все это показало Помпею и Крассу, что изменение сулланского режима назрело. И хотя оба консула были в свое время яркими сторонниками Суллы, теперь они выступили за восстановление власти народных трибунов и снятие всяких ограничений с них. Инициатором, очевидно, был Помпей, который еще накануне выборов обещал это сделать, что, несомненно, увеличило его шансы. Помпей в это время был особенно популярен в народе. Красс имел больше авторитета в сенате, но в этих условиях противодействовать Помпею он не мог. Предложение прошло, и политическое значение трибуната было полностью восстановлено, а ограничения Суллы отменены.

Третьим важным шагом стала судебная реформа. Ее непосредственным инициатором стал претор Марк (или Люций) Аврелий Котта, но за спиной его стоял все тот же Помпей. Законопроект Котты должен был подвести черту под долгой борьбой за суды, которая развернулась со времени Гая Гракха. В результате был достигнут компромисс: суды должны были отныне состоять из равного количества сенаторов и всадников. Но чтобы эти два сословия во взаимной борьбе не сделали суды фактически бездейственными, к ним были прибавлены так называе-

мые эрарные трибуны. В это время эрарными трибунами называли относительно богатых людей, которые на социальной лестнице стояли ниже всадников. И вот отныне суды должны были состоять на треть из сенаторов, на треть из всадников и на треть из эрарных трибунов. С этого времени судебный вопрос исчез из политических программ различных лидеров и группировок, он перестал быть актуальным.

Во время консульства Помпея и Красса народный трибун Плавтий (или Плотий) внес законопроект об объявлении амнистии всем уцелевшим участникам восстаний Лепида и Сертория. Видимо, этот законопроект включал и признание актов Сертория, сделанных им в Испании. Помпей никак не выступил против этого закона; возможно, что, как и с законом Котты, негласным соавтором этого проекта тоже мог быть Помпей. Поддержку предложению Плавтия оказал тогда еще молодой Цезарь. Может быть, с этого времени и устанавливаются дружеские отношения между Помпеем и Цезарем. Предложение Плавтия было принято и стало законом. Он практически подвел черту под гражданской войной. Бывшему верному сулланцу, ставшему теперь весьма популярным в народной массе, каким был Помпей, было выгодно подвести эту черту.

Консульство Помпея и Красса стало своеобразным заключительным этапом, завершившим бурное двадцатилетие 80—70-х гг. I в. до н. э. Самые ненавистные народу законы Суллы были ликвидированы, был сделан важный шаг к восстановлению относительной демократичности римского политического строя, в политическую жизнь вновь включались те граждане, которые во время гражданских войн оказались на стороне побежденных. Все это позволило политической жизни Рима вступить в новый этап, на котором борьба концентрируется исключительно в правящей верхушке римского общества. Ни о каких массовых движениях больше нет и речи. И активным участником политических баталий на новом этапе был Помпей.

После окончания своего консульского года Помпей на какое-то время ушел в частную жизнь. Но очень скоро ему снова пришлось взяться за государственные дела. В 67 г. до н. э. по закону, предложенному народным трибуном Авлом Габинием, Помпею было поручено вести войну против пиратов. Решение пиратского вопроса было чрезвычайно важно для римлян. Пираты не только опустошали берега Средиземного моря и, грабя суда и уничтожая их экипажи, в значительной степени парализовали средиземноморскую торговлю и препятствовали даже политико-административным связям Рима с заморскими провинциями, но и выступали союзниками злейшего врага Рима Митридата. Дерзость пиратов доходила до того, что они даже добирались до устья Тибра у самых ворот Рима. В 79 г. до н. э. сам Сулла был вынужден об-

ратить внимание на пиратские набеги в восточной части Эгейского моря. В следующем году в Восточное Средиземноморье был послан проконсул П. Сервилий Ватия. Он действовал весьма энергично и добился значительных успехов. Уже в первый год он подчинил ряд пиратских гнезд в Киликии, активны и успешны были его действия и в следующие годы в той же Киликии, Ликийи и Исаврии. За все эти подвиги он получил триумф и почетное прозвище Исаврийский.

В 74 г. до н. э. войну с пиратами было поручено вести претору Марку Антонию. В этой войне ему было дано неограниченное командование (*imperium infinitum*), и в сферу его действия входили прибрежные районы всех провинций. Но Антоний не сумел хорошо распорядиться столь широкими полномочиями. Хотя ему было присвоено почетное прозвище Критский и продлено командование на следующие годы, в действительности критские пираты его разгромили, и сам он вскоре умер на этом острове. После поражения Антония положение с пиратскими набегами стало почти критическим. В 70 г. до н. э. пиратский предводитель Пирганион пытался даже напасть на Сицилию, но был разбит наместником этого острова Люцием Цецилием Метеллом. Победы римлян были блестящи, но бесполезны. Из-за господства пиратов на море в Риме резко выросла цена на хлеб. Римляне настойчиво требовали решительных мер. И тогда они вспомнили о Помпее, на которого теперь и возлагали все свои надежды. В этих условиях Габиний и внес свой законопроект.

По этому проекту, одному из консуляров, т. е. бывших консулов, предоставлялось такое же неограниченное командование, как ранее Антонию, на все море по эту сторону Геркулесовых Столпов и на расстоянии до 50 миль в глубь суши; при этом командующий мог выбрать себе из числа сенаторов 15 легатов, дав им преторский ранг, взять неограниченное количество денег из казны и от откупщиков и снарядить флот из 200 кораблей с правом самому набирать воинов и гребцов. Из-под власти такого командующего были исключены только очень немногие территории, где уже активно и довольно успешно действовали римские командиры, в том числе Крит. Хотя трибун не назвал имя предполагаемого командующего, ни у кого не было сомнения, что речь идет о Помпее.

Вокруг законопроекта развернулась ожесточенная борьба. Из всего состава сената Габиния поддержал только Гай Юлий Цезарь. Начиная свою политическую карьеру в качестве популяра, он сделал ставку на расположение народа, а поскольку в это время народ горячо поддерживал Помпея, то и Цезарь выступил на его стороне. Остальные же сенаторы, опасаясь слишком резкого выдвижения и так уже очень популярного Помпея, решительно выступили против законопроекта. Консул

Гай Кальпурний Пизон открыто угрожал Помпею смертью, за что чуть не был растерзан возмущенной толпой. Активный и весьма уважаемый сенатор Квинт Лутаций Катул напрасно взывал к народу с призывом побережь Помпея и не подвергать его опасностям войны. Но на его риторический вопрос, а кого же можно будет поставить на место Помпея, если с тем что случится, народ единодушно, хотя и с явной издевкой, ответил, что его, Катула. Коллега Габиния Люций Росций Отон предложил дать будущему командующему коллегу, но эта попытка ограничить власть полководца и флотоводца провалилась. Активные действия противников законопроекта привели к роспуску народного собрания, не принявшего никакого решения. Но вскоре собрание было созвано вновь, и оно не только приняло закон, но и расширило полномочия командующего. Теперь он мог иметь уже 24 легата, его военные силы были удвоены до 500 кораблей, 120 тысяч пехотинцев и 5 тысяч конников. После принятия этого закона командующим уже персонально был выбран Помпей.

Одно лишь избрание Помпея сразу же понизило цены на хлеб в Риме: так все римляне были уверены в скором окончании долголетней и тяжелой борьбы с пиратами. И Помпей оправдал их ожидания. Он разделил все Средиземное море на 13 районов, и в каждом из них собрал корабли и воинов под особым командованием одного из своих легатов. Чтобы не дать пиратам уйти в океан, специальная эскадра охраняла пролив у Геркулесовых Столпов. Это позволило сразу же нанести несколько сокрушительных ударов по пиратским эскадрам в нескольких местах одновременно. Разбитые пираты пытались спастись в Киликии, но против них выступил сам Помпей. В результате в течение 40 дней все Западное Средиземноморье было очищено от пиратов. Начав военные действия в конце весны, Помпей закончил эту войну к середине лета того же года.

Это вызвало радость в Риме и одновременно страх врагов Помпея. И они попытались воспрепятствовать его дальнейшим действиям. Все тот же Пизон даже приказал распустить экипажи кораблей, собранных Помпеем. Узнав об этом, Помпей срочно отправил свой флот в Брундизий, откуда обычно отправлялись корабли из Италии в восточную часть Средиземного моря, а сам спешно направился в Рим. Его появление сразу же изменило ситуацию. Габиний даже подготовил законопроект об отрешении Пизона от должности. Но Помпей не решился на такой шаг и ограничился только тем, что восстановил свое положение, а затем сам отбыл в Брундизий.

Из Брундизия огромный флот Помпея двинулся на Восток. Помпей спешил как можно быстрее выполнить поручение римского наро-

да. Решительно сражаясь с сопротивлявшимися пиратами и жестоко расправляясь с ними, он милостиво относился к сдавшимся, сохраняя им не только жизнь и свободу, но даже часть имущества. Такое поведение римского командующего внесло раскол в ряды врагов. Часть пиратов вместе с семьями сдалась, и Помпей даже использовал их в дальнейшей войне, выслеживая с их помощью скрывающиеся пиратские эскадры и отдельные корабли. Продолжавшие сопротивляться пираты переместили свои семьи и имущество в крепости гор Тавра, а сами, соединив силы, встретили Помпея около Коракесия на берегу горной части Киликии. В этом сражении пираты были разбиты и вынуждены сдаться. Уцелевшие пиратские корабли и верфи были сожжены. Помпей, верный своей политике, даровал сдавшимся личную свободу, но не отпустил их на волю вольную, а расселил в равнинной части Киликии, в городах, недавно опустошенных армянским царем Тиграном, и в Греции. Война фактически была закончена, а вся Киликия превращена в римскую провинцию.

Пираты еще сопротивлялись на Крите, где римскими войсками командовал Метелл, не подчинявшийся Помпею. Помпей же направил на Крит своего легата Люция Октавия, чтобы принять и этот остров под свою власть, ибо пираты, наслышавшись о милосердии Помпея, были готовы сдаться только ему, но никак не Метеллу. Однако Метелл отказался подчиниться Помпею, и тогда Октавий сам присоединился к пиратам. Метелл все же сумел разбить пиратов и взять их лагерь. Захваченного Октавия он с позором отослал к Помпею. Этот поступок Помпея и его легата вызвал недовольство в Риме, но не смог заглушить радость по поводу блестящих побед. Помпею было дано командование на три года, а он завершил войну за три месяца.

После своей победы над пиратами Помпей стал объезжать города Восточного Средиземноморья, наслаждаясь почестями и славой. И там его застало известие о новом поручении: командовать армией в войне против Митридата.

Неугомонный царь Понта Митридат не терял надежды установить свою власть на востоке Средиземноморья, а сделать это было невозможно без сокрушения Рима. Уже потерпев тяжелые поражения от римлян, он искал союзников. В 75 г. до н. э. Митридат заключил союз с Серторием, воевавшим против римского правительства в Испании, он привлек на свою сторону пиратов. Попытка Митридата вступить в союз с парфянским царем Фраатом закончилась неудачей. Гораздо больше ему повезло с царем Великой Армении Тиграном, за которого он выдал свою дочь Клеопатру. Тигран также стремился увеличить свои владения, но его пути с путями тестя не пересекались. Приняв гордый титул

«царя царей», Тигран захватил часть Малой Азии и на какое-то время установил свою власть в Сирии, создав мощную державу, распространяющуюся от Каспийского до Средиземного моря. От Черного моря ее отделяла Колхида, находившаяся под властью Митридата. Союз с Тиграном чрезвычайно усилил понтийского царя. Предвидя неизбежную войну с Римом, Митридат развернул мощную агитацию среди местного населения римской провинции Азии. Одновременно он подготовил огромную армию в 120 тысяч пехотинцев и 16 тысяч всадников, во многом организованную на римский манер.

Поводом к новой войне стали события в Вифинии. В 74 г. до н. э. умер вифинский царь Никомед, завещавший свое царство римскому народу. Митридат, естественно, с этим не согласился и вторгся в Вифинию. При этом известии восстало население Азии, и армия Митридата вошла и туда, где ее ждала восторженная встреча. Такой оборот дел чрезвычайно встревожил римлян. На Восток были отправлены только что закончившие свой срок консулы 74 г. до н. э. Марк Аврелий Котта и Люций Лициний Лукулл. Лукуллу было поручено командовать в Азии и Киликии, а Котте — в Вифинии и охранять черноморские проливы. Котта не сумел справиться со своей задачей и бежал в город Халкедон, так что вся Вифиния перешла в руки Митридата, а находившиеся там римляне тоже бежали в Халкедон под защиту римского оружия. Но надежда на эту защиту оказалась тщетной, ибо когда Митридат подошел к Халкедону, Котта бежал и оттуда. Митридат осадил Халкедон, а затем и взял его, уничтожив или захватив в плен при этом огромную римскую эскадру в сотню боевых кораблей. После этих поражений армия Котты практически выбыла из войны, и вся тяжесть ее ведения пала на Лукулла.

Лукулл перед отправлением в Азию набрал легион воинов, а на месте принял командование над стоявшим там войском. Оно состояло в основном из бывших воинов Фимбрии, которые в свое время перешли к Сулле, но тот, боясь взять их с собой в Италию, оставил на Востоке. Бывшие фимбрианцы были воинами храбрыми, но за это время распустившимися и недисциплинированными, так что Лукуллу пришлось сначала восстанавливать порядок в армии, а уже потом приступать к активным военным действиям. В это время основные силы Митридата осаждали город Кизик, и Лукулл добился не только снятия осады, но и отступления понтийских войск, а затем в ходе преследования нанес им поражение у реки Граник, где когда-то свой первый бой против персов выиграл Александр Македонский. В то же время союзники римлян галаты, жившие в центре Малой Азии, заставили Митридата очистить ряд малоазийских областей.

В следующих кампаниях Лукулл развивал свой успех. Римляне вторглись непосредственно в Понт, коренную область царства Митридата. Сам Митридат укрепился в городе Кабире на склонах гор. Но вскоре, не выдержав напряжения, понтийский царь стал отступать и оттуда. Воспользовавшись этим, Лукулл напал на него и полностью его разгромил. Митридат бежал в Армению к своему зятю Тиграну, а его сокровища и даже часть семьи попали в руки римлян. Узнав о бегстве Митридата, Лукулл сначала захватил Малую Армению, подчинил некоторые соседние племена, а затем потребовал от Тиграна выдачи его тестя. С этим требованием к Тиграну он отправил своего родственника Аппия Клавдия Пульхра. В это время армянский царь подчинял себе некоторые непокорные финикийские города, и Клавдий был вынужден дожидаться его в сирийской столице Антиохии. Он использовал вынужденное пребывание в этом городе для различных интриг, сумев настроить против Тиграна ряд эллинистических городов и мелких царств. Миссия Клавдия, как и ожидалось, закончилась безрезультатно, и тогда Лукулл от имени Римской республики объявил Тиграну войну.

Новая война вызвала недовольство солдат. Лукулл не очень-то позволял им грабить города Понта, а теперь еще вел их в дикие горы Армении, где, казалось, нечем поживиться. Решение полководца объявить эту войну вызвало недовольство и в Риме. В это время там рушились сулланские порядки, и действия такого активного оптимата, как Лукулл, вызывали все большее недовольство. Но Лукулл решительно продолжал военные действия. В 69 г. до н. э. он переправился через Евфрат и двинулся к армянской столице Тигранокерте, недавно основанной Тиграном. После поражения своего отряда, направленного против римлян, Тигран решил покинуть Тигранокерту и, отступив в горы Тавра, стал собирать армию для борьбы с римлянами. Но эта армия была разбита легатом Лукулла Люцием Лицинием Муреной, и Тигран бежал. После этого Лукулл осадил Тигранокерту. Собрав новое войско, армянский царь поспешил на выручку своей столице, но под стенами города снова потерпел поражение. Затем Лукулл штурмом взял Тигранокерту и разрушил ее. После таких огромных успехов Лукулл намеревался даже начать войну с парфянами, но подготовка Тиграном и Митридатом новой армии заставила его отказаться от этого намерения. Да и воины Лукулла все активнее выражали свое недовольство новым приказом.

Летом 68 г. до н. э. Лукулл снова выступил против Митридата и Тиграна. Их основные силы были сосредоточены в старой столице Армении Арташате. На берегу Аракса произошла новая битва, в которой римляне опять же одержали победу. Но идти дальше воины решительно отказались, и Лукуллу пришлось отступить. Он ушел на юг, а Митридат, вос-

пользовавшись этим обстоятельством, собрал новую армию и вторгся в Понт. Оставленный охранять Понт Марк Фабий Адриан пытался остановить Митридата на армяно-понтийской границе, но был разбит. Потерпели поражение и римские союзники. В 67 г. до н. э. Митридат полностью восстановил свою власть в Понте.

Управляя провинцией Азией, Лукулл проявил себя довольно умелым администратором. Одной из причин антиримского восстания в этой провинции была жадность римских ростовщиков, и Лукулл сумел ограничить ее предельной нормой ростовщического процента в 12% годовых. Вообще-то это была самая высокая норма, признаваемая римскими законами, но в провинциях ростовщики с законами не считались, доводя процент до 48. Эти меры привлекли к проконсулу сердца многих провинциалов, но вызвали ярость ростовщиков. Еще страшнее для Лукулла оказалось растущее недовольство солдат. Сам Лукулл был одним из самых богатых людей Рима, а после войны его богатство еще более увеличилось. Но своим воинам он особенно обогащаться не давал. И в конце концов они отказались повиноваться полководцу.

В результате не только Митридат вернул себе Понт, но и Тигран, восстановив свою власть в Армении, стал разорять набегами соседнюю Каппадокию. Лукулл же был вынужден бессильно смотреть на усиление казалось бы разгромленного врага. В 66 г. до н. э. проконсулом Азии был направлен Маний Ацилий Глабрион, но он пассивно стоял в своей провинции, а Лукулл с остатками своей армии едва удерживал Киликию.

В этих условиях в том же 66 г. до н. э. народный трибун Гай Манилий внес предложение назначить верховным главнокомандующим для войны с Митридатом и Тиграном Помпея, к которому переходила бы верховная власть в восточных провинциях, включая Азию и недавно присоединенную Вифинию, флот и неограниченная власть на море; к нему должны были перейти также войска Лукулла и Глабриона, и он получал право объявления войны. Это предложение опять же вызвало резкое противодействие сената. Против него решительно выступили лидеры оптиматов Квинт Лутаций Катул, который недавно столь яростно и столь неудачно пытался противодействовать назначению Помпея воевать с пиратами, и знаменитый оратор того времени Квинт Гортензий. Последний заявлял, что, конечно, если нужно избрать одного мужа для войны с Митридатом, то это, разумеется, Помпей, но как раз для блага республики и свободы и нельзя предоставлять всю полноту власти одному человеку. Зато энергичным сторонником Манилия и Помпея стал другой известный оратор — набиравший в то время силу и известность Марк Туллий Цицерон, занимавший в тот год пост претора. Горькая речь

Цицерона, доказывавшего, что только Помпей способен одолеть такого страшного врага, как Митридат, перевесила чашу весов, да и победы Помпея говорили сами за себя. Предложение Манилия было принято и стало законом. По этому закону Помпей получал еще большие полномочия, чем Лукулл и чем он сам совсем недавно в войне с пиратами. По существу он становился совершенно бесконтрольным владыкой всего Восточного Средиземноморья.

Не возвращаясь в Рим, Помпей принял новое поручение. Он прибыл в Киликию и начал переговоры с Лукуллом, который не хотел отдавать Помпею лавры близкой, как ему казалось, победы. Но Помпей сумел переманить на свою сторону бунтующих солдат Лукулла, и это решило дело. Командование Помпея признал и Глабрион. Лукулл вернулся в Рим, еще больше ненавидя Помпея, а Помпей стал готовиться к новой войне. Он сумел склонить на свою сторону парфянского царя Фраата III, пообещав ему часть Армянского царства, и это связало руки Тиграну, который в этих условиях не мог оказать никакой помощи Митридату. Так что Помпею противостоял только один Митридат. Используя опыт, полученный в борьбе с пиратами, Помпей разделил восточную часть Средиземного моря на несколько районов, поставив боевые эскадры охранять их в случае понтийского нападения, а сам с сухопутной армией перешел Тавр, вторгся в Каппадокию и снова занял эту область. Предвидя новую кампанию, Митридат собрал отборную армию из 30 тысяч пехотинцев и 3 тысяч всадников. Но вступить в бой с Помпеем не решился. Он попытался повести с ним переговоры, но римский полководец выставил совершенно неприемлемые для понтийского царя условия, сводившиеся по существу к его полной капитуляции. Митридату пришлось воевать. Но его всадники потерпели поражение, а сам он, растерявшись, укрылся в лагере. Помпей окружил лагерь Митридата и 45 дней осаждал его. Наконец, в упорном ночном сражении римляне наголову разгромили войска Митридата. Этому способствовала умелая тактика Помпея, который расположил свои войска так, что луна светила прямо в глаза конникам Митридата, в то время как для римлян они хорошо выделялись, освещенные луной. Сам царь со своей наложницей Гипсикратией и небольшим отрядом сумел прорваться через римские ряды. Он попытался снова направиться в Армению, но на этот раз Тигран, которому угрожали парфяне, не захотел ввязываться в войну с римлянами и отказал тестю не только в помощи, но даже в приёме. Тогда Митридат направился в Колхиду. Зимой 66/65 гг. до н. э. он провел в Диоскурии (совр. Сухуми), а весной перебрался на Боспор. Правивший там от имени Митридата его сын Махар не так давно подчинился Лукуллу и теперь не хотел отдавать власть отцу. Однако Мит-

ридат разбил непокорного сына и принудил его к самоубийству. Утврдившись на Боспоре, Митридат стал замышлять новую грандиозную кампанию против римлян, намереваясь пройти через Европу и напасть на Италию с севера. Вернуть же себе Понт он не решился.

Помпей не стал преследовать Митридата, он считал, что для этого у него слишком небезопасен тыл. К тому же в это время возникла возможность вмешаться в армянские дела. Сын Тиграна и Клеопатры, тоже Тигран, выступил против отца. Потерпев поражение, он бежал к парфянскому царю Фраату. Тот решил использовать этот момент и под предлогом помощи царевичу вторгся в Армению и дошел до Арташаты. Но, понимая, что его укрепление в Армении вызовет столкновение с Римом, он отступил. Не получив от парфянского царя желанной помощи, Тигран младший уехал к Помпею, призвал его вторгнуться в Армению и обещал в обмен на трон подчинение Риму. Помпей принял это предложение. Хотя Тигран старший, как уже было сказано, отказал Митридату в приюте и помощи, а с Лукуллом сравнительно недавно заключил мир, Помпей обвинил его в том, что он в свое время помогал Митридату, и объявил ему войну.

В том же 66 г. до н. э. Помпей во главе своей армии вторгся в Армению. Практически не встречая никакого сопротивления, римляне брали один город за другим. Видя неминуемое поражение, Тигран сдался без боя и впустил Помпея в Арташату. Однако надеждам его сына не суждено было сбыться. Помпей решил, что Риму полезнее сохранить на армянском троне старого царя, уже испытывавшего силу римского оружия, чем посадить на этот престол горячего юношу. И Помпей заключил с Тиграном старшим договор, по которому оставлял ему все владения, кроме тех, которые уже были отняты у него Лукуллом, т. е. те владения, которые Тигран в свое время завоевал вне Великой Армении. Его царство теперь было сведено к этой, правда довольно обширной, области. Когда Тигран младший пытался возмутиться таким поворотом дела, Помпей, не долго думая, приказал его арестовать и заключить в оковы, а позже его провели в триумфе Помпея.

Теперь, обеспечив свой тыл от возможного нападения армянского царя, Помпей решил преследовать Митридата. Из Армении он двинулся на север в долину реки Кирн (совр. Кура). Там ему оказали упорное сопротивление албаны, населявшие восточную часть Закавказья. На берегу Аракса Помпей разбил албанов. После этого он выступил против иберов, предков нынешних грузин, и также одержал победу, хотя она далась ему нелегко. Оттуда он проследовал еще дальше на север, вероятно до Дарьяльского ущелья, но перейти через него не смог или не решился, а вернулся на юго-запад в Колхиду, где в устье Фасиса (совр.

Риони) его ожидал флот, охранявший Понт Эвксинский (Черное море). Помпей, видимо, предполагал на этих кораблях переправиться на Босфор. Но против него вновь выступили албаны. Помпей не решился оставить их в своем тылу и двинулся против них. На берегу Абанта (совр. Алазань) он встретил огромное албанское войско и разбил его. Далее Помпей собирался дойти до Каспийского моря, надеясь оттуда добраться до Индии, повторив тем самым подвиги Александра Македонского. Но трудные природные условия Восточного Закавказья заставили его вернуться, хотя не исключено, что до моря он все-таки добрался.

Вновь вернувшись в Понт, Помпей не стал подготавливать экспедицию против Митридата, а занялся административными делами. Надо было сделать политические выводы из завоеваний Лукулла и своих собственных. Он реорганизовал Понтийское царство. Его западная часть была соединена с Вифинией и образовала одну провинцию Вифинию-Понт, а восточной части он оставил призрачную независимость. Вдоль торгового пути из Вифинии в Армению Помпей основал ряд городов — Помпейополь, Магнополь, Диосполь (Город Зевса), Никополь (Город победы). Вне новых римских границ он разделял территорию Малой Азии между местными царьками, ставшими фактически клиентами Рима. Доказавший свою верность Риму каппадокийский царь Ариобарзан увеличил владения, превратившись в главного стража римских интересов во внутренней части полуострова и обеспечивая сообщение между римскими провинциями в западной и северной частях Малой Азии с Киликией, расположенной в ее юго-восточной части. Под власть Ариобарзана была отдана и Софена, область, пограничная с Арменией, которая раньше была обещана Тиграну младшему, но затем у него отнята. В центре Малой Азии жили галаты, разделенные на четыре племена, которыми управляли так называемые тетрархи (четвертовластники). Теперь число этих областей было сокращено до трех, а правитель наиболее значительного племени Дейотар был сделан царем, и его территория тоже была расширена. Были сделаны и некоторые другие территориальные изменения в этой части мира.

Помпей отменил все распоряжения Лукулла и всячески подчеркивал, что никаких следов от управления Лукулла не должно остаться. Это касалось и сирийских дел. Положение в Сирии было довольно сложным. Последние годы существования династии Селевкидов были отмечены постоянной борьбой между различными представителями этого царского дома. Один сменял другого с пугающей быстротой, и часто свергнутый снова приходил к власти. На границы Сирии нападали арабские племена, набатейский царь Арета захватил Дамаск. Приморские города фактически стали независимыми. В этих условиях сирийцы об-

ратились за помощью к Тиграну, приглашая его на трон. Тот, естественно, с удовольствием откликнулся на этот призыв. Но далеко не вся бывшая держава Селевкидов (точнее, то, что от нее осталось) подчинилась армянскому царю. Сопротивлялись ему финикийские города, а в Птолемаиде на палестинском побережье заперлась бывшая царица Клеопатра Селена. По условиям мира, заключенного Тиграном с Лукуллом, первый очищал Сирию и Лукулл восстановил на троне сына Клеопатры Селены Антиоха XIII. Но против него выступил его родственник Филипп II. Два арабских шейха вмешались в эту борьбу, каждый на стороне одного из Селевкидов. Но затем они договорились вообще разделить Сирию между собой. Антиох был захвачен в плен царьком Эмесы Сапсикерамом, а Филиппу удалось ускользнуть и обосноваться в сирийской столице Антиохии. Но не надолго. Вскоре там поднялся мятеж, и этим воспользовался Сапсикерам, который захватил столицу и усадил на трон своего пленника Антиоха. Все это означало агонию Селевкидов, что угрожало римским владениям и римскому влиянию в Малой Азии. И Помпей решил вмешаться.

Еще в 65 г. до н. э. легат Помпея Люций Афраний, который прославился во время войны с Серторием, вторгся в Северную Сирию и усмирив царька Таркомдимота, утвердившегося в горах Аман на северо-западе страны. Затем Помпей направил в Сирию своего квестора Марка Эмилия Скавра. Там уже находились Лоллий и Метелл Непот, которые были легатами Помпея во время войны с пиратами. Теперь они перешли под командование Скавра. Скавр двинулся на Дамаск и отнял его у набатейского царя. Этими действиями были подготовлены условия для прихода в Сирию самого Помпея. И в 64 г. до н. э. Помпей с армией пришел в эту страну. Антиох XIII попытался получить у Помпея подтверждение своего царского достоинства, но Помпей счел его креатурой Лукулла и отказал ему. Не видя никакой возможности сопротивления, Антиох бежал все к тому же Сапсикераму. Однако тому он уже не был нужен, и его убили. С Антиохом XIII сошел со сцены последний представитель династии Селевкидов. Теперь у Помпея были окончательно развязаны руки, и он объявил Сирию римской провинцией.

Но объявить Сирию провинцией еще не означало урегулировать положение в этой стране. В течение 64–63 гг. до н. э. Помпей и занимался ее преобразованием. Большая часть Сирии действительно стала провинцией. Приобретенная при последних Селевкидах независимость приморских городов была ликвидирована, их подчинили римской власти. Некоторые мелкие государства были уничтожены, другие Помпей решил сохранить, но взять под жесткий римский контроль. Так, было сохранено государство Таркондимота в северной части сирийского по-

бережья и прибрежных горах. На юге, в горах Ливана, была сохранена якобы независимая Итурея. Но независимость всех этих царств, как и в Малой Азии, была призрачной.

Помпей не ограничился урегулированием положения в Сирии. В это время к югу от нее в Иудее шла борьба между братьями Аристобулом и Гирканом. Гиркан, которому помогал набатейский царь Арета, осадил Иерусалим, в котором заперся Аристобул. Тогда Аристобул обратился за помощью к Скавру, который в то время действовал в Сирии. Он просто подкупил его, и тот потребовал от Ареты очистить Иудею. Арета, уже потеряв Дамаск, не решился спорить с римским командиром и отступил, а Аристобул нагнал его и разбил. Но в дело вмешался Помпей, к тому времени прибывший в Сирию. Оба брата добивались его благосклонности, но Помпей решил встать на сторону Гиркана. Тот и по характеру был гораздо менее энергичным и способным, чем его брат, да к тому же Аристобул слишком уж возвысился после победы над Аретой. Аристобул попытался лично убедить Помпея изменить позицию, но добился только собственного ареста, после чего римская армия подошла к Иерусалиму. Сторонники Гиркана сумели настоять на открытии ему ворот, но их противники укрепились в храме и не собирались сдаваться. Осада храма продолжалась больше двух месяцев. В конце концов римляне ворвались в храм. Многие его защитники пали в бою, причем их убийцами были не только римляне, но и соотечественники — сторонники Гиркана. Помпей торжественно вошел в захваченный храм и вступил в Святое Святых, особое помещение в храме, где, по преданию, обитал сам Бог и куда входить мог только первосвященник, да и то лишь в день Пасхи. Помпей передал власть Гиркану. При этом у Иудеи были отняты многие города, особенно приморские, и включены в провинцию Сирию. Отныне правитель Иудеи превратился в римскую марionетку и должен был все свои действия согласовывать с наместником Сирии.

Помпей решил добиться подчинения Nabatei. Но в это время он получил известия о событиях на Боспоре. Там против отца восстал сын Митридата Фарнак, поддержанный армией. Попытки подавить мятеж или договориться с Фарнаком не удалось, и вскоре Митридат был окружен в собственном дворце на горе в центре Пантикапея, столицы Боспора. Не желая попасть живым в руки мятежного сына, он решил покончить с собой, приняв яд. Но яд не подействовал на крепкий организм царя, и тогда он попросил некоего Битоита, командира галльских наемников, заколоть его. Тот выполнил просьбу Митридата. Узнав обо всем этом, Помпей тотчас покинул Иудею и направился в Малую Азию. Там в Синопе, бывшей столице Понта, он встретился в послами Фар-

нака, который просил его либо отдать ему все бывшее царство отца, либо по крайней мере Боспорское царство. Помпей согласился на последнее. Самого Митридата Помпей пышно похоронил в царской гробнице.

Со смертью Митридата и подчинением Фарнака миссия, возложенная на Помпея законом Манилия, была выполнена, и он мог спокойно возвращаться в Рим, чем он и занимался торжественно, не торопясь, наслаждаясь отдыхом, почестями и пирами в течение 63—62 гг. до н. э. В Рим он еще в 63 г. до н. э. отправил своего шурина Квинта Цецилия Металла Непота, который был избран народным трибуном на следующий год. Непот по поручению Помпея, который считал Цицерона своим врагом, начал против него пропагандистскую кампанию, обвиняя его в незаконной казни римских граждан. Непот предложил разрешить Помпею заочно баллотироваться в консулы и вызвать его из Азии для войны с Катилиной. Эти предложения из-за решительного противодействия Катона были отвергнуты, да и с Цицероном расправиться не удалось. Правда, сам Цицерон попробовал найти общий язык с Помпеем, предлагая ему дружбу и выражая надежду на возвращение с Помпеем в Рим спокойствия и мира. После неудачи миссии Непота Помпей отправил в Рим письмо с просьбой отложить консульские выборы, чтобы он мог лично поддержать на этих выборах своего легата Марка Пупия Пизона. Против этого опять же решительно выступил Катон, и просьба была отвергнута. Правда, Пизон был все же избран вместе с Марком Валерием Мессалой, но по авторитету Помпея был нанесен сильный удар: ему ясно показали, что сенат не потерпит его возвышения, хотя Помпея и его войска очень боялись. Когда в Рим пришло известие о возвращении Помпея, его соперник Красс предпочел уехать из Италии.

В декабре 62 г. до н. э. Помпей высадился в Брундизии. И тут он совершил поступок, который поразил и современников, и потомков и о котором до сих пор спорят историки. Как только Помпей вступил на италийскую землю, он тотчас распустил свою армию, сложил с себя все полномочия и частным человеком вступил в Рим. Вообще-то это полностью соответствовало римским законам, но дело в том, что эти законы уже никто не выполнял. Не выполнил их и сам Помпей и после разгрома Лепида, и после победы в Испании. Так что никакой надежды на их выполнение Помпеем сейчас, разумеется, не было. Но Помпей это сделал. Своим поступком он продемонстрировал не только свое безусловное подчинение праву, но и отказ от насильственного захвата власти. Это не означает, что Помпей не был честолюбивым и властолюбивым. Многие историки думают, что дело объясняется чрезмерной

чувствительностью Помпея к правовым нормам. Но, как и многие другие деятели этого бурного времени, он в такой особой чувствительности замечен не был. Другие полагают, что Помпей вообще всегда поступал «как должно». Но так ли это? Вероятнее всего, дело объясняется самоуверенностью Помпея, проявлявшейся и в других случаях. Он был уверен, что завоеванный им авторитет столь высок, что он сможет добиться своих целей, не прибегая к насильственным действиям.

Однако Помпей ошибся. Чем больше сенаторы трепетали перед возможностью новой гражданской войны, которая могла быть развязана Помпеем, тем с большим пренебрежением они стали теперь относиться к уже бывшему военачальнику. Помпей требовал двух вещей: утверждения всех своих распоряжений на Востоке и наделения земель его ветеранов. И все это вызывало ожесточенное сопротивление в сенате. Сенаторы искали любые предлоги, чтобы оттянуть рассмотрение требований Помпея. Сначала таким предлогом стало дело Клодия, о котором уже упоминалось. А потом подошли консульские выборы. Авторитет Помпея в народе был, действительно, довольно высок, так что кандидат в консулы его старый соратник Люций Афраний был без труда избран (правда, дело не обошлось без подкупа). Однако вторым консулом стал Квинт Цецилий Метелл Целер, недавний родственник Помпея. Но как раз незадолго до выборов Помпей развелся с Муцией, единоутробной сестрой Метеллов Целера и Непота, обвиненной в супружеской неверности. И хотя многие в Риме одобряли поступок Помпея, Метеллы сочли этот развод оскорблением всего рода Цецилиев Метеллов, так что в новом консуле Помпей получил смертельного врага. Что же касается Афрания, то этот опытный военный командир совершенно не имел опыта политической деятельности и в гражданской жизни больше увлекался танцами, чем государственными делами, и поэтому надежной опорой Помпею быть не мог. Цицерон даже заявлял, что поведение Афрания как консула является пощечиной Помпею.

В сентябре 61 г. до н. э. Помпей отпраздновал пышный двухдневный триумф. В голове шествия несли таблички с перечислением огромного количества завоеванных стран, племен и городов, уничтоженных пиратских шаек. Упоминалось о взятии большого числа кораблей и крепостей, об огромных доходах, принесенных Помпеем государству. Среди пленников вели жену, дочь и сына армянского царя Тиграна, иудейского царя Аристовула, сестру Митридата, кавказских и малоазийских заложников. Это был третий триумф Помпея, и в Риме говорили, что количество триумфов соответствует числу частей света: первый триумф он отпраздновал за победу в Африке, второй — в Европе, третий — в Азии. Казалось, что Помпей покорил весь обитаемый мир.

От пышности триумфа и восторга римлян рассмотрение дел Помпея, однако, не продвинулось ни на шаг. Только в начале 60 г. до н. э. сенат начал разбор требований Помпея. И тогда против него решительно выступил Лукулл, который не мог простить отрешения от должности в тот момент, когда казалось, что удача и окончательная победа над Митридатом и Тиграном уже в его руках. Лукулл говорил, что Помпей всегда присваивает чужую славу: славу победы над Спартаксом он украл у Красса, над Серторием — у Метеллы, а над Митридатом — у него, Лукулла. Лукулл предложил не суммарно утверждать распоряжения Помпея, а каждое в отдельности. Лукулла немедленно поддержали Катон, Метеллы, особенно Метелл Критский, в свое время обиженный Помпеем при операциях против пиратов, Красс, готовый в любой момент подставить ножку своему давнему сопернику. Так и было решено. А распоряжений Помпея было столь много, что их отдельное рассмотрение могло тянуться бесконечно долго. Помпей пытался сблизиться с сенатом. Он публично изъяснялся в дружбе с Цицероном и громко заявлял, что одобряет все постановления сената. Помпей даже просил у Катона руку его племянниц (или, по другим сведениям, дочерей) для себя и своего старшего сына, но эта попытка провалилась.

Потерпев неудачу в сенате, Помпей решил действовать через народное собрание. Народный трибун 60 г. до н. э. Люций Флавий внес аграрный законопроект. По нему на доходы от провинций, завоеванных Помпеем, в течение пяти лет должна была покупаться земля, в том числе и та, что была распределена по законам Гракхов и Суллы, которую надо было затем распределить между ветеранами Помпея. Цицерон, который три года назад резко выступил против похожего закона трибуна Публия Сервилия Рулла, теперь поддержал это предложение. Но против него выступили консул Целер и, разумеется, Катон. Борьба приняла столь ожесточенный характер, что Флавий даже приказал арестовать консула. Под предлогом грозящей войны с кельтами рассмотрение законопроекта отложили. Арест консула вызвал мощное возмущение. Никто не поддержал Помпея и помогавшего ему Цицерона. В этих условиях Помпей не решился на открытое столкновение и сам отказался от проведения закона. Война с галлами действительно могла начаться, и сенат этим был обеспокоен. Но замечательно, что при обсуждении посылки кого-либо из бывших консулов на эту войну сенаторы решительно воспротивились возможной посылке самого популярного и успешного в то время полководца — Помпея. Они явно боялись, что, встав снова во главе армии, тот уже не допустит такого промаха, какой он сделал в декабре 62 г. до н. э. И в это время в Италию возвратился Цезарь.

Противодействие сената и лично Катона не дало Цезарю возможности ни отпраздновать свой триумф, ни выдвинуть свою кандидатуру в консулы на следующий год. Тогда он отказался от триумфа и стал кандидатом в консулы. Но одних его сил было мало для избрания, и тогда он проявил огромные дипломатические способности, чтобы примирить Помпея и Красса. Помпею он давно оказывал политическую поддержку, как, например, при обсуждении законопроекта Габиния о предоставлении Помпею чрезвычайных полномочий для войны с пиратами. Красс же вообще был его другом и в какой-то степени покровителем. Но сами Помпей и Красс были почти смертельными врагами. И все же Цезарь сумел сыграть на том, что они, все трое, были недовольны сенатом. За прошедшие почти два года Помпей ясно увидел, что сенатское большинство сделает все возможное, чтобы отказать ему в требованиях утвердить его распоряжения на Востоке и дать землю его ветеранам. Это заставило Помпея смирить свою гордость и пойти на примирение с Крассом. У того тоже были свои резоны пойти на союз с Помпеем. Три деятеля решили отложить свои разногласия и заключили тайный союз. Они договорились поддержать кандидатуру Цезаря на консульство, а тот пообещал после своего избрания провести в жизнь решения, удобные Помпею и Крассу. Они вообще решили использовать свои силы для взаимной выгоды. Так возник первый триумвират, т. е. союз трех мужей. По сути это было объединение не только трех видных политических деятелей, но и их политических клиентел. Теперь они могли во время выборов получить перевес над сторонниками сената. Цезарь был избран, но одновременно был избран и Марк Кальпурний Бибул, активный оптимат и зять Катона, который должен был стать противником Цезарю.

Став консулом, Цезарь внес в сенат свой аграрный законопроект, а после активного сопротивления сенатского большинства во главе с Катонем обратился к народному собранию. Обсуждение предложенного закона было бурным. Бибул пытался его сорвать, но Цезарь открыто спросил Помпея и Красса, одобряют ли они законопроект, а когда те ответили утвердительно, возобновил обсуждение. Пришедшие на собрание ветераны Помпея имели при себе спрятанные кинжалы. Сам Помпей заявил, что он будет защищать новый закон и мечом, и щитом. И он доказал это, когда его ветераны напали на консула Бибула, ранили сопровождавших его двух народных трибунов и вывалили на голову консула корзину с навозом. В результате проект был принят и стал законом. По этому закону, который в значительной степени совпадал с предложениями Рулла и Флавия, разделялись оставшиеся государственные земли, а за счет военной добычи Помпей и податей с новых про-

винций еще покупалась земля, и все это распределялось между ветеранами Помпея и бедняками, жаждущими земли. Для проведения закона в жизнь была создана комиссия из 20 человек, в которую вошел и Помпей.

Для полного удовлетворения Помпея Цезарь провел, опять же через народное собрание, а не через сенат, закон об утверждении всех его распоряжений на Востоке. Более того, по просьбе Помпея он добился провозглашения в собрании египетского царя Птолемея XII «союзником и другом римского народа». Царю, который в свое время оказал услуги Помпею, это было важно для укрепления своего положения и гарантии от возможной римской аннексии. За это он уплатил 6 тысяч талантов, которые были поделены между Помпеем и Крассом. Цезарь провел и ряд других законов, и Помпей все их активно поддержал. В Риме открыто говорили, что власть в республике фактически передана триумвирам. Ради укрепления союза Помпей женился на дочери Цезаря Юлии.

Хотя главой государства был в 59 г. до н. э. Цезарь, но казалось, что ведущее положение в триумвирате занимал все же Помпей. «Династический» брак еще больше укреплял его положение. Сам Помпей тоже уверовал в свое первенство и, не стесняясь, заявлял, что он будет держать Рим в повиновении при помощи цезаревских, видимо и своих тоже, ветеранов. Однако во второй половине года авторитет триумвиров начал падать. Бибул, запершись в своем доме, издавал эдикты, порочащие не только его коллегу Цезаря, но и других триумвиров. И эти эдикты, и постоянная пропаганда многих сенаторов, утверждавших, в частности, что Помпей готовит тиранию, сделали свое дело. Помпей растерялся и упал духом, а вскоре, по-видимому на нервной почве, даже заболел. Он снова пошел на сближение с Цицероном, обещая ему защиту от его постоянного и неустанного врага Клодия. И все же силы триумвиров были еще довольно значительны. Помпей поддержал предложение народного трибуна Публия Ватиния, согласно которому Цезарю после консульства предоставлялось наместничество в Цизальпинской Галлии и Иллирике с правом ведения войны, и сенат, чтобы спасти свое лицо, а может быть и для того, чтобы удержать Цезаря подальше от Рима, добавил к ним еще и Трансальпинскую Галлию. Чтобы обеспечить триумвирам сохранение влияния и после окончания консульского года Цезаря, они провели в консулы своих людей — тестя Цезаря Люция Кальпурния Пизона и верного соратника Помпея Авла Габиния.

- В это время все большую роль в политической жизни Рима стал играть Гай Клодий, бывший в 58 г. до н. э. народным трибуном. Красно-речивый демагог, яростный оратор, не останавливавшийся ни перед какими препятствиями, склонный решать вопросы в первую очередь

прямым насилием, он стал любимцем толпы. Для достижения своих целей Клодий организовал не только группу политической поддержки, но и вооруженную шайку, которая все более терроризировала Рим. И он занял позицию, резко враждебную Помпею, возбуждая толпу против него, понося его, обвиняя в стремлении к тирании. Вопреки позиции Помпея, который стремился сохранить дружеские или по крайней мере доброжелательно-нейтральные отношения с Цицероном, Клодий добился изгнания Цицерона. Его сторонники открыто угрожали убить Помпея. Наглость Клодия дошла до того, что его подручные в мае 58 г. до н. э. похитили армянского царевича Тиграна и заключили его в доме трибуна, с тем чтобы затем переправить на Восток. Появление Тиграна младшего в Армении грозило разрушить весь тот порядок, который Помпей в результате своих побед создал в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке, и этого Помпей не мог не понимать. Более того, во время этого похищения был убит друг Помпея Папирий. И это переполнило чашу терпения Помпея.

До этого времени Помпей, искренне и глубоко влюбленный в свою молодую жену Юлию (ей было в это время, вероятно, 28 лет, и она была на 30 лет младше мужа), практически отошел от государственных дел и уединился с ней в своих загородных имениях. Но нападки Клодия заставили его вернуться к политической деятельности. Клодия считали «человеком Цезаря», и все видели за его бесчинствами руку галльского наместника. И это, конечно же, сказалось на отношении Помпея к своему союзнику по триумvirату. Чтобы противостоять Клодию и, как все считали, Цезарю, он сделал ставку на соперника Клодия Тита Анния Милона, которого стал всячески поддерживать. Но помимо этого Помпей счел необходимым пойти на сближение с сенатом, большинство которого только радовалось, видя то положение, в какое теперь попал Помпей, надеясь на его окончательную размолвку с Цезарем и, следовательно, на развал триумvirата. Некоторые из его друзей тоже советовали Помпею разорвать с Цезарем и даже развестись с Юлией, чтобы добиться союза с сенатом. Но Помпей не пошел на это. Сначала он вообще заперся в своем доме, а затем создал, по-видимому из своих ветеранов, вооруженный отряд, с которым отныне и появлялся на форуме и в других местах. В значительной степени с помощью этого отряда ему удалось одержать первую победу над Клодием: добиться возвращения Цицерона.

Несмотря на все нападки Клодия и недоброжелательство сенатского большинства, авторитет Помпея был довольно высок. И это показала история с хлебными беспорядками в сентябре 57 г. до н. э. Рим всегда зависел от провинций в доставке хлеба, а поставщики намеренно

задерживали его отправку, чтобы поднять цены. И цены, действительно, резко возросли, а вскоре хлеба и вовсе стало не хватать, так что над городом нависла угроза голода. Этим воспользовался Клодий, который обвинил в нехватке хлеба Помпея и, как ни странно, Цицерона (впрочем, он всегда был готов всегда и во всем обвинять Цицерона), и по его призыву толпа устремилась на Капитолий с требованием хлеба. В ход были пущены камни. Консул Квинт Цецилий Метелл Непот, бывший легат Помпея и народный трибун, а теперь, как и все Метеллы, враг Помпея, был вынужден собрать сенат для обсуждения хлебного вопроса. Три дня непрерывно проходило это обсуждение, а толпа все настойчивее требовала, чтобы дело было поручено Помпею. Все вспомнили, что десять лет назад при одном только его назначении вести войну с пиратами цена на хлеб сразу же понизилась. И Цицерон предложил начать по этому поводу переговоры с Помпеем. Несмотря на явное нежелание и консула, и сенатского большинства, с этим предложением пришлось согласиться. На следующий день Помпей явился в сенат и заявил о своей согласии при условии предоставления ему 15 легатов и чрезвычайных полномочий. Консулы согласились с этим и опять же по предложению Цицерона, который, будучи частным лицом, не имел права вносить закон от своего имени, сформулировали закон, который и был принят. По этому закону Помпею на пять лет вручалась верховная власть проконсульского ранга над всеми кораблями, перевозящими зерно, гаванями, торговыми центрами на всей территории Римской республики — одним словом, чрезвычайные полномочия по снабжению Рима хлебом, и в его подчинение назначались 15 легатов. Клодий выступил против этого закона, заявив, что сама нехватка хлеба была организована Помпеем для приобретения новой власти, но на этот раз он потерпел поражение, ибо слишком велика была надежда римлян на способность Помпея решить хлебную проблему. Трибун Гай Мессий предложил расширить его полномочия, предоставив ему также *imperium maius*, т. е. положение, при котором его власть в провинциях была выше власти наместников. Это предложение, по-видимому, не прошло. Но и так власть Помпея была огромна.

Помпей сразу же приступил к организации новой экспедиции. Он назначил легатов и, как когда-то при организации борьбы с пиратами, поручил им действовать одновременно в разных провинциях. Среди легатов были братья Цицероны. Квинта он направил на Сардинию, а знаменитый оратор Марк был оставлен в Риме в качестве связующего звена между Помпеем и столицей. Несмотря на наступление поздней осени, когда обычно всякое мореплавание прекращалось, Помпей отправился на Сицилию, а затем на Сардинию и в Африку. И он очень

быстро добился своей цели: еще до нового года в Рим было доставлено столь большое количество хлеба, что цены на него сразу упали. Угроза голода была устранена. В январе 56 г. до н. э. Помпей еще находился вне Рима, продолжая выполнять поручение правительства, но уже довольно скоро возвратился в город и снова принял участие в политической жизни республики. Успешное решение хлебной проблемы снова сделало Помпея самым популярным человеком в Риме.

В конце 60-х и в первой половине 50-х гг. I в. до н. э. окончательно формируется «партия» Помпея. В начале своей карьеры Помпей сам примыкал к группировке Метеллов, но, как говорилось выше, его развод с Муцией привел и к разрыву с Метеллами. Но теперь вокруг него объединяются самые разные люди. Многие из них были земляками Помпея из Пицена и среди них был Люций Афраний. Будучи довольно низкого происхождения, он выбился наверх с помощью Помпея. В качестве легата Помпея он участвовал в войне с Серторием, а затем в том же качестве и в восточной кампании. Благодаря поддержке Помпея он даже стал в 60 г. до н. э. консулом. И в дальнейшем он не покидал своего патрона. Другим верным помпеянцем и тоже, вероятно, пиценцем был Авл Габиний. В 67 г. до н. э. он был народным трибуном и предложил закон о передаче Помпею верховного командования в войне с Митридатом. Позже он сам участвовал в этой войне как легат Помпея и многим помог своему командующему. При поддержке Помпея он был избран претором, а затем и консулом 58 г. до н. э., после чего был послан проконсулом Сирии.

К знатной и старинной римской фамилии принадлежал Марк Эмилий Скавр, который был квестором Помпея во время войны с Митридатом, а позже был оставлен Помпеем управлять только что образованной провинцией Сирией; в 58 г. до н. э. он был эдилом, в 56 г. претором, а затем управлял Сардинией. Соратником Помпея был Фауст Корнелий Сулла, сын диктатора. В армии Помпея он служил в должности военного трибуна, и именно он во время штурма Иерусалима первым ворвался в храм. Позже он занимал ряд должностей в Риме и был женат на дочери Помпея. После некоторых колебаний к Помпею примкнул известный ученый того времени Марк Теренций Варрон. Позже помпеянцем стал Люций Скрибоний Либон, на дочери которого Помпей женил своего младшего сына Секста. Во время консульства Цезаря против его аграрного закона, столь желанного Помпею, выступил Марк Петрей, но затем он изменил ориентацию и примкнул к Помпею, став его верным сподвижником. Петрей был старым солдатом и прославился в январе 62 г. до н. э., когда во время болезни (вероятнее всего, мнимой) консула Люция Антония возглавил армию, разгромившую мятеж-

ного Катилину. Столь же верным сподвижником Помпея был Марк Пупий Пизон, который рано выделился как оратор, а политическую карьеру начал еще в 83 г. до н. э., когда был квестором. Позже он был претором, успешно воевал в Испании, за что получил триумф, и все время, пока Помпей воевал сначала против пиратов, а затем на Востоке, служил его легатом, принимая участие во всех важнейших боевых действиях. Вернувшись в Рим, он стал в 61 г. до н. э. консулом и позже занимал видное место в группировке Помпея, выполняя в том числе его деликатные дипломатические поручения, как, например, переговоры с Клодием. Видное место среди соратников Помпея занимал Люций Лукцей, бывший одновременно и другом Цицерона. Ранее он был городским претором, наместником Сардинии, обвинял Катилину. В 60 г. до н. э. триумвиры выдвинули его кандидатуру на выборах консула на 59 г. в качестве коллеги Цезаря, но он потерпел поражение от Бибула. Лукцей попытался выступить и на научном поприще, желая написать исторические сочинения, в том числе и о борьбе с Катилиной, но, по видимому, так и не исполнил свое намерение.

В близком окружении Помпея находились не только природные римляне, но и греки, и представители эллинистического Востока. Историческое сочинение о деяниях Помпея написал Феофан, бывший, как и Лукцей, среди наиболее близких советников Помпея. Феофан был греком из Митилены и еще до встречи с Помпеем активно участвовал в политической жизни своего родного города, в частности выступая против присоединения к Митридату. Помпей, встретившись с ним в Митилене, быстро с ним сблизился, и Феофан участвовал в его восточном походе. Перед строем войска Помпей торжественно даровал Феофану римское гражданство, что позже было подтверждено и римским правительством. Выходцем с эллинистического Востока был вольноотпущенник Помпея Деметрий, позже занимавшийся финансовыми делами Помпея и благодаря его поддержке ставший одним из самых богатых людей Рима. Другим вольноотпущенником Помпея был известный грамматик Леней, который сопровождал Помпея во всех его походах, начиная с кампании против Сертория. Он постоянно жил в его доме и был учителем его детей, по поручению Помпея он обработал оставшиеся после Митридата записки о различных лекарствах и ядах. Леней оставался верным памяти своего патрона и много лет после его смерти, резко выступая против всех, кто порочил его память. Разумеется, только этими людьми «партия» Помпея не ограничивалась. Помпей был бы рад привлечь в свою «партию» и Цицерона, но тот, поддерживая дружеские и политические отношения с Помпеем, предпочитал сохранять полную самостоятельность.

Рост популярности Помпея, возникновение вокруг него довольно сильной политической группировки, а также нарастающее отчуждение Помпея и в меньшей степени Красса встревожили Цезаря, и он предложил триумвирам встретиться в Луке. Этот город находился на границе Италии, но все же в провинции Цизальпинской Галлии, так что Цезарь, как и требовал закон, своей провинции при этом не покидал. Помпей и Красс согласились, и в январе 56 г. до н. э. в Луке состоялась эта встреча. Официально это была просто встреча трех друзей, которые давно не виделись и хотели бы обновить свою дружбу. Но все понимали, что на ней во многом решается судьба государства. И в Луку, где встречались провинциальный наместник, попечитель хлебного снабжения, выполнивший поручение, но еще не сдавший дела, и вообще частный человек, каким был Красс, съехалось множество народа, включая некоторых должностных лиц и довольно большое число сенаторов. К этому времени по настоянию Катона его родственник Люций Домиций Агенобарб выставил свою кандидатуру в консулы и открыто заявил, что в случае избрания лишит Цезаря командования армией, а это нанесло бы удар не только по Цезарю, но и по другим триумвирам. Поэтому главным результатом встречи в Луке стало решение добиться избрания консулами Помпея и Красса, которым затем будут даны в управление выбранные ими провинции, а Цезарю будет продлено наместничество еще на пять лет, после чего ему помогут снова стать консулом уже в 48 г. до н. э.

Принимая это решение, триумвиры явно рассчитывали как на военную славу Цезаря, так и на авторитет Помпея, резко выросший после успешного снабжения Рима хлебом. Но авторитет этот был все же далеко не безграничным. И это показала история с возвращением на трон египетского царя Птолемея XII, который был изгнан собственными подданными и теперь просил помощи у Рима. Поскольку он был признан «другом и союзником римского народа», то римское правительство ответило на его просьбу положительно. Однако возник вопрос, кому и с какими силами поручить это восстановление. Естественно, что сразу же возникла кандидатура Помпея. Но другая группировка решила противопоставить ему наместника Киликии и бывшего консула Публия Корнелия Лентула Спинтера, который и сам жаждал получить это поручение. Лентул был человеком, относительно близким к Помпею, и, выдвигая его кандидатуру, противники Помпея стремились отдалить их друг от друга. Но главное было в другом: возможность под предлогом восстановления Птолемея снова получить в свое распоряжение внушительную армию, и этого-то сенатское большинство боялось больше всего. Началась долгая полоса различных интриг, переговоров, взаимо-

исключающих предложений. Ссылались на старинное пророчество, согласно которому вмешательство в египетские дела вооруженной рукой будет губительно для Рима. Наконец народный трибун Гай Каниний Галл предложил послать в Египет все-таки Помпея, но без всякой армии, чтобы он восстановил власть Птолемея только силой своего авторитета. Однако пока шла эта политическая возня, верный сторонник Помпея Габиний, управлявший в то время Сирией, вторгся со своей армией в Египет и вернул Птолемея на трон. Позже он был обвинен в нанесении ущерба величию римского народа, так как совершил свою экспедицию без всякого разрешения Рима и в соответствии с пророчеством поставил под удар само существование республики.

Триумвиры не афишировали то решение, которое они приняли в Луке. Но слухи о нем уже пошли по Риму и вызвали недовольство в рядах нобилитета. Упорный враг триумвиров консул Гней Корнелий Лентул Марцеллин на народном собрании прямо спросил Помпея и Красса, собираются ли они баллотироваться в консулы; Помпей в ответ на это предпочел уклончиво заявить, что, может быть, будет, а может быть, и нет, а Красс — что поступит так, как полезно для республики. Эти ответы только подогрели страсти. Марцеллин заявил, что в руках Помпея сосредоточивается не просто огромная, а чрезвычайная власть. С другой стороны, Клодий, внезапно изменив свою позицию (явно под влиянием лукского соглашения), предложил помощь Помпею народной толпы. И действительно, он вскоре вывел на улицы города мощную демонстрацию в поддержку Помпея, причем многие несли факелы, грозя поджечь дома сенаторов. Помпею пришлось самому явиться в сенат успокаивать сенаторов и отказываться от чересчур ретивых сторонников. Но напряжение все возрастало. Трибун Гай Порций Катон (его не надо путать с республиканцем Марком) на какое-то время вовсе запретил выборное собрание. В этих условиях почти все претенденты на консульство сняли свои кандидатуры. Только Агенобарб, постоянно подстрекаемый Катоном, отказался это сделать. Когда собрание было все же назначено, Агенобарб, боясь каких-либо провокаций, решил ночью занять со своими людьми Марсово поле, где такое собрание проводилось. Но Помпей еще раньше направил на Марсово поле свой вооруженный отряд, который напал на людей Агенобарба. Его факелonosец был убит, а остальные обратились в бегство. Присутствовавший при этом Катон был ранен. Агенобарбу пришлось покинуть Марсово поле. И после этого уже без всякого сопротивления Помпей и Красс были избраны консулами.

Но оставалась еще одна опасность. Одним из кандидатов в преторы был Марк Порций Катон, и шансы его на избрание были весьма велики, ибо его честность и неподкупность были известны всем. Во время

выборов, действительно, возможная победа Катона стала вырисовываться довольно ясно. Тогда Помпей, будучи избранным консулом, хотя еще и не вступившим в должность, вдруг обратил внимание на неблагоприятные предзнаменования и на этом основании потребовал отложить голосование. Римляне были людьми весьма суеверными и согласились на это. На следующий день голосование возобновилось, и неожиданно выяснилось, что претором избран не Катон, а его соперник — сторонник триумвиров Публий Ватиний. Недобросовестность этих выборов была ясна, но требование отменить их и изменить результаты означало еще более усилить насильственные методы борьбы, и Катон не пошел на это. Помпей и Красс могли торжествовать. Более того, они поддержали предложение, явно ими же и инспирированное, чтобы вновь избранные преторы, в том числе Ватиний, сразу же вступили в должность, не дожидаясь 1 января, ликвидируя тем самым срок, в течение которого правильность избрания можно было оспорить в суде. Став консулами, они решили закрепить свою победу, добившись избрания нужных людей и в эдилы. Но насилие уже настолько вошло в жизнь тогдашнего Рима, что и эти выборы не стали исключением. Во время голосования произошла настоящая рукопашная схватка, в ходе которой и с той, и с другой стороны были убитые. Даже одежду самого Помпея запачкала кровь из ран одного из его сторонников. Слуги принесли окровавленную одежду в дом Помпея, где ее увидела его беременная жена и, потрясенная, упала в обморок, после чего у нее случился выкидыш. Но своей цели триумвиры добились.

Помпей и Красс стали полновластными правителями Рима. Они этого не только не скрывали, но и всячески подчеркивали. Казалось, между недавно еще смертельными врагами царит полное согласие. Они встретились в поместье Помпея и наметили план своих действий на консульский год. Помпей провел закон об отцеубийстве, который, с одной стороны, расширил это понятие, распространив его и на убийство близких родственников, а с другой — заменил старинную ужасную казнь утопления в зашитом мешке с приносящими несчастье животными на лишение гражданских прав и имущества и на вечное изгнание под угрозой убийства. Другим законом, проведенным Помпеем, был юридический: он ограничил свободу должностных лиц при выборе судей из тех трех сословий, из которых они выбирались, т. е. сенаторов, всадников и эрарных трибунов. Проводя этот закон, Помпей хотел, быть может, в какой-то степени загладить воспоминания о собственном произволе во время недавних выборов и в то же время ограничить возможный произвол своих сенатских противников. Наконец, он активно помог менее авторитетному Крассу провести закон «об

обществах», который карал подкуп избирателей, производимый различными объединениями и группами. Такие «общества» были в основном аристократическими, и главный удар наносился, таким образом, знатым противникам триумвиров. Но не исключено, что в перспективе он имел в виду и Цезаря, который все активнее обзаводился сторонниками в Риме и через них организовывал подкуп все большего числа граждан.

Другим делом, которому Помпей посвятил свое время, было окончание строительства каменного театра. В Риме до сих пор стационарного театра по существу не было, хотя даже в небольших италийских городах такие уже имелись. Во время своего пребывания на Востоке Помпей близко познакомился с греческими театрами и решил подобный построить и в Риме, в котором греческая культура уже пустила глубокие корни. Театр Помпея был, однако, иным, чем греческие. Он полностью возвышался над землей и был по существу целым ансамблем строений, в котором соединились собственно театр с огромной сценой в 90 м длины, храм Венеры и портики, примыкающие к сцене. Театр вмещал 17 тысяч зрителей и был облицован туфом и травертином. Находясь почти в самом центре города, этот ансамбль стал средоточием общественной жизни Рима, здесь часто собирались молодежь и деловые люди, а в портиках устраивались даже заседания сената. В честь окончания строительства этого театра в октябре 55 г. до н. э. Помпей устроил пышные игры, поразившие зрителей своей роскошью.

Однако еще важнее и Помпею, и Крассу было легализовать соглашение, заключенное в Луке. С этой целью народный трибун Гай Требоний внес законопроекты о продлении цезаревских полномочий еще на пять лет и о предоставлении Помпею и Крассу провинций с правом ведения войны; Помпею должны были дать обе испанские провинции, где у него уже имелась довольно обширная клиентела и которые он мог в случае чего считать своей опорой и базой. Несмотря на сопротивление Катона, законы были приняты. Характерно, что сам Помпей на всякий случай отказался поддержать закон о цезаревских полномочиях, пока не пройдет закон о его собственных провинциях. Видимо, уже тогда он стал подозревать Цезаря в возможных интригах против него. Это, вероятно, и стало основой для начавшегося поворота Помпея к сенату и республиканцам. На этот раз он не возражал против избрания на следующий год консулом Агенобарба, а претором Катона. Он добился избрания вторым консулом Аппия Клавдия Пульхра, «провалив» цезаревского кандидата.

После того как Красс, не дождавшись окончания своего консульства, в ноябре уехал в Сирию, которую он по закону Требония получил в управление, Помпей остался единственным консулом и фактическим

господином города. Он не собирался его покидать и после окончания своего консульского года. Став проконсулом Ближней и Дальней Испании, он отказался туда ехать и послал в качестве своих легатов Афрания, Петрея и Варрона. Это был, пожалуй, первый случай в римской истории, чтобы наместник провинции не уезжал на место своей новой службы, а, оставаясь в Риме, управлял ею через своих легатов. Правда, из города Помпей уехал, но остался в своем Альбанском поместье недалеко от Рима. Там вскоре и умерла его жена Юлия. По-видимому, шок от вида окровавленной одежды Помпея и в связи с этим мысль о гибели мужа был столь силен, что молодая женщина так и не смогла оправиться. Ее здоровье было сильно подорвано, и при родах она умерла; через несколько дней умерла и новорожденная девочка. Помпей хотел похоронить жену, к которой был сильно привязан, в своем поместье, но народ, узнав о его несчастье, потребовал торжественных похорон. Консул Агенбарб, какими бы ни были его отношения с Помпеем в этот момент, уступил давлению толпы, и прах Юлии был торжественно сожжен на Марсовом поле. Это была очень редкая честь: последний раз это произошло в 88 г. до н. э., когда здесь был сожжен труп Суллы, а Юлия, вероятно, вообще была первой женщиной, удостоенной такой чести. Кому больше воздавали почести — жене Помпея или дочери Цезаря — сказать трудно. Видимо, в общем порыве объединились сторонники и того, и другого.

Смерть Юлии не только оставила Помпея вдовцом, но имела и политические последствия. Юлия, любившая и отца, и мужа, умела сглаживать разногласия, время от времени возникавшие между ними. Теперь родственный союз распался, а политические отношения между этими двумя деятелями становились все напряженнее. К тому же в 53 г. до н. э. погиб Красс, так что теперь триумvirат распался и формально. Приобретший огромные богатства в Галлии, Цезарь щедро тратил их на подкуп римлян, как видных деятелей, так и рядовых граждан. С помощью денег и показного радушия он сумел даже на какое-то время привлечь к себе Цицерона. Все это весьма тревожило Помпея. Правда, он при этом старался не показывать вида и даже делал шаги, демонстрирующие сохранение старой дружбы. Так, когда Цезарь, оказавшийся в Галлии в трудном положении, попросил Помпея ради их дружбы прислать к нему часть войск, набранных Помпеем для посылки в Испанию, Помпей тотчас согласился. Но подозрения остались и постепенно росли по мере успехов Цезаря. Военные лавры Помпея уже подували, но он находился недалеко от Рима и его влияние в городе еще ощущалось, пожалуй, больше, чем отсутствующего Цезаря. Но зато и всякое зло, в это время происходившее в Риме, тоже «списывали» на Помпея.

А положение в Риме становилось все напряженнее. Уже в июле 54 г. до н. э. стало ясно, что выборы консулов в надлежащее время провести не удастся. Собрание отложили на осень, но угроза безвластия становилась все яснее. Вовремя консулов избрать так и не удалось, и, как это и было положено, стали назначать временных «междуцарей». В Риме пошли разговоры о диктатуре, которая одна только сможет навести порядок в городе и республике. И никакого другого кандидата на этот пост не видели, кроме Помпея. Правда, сам Помпей уклонялся от публичного заявления о согласии стать диктатором, но подобным уклонениям никто не верил. Трибуны Гай Луцилий Гирр и Марк Целий Винициан официально внесли предложение избрать Помпея диктатором. Против этого, естественно, решительно выступил Катон, потребовавший даже за такое предложение лишить трибунов должности. И Помпей не решился на этот шаг. Более того, он употребил все свое влияние, чтобы несколько смягчить обстановку и провести все же консульские выборы. Консулами 53 г. до н. э. (фактически только второй его половины) стали Гней Домиций Кальвин и Марк Валерий Мессала Руф. Этот результат едва ли обрадовал Помпея, ибо оба они к его сторонникам не относились.

Во второй половине 53 г. до н. э. обстановка стала еще более тревожной. К ставшему уже обычным подкупу избирателей присоединилось и прямое насилие кандидатов. Кандидатами были Квинт Цецилий Метелл Сципион, Публий Плавий Гипсей и Тит Анний Милон. Все они были помпеянами, но в то же время яростно соперничали друг с другом. В свое время Милон с согласия Помпея, стремившегося хоть как-то умерить бешеную активность Клодия, организовал свой вооруженный отряд, который и противопоставил такому же отряду Клодия. Оба отряда, не скрываясь, вели друг с другом вооруженную борьбу. Их кровавые схватки буквально терроризировали Рим. И ни о каких выборах не могло быть и речи. Снова, как и в прошлом году, пришлось назначать «междуцарей». В январе 52 г. до н. э. в очередной схватке двух банд был убит Клодий, и его похороны превратились в мощную демонстрацию, за которой последовали поджоги и погромы. Сгорела курия, в которой заседал сенат и где сторонники Клодия хотели устроить его торжественные похороны, нападению подвергся дом «междуцаря» Марка Эмилия Лепида и другие дома. Распоясавшиеся клодианцы, в числе которых были и рабы, убивали всех подряд, особенно тех, кто выделялся богатой одеждой и драгоценностями. Милон был обвинен в убийстве и арестован, а позже был предан суду и изгнан из Рима. Беспорядки чрезвычайно испугали многих, в том числе сенаторов. Люди были готовы подчиниться любой власти, которая наведет хотя бы элементарный порядок. И в этих условиях неожидан-

но для всех Бибул предложил сделать Помпея единоличным консулом (*consul sine collega*), и Катон, к всеобщему удивлению, поддержал это предложение. Видимо, к этому времени сговор между помпейцами и республиканцами, считавшими Помпея меньшим злом по сравнению с Цезарем, уже состоялся. По поручению сената очередной «междуцарь» Сервий Сульпиций Руф назначил Помпея единоличным консулом с правом ему самому назначить себе коллегу, если захочет, но не раньше, чем через три месяца.

Помпей тотчас прибыл в Рим и вскоре женился на дочери Сципиона Корнелии. Она была вдовой сына Красса, погибшего вместе со своим отцом, и намного моложе Помпея. Этот брак вызвал большое недовольство в Риме, но для Помпея это было прежде всего политическое решение. Отец Корнелии Сципион был в свое время усыновлен Квинтом Цецилием Метеллом Пием и стал Квинтом Цецилием Метеллом Сципионом. Женившись на его дочери, Помпей восстанавливал старые связи с Метеллами, разорванные после его развода с Муцией, и заключал союз со Сципионами. Это увеличивало его поддержку и укрепляло положение во главе Римской республики. Став единоличным консулом, Помпей фактически занял положение диктатора, но поскольку само слово «диктатор» произнесено не было, то с его положением согласились не только его старые сторонники, но и республиканцы во главе с Катоном.

Многие римляне обвиняли Помпея в том, что он не вовремя занялся свадебными торжествами вместо государственных дел, и Помпей, стремясь пресечь эти разговоры, с тем большим усердием обратился к решению насущных вопросов. Первым делом было необходимо восстановить порядок в Риме. Помпей понимал порядок шире, чем просто восстановление мира на улицах города. Нужно было еще навести порядок и на выборах различных должностных лиц, ибо именно перед выборами и во время самих выборов насилие вновь поднимало голову, а все расширяющийся подкуп избирателей превращал выборы в неприкрытое соперничество денег, а не кандидатов. Поэтому Помпей почти сразу же после вступления в должность предложил и провел через народное собрание два очень важных закона — о насилии и о подкупе. В обоих законах устанавливался чрезвычайный суд и предусматривались упрощенная процедура судопроизводства и сокращение самого срока судебных заседаний и числа судей. Такой суд должен был возглавлять специальный квестор, избранный народным собранием из числа бывших консулов. Первым таким квестором был избран Агенобарб, что стало еще одним признаком союза Помпея с республиканцами. Второй закон предусматривал и обратную силу вплоть до первого

консульства Помпея, т. е. до 70 г. до н. э. Это вызвало определенные толки в Риме, ибо все сочли, что главной мишенью является Цезарь. Сам Помпей с негодованием отверг такое предположение, публично заявив, что Цезарь вне всяких подозрений, что, правда, толки не уменьшило, да и едва ли это заявление было искренним. Помпей обновил список судей; и хотя они по-прежнему избирались из трех сословий, но фактически теперь состояли только из сторонников Помпея. При этом было установлено, что судьи голосуют посословно и решение принимается только в том случае, если в каждом из сословий оно получило большинство или по крайней мере было паритетным. Для того чтобы не был слишком явным разрыв с Цезарем, Помпей не препятствовал принятию предложения некоторых трибунов допустить Цезаря к выборам в консулы на 48 г. до н. э. заочно. Но, с другой стороны, он провел закон, который полностью запрещал всякие заочные выборы. Наконец, еще одним законом было легализовано уже состоявшееся раньше постановление сената о том, что консул или претор, окончивший свою службу, назначался правителем той или иной провинции не сразу, как это было обычным до сих пор, а только по прошествии пяти лет; считалось, что за это время его влияние уже настолько уменьшится, что он со своими войсками уже не будет опасен для республики. Принятие всех этих законов не помешало Помпею добиться постановления о продлении ему лично управления обеими испанскими провинциями еще на пять лет, до 45 г. до н. э.

Дело, разумеется, не ограничивалось одними законами. Помпей стал проводить их в жизнь с безусловной строгостью. Когда во время одного из процессов толпа пыталась повлиять на судей в пользу обвиняемого, солдаты Помпея просто разогнали ее, не останавливаясь при этом перед ранением некоторых слишком активных граждан. Помпей добился от сената объявления беспорядков, произошедших после убийства Клодия, покушением на безопасность государства, что позволило ему предать виновников этих беспорядков чрезвычайному суду. Ближайшие помощники покойного, в том числе Секст Клодий (по-видимому, вольноотпущенник или сын вольноотпущенника рода Клодиев-Клавдиев), который принес труп жоака в курию и вызвал ее пожар, были сурово наказаны и изгнаны из Италии. Правда, Помпею пришлось согласиться и на суд над Милоном и его сторонниками. Хотя Милона защищали и сам Помпей, и Катон, а из Киликии письменно в его защиту выступил и Цицерон, возмущение римского народа было столь велико и сами факты так явственны, что Милон был все же обвинен, но зато его ближайшего помощника Сауфея удалось оправдать. Был проведен и ряд других процессов. К суду пытались привлечь и нового тестя Помпея

Сципиона, но на этот раз Помпей выступил в его защиту столь энергично (и даже лично просил судей оправдать своего родственника), что обвинитель предпочел снять свое обвинение.

В результате принятых мер Помпей смог восстановить порядок в Риме. С убийством Клодия и изгнанием Милона прекратились уличные беспорядки. Был открыт путь к общему оздоровлению римской политической жизни. Казалось, все постепенно входит в норму. Так полагал и сам Помпей. На оставшиеся пять месяцев 52 г. до н. э. он назначил вторым консулом своего тестя Сципиона. Затем под его руководством состоялись выборы консулов на следующий год. Впервые за последние три года выборы прошли в срок и более или менее спокойно. Свою кандидатуру решил выставить Катон, но надеяться, что тот не станет его противником, Помпей не мог, но в то же время он не хотел и полностью рвать с республиканцами, с которыми у него налажился контакт. Поэтому он поддержал друга Катона Марка Клавдия Марцелла, который к тому же был известен как ярый противник Цезаря. Вторым консулом стал Сервий Сульпиций Руф, который в качестве «междуцаря» недавно провел избрание Помпея единоличным консулом.

После окончания своего консульства Помпей снова уехал из города. Он сохранял должность проконсула Ближней и Дальней Испаний, а по закону наместники провинций не имели права находиться внутри городской черты. Пока Помпей был консулом, на него это ограничение не распространялось, но, перестав им быть, он должен был ему подчиниться. Более того, Помпей, вероятно, был инициатором слухов, распространившихся в Риме, что он вот-вот уедет наконец в Испанию. Эти слухи встревожили многих сенаторов и вообще его сторонников: они видели в Помпее щит против все растущего влияния Цезаря. Даже Цицерон, считавший, что только Помпей сможет предотвратить возможную диктатуру Цезаря, прислал из Киликии встревоженное письмо. Но в действительности Помпей не собирался покидать Италию, ему было важно находиться недалеко от Рима, чтобы постоянно держать свою руку на пульсе времени и иметь возможность не только следить за событиями, но и вмешаться в них.

Главным политическим вопросом становился вопрос о судьбе Цезаря и его действиях. Уже в мае 51 г. до н. э. консул Марцелл поставил вопрос о смене Цезаря и отправлении преемника ему на смену, хотя установленный еще четыре года назад срок его полномочий далеко не истек. Против этого решительно выступил второй консул Руф, а народные трибуны наложили на само обсуждение этого вопроса свое вето. Поэтому дело ограничилось только так называемым «обсуждением сената» (*senatus auctoritas*), когда не принимается никакого решения, име-

ющего силу закона, но высказанное мнение, если его все же поддерживает большинство, записывается в сенатские протоколы. В конце концов под давлением своего коллеги и видя полную невозможность провести в жизнь свое предложение Марцелл согласился отложить обсуждение, а пока демонстративно приказал наказывать розгами члена городского совета городка Новый Ком. Этот городок был основан Цезарем в Цизальпинской Галлии в ее Транспаданской части, которая со времени Помпея Страбона обладала латинским гражданством. Лица, занимавшие должности в латинских общинах, автоматически приобретали и римское гражданство, среди привилегий которого было и полное освобождение от любых телесных наказаний. Наказывая такого человека розгами, Марцелл демонстрировал непризнание акта Цезаря, но невольно ставил под вопрос и закон Помпея Страбона. Поэтому поступок консула вызвал резкое недовольство и Цезаря, и Помпея.

На разрыв с Помпеем сенат, естественно, решиться не мог. Более того, он постоянно показывал свою нужду в этом человеке. Для того чтобы Помпей мог присутствовать на заседаниях, сенат собирался в храме Аполлона, официально расположенном за городской чертой. Поддержка Помпея была особенно нужна сенатскому большинству в его противостоянии с Цезарем. Сам Помпей, не решаясь на открытый разрыв, но в то же время и не желавший никак ссориться с сенатом, пытался уклониться от ясного выражения своей позиции. Он даже уехал подальше от Рима в город Аримин, где находились его отряды, готовившиеся перебраться в Испанию. Но сенат заявил, что вопрос будет решаться только в присутствии Помпея, и приказал тому не удаляться далеко от города. Тогда Помпей добился, чтобы обсуждение вопроса было отложено до 1 марта следующего года.

Консулами 50 г. до н. э. были избраны двоюродный брат Марка Марцелла Гай Клавдий Марцелл, столь же яростный противник Цезаря, как и его кузен, и Люций Эмилий Павел, сначала тоже бывший противником Цезаря, но позже все же подкупленный Цезарем за довольно большие деньги и поэтому занявший нейтральную позицию. Когда 1 марта, действительно, вернулись к обсуждению вопроса о преемнике Цезаря, выступил народный трибун Гай Скрибоний Курион. Еще недавно Курион, кстати, как и его отец, тоже был решительным врагом Цезаря, но тот купил его огромные долги, и Курион стал его тайным сторонником. И Курион предложил, чтобы ради блага республики свои полномочия сняли одновременно и Цезарь, и Помпей. Это предложение понравилось многим, ибо казалось, что оно дает выход из тупика. В действительности же оно шло на пользу именно Цезарю, который, обладая огромными богатствами, награбленными в Галлии, и имея вы-

сочайший авторитет среди римской толпы, получал явные преимущества. И в сенате, и особенно на улицах города Куриона рассматривали чуть ли не как спасителя отечества, а толпа даже осыпала его цветами.

Во второй половине мая 50 г. до н. э. Помпей, находившийся тогда в Неаполе, тяжело заболел, а без него сенат не хотел принимать никакого решения. Едва выздоровев, он направил сенату послание, в котором восхвалял и себя, и Цезаря, но особенно подчеркивал свою готовность отказаться от своих полномочий, даже не дожидаясь установленного срока, что явно намекало на Цезаря, который слагать свои полномочия не собирался. Болезнь и выздоровление сыграли с Помпеем злую шутку. Ибо жители Неаполя, лебезя перед ним, устроили многодневные праздники в честь его излечения, а за ними последовали и жители других городов Италии, всячески выражая свою радость по этому поводу. Это произвело на Помпея огромное впечатление, и он искренне уверился в огромной к нему любви всей Италии. Поэтому он отбросил внешнее доброжелательство к Цезарю и открыто встал на сторону его врагов. Но, с другой стороны, он не стал готовиться к возможному вооруженному противодействию своему бывшему тестю, будучи уверенным, что Италия и ее жители в случае начала гражданской войны и так сразу же встанут на его сторону. А Цезарь тем временем вел активную и чисто военную, и дипломатическую подготовку к новой гражданской войне. Он засыпал Рим и сенат письмами с различными мирными предложениями, которые, будучи в принципе для сената неприемлемыми, создавали в обществе впечатление, что именно он изо всех сил старается сохранить мир, а его противники ведут дело к войне.

Главным агентом Цезаря в Риме в это время был Курион. Его активность была тем действенней, что он утаивал свою связь с Цезарем и внешне выступал как совершенно нейтральный арбитр, озабоченный только одним — не допустить гражданской войны. При этом он распускал различные слухи о Помпее, упрекая его в стремлении установить тиранию и убеждая сенаторов в необходимости иметь под рукой Цезаря, если Помпей попытается осуществить свое желание. Наконец Куриону удалось провести в сенате свое предложение об одновременном снятии полномочий с обоих соперников. За это проголосовали 370 сенаторов, против 21. Консул Марцелл в гневе распустил сенат, заявив: «Побеждайте, чтобы иметь Цезаря господином». Конечно, никакого практического результата это решение не имело, но пропагандистский эффект был огромным. Было ясно, что дело идет к войне. Марцелл перешел городскую черту и явился в Помпею, приказав ему готовиться к войне. Впрочем, подготовка, по-видимому, уже началась. Помпей собирал деньги. Один Цицерон из Киликии доставил ему более 2 милли-

онов сестерциев. Но только деньгами воевать невозможно, и Помпей начал потихоньку готовить и вооруженные силы. Однако здесь он натолкнулся на непредвиденные препятствия. Как уже говорилось, Помпей в свое время отослал к Цезарю два своих легиона. Теперь под предлогом необходимости защиты Сирии от парфянского вторжения он потребовал их обратно. Поскольку это требование было подкреплено сенатским постановлением, Цезарь не решился его игнорировать. Но он наградил отправляемых солдат, так что те в душе остались ему верны. Попытка же Помпея набрать новую армию натолкнулась на явное нежелание италийцев вступать в его войско. И вот тогда он убедился, насколько искренней была проявленная недавно любовь к нему Италии.

Наступил 49 г. до н. э. Консулами этого года были Гай Клавдий Марцелл, сын консула 51 г., и Люций Корнелий Лентул Крус, оба враги Цезаря, так что никакой надежды на примирение не было. В сенате и на народных сходках еще обсуждали сложившееся положение, еще искали какой-либо более или менее приемлемый выход, но и Помпей, и его наиболее горячие сторонники, включая республиканцев, возглавляемых Катонем, решительно вели дело к войне. Не отставал от них и Цезарь, который ждал только подходящего предлога, чтобы начать открытые военные действия. И такой предлог скоро нашелся. 7 января 49 г. до н. э. на заседании сената было принято постановление об объявлении чрезвычайного положения, во время которого народные трибуны лишаются своего права вето, а консулы и другие должностные лица получают полную власть не только за пределами Рима, но и в самом городе. Одновременно пронесся слух, что Помпей уже окружил здание, где заседает сенат, своими войсками. Народный трибун Марк Антоний, верный цезарианец, напрасно пытавшийся помешать принятию этого решения, выбежал из здания, громко призывая проклятия на голову виновников новой войны. Вслед за ним устремились другой трибун Квинт Кассий и недавно бывший трибуном Курион. Ночью, переодетшись рабами, они в наемной повозке покинули Рим и направились к Цезарю, который уже стоял с одним своим легионом недалеко от реки Рубикон, отделяющей Цизальпинскую Галлию от Италии. Цезарь немедленно использовал это событие. Он вывел переодетых в рабскую одежду трибунов и заявил солдатам о нарушении сенатом и Помпеем неприкосновенности народных трибунов, об опасности, которая отныне угрожает ему самому, о фактическом начале войны. Солдаты единодушно заявили о своей готовности защитить своего полководца и народных трибунов. И вот 12 (по другим данным, 13) января 49 г. до н. э. Цезарь с небольшим авангардом переходит Рубикон и занимает первый италийский город Аримин. Война началась.

Известие о переходе Цезаря через Рубикон и занятии им Аримина вызвало в Риме панику. Сенаторы и консулы тотчас явились к Помпею и спросили его о готовности к войне. Помпей сам был ошарашен быстротой действий Цезаря. В его распоряжении фактически были только те два легиона, которые вернул ему Цезарь, но он сам понимал, что на их верность очень уж рассчитывать нельзя. Поэтому он отвечал неуверенно, что эти легионы готовы, а в дальнейшем он намерен свести воедино еще разбросанные по Италии 30 тысяч воинов. Старый сенатор Люций Волкаций Тулл, бывший консулом еще в 66 г. до н. э., в гневе закричал, что Помпей их всех обманул. Еще совсем недавно тот самоуверенно заявлял, что стоит ему только топнуть ногой — и у него будет сколько угодно легионов. Теперь ему было предложено топнуть. Скоро, однако, сенаторы успокоились и начали обсуждать создавшееся положение. По предложению Катона Помпей был назначен главнокомандующим с неограниченными полномочиями, ему было поручено набрать армию в 130 тысяч воинов, для чего выдавались деньги из казны. Территория Италии была разделена на отдельные районы, защита которых поручалась бывшим консулам; так, Цицерону была поручена оборона Кампании. Назначались новые наместники в те провинции, правители которых считались ненадежными. Катон, в частности, отправился на Сицилию. Цезаря официально лишили командования и избрали ему преемников.

Став официально главнокомандующим, Помпей начал ревностно выполнять свои обязанности. Но он не предусмотрел стремительности Цезаря и его армии. Он полагал, что тот будет ждать свои основные силы, которые еще находились за Альпами, но Цезарь действовал с одним авангардом и не давал своим противникам опомниться. В некоторых местах его еще пытались задержать, но ненадолго. А Италия не горела желанием дать Помпею новых воинов. Нависла реальная угроза захвата Цезарем Рима. И Помпей решил покинуть город. Он понимал, что Цезарю важно захватить не столько сам Рим, сколько сенат и консулов, чтобы легализовать свои действия. И он настоял на оставлении Рима и консулами, и другими должностными лицами, и большинством сенаторов. «Не поместья и не жилища являются силой и славой мужей, но мужи, где бы они ни были, имеют их вместе с собой. Сражаясь, они снова приобретут себе и жилища», — заявил он и пригрозил не желающим покидать Рим объявить их врагами отечества. Консулы отправились в Капую, где имелись хоть какие-то войска, а Помпей, на день раньше, к тем немногим когортам, которые он мог бы противопоставить наступающей армии Цезаря. В кампанском городе Теане, где Помпей некоторое время находился, к нему явился Тит Атий Лабиев, один из

лучших цезаревских командиров, бывший его правой рукой во время войн в Галлии. Теперь он отказался следовать за своим командующим и перешел на сторону Помпея. Может быть, на это его решение повлияло их общее происхождение из Пицена, а может быть, он, являясь в душе республиканцем, не желал воевать против законного правительства. Как бы то ни было, этот поступок Лабиена вызвал бурю восторга среди противников Цезаря, которые рассматривали его как начало разложения цезаревской армии. Но этого не произошло, и переход на сторону Помпея Лабиена остался единственным.

Между тем положение Помпея и его союзников резко ухудшалось. Легионы, вернувшиеся от Цезаря, как и подозревал Помпей, оказались ненадежными. Набрать в Италии новые силы и притом в спешном порядке никак не удавалось. Некоторую надежду дало упорное сопротивление Агенобарба в Корфинии, где он в окружении сражался целую неделю. Но оно кончилось тем, что солдаты при поддержке горожан взбунтовались против своего командира и выдали его Цезарю. Цезарь, уже тогда пытавшийся проводить политику «милосердия», стараясь не допустить слишком уже резкого раскола общества, как это было при Сулле, не только помиловал Агенобарба, но и отпустил его к Помпею. Одновременно он еще раз решил предложить условия мирного урегулирования. Насколько Цезарь был при этом искренен, сказать трудно; не исключено, что это был еще один акт его дипломатии. Но рассчитан он был точно. Цезарь предложил, чтобы Помпей немедленно отправился в свои испанские провинции и распустил все находившиеся в Италии войска и гарнизоны городов; взамен он, Цезарь, отказывается от управления галльскими провинциями и передает их новым наместникам — Агенобарбу и Консидию Нониану. Помпей в ответ заявил, что предложения вполне приемлемы, но с весьма существенным дополнением: Цезарь должен очистить Италию и отвести назад в Галлию все свои войска и там уже дожидаться своих преемников, а сенат и консулы должны свободно собраться в Риме, не опасаясь армии Цезаря. Это по существу был ультиматум, принятие которого ликвидировало бы все достижения Цезаря. И тот, естественно, его не принял. Война продолжалась.

Помпей по существу ничего не мог противопоставить Цезарю. Он отступал, а Цезарь его преследовал. И Помпей, видя, что италийская кампания уже фактически проиграна, решил уйти на Балканский полуостров, чтобы оттуда начать отвоевание Италии, как это в свое время сделал Сулла. Портом для всех путешествий на Восток был Брундизий, туда Помпей и прибыл со своими двадцатью когортами. Еще до этого значительная часть его войска во главе с консулами переправилась в

город Диррахий. Но когда и сам Помпей решил последовать за ними, Цезарь, подойдя к городу, попытался ему помешать, преградив особыми плотами выход из гавани. Помпей, со своей стороны, укрепил Брундизий и дороги, ведущие к порту, чтобы не дать Цезарю со всеми его войсками ворваться в город и гавань прежде, чем сам он с главными силами не покинет Италию. Помпей сумел прорваться через препятствия Цезаря и все же покинул Италию, а оставленные им для обмана нападавших лучники тоже сумели выйти из города и на легких судах переправиться на Балканский полуостров.

Как только что говорилось, целью Помпея было подготовиться к новому захвату Италии и Рима. И шансы у него были. Конечно, нельзя упускать из виду психологический фактор: хозяин города Рима является естественным главой и всей республики. Однако Сулла уже создал прецедент, свергнув римское правительство со своей армией, пришедшей с Востока. Гораздо важнее было реальное соотношение сил, особенно вооруженных. И здесь преимущества были на стороне Помпея. Под его контролем оставалась практически вся восточная часть Средиземноморья с римскими провинциями и вассальными царствами. В Испании находились семь легионов под командованием помпеянцев Афрания, Петрея и Варрона, которые могли перейти Пиренеи и Альпы и ударить в тыл войскам Цезаря в случае продолжения им преследования Помпея. Помпеянцы господствовали на Сицилии и Сардинии. Африку захватил Публий Аттий Вар, который ранее был претором, а в самом начале гражданской войны сражался с армией Цезаря в Пицене. Он сумел заключить союз с нумидийским царем Юбой, что еще более увеличивало его силы. Помпеянцы рассчитывали также и на то, что Галлия еще не окончательно покорена и может восстать против Цезаря. В таком случае власть Цезаря ограничивалось бы только одной Италией, что делало его положение чрезвычайно уязвимым. Все эти расчеты были вполне разумны и обоснованны. Но Помпей не учел экстраординарности и быстроты действий Цезаря.

Цезарь не стал преследовать Помпея. Быстро уладив дела в Риме и получив там необходимые ему средства для продолжения войны, он направил своих легатов на Сардинию и Сицилию с поручением далее отправиться в Африку, а сам с основным войском как можно быстрее двинулся в Испанию. По пути его отказался впустить греческий город Массалия на галльском побережье, но Цезарь оставил для осады Массалии Гая Требония и флот под командованием Децима Брута, сам же продолжил путь в Испанию, куда заранее направил свой авангард с целью выбить Афрания из пиренейских проходов. В битве у города Илерды в Ближней Испании соединенные армии Афрания и Петрея были разбиты, а Варрон, узнав об этом, сам со своими двумя легионами сдал-

ся. Испанская армия Помпея перестала существовать. Управлявший Сицилией Катон без боя покинул остров, а помпеянского наместника Сардинии изгнали сами жители. Правда, в Африке произошла осечка. Переправившиеся туда с Сицилии войска под командованием Куриона, того самого, кто был трибуном 50 г. до н. э., а в начале следующего года бежал к Цезарю вместе с Антонием и Квинтом Кассием, были полностью разгромлены, и сам Курион погиб. Но все же сил у Вара в Африке было слишком мало, чтобы они могли существенно повлиять на исход войны. Расчеты на галльский мятеж также не оправдались. После подавления великого восстания под руководством Верцингеторикса Галлия была замирена достаточно прочно. Массалия к этому времени была взята Требонием и Брутом. В результате всех этих действий под властью Цезаря оказались уже не только Рим и Италия, но и вся западная часть государства, кроме Африки. А это резко изменило и военную, и политическую ситуацию.

Впрочем, Помпей тоже не терял времени даром. Он стал укреплять свой тыл. Наложив большую дань не только на провинции, но и на вассальные государства, Помпей сумел получить довольно значительные финансовые средства, которые он использовал для создания мощной армии. Свои отряды в нее направили некоторые вассальные правители, как, например, владыки Коммагены и Галатии. Набор был произведен и среди жителей провинций. Всего под командованием Помпея собрался 21 легион и большое количество вспомогательных частей, в том числе 7 тысяч всадников. Помпей тщательно готовил эту армию для войны, постоянно занимаясь военными упражнениями, причем он сам подавал пример воинам. Большое значение Помпей придавал флоту. В свое время Габиний, восстановив на египетском троне Птолемея XII, оставил в Египте не только гарнизон, но и корабли, которые теперь привел к отцу старший сын Помпея Гней. Были собраны суда и из других мест. В результате был создан довольно мощный флот, командовать которым Помпей поручил Бибулу. Этот флот фактически господствовал в Адриатическом море, ограждая сухопутные силы Помпея от переправы цезаревских войск. Для снабжения всей этой громадной армии было собрано большое количество провианта. Часть армии во главе со Сципионом располагалась в глубине полуострова в Македонии. Свои же основные силы Помпей расположил сравнительно недалеко от Диррахия, с тем чтобы при благоприятных обстоятельствах либо самому переправиться в Италию, либо предотвратить переправу Цезаря. Однако он не особенно торопился. Наступала зима, а зимой навигация обычно прекращалась, так что перебраться через море с довольно большим войском считалось невозможным. Но он опять недооценил Цезаря.

Несмотря на зимнее время и господство на море помпеянского флота, Цезарь со сравнительно небольшим авангардом 5 января 48 г. до н. э. переправился в Грецию. Узнав об этой неожиданной переправе, Помпей как можно быстрее двинулся к Диррахию, чтобы захватить его раньше Цезаря. Ему это удалось. Цезарь, оказавшись в трудном положении, пытался затянуть время и снова предложил начать мирные переговоры, но Помпей их отверг. Началась серия стычек между войсками соперников, не приносившая решительного успеха ни той, ни другой стороне. Но позже к Цезарю пришли подкрепления из Италии. А Помпей усилил свой натиск. Одна из стычек перешла в ожесточенное сражение, в котором Цезарь был разгромлен. Все его попытки остановить бегство своих солдат ни к чему не привели. Помпей еще раз одержал победу. Казалось, нужно еще одно сравнительно небольшое усилие, чтобы окончательно добить Цезаря. И этого требовали некоторые командиры помпеянской армии. Но Помпей рассудил иначе. Он счел, что его воины слишком устали, чтобы эффективно преследовать врага. А главное, он полагал, что после такого поражения и в условиях неминуемо надвигающегося голода, ибо у Цезаря не было ни провианта, ни денег, армия Цезаря распадется сама собой.

Цезарь и сам, по-видимому, боялся такого исхода. Поэтому он, ограничившись разжалованием некоторых знаменосцев, наиболее, по его мнению, виновных в бегстве солдат, не только отказался от принятия всяких других дисциплинарных мер, но, наоборот, постарался ободрить и рядовых воинов, и командиров и даже признал свою ошибку в расположении лагеря у Диррахия, где все преимущества были на стороне Помпея. А затем он вообще радикально изменил весь план кампании. Вместо того чтобы отсиживаться в своем лагере или попытаться снова перебраться в Италию, Цезарь двинулся в глубь Балканского полуострова. Он решил либо нанести удар по армии Сципиона, стоявшей в Македонии, либо, если Помпей успеет с ним соединиться, дать сражение в более подходящих обстоятельствах. Этого Помпей никак не ожидал. И когда Цезарь начал свое движение, ему ничего не оставалось, как двинуться вслед за ним. Помпей действительно сумел соединиться со Сципионом. И объединенная армия под командованием Помпея спустилась на равнину Фессалии и подошла к городу Фарсалу, куда к тому времени подошли и войска Цезаря. Немногим восточнее этого города и разыгралась битва, решившая исход этой гражданской войны.

Помпеянцы были полностью уверены в успехе. Они уже заранее делили и должности, и дома в Риме. В этом их поддерживало не только воспоминание о победе у Диррахия, но и почти двойное превосходство в пехоте и более чем двойное — в коннице. Помпей избрал своим паром

дем «Геркулес непобедимый». Утром 9 августа 48 г. до н. э. началось сражение. Несмотря на численный перевес помпеянских войск, боевая закладка цезаревских воинов и талантливое руководство самого Цезаря дали себя знать. Попытка помпеянской конницы обойти правый фланг цезарианской армии не удалась. Конница Помпея была почти уничтожена цезаревским резервом, и это во многом решило дело. Цезарианцы перешли в решительное наступление. Их натиск был столь силен, что солдаты Помпея начали постепенно отступать. Сначала этому натиску поддалось левое крыло армии Помпея, которым командовал Люций Домиций Агенобарб, но вскоре солдаты вспомогательных частей впали в панику и бросились в бегство, расстроив сплоченный строй отступающих легионеров. Правое крыло отступало медленно, но затем и это отступление превратилось в бегство. А на центр, которым командовал Сципион, Цезарь бросил свои лучшие части. Армия Помпея была отброшена в свой лагерь. Несмотря на невероятную усталость своих воинов, Цезарь решился на штурм лагеря, не желая повторять ошибку Помпея под Диррахием. И лагерь тоже был взят. При виде своих бегущих солдат и падения лагеря Помпей впал в полную прострацию. Опомнившись, он сел на лошадь и в сопровождении четырех спутников поспешил в соседний город Лариссу. В битве при Фарсале погибло около 6 тысяч рядовых воинов Помпея из числа римлян (вспомогательных воинов никто не считал), а также 40 знатных всадников и 10 сенаторов, среди которых был и Агенобарб.

Разгром был полный. Никаких войск в Греции и Македонии у Помпея больше не было. Правда, его корабли с воинами еще стояли у Коркиры в Ионийском море, а в Африке тоже еще имелись силы, которые в прошлом году победили Куриона. И оставшиеся в живых помпеянцы, не желавшие сдаваться Цезарю, стали собираться в Африку. Среди них был и сын Помпея Гней. Но сам Помпей так растерялся, что ни о каком сопротивлении больше не думал. Он направился к побережью, где сел на какое-то речное судно, а затем сумел перебраться на торговый корабль, на котором приплыл в Митилену, где находились его жена Корнелия и младший сын Секст. Захватив жену и сына, он продолжил плавание, больше похожее на бегство.

Некоторое время Помпей колебался, не зная, куда же ему плыть, где он может найти спасение. Появилась было мысль о бегстве в Парфию, где он мог бы не только обрести убежище, но и набрать новую армию, с которой и вернулся бы для отвоевания Рима. Но скоро сам Помпей отбросил эту мысль: в условиях, когда еще живы были воспоминания о разгроме римской армии при Каррах, когда в парфянском плену томились римские пленные, превращенные в рабов, и остава-

лись знамена римских легионов, отдаться под власть парфянского царя, а тем более использовать парфян для вторжения на территорию Римской республики, означало полную дискредитацию и неминуемую политическую смерть. Можно было бы все же добраться до Африки, но это показалось слишком далеко и опасно. И Помпей по совету Феофана, не оставившего своего друга и покровителя в беде, решил направиться в Египет, рассчитывая, что юный царь Птолемей XIII примет его в память о своем отце, восстановленном на троне помпеянцем Габинием. И после недолгого пребывания на Кипре Помпей отплыл в Египет. Там он надеялся отсидеться некоторое время, собрать новые силы и продолжать борьбу.

Когда в Египте узнали о подходе корабля Помпея, то регент Потин, правивший вместо слишком юного Птолемея, созвал совет для решения вопроса о дальнейших действиях. Было совершенно ясно, что вслед за Помпеем явится Цезарь, а это никак не входило в планы египетского правительства. Поэтому было решено Помпея убить. Когда корабль Помпея прибыл в гавань Александрии, ему не было разрешено пристать к берегу, а Помпею было предложено переправиться на берег в простой лодке, где находились командующий египетской армией Ахилл со слугами и двое римлян, ранее служивших у Помпея. Помпей был вынужден согласиться. Но уже у самого берега бывшие воины Помпея и сам Ахилл пронзили Помпея мечами. Это произошло 28 сентября 48 г. до н. э., когда Гнею Помпею Великому только что исполнилось 58 лет.

Цезарь, узнав о бегстве Помпея в Египет, действительно незамедлительно прибыл туда. Ему была поднесена отрубленная голова Помпея. Но правители Египта обманулись в своих ожиданиях: они не только не получили награду за убийство Помпея, но и увидели, как Цезарь вмешался во внутреннюю борьбу в Египте и не на их стороне. А обезглавленное тело Помпея скромно сожгли его вольноотпущенник Филипп, находившийся вместе с ним в роковой лодке, и случайно оказавшийся в Египте бывший воин Помпея. Позже останки Помпея Корнелия похоронила в его Альбанском поместье.

Таков был конец Помпея. Его звезда ярко возшла в молодости, и он до конца в нее верил. В этой вере в свое счастье Помпей был не одинок. Хрестоматийным стал рассказ о Цезаре, заявившем испуганному лодочнику, перевозившему его во время бури, что тот везет Цезаря и его счастье. Но у Помпея эта вера переросла в самоуверенность. Будучи тридцати лет с небольшим, он одержал не одну блестящую победу. Он получил первый триумф в возрасте, в каком в Риме еще никогда не было триумфатора. Ему дали почетное прозвище Великий, и он сам уверовал в свое величие. Помпей считал, что вполне может достичь своих целей

без особых усилий только благодаря своей славе и любви к нему римского общества. С этим связано, сколь бы парадоксальным это ни казалось, его неумение сделать последний и решительный шаг для достижения окончательного успеха.

Помпей не стал преследовать Митридата, когда тот бежал на Боспор, и предпочел заняться более легкими сирийскими делами. Это могло бы окончиться драматически: ведь тот планировал грандиозный поход на Италию, решив повторить знаменитый поход Ганнибала, только уже не с северо-запада, а с северо-востока, и у этого похода были шансы на успех. Только мятеж Фарнака спас Рим от исполнения этого замысла. Вернувшись в Италию, Помпей распустил свою армию, будучи уверенным в своем влиянии, но оказался перед сплоченным фронтом убежденных противников и яростных завистников, делавших все, чтобы ему помешать. Уже фактически разорвав с Цезарем и прекрасно понимая неизбежность вооруженной борьбы с ним, он почти ничего не сделал для реальной подготовки к этой борьбе, также уверенный в полной поддержке римлян и всех италиков, которые пойдут на войну по его первому призыву. После победы при Диррахии Помпей остановился перед последним шагом, и это стоило ему окончательного поражения при Фарсале. Наконец, не произведя никакой разведки и не оценив изменения политической ситуации, он направился в Египет, уверенный в благодарном приеме со стороны того, чьего отца он облагодетельствовал, а это стоило ему уже не только положения и власти, но и жизни.

Дважды Помпей мог захватить единоличную власть: когда вернулся с Востока и когда в ситуации политической анархии и вооруженных схваток на римских улицах многие мечтали о его диктатуре. Помпей не сделал этого не потому, что он не был честолюбив и властолюбив, а потому, что предпочитал обладать властью в рамках обычного, а не чрезвычайного закона, опираясь на свой авторитет, который он считал высочайшим. Идеологически Помпею был, вероятно, близок взгляд Цицерона, считавшего, что в тяжелых условиях, в каких оказалось Римское государство, необходим идеальный муж, воплощающий все традиционные римские добродетели, и прежде всего любовь к отечеству, который станет «ректором республики» и будет вести ее ко всеобщему благу, опираясь не на насилие, а на свой высокий авторитет. И не важно, что сам Цицерон порой считал лучшим кандидатом на место такого ректора самого себя. Помпей, видимо, тоже примерял к себе лавры не грубого и жестокого диктатора, каким остался в памяти современников и потомков Сулла, а цивилизованного и авторитетного руководителя государства. Недаром Помпей не раз именно с Цицероном советовался о государственных делах. И у него имелись шансы в том или ином

виде осуществить свою мечту. Другое дело, что даже в случае победы он едва ли удержался бы на такой моральной высоте, но стать победителем в гражданской войне он вполне мог. Однако его личные качества, и особенно его самоуверенность, обрекли его на сокрушительное поражение и бесславную гибель.

У Помпея было два сына, которых родила ему Муция. Старший, по традиции получивший личное имя отца, родился, по-видимому, около 80 г. до н. э. В начавшейся гражданской войне он, естественно, решительно встал на сторону отца. Когда Помпей перебрался из Италии на Балканский полуостров, он отправил Гнея в Александрию, чтобы там он взял под свое командование римские отряды и корабли, оставленные в Египте Габинием. После выполнения этого поручения Гней Помпей младший стал командиром эскадры египетских кораблей в помпеевском флоте. Поэтому в битве при Фарсале он не участвовал. После этого сражения в распоряжении младшего Помпея оставалась довольно значительная сила, собравшаяся на острове Коркире, куда прибыли и некоторые выжившие после Фарсала, среди которых был и Цицерон. Когда Цицерон и некоторые другие помпеянцы сочли за благо сдаться Цезарю и вернуться в Рим, Помпей младший не только решительно этому воспротивился, но и пытался этих людей физически уничтожить. Лишь вмешательство Катона, который тоже оказался в этом лагере, спасло Цицерона и, по-видимому, других ренегатов, каковыми их стал считать сын Помпея. Недаром позже Цицерон писал о жестокости и нетерпимости младшего Гнея. Но сражаться с Цезарем на Коркире не было никакой возможности, и Гней вскоре перебрался в Африку, где собирались оставшиеся помпеянцы. Правда, если он надеялся на занятие там высшего положения, основываясь на своем родстве с погибшим полководцем, то это ему не удалось. Во главе помпеянской армии встал Сципион, который в качестве бывшего консула оказался самым старшим по рангу в этой армии. Через некоторое время туда же прибыл и Секст.

Секст Помпей, унаследовавший, как и его брат, имя Великий (Магн), родился, как предполагают некоторые ученые, между 68 и 66 гг. до н. э. Во всяком случае, ко времени начала гражданской войны он еще в военную службу не вступал, а находился со своей мачехой Корнелией в Митилене на острове Лесбос. Там их навещил отец, и они сопровождали его в последнем плавании в Египет. Там Секст и Корнелия стали свидетелями предательского убийства отца и мужа. Египтяне пытались захватить и их корабль, но, пользуясь благоприятным ветром, они сумели уйти от преследования и направиться в провинцию Африку. В Африке, где помпеянцы отбили от цезаревских войск еще в 49 г.

до н. э., собралась довольно значительная сила. Там находились и все авторитетные противники Цезаря, которые еще не сдались на милость победителя. Тогда же на помощь им пришел нумидийский царь Юба. Новая надежда у помпеянцев появилась в связи с событиями в Испании.

После сдачи Варрона в 49 г. до н. э. Цезарь назначил правителем Дальней Испании Квинта Кассия Лонгина, который за несколько лет до этого был в этой же провинции квестором. Еще раньше квестором, а затем и наместником (пропретором) Дальней Испании был сам Цезарь, который успешно воевал с лузитанами и приобрел в провинции обширную клиентелу. Именно наличие этой клиентелы, по-видимому, и заставило помпеянского правителя южной части Дальней Испании Варрона без боя сдать Цезарю. Так что основная часть провинции, в которой романизация уже достигла значительных успехов, была вполне лояльна Цезарю. Но бездарное и жестокое управление Кассия изменило положение. Пользуясь случаем, попытались восстать лузитаны. Кассий их разбил, а затем по приказу Цезаря стал набирать новые войска для похода в Мавританию, чтобы с запада ударить на Нумидию. Но прежде чем он переправился через пролив, пришла весть о победе Цезаря при Фарсале. Кассий, хотя надобность в немедленной экспедиции отпала (Цезарь, по-видимому, после фарсальской победы не предполагал, что помпеянцы укрепятся в Африке), не собирался распускать ни старые, в значительной степени унаследованные от Варрона, войска, ни новые, им набранные. Этот набор и жестокие поборы, переходившие чуть ли не в подлинные грабежи, вызвали огромное возмущение в провинции. Результатом стал заговор на жизнь Кассия, и тот, раненый, едва сумел избежать смерти. Неудачное покушение стало предлогом для новых казней и поборов. Тогда в Кордубе, в то время самом значительном городе Дальней Испании, вспыхнуло восстание. К восставшим присоединились и часть легионов и вспомогательных единиц. При этом одни восставшие объявили себя сторонниками Помпея (даже после его смерти), другие утверждали, что они — цезарианцы, но выступают против Кассия. Дело дошло до настоящей гражданской войны. С помощью мавританского царя Богуда Кассий сумел удержать некоторые позиции, но положение было тяжелым. В дело вмешался проконсул Ближней Испании Марк Эмилий Лепид. Он выступил посредником между Кассием и восставшими и на некоторое время успокоил провинцию. Цезарь же счел за благо вообще Кассия отозвать и прислать ему на смену Гая Требония. Кассий отплыл из Испании, но его корабль попал в зимнюю бурю и погиб вместе с неудачливым наместником.

Однако спокойствие в Дальней Испании продолжалось недолго. По-видимому, Требонию удалось успокоить провинцию только на очень короткое время. Теперь все недовольные, а также ранее взбунтовавшиеся солдаты, боявшиеся наказания, открыто заявили о своем присоединении к помпеянам. В Новом Карфагене, который, правда, находился в Ближней Испании, но у самых границ с Дальней и поэтому во многом разделял симпатии и антипатии этой провинции, в 47 г. до н. э. даже стали чеканить монету с именем Гнея Магна, т. е. покойного Помпея. Правда, уже в том же 47 г. цезарианцы в этом городе, вероятнее всего, все же взяли верх. Но Кордуба и некоторые другие города долины реки Бетис остались непримиримыми врагами Цезаря. Во главе восстания встали богатый житель Кордубы Тит Квинций Скапула и римский всадник Квинт Апоний. Не надеясь на собственные силы, они обратились к Сципиону, командовавшему войсками в Африке, с просьбой прислать им помощь. Присоединение к помпеянскому делу южной части Испании резко расширяло фронт антицезарианской борьбы, и Сципион, разумеется, откликнулся на эту просьбу. Он направил в Испанию часть армии во главе с Гнеем Помпеем младшим. Этим он достигал нескольких целей. С одной стороны, он оказывал военную поддержку своим сторонникам в Испании и усиливал этот новый фронт борьбы с Цезарем, а с другой — отсылал туда старшего сына Помпея, который мог бы стать его опасным соперником.

Приморские районы Испании были в отличие от долины Бетиса настроены процезариански, и поэтому Гней Помпей не высадился сразу на южном побережье Пиренейского полуострова, а направился на Балеарские острова. Ими он овладел практически без труда; только город Эбес оказал ему сопротивление, но и оно было довольно быстро сломлено. И только укрепившись на островах, Гней, еще на некоторое время задержавшийся там из-за болезни, решил переправиться на полуостров, а для начала овладеть Новым Карфагеном, еще совсем недавно так выразительно проявившим свои пропомпеянские настроения. Но к этому времени сторонники Цезаря там победили, и город оказал сыну Помпея упорное сопротивление. Туда к нему явились восставшие во главе со Скапулой, который, оттеснив Апония, стал главой помпеянцев в Испании, и признали Помпея своим верховным главнокомандующим.

Тем временем в битве при Тапсе помпеянцы были разгромлены, и Цезарь овладел Африкой. Нумидия была превращена в римскую провинцию, а остатки помпеянцев перебрались на юг Испании и влились в армию Гнея Помпея. Среди них был и Секст Помпей. Сципион и Юба погибли, так что теперь у старшего сына Помпея соперников не было.

Вначале Цезарь не придавал особого значения испанским событиям. Но скоро положение приняло нежелательный для него оборот. Справиться с помпеянами своими силами его наместники в Испании Квинт Фабий Максим и Квинт Педий не могли и стали просить Цезаря как можно скорее явиться в Испанию самому и с большими силами. И в самом конце 46 г. до н. э., несмотря на трудности зимнего времени, Цезарю пришлось отправиться в Испанию. В январе 45 г. до н. э., передвигаясь со своей обычной быстротой, он уже был на театре военных действий. Еще до этого Помпей, предвидя появление Цезаря и, видимо, не чувствуя особой поддержки на побережье, отступил в долину реки Бетис, где у него имелась сильная опора, особенно в Кордубе. После некоторых стычек и осад отдельных городов Цезарь приступил к осаде Кордубы. Помпей же, полагая, что Цезарь зимой никаких активных действий не предпримет, практически ничего не сделал для организации обороны. В Кордубе со своим отрядом находился Секст, а Гней с основной армией почти беспорядочно двигался по долине Бетиса, дабы не дать отпасть от него как можно большему числу городов. 17 марта 45 г. до н. э. произошла последняя битва этой гражданской войны. Она разворачивалась около небольшого города Мунды недалеко от Кордубы. Долгое время ни то, ни другое войско не могло одержать победу, и лишь смелый рейд мавританской конницы во фланг помпеянской армии решил дело. Армия Помпея младшего была полностью разгромлена.

Вар и Лабиев погибли в этой битве. Гней был ранен и бежал в приморский город Картею. Однако в этом городе после долгих споров победили сторонники Цезаря, так что укрепиться там Помпей не смог. Тогда с отрядом еще верных ему воинов Помпей захватил несколько кораблей, чтобы уйти из Картеи, но картейцы помешали ему выйти из гавани. Высадившись снова на берег, Гней с отрядом стал пробираться внутрь материка. Цезарь направил отряд во главе с Цезеннием Лентоном на его поиски. Лентон сумел обнаружить убежище, где прятался Помпей. В завязавшейся схватке Гней Помпей младший был убит.

Секст Помпей, находившийся в Кордубе, в битве при Мунде не участвовал. Узнав об ее исходе, он понял, что долго продержаться в городе не сможет. И он посоветовал кордубцам самим договариваться с Цезарем об условиях сдачи, а сам, раздав своим всадникам имевшиеся у него деньги, с небольшим отрядом верных людей ушел в горы. Секст предпочел покинуть Дальнюю Испанию и перебраться в Ближнюю, где у его отца со времен войны с Серторием имелась обширная клиентела. Его базой стала территория племени лацетанов, откуда он стал совершать набеги на соседние районы. В скором времени к нему присоединилось довольно большое количество самого разного народа, недоволь-

ного Цезарем или, скорее, его чиновниками в Испании. Некоторые прибыли к нему даже из Африки, как местный царек Арабион, лишенный своего трона сторонниками Цезаря. Из всех этих людей Секст набрал не менее пяти легионов, с которыми и вел войну с цезарианцами. Помпей даже стал чеканить собственные монеты, на которых помещал свое имя в форме Секст Магн (Великий), подчеркивая свое происхождение от великого отца; он присвоил себя также прозвище Пий (Благочестивый), что должно было указывать на то, что он воюет ради памяти Помпея. Изображенному на монетах богу Янусу были приданы портретные черты Гнея Помпея. Обеспокоенный Цезарь направил против него войска во главе со своим легатом Гаем Карриной. Но Помпей помнил уроки своего брата. Он избегал открытого сражения и прибегнул к тактике партизанской войны, внезапно нападая на войска Каррины и постоянно истощая их этими нападениями. Цезарю пришлось сменить командующего своими войсками. В 44 г. до н. э., незадолго до своей смерти, он назначил в ранге проконсула наместником Дальней Испании Гая Азиния Поллиона, а Ближней — Лепида. В основном военные действия против Помпея вел Поллион, но тоже не очень удачно. Помпею удалось захватить ряд городов и укрепить свое положение.

Когда в Испанию дошла весть об убийстве Цезаря, Секст Помпей стал действовать более решительно. Что же касается военачальников Цезаря, то Лепид больше был занят делами в Италии и Риме, а Поллион, не зная, как повернутся дела, более или менее выжидал. Воспользовавшись этим, Помпей выступил открыто. Он захватил Новый Карфаген и Барию и вторгся в Дальнюю Испанию, где тоже захватил ряд городов, в некоторых из них он даже стал чеканить свои монеты. Все довольно нерешительные попытки Поллиона остановить его не удалось. Но и сам Помпей, по-видимому, долго не мог решить, что ему делать, ибо обстановка в республике была очень нестабильна. Наконец, он счел за благо не столько добиваться власти вооруженным путем, сколько вернуть себе положение в обществе, а затем уже легальным путем начать путь к той же власти. Поэтому уже в июне 44 г. до н. э. Помпей направил письмо консулам этого года Марку Антонию и Публию Корнелию Долабелле с предложением распустить свою армию в обмен не только на легальное возвращение в Рим, но и на возвращение ему всего отцовского имущества, ранее конфискованного Цезарем. Антоний поручил вести переговоры Лепиду. И вскоре было достигнуто соглашение. По его условиям Помпею выделялось из казны то ли 50, то ли даже 700 (по разным источникам) миллионов сестерциев в возмещение за конфискованное имущество. А через некоторое время он был назначен командующим морскими силами республики и ему было официально

поручена охрана морского побережья. На этих условиях Помпей покинул Испанию и в начале 43 г. до н. э. перебрался в Массалию на юге Галлии. Там его застали посланцы сената, которые просили его помощи в войне с Антонием. Но Помпей не захотел вмешиваться в эту войну. Он оставался в Массалии во главе довольно сильного флота, насчитывавшего больше сотни кораблей.

Но скоро положение радикально изменилось. Был создан второй триумвират, и триумвиры (Антоний, Октавиан и Лепид), овладев Римом, по примеру Суллы ввели проскрипции, и одним из первых в проскрипционном списке стоял Секст Помпей. Разумеется, в этих условиях никакие переговоры с владыками Рима были невозможны. Сам Секст некоторое время еще питал надежды договориться если не со всеми триумвирами, то по крайней мере с Октавианом, упирая на то, что проскрипции были направлены против убийц Цезаря, а он, Секст, в этом деле не участвовал, так как в то время находился в Испании. Но эта надежда исчезла очень быстро, ибо ни один из триумвиров договариваться с Секстом не хотел. Тогда, не питая никаких надежд удержаться на юге Галлии, Помпей со своим флотом двинулся на Сицилию. Вместе с ним туда отправился и ряд его испанских сторонников, среди которых видное место занимал Люций Аппулей Дециан.

Он высадился на северо-восточном побережье острова и, не встретив сопротивления, овладел этим побережьем. По иронии судьбы наместником Сицилии был в это время человек, носящий то же родовое имя — Авл Помпей Вифинский. Он заперся со своими войсками в Мессине и отказался впустить туда Секста. В ответ на это тот стал опустошать окрестности и препятствовать подвозу в Мессину продовольствия. Под угрозой голода Помпей Вифинский согласился на переговоры. Было заключено соглашение, по которому оба Помпея должны были на равных разделить командование и вместе управлять Сицилией. Но, разумеется, если это соглашение и выполнялось, то недолго. Вскоре под предлогом заговора, который якобы составил Помпей Вифинский, тот был убит, и теперь уже официально вся власть над островом сосредоточилась в руках Секста Помпея.

Еще до этого убийства Помпею пришлось столкнуться с войсками Октавиана. Октавиан, который к этому времени приобрел власть в Италии, не мог, конечно, терпеть соседства территории под властью Помпея. Сицилия в это время становится убежищем всех тех, кто имел основания опасаться триумвиров. В первую очередь это были проскрибированные, сумевшие избежать гибели. Из Африки к Помпею прибыли войска, потерпевшие поражение от местных цезарианцев. После поражения республиканцев при Филиппах их остатки также устреми-

лись на Сицилию. Среди видных республиканских деятелей, присоединившихся к Помпею, был Люций Стай Мурк, который ранее воевал под знаменами Цезаря, но после его убийства присоединился к республиканцам, затем сражался в Сирии, успешно командовал республиканским флотом, а в 41 г. до н. э. прибыл на Сицилию, признав верховное командование Секста Помпея. Все это, конечно, увеличивало силы Помпея. Но главными своими союзниками сам он считал пиратов. Те поставили ему большое количество кораблей и опытные экипажи. Секст призвал к оружию рабов, которым обещал свободу, а также вольноотпущенников, которые получали шанс под его властью войти в высшие слои общества, куда в обычное время они попасть не могли. Среди вольноотпущенников выделялся Менодор. Он раньше был пиратом, в 67 г. до н. э. захвачен в плен Помпеем, который сначала сделал его своим личным рабом, а затем освободил. Менодор, обладая значительным опытом и недюжинными способностями, стал фактически командиром всего флота Секста Помпея. Рабов и вольноотпущенников в своих целях часто использовали различные политические деятели того времени, кроме, пожалуй, Цезаря. Не останавливался перед этим и Октавиан. Но Секст, как кажется, сделал это в особенно большом масштабе, что и было использовано его противниками. Пропаганда Октавиана утверждала, что война против Помпея является «рабской войной», а самого Секста представляла чуть ли не как нового Спартака.

Готовясь к решительной схватке с республиканцами в Македонии, Октавиан не решался оставить в своем тылу Помпея, удара которого он вполне мог опасаться. К тому же Секст, используя свое положение на море, стал препятствовать подвозу хлеба в Рим, что грозило голодом и ставило под удар положение триумвиров. Поэтому в 42 г. до н. э. Октавиан приказал своему другу Квинту Сальвидиену Руфу подготовить армию и флот для войны с Секстом. Сальвидиен выполнил это поручение. Он сумел выбить Помпея из некоторых пунктов Италии, которые тот успел захватить, но чтобы переправиться на Сицилию, нужно было разбить флот Секста. И флот Сальвидиена вошел в Мессинский пролив, отделяющий Италию от Сицилии. В это же время в город Регий, находившийся на крайнем юге Италии почти напротив Мессины, прибыл с сухопутными частями сам Октавиан. Но ему пришлось лишь быть свидетелем морского сражения. В распоряжении Помпея был хороший флот с кораблями, лучше приспособленными к действиям в проливе, с опытными экипажами, не только пиратами, но и искусными моряками из Испании и Африки, более привычными к действиям в условиях бурного моря. И хотя в этом сражении потери судов были более или

менее равными, в условиях усилившейся качки Сальвидиену пришлось дать сигнал к отступлению. Октавиану осталось лишь увидеть крах своих планов. Хотя Помпей потерял опорные пункты на Апеннинском полуострове, он мог все же считать эти события своей победой, ибо предотвратил переправу вражеских войск на Сицилию. А затем он завершил и полное подчинение острова.

Захват Секстом Сицилии создал новую политическую и военную ситуацию. Вскоре после утверждения Секста на Сицилии в Италии развернулась так называемая Перузинская война, резко испортившая отношения между Октавианом и Антонием. Хотя Марк Антоний не вмешался открыто в эту войну, в которой врагами Октавиана выступали его брат Люций и жена Фульвия, их поражение и соответственно усиление Октавиана его очень встревожило, и Секст решил это использовать. Он принял тех сторонников и воинов Люция Антония, которые бежали к нему на Сицилию. Но еще важнее для него было то, что на остров прибыла и мать Антония Юлия, которой Помпей устроил весьма дружеский прием. С ее помощью он сделал ряд шагов, направленных на установление более или менее дружеских отношений с Антонием. Октавиан, понимая, чем это может ему грозить, также сделал ряд шагов навстречу Сексту. Он отослал к нему его мать Муцию, жившую в то время в Риме, а затем даже женился на Скрибонии, сестре его тестя Люция Скрибония Либона. Секст в свое время женился на дочери Либона по желанию отца, желавшего этим браком еще больше привлечь к себе этого влиятельного деятеля. Произошло это, по-видимому, незадолго до начала гражданской войны, и Скрибония родила своему мужу дочь, которая в тот момент была еще малолетней. Либон, оказавшийся родственником и Октавиана, и Секста Помпея, пытался использовать свое положение для их примирения.

Однако все эти примирительные жесты должны были скрыть действительную подготовку Октавиана к войне с Секстом. Да и Секст понимал, чего ему следует ожидать. Он не переставал готовиться к войне. Важной стороной его подготовки к решающей фазе схватки была идеологическая. Вскоре после убийства Цезаря республиканцы очень расценивали на молодого Помпея. Цицерон противопоставлял его Антонию и видел в нем надежду на восстановление республиканского строя во всех его аспектах и на борьбу с претендентами на единоличную власть, прежде всего с тем же Антонием. Но Помпей не оправдал эти расчеты. Он не сделал ни одного шага, ни даже жеста навстречу республиканцам, если не считать, конечно, приема у себя разгромленных республиканцев после Филипп, что было выгодно прежде всего ему самому. Он свою борьбу вел не как защитник республики, а как наследник Помпея

Великого. Секст Помпей всячески подчеркивал непрерывность борьбы, частями которой были испанская, а теперь и сицилийская кампании. Прибывшие с ним эмигранты из Испании играли значительную роль в его окружении. Недаром некоторые монеты, выпускаемые Секстом на Сицилии, имели надпись HISPANORUM. Но после захвата Сицилии в его пропаганде появился еще один важный аспект. В бурную эпоху почти непрерывных гражданских войн различные претенденты на власть связывали свои персоны непосредственно с божествами. Самый яркий пример — культ Венеры Прародительницы, введенный Цезарем. Секст Помпей избрал своим божественным покровителем бога морей Нептуна. Этим он, с одной стороны, напоминал римлянам о морских победах своего отца над пиратами, а с другой — о своем официальном положении командующего морским флотом и защитника побережья, которое было установлено сенатом и отмену которого триумвирами он не признал. Особенно Помпей уверовал в покровительство Нептуна после своей победы над Сальвидиеном Руфом. В то же время он противопоставлял различным мифическим героям и событиям, связанным с Римом, какие активно использовали триумвиры, мифологических персонажей, деятельность которых протекала на Сицилии, как, например, изображение на монетах братьев, спасавших своего отца во время извержения вулкана Этны.

Продолжал Секст и активную дипломатическую деятельность. Из триумвиров он все же предпочитал Антония. Они как будто даже заключили союз, направленный против Октавиана, к которому присоединился и оставшийся еще республиканец Агенобарб, в распоряжении которого находился довольно сильный флот и который в конце концов признал командование Антония. Антоний при поддержке Агенобарба попытался взять Брундизий, а Секст, выполняя договоренность, послал часть своего флота во главе с Менодором опустошать тирренские берега Италии и даже южное побережье Галлии. После этого Менодор по приказу Помпея вторгся на Сардинию. Ее октавиановский наместник Марк Лурий целое лето 40 г. до н. э. пытался сопротивляться, но был разбит и в конце сентября покинул остров. Только город Каларис отказывался сдаться и был штурмом взят Менодором. Октавиан направил на Сардинию войско во главе со своим вольноотпущенником Геленом, но Менодор разбил и это войско, а самого Гелена захватил в плен. Правда, скоро он его отпустил без всякого выкупа, что вызвало подозрения Секста. В состав провинции Сардиния входил не только этот остров, но и соседняя Корсика, которая, таким образом, тоже попала под власть Помпея. Теперь, владея Сицилией, Сардинией и Корсикой, Секст мог установить почти полную блокаду Италии, отрезав ее от поставок про-

довольствия из всей южной и западной части Средиземноморья. Если учесть, что в Адриатическом море господствовал флот Агенобарба и Антония, то блокада Италии оказывалась полной.

Резкое обострение отношений между Октавианом и Антонием, дошедшее до настоящей войны между ними, вызвало недовольство солдат обеих армий и вообще всех цезарианцев, включая, что было особенно важно, ветеранов. Под их давлением оба триумвира пошли на соглашение, которое и было заключено осенью 40 г. до н. э. в Брундизии. Помпей, таким образом, лишился важного союзника по борьбе с Октавианом. В этих условиях Секст был вынужден очистить те пункты Италии, которые он успел захватить, и отойти на Сицилию, но с тем большим упорством он продолжал разорять берега Апеннинского полуострова, не давая никакой возможности поставить туда продовольствие. Это вызвало возмущение в Риме. Все требовали примирения с Помпеем. Когда во время игр процессия внесла статуи богов, римляне особенно горячо стали приветствовать Нептуна, явно намекая на Секста Помпея. Дело дошло до нападения на Октавиана, которого толпа считала главным виновником сложившегося положения. Под угрозой сожжения дома римляне потребовали от Муции, вернувшейся к тому времени в Рим, чтобы она склонила своего сына к миру. Антоний предложил Сексту послать в Рим его тестя Либона, гарантируя ему безопасность. Секст согласился, и Либон отправился в Рим, но, не получив таких же гарантий от Октавиана, хотя тот и был его родственником, остановился на небольшом острове у побережья Кампании. Под давлением общественного мнения Октавиан тоже был вынужден согласиться на переговоры как через посредничество Либона, так и непосредственно с Помпеем. Оба триумвира (о Лепиде уже не было и речи) отправились в Кампанию. Одновременно и ряд советников Помпея настаивали на таких переговорах. Менодор, управлявший Сардинией, призывал Секста или еще энергичнее вести военные действия, чтобы покончить с врагами одним ударом, или заключить мир. И Помпей согласился. Он тоже на своем корабле отправился к берегам Кампании.

Шел уже 39 г. до н. э. Поскольку Помпей не доверял триумвирам и не хотел сойти на берег, а триумвиры, со своей стороны, также не доверяли Сексту и не желали взойти на его корабль, то в море около портового города Путеолы были построены две платформы, разделенные небольшим водным пространством, и на ту, что находилась ближе к берегу, взошли Октавиан и Антоний, а на обращенную в море — Помпей и Либон. Переговоры шли трудно. Помпей выдвинул условия, которые триумвиры принять никак не хотели. В частности, видя, что Лепид фактически отстранен от власти, он настаивал, чтобы его, Помпея, вклю-

чили в триумвират вместо Лепида. На какое-то время переговоры были прерваны, и обе стороны вернулись ни с чем. Но положение было трудным в обоих лагерях. Угроза все явственнее надвигающегося голода и связанный с этим рост агрессивности римской толпы толкали триумвиров, особенно Октавиана, который по договору в Брундизии управлял всей западной частью республики, включая Италию, на поиски соглашения. А среди сторонников Помпея явно намечался раскол. Опора Помпея была очень разнородной, и между теми остатками римской знати, которые собрались на Сицилии, и основной массой его сторонников, значительная часть которой состояла из бежавших к нему рабов и вольноотпущенников, обострились противоречия. Сам Секст стал очень подозрительно относиться к Мурку, который среди проскрибированных сохранял высокий авторитет. Дело кончилось убийством Мурка, что еще более накалило атмосферу. Для тех членов римского нобилитета, которые бежали к Помпею, самым важным было безопасное возвращение в Рим и восстановление имущества. Они и стали особенно настаивать на возобновлении переговоров. И обе стороны были вынуждены согласиться.

Новая встреча состоялась на Мизенском мысу. И там было заключено соглашение между триумвирами и Секстом Помпеем. Согласно условиям этого соглашения, Помпей в будущем не мог занимать ни один пункт Италии, но зато признавался правителем Сицилии, Сардинии, Корсики и других островов; к ним прибавлялась еще южная часть Греции — Пелопоннес. Через пять лет он должен быть избран консулом, причем баллотироваться сможет заочно. Все рабы, в настоящее время находящиеся в лагере Помпея, признавались свободными, но новых рабов Секст обещал более не принимать, как и любых дезертиров из армии триумвиров. Проскрибированные могли свободно вернуться в Рим и Италию, и им возвращалось все ранее конфискованное недвижимое имущество и четверть движимого. Свободные воины Помпея после окончания военной службы получали те же награды, что и солдаты Антония и Октавиана. За все это Помпей должен был более не препятствовать свободной торговле и отправлять в Рим тот хлеб, какой обязаны были поставлять его провинции, прежде всего, конечно, Сицилия, бывшая в древности одной из самых богатых житниц Средиземноморья. На этих условиях война прекращалась и восстанавливался мир во всей Римской республике. Стороны дали клятву выполнять это соглашение, текст которого был помещен в храм богини Весты, а для его укрепления малолетняя дочь Помпея была помолвлена с Гаем Клавдием Марцеллом, сыном новой жены Антония Октавии, который был, таким образом, пасынком Антония и племянником Октавиана и

который был лишь немногим старше своей невесты. В честь окончания военных действий обе стороны устроили великолепные пиры, щедро угощая друг друга. Известие о заключении соглашения и наступлении долгожданного мира и ликвидации угрозы голода вызвало в Риме ликование. Но мир продержался недолго.

Возвращение проскрибированных в Рим имело своим следствием неожиданное событие. Среди вернувшихся был Тиберий Клавдий Нерон со своей женой Ливией Друзиллой, внучкой (по усыновлению ее отца) Ливия Друза. Октавиан, и об этом уже говорилось в биографии Друза, влюбился в Ливию и ради брака с ней разошелся со Скрибонией, разорвав тем самым родственные узы, которые связывали его с Помпеем. Это, разумеется, обострило отношения между двумя деятелями. Но главное, Октавиан и не стремился честно выполнять мизенское соглашение. Оно было ему нужно только для выигрыша времени, ибо власть, пока еще только в западной части государства, он не желал делить ни с кем. Это понимали и некоторые сторонники Помпея, особенно Менодор. Он еще во время переговоров тайно предлагал Помпею воспользоваться обстоятельствами и захватить Октавиана и Антония, решив таким образом одним ударом дело в свою пользу. Но Секст отказался, и это вызвало возмущение Менодора. Он разочаровался в своем патроне и командующем и, решив, что в таких условиях гораздо больше сил у Октавиана, вступил с ним в тайные переговоры, а затем и открыто перешел на его сторону, получив за эту измену всаднический ранг. Сардиния вместе с Корсикой была, таким образом, Помпеем потеряна. Мир был разорван. И обе стороны начали снова готовиться к войне. Желая разделить ответственность за возобновление войны со своими коллегами по триумвирату, Октавиан призывал Антония и Лепида помочь ему в борьбе с Помпеем. Антоний понимал, что победа над Секстом сделает Октавиана еще более могущественным и поэтому попытался было его отговорить от нарушения соглашения, но тот отказался последовать его совету, ибо полагал, что обстоятельства ему благоприятствуют. По его приказу был построен новый флот, поставленный под командование Гая Кальвизия Сабина, в состав которого вошла и эскадра, которую передал ему Менодор и которой тот продолжал командовать.

Помпей, узнав об измене Менодора, поставил во главе флота другого вольноотпущенника — Менекрата, который и до этого был врагом Менодора. Под командованием Менекрата помпеянский флот стал, как и раньше, опустошать берега Италии. Навстречу ему вышел флот Сабина, и около города Кумы произошла жестокая морская битва. В этой битве обе стороны понесли тяжелые потери, Менекрат погиб, но ос-

тавшие помпеянские корабли под командованием Дикеарха (тоже вольноотпущенника) нанесли тяжелый удар октавиановским судам, так что Сабин был вынужден отступить. В целом перевес был на стороне флота Помпея, но Дикеарх после гибели Менекрата не решил развить свой успех и вернулся на Сицилию. Сабин, неожиданно спасшийся от поражения, стал преследовать корабли Дикеарха. В это время сам Октавиан собирал свои силы в Таренте и оттуда выплыл навстречу Сабину. В Мессинском проливе произошел новый морской бой, в котором Октавиан потерпел поражение и едва спасся сам. Начавшаяся буря довершила разгром флота Октавиана.

Эти события показали Октавиану, что одним ударом справиться с Помпеем не удастся. Он начал еще тщательнее готовиться к войне. Антоний, который не решил окончательно порвать с Октавианом, был вынужден не только согласиться с возобновлением войны, но и оказать помощь Октавиану. А тот начал строить новый флот и разрабатывать более удачный план военных действий. Менодор, после двух поражений октавиановского флота разочаровавшийся в новом покровителе, получив от Помпея гарантии безопасности, снова перешел на его сторону. Октавиан, возложив вину за бегство Менодора на Сабина, отпустил того от командования флотом и поручил его своему лучшему другу Марку Випсанию Агриппе. Агриппа начал строить новый флот, резонно полагая, что война с Помпеем должна решиться на море. Штаб Октавиана, видное положение в котором занимал Агриппа, разработал план одновременного удара по Сицилии с разных сторон. По этому плану основной флот Октавиана под командованием Агриппы должен был пересечь Тирренское море и ударить по северному побережью острова. Другая эскадра, которой командовал Тит Статилий Тавр, выйдя из Тарента, должна была высадиться на восточном побережье Сицилии. Лепиду, управлявшему Африкой, было поручено нанести удар по Сицилии с юга. В ответ на это Секст реорганизовал свои силы. Один легион он направил в Лилибей на западной оконечности Сицилии, чтобы не дать высадиться там Лепиду, ибо это был самый удобный пункт высадки из Африки, сам принял на себя командование войсками на севере острова, а основную часть флота оставил в Мессине в качестве стратегического резерва.

1 июля 36 г. до н. э. флот Агриппы, оба флота Октавиана и флот Лепида одновременно вышли из своих гаваней и направились к Сицилии. Авнагарду Лепида удалось овладеть Лилибеем. Но корабли Октавиана, находившиеся в Кампании, были весьма потрепаны бурей, а сильные ветры заставили вернуться в Тарент Тавра. Октавиан был так удручен таким поворотом дел, что решил было отложить вторжение на

Сицилию на следующий год. Но положение в Риме было очень тревожным. Из-за войны снова возникла угроза голода, к тому же в Риме было еще очень много людей, сочувствовавших Помпею. Волновались и ветераны, поселенные в различных местах Италии. И поспешно успокоив свой тыл, Октавиан стал готовиться к новой экспедиции. Помпей же со своей стороны не использовал сложившуюся в его пользу ситуацию, поскольку был уверен в помощи Нептуна, без всякого человеческого участия разгромившего флот Октавиана, и в дальнейшем полагался на его поддержку. Он лишь снова направил Менодора к берегам Италии. Но Менодор прекрасно понимал, что заминка в военных действиях Октавиана лишь временная, что силы в принципе неравны и что только решительные и смелые удары Помпея могут радикально изменить ситуацию в его пользу. Но Помпей такие удары не предпринимал и, как ясно видел Метродор, даже и не планировал. И тогда он снова перешел на сторону Октавиана, который, нуждаясь в нем, простил ему прежнюю измену.

И действительно, Октавиан скоро восстановил свои силы. Большой флот под командованием Агриппы двинулся к северному побережью Сицилии. Флот Тавра высадился на восточном побережье острова вблизи города Тавромения. Октавиан и Тавр хотели сделать из Тавромения свою базу для действий в этом районе, но его жители отказались сдать-ся, так что высадившимся пришлось устраивать лагерь недалеко от города. Там временем Агриппа, овладев островом Гиерой, двинулся к городу Милы, где находилась часть помпеянского флота под командованием Демарха. Помпей направил на помощь Демарху другую эскадру, которой командовал Аполлофан. И в первой половине августа 36 г. до н. э. около Мил произошло ожесточенное морское сражение. В целом перевес оказался на стороне Агриппы. Помпеянские корабли отступали в порядке; они были более легкими и верткими, а их матросы хорошо знали окрестное побережье, так что преследовать их корабли Агриппы не смогли. Однако исход этого сражения привел к тому, что силы Помпея не смогли помешать переправиться на остров сухопутным войскам Октавиана, что сделало положение Секста довольно тяжелым.

Считая, что главная опасность грозит ему с восточного побережья, где со своими войсками находился Октавиан, Помпей двинулся к Тавромению. Там произошел бой, который закончился в пользу Помпея, но из-за наступающего вечера Секст отложил штурм лагеря Октавиана, а на следующий день он увидел, что лагерь оказался сильно укрепленным, и отступил. Положение Октавиана все равно оставалось трудным. Он вызвал себе помощь из Италии, а пока часть своей армии во главе с

Корнифицием направил в глубь Сицилии на соединение с Агриппой, который к этому времени овладел территорией на северном берегу острова. С большим трудом Корнифицию удалось соединиться с Агриппой, что весьма усилило находившиеся в этом районе войска Октавиана. Помпей пытался было помешать движению войск врага, заняв проходы в горах между Тавромением и Мессиной, но Октавиан сумел преодолеть это препятствие, и Помпей отступил к Мессине. Октавиан направил Тавра, чтобы тот отрезал лагерь Секста от подвоза продовольствия. И Помпей решил действовать более активно. Возлагая свои основные надежды на флот, он решил вынудить противника вступить в морское сражение.

3 сентября 36 г. до н. э. на широте якорной стоянки Навлоха между Милами и Мессиной произошло решающее сражение. Бой был очень ожесточенным, корабли сталкивались друг с другом, а воины часто переходили на палубы вражеских судов, схватываясь с противником врукопашную. И все же успех был на стороне Агриппы. Помпей потерял большую часть своего флота и в растерянности бежал в Мессину. Сухопутная армия Помпея, оставшаяся без полководца, сдалась Агриппе. Помпей потерял голову. Он вызвал из Лилибея находившиеся там части под командованием Плиния Руфа, но не дождался их. С еще оставшимися у него 17 кораблями Секст покинул Мессину и направился на восток. Занявший Мессину Руф через некоторое время капитулировал.

Помпей прекрасно понимал истинную цену дружбы между Антонием и Октавианом и хорошо знал, что рано или поздно они сойдутся в решительной схватке за верховную власть. И он решил подтолкнуть Антония к этой схватке и стать ему в ней союзником. Для начала Секст прибыл в Митилену, где всегда были сильны пропомпеянские настроения и где он сам вместе со своей мачехой жил в начале гражданской войны. Митиленцы благожелательно встретили сына Помпея Великого. Но в это время Секст узнал о поражении Антония от парфян и решил сыграть свою игру. Он одновременно направил своих послов и к Антонию в Александрию, и к царям Фракии и Понта, и в Парфию. Антония он призывал начать войну с Октавианом и обещал ему всяческую помощь. От фракийцев он ожидал защиты от нападения с Балканского полуострова. Через Понт намеревался добраться до Парфии. А от парфян ждал помощи в подготавливаемой войне, которую он собирался вести с Октавианом, но уже не ради дела Антония, а только в свою собственную пользу. При этом он рассчитывал, что благодарная память об его отце все еще живет в восточных провинциях республики и в местных вассальных царствах, так что он будет иметь в этом регионе солидную опору.

Однако планы Секста провалились. Отправленные им посольства к «варварам» были перехвачены агентами Антония, что дало тому повод начать подготовку к войне с Секстом. Главной причиной этого было, конечно, нежелание Антония иметь на своей территории ни в каком качестве, даже в качестве союзника, потенциально весьма опасного соперника. И Антоний приказал Марку Тицию собрать корабли и войско и двинуться против Помпея. Когда-то Тиций был захвачен моряками Секста, но тот отпустил его к Антонию, и теперь этот же Тиций стал командующим в возможной войне с Секстом Помпеем. А пока Секст сам собирал корабли и войско, антониевский наместник провинции Азии Гай Фурний, еще не зная о намерениях своего вождя, колебался и не решался открыто выступить против Помпея. Но тот скоро сам дал повод для такого выступления. Переправившись на материк, он захватил город Лампсак и из живших там колонистов Цезаря набрал три легиона пехотинцев и 200 всадников. Это стало сигналом к началу военных действий. В первом сражении Секст одержал победу, но к Фурнию скоро подошли подкрепления, и он снова выступил против Помпея. Военные действия развернулись на территории Вифинии. Помпей захватил города Никею и Никомедию, завладев там значительной добычей, но вскоре понял, что шансов успешно воевать с Антонием у него практически нет. Это поняли и некоторые из еще остававшихся с ним друзей, которые вместе с ним покинули Сицилию, а теперь решили все же оставить безнадежное дело. К тому же им явно не нравилась перспектива эмиграции в Парфию, что в тех политических условиях автоматически делало невозможным их возвращение в Рим. Среди покинувших Секста был даже его тесть Либон. В это время в регион прибыл и Тиций с кораблями и значительной сухопутной армией. Оказавшись в таких условиях, Секст решил через Малую Азию пробиваться к парфянам. Фурний, Тиций и галатский царь Аминта, выполнявший приказ Антония, стали его преследовать. Секст попытался было выиграть время, заявляя о посылке специального посольства к Антонию, но антониевские полководцы терять времени не захотели и потребовали безоговорочной капитуляции. Тогда Помпей решил на хитрость. Он сделал вид, что остается в лагере, а сам ночью покинул его и направился к морю, чтобы сжечь корабли Тиция. Но перебежчик сообщил об этом антонианцам. Конница Аминты настигла Помпея, и тот предпочел без всяких условий сдаться Тицию. Но Тиций уже имел к этому времени приказ Антония расправиться с Помпеем. Выполняя этот приказ, Тиций отвез пленника в Милет и там приказал убить его. Произошло это уже в 35 г. до н. э., когда Сексту было, вероятно, немногим более 30 лет.

ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В РИМЕ. ПОБЕЖДЕННЫЕ

Если шансы на победу в гражданской войне у Гнея Помпея Великого были приблизительно равны с Цезарем и его поражение было в значительной степени обусловлено его собственным характером, то у его сына таких шансов было очень мало. Ресурсы Сицилии, даже вместе с Сардинией, не шли ни в какое сравнение с теми, какими обладали триумвиры. Положение можно было изменить только каким-либо решительным действием, на которое его время от времени толкал Менодор, но Секст на такие действия решался крайне редко. У него практически не было долговременной стратегии, он ограничивался временными успехами, и это сыграло в его судьбе роковую роль. В дипломатии же он не сумел переиграть не только хитроумного Октавиана, которого вообще переиграть в этом деле было чрезвычайно трудно, если не невозможно, но и гораздо более простодушного Антония. В принципе разгром Секста был предрешен.

VII. ТРИУМВИРЫ «ВТОРОГО РЯДА» (КРАСС, ЛЕПИД)

Когда говорят о жестокой борьбе претендентов на единоличную власть в последние десятилетия Римской республики, то обычно имеют в виду пары протагонистов, первых актеров военно-политической сцены, — Цезаря и Помпея, Октавиана и Антония. Но и в том, и в другом случае последнему и решительному бою за господство в государстве предшествовали тройственные союзы, триумvirаты, в которых кроме двух будущих непримиримых врагов участвовали и третьи лица, не менее честолюбивые, не менее амбициозные, но сошедшие со сцены еще до окончательной смертельной схватки. В первом триумvirате это был Марк Лициний Красс, во втором — Марк Эмилий Лепид.

Лицинии были старинным и знатным плебейским родом, по своему происхождению, возможно, связанным с этрусками. Когда в 494 г. до н. э. плебеи добились создания должности народных трибунов, в числе двух первых (позже их число увеличилось до десяти) был Гай Лициний. Самым знаменитым Лицинием раннего времени был Гай Лициний Столон, который, будучи в 376 г. до н. э. народным трибуном, вместе со своим коллегой Люцием Секстием Латераном предложил законы, согласно которым никто не имел права иметь на земле, принадлежавшей всему римскому народу, имения больше 500 югеров, практически ликвидировалось долговое рабство (хотя пока и на время), одним из консулов должен быть обязательно плебей. Это произошло в период упорной борьбы патрициев и плебеев, когда первые отстаивали свое исключительное право на руководство римской общиной, а вторые упорно добивались равноправия. Борьба вокруг законопроектов Лициния и Секстия продолжалась десять лет, но в конце концов патриции были вынуждены уступить. Предложения трибунов были приняты, и в 366 г. до н. э. появился первый консул-плебей, и им стал Секстий. Сам Лициний стал консулом пять лет спустя. Борьба двух сословий раннего римского общества на этом не закончилась, но законы Лициния—Сек-

ствия стали решающим шагом на пути установления полного равноправия патрициев и плебеев. В ходе этой борьбы сформировалась римская *civitas*, являвшаяся характерной римской формой полиса, а верхушка патрицианских и плебейских родов и составила римскую аристократию, нобилитет. В тесный круг римского нобилитета входили и различные ветви Лициниев.

Одной из ветвей рода Лициниев были Крассы. В конце III и в начале II в. до н. э. был известен Публий Лициний Красс, близкий к семье Сципионов. Он сделал блестящую карьеру, став начальником конницы при диктаторе Квинте Фульвии Флакке, эдилом, цензором, в 205 г. до н. э. консулом, причем его коллегой был Публий Корнелий Сципион, тогда уже с блестящей победой вернувшийся из Испании, а через несколько лет разгромивший самого Ганнибала и получивший почетное прозвище Африканский. С 212 г. до н. э. и до самой смерти в 183 г. до н. э. Красс был верховным понтификом, т. е. возглавлял всю культовую жизнь государства. Его похороны были необыкновенно пышными, еда бесплатно раздавалась всем желающим, а в память покойного 120 гладиаторов сражались между собой. Карьера Публия Красса пала на время жестокой и упорной войны с Ганнибалом, и сам он принимал в ней активное участие. Но этот Красс был известен не только военной и политической карьерой и не только своим положением верховного понтифика, но и своим огромным богатством. Он был первым из Крассов, который официально стал именоваться Дивитом (*Dives*, Богач), и это второе (после Красс) прозвище стало наследственным в его фамилии.

То же прозвище носил и Публий Лициний Красс, хотя он был потомком не этого первого официального Богача, а его брата. Он сделал обычную для знатного римлянина карьеру. В 103 или 102 г. до н. э. был эдилом и, вероятно, в этом качестве стал автором закона «о роскоши», который позволял увеличивать расходы на пиры до 30 (вместо 10), а во время больших игр до 200 (вместо 100) ассов. Примыкая к оптиматам, он в 100 г. до н. э. с оружием в руках участвовал в борьбе против Сатурнина и Главции и в 97 г. до н. э. был консулом. В это время обострилось положение в Испании, где лузитаны так и не покорились римлянам, и Красс был отправлен в Дальнюю Испанию для войны с ними. В следующие годы он управлял этой провинцией уже в качестве проконсула и продолжал войну с лузитанами. В этой войне Красс добился значительных успехов и заставил лузитан признать себя подданными Римской республики. На этом борьба с этим народом не закончилась, но речь шла уже не о завоевании Лузитании, а о восстаниях лузитан против римской власти. Красс, однако, полчиением Лузитании не ограничился. Он двинулся по западной части Пиренейского полуострова на север

и прорвался к его северо-западным берегам, которые (видимо, из-за их чрезвычайной изрезанности) римляне и греки рассматривали как острова Касситериды, т. е. Оловянные острова. Эти земли были очень богаты оловом, которое необыкновенно высоко ценилось в древности. За свои победы Красс получил триумф, который и отпраздновал торжественно в июне 93 г. до н. э. Когда в Италии вспыхнула Союзническая война, Красс стал одним из легатов консула Люция Юлия Цезаря, но, как и другие легаты, действовал вполне самостоятельно. Правда, на этот раз его действия были неудачны, он был разбит италиком Лампонием, потеряв при этом 8 тысяч воинов. На этом, по-видимому, его участие непосредственно в войне и закончилось. Политическая же карьера его продолжалась. В 89 г. до н. э. Красс был избран цензором вместе с тем Люцием Цезарем, под началом которого он так неудачно сражался с италиками в предыдущем году. Оба цензора много сделали, чтобы превратить в жизнь принятые ранее законы о предоставлении римского гражданства италикам и таким образом установить на Апеннинском полуострове относительный мир. Кроме того, Крассу как цензору приписывается введенное ограничение на использование чужеземных благоволий и греческих вин.

В развернувшейся после Союзнической войны острой политической борьбе Красс, являясь убежденным оптиматом, занял ясную антимарианскую позицию и особенно упорно выступал против Цинны. Эту позицию разделял и его сын. В 87 г. до н. э. в борьбе между консулами Октавием и Цинной отец и сын Крассы выступили, естественно, на стороне Октавия, причем Красс являлся одним из руководителей борьбы с марианцами. Когда марианские войска захватили Рим и развязали в городе террор против своих врагов, сын Красса был убит победителями, а сам Красс, не выдержав этого несчастья, покончил с собой. Еще раньше умер его старший сын Публий. В живых остался только младший сын бывшего консула и цензора Марк, которому удалось бежать из Рима. Это и был будущий триумвир.

Марк Лициний Красс родился в 115 (может быть, в 114) г. до н. э. Он получил обычное для римского нобилия воспитание, увлекался историей, философией, больше всего ценя учение Аристотеля, и, естественно, ораторским искусством. Это помогло ему много времени спустя, когда он приобрел широкую известность своими выступлениями как на политическом, так и на судебном поприще. Когда в 97 г. до н. э. его отец отправился в Испанию, юный Марк, которому было всего 18 или даже 17 лет, вступил в его войско и принимал участие в военных действиях против лузитан, заводя одновременно и обширные знакомства среди местного населения. Вместе с отцом он вернулся в Рим и

затем участвовал в Союзнической войне. Когда умер его брат Публий, он, следуя старинному обычаю, женился на его вдове Тертулле и прожил с ней всю оставшуюся жизнь. Этот поступок доставил ему симпатии особенно консервативных кругов римлян. Вскоре после женитьбы Тертулла родила Марку Крассу одного за другим двух сыновей. И хотя о Тертулле, как о каждой знатной женщине, ходили разные сплетни, приписывая ей любовную связь то с Цезарем, то с другом Цицерона Гаем Аксием, в действительности она оставалась добропорядочной матроной, что признавали даже враги Красса. А Цицерон называл ее самой выдающейся женщиной.

Когда Рим был взят марианцами, его брат убит, а отец покончил с собой, положение Красса стало очень трудным. Он был еще молод и едва ли представлял какую-либо опасность для нового правительства, но само имя Красса вызывало подозрения Цинны и его соратников. Некоторое время Красс еще оставался в Риме, но чувствовал себя там очень неудобно. Тогда с тремя верными друзьями и десятью рабами он в 85 г. до н. э. бежал из Рима и решил направиться в Испанию, где со времени его пребывания там с отцом он приобрел довольно много друзей. Путешествие было долгим и опасным, но Красс все же сумел добраться до Пиренейского полуострова. Но и там найти широкую поддержку Красс не мог, и только Вибий Пациек дружески принял его и укрыл в надежном убежище, поселив вместе со спутниками в обширной пещере. Пациек (или Пациан) был представителем местной знати и, по-видимому, получил (может быть, не он сам, а кто-то из его предков) римское гражданство от одного из Вибиев. Он был владельцем огромного имения на южном побережье Испании. Являясь верным сторонником римлян, Пациек во время консульства, а затем проконсульства Красса старшего установил с ним и его сыном дружеские связи, от которых не отказался и в этих трудных и опасных обстоятельствах, когда власть марианцев казалась в далекой Испании незыблемой и вызывала страх. Позже Сулла после своей победы направил Пациека на противоположный берег в Африку сражаться с Серторием, в бою с которым Пациек и погиб. Но пока он сделал все, что от него зависело, чтобы юный Красс мог не только спасти свою жизнь, но и жить достаточно сносно.

Когда Испании достигла весть об убийстве Цинны, Красс решил действовать. В Риме у власти еще находились марианцы, но смерть самого авторитетного их вождя пробудила надежды у многих их противников. Чем больше среди местного населения (включая переселившихся туда италиков) был страх перед Цинной и марианским правительством вообще, тем ярче теперь многие стали выражать противоположные настроения. Используя это, Красс призвал к открытой борьбе против

антисулланского правительства в Риме, и очень многие откликнулись на этот призыв. Это дало возможность Крассу отобрать наиболее сильных юношей и с этим отрядом, насчитывавшим две с половиной тысячи человек, выступить на борьбу. Местные власти не смогли противостоять этому сравнительно небольшому отряду, но задерживаться в Испании Красс не собирался. Он понимал, что наличных сил у него мало, опыта военных действий почти нет, и решил присоединиться к Квинту Цецилию Метеллу Пию, который в это время в Африке собирал свое войско для борьбы с марианцами. Главным портом, связывавшим Южную Испанию с противоположным побережьем Средиземного моря, была Малака, и Красс взял этот город, весьма основательно при этом его разграбив. Перебравшись в Африку, Красс присоединился к Метеллу. Через некоторое время Метелл, выбитый из Африки Гаем Фабием, со своим войском перебрался в Лигурию, и там его застала весть о высадке Суллы в Италии. Метелл тотчас поддержал Суллу. Оба войска скоро соединились, хотя и действовали самостоятельно. Красс, поссорившись с Метеллом (не заняв, по-видимому, в его армии то положение, на которое он рассчитывал), перешел из его армии в войско Суллы.

Красс принял активное участие в гражданской войне на стороне Суллы. По его поручению он направился в центральную Италию в область племени марсов, где, несмотря на упорное противодействие противников, произвел набор в сулланское войско, а затем возглавил значительную часть армии Суллы. В Умбрии он захватил город Тудер, игравший важную стратегическую роль. Вместе с Помпеем Красс одержал победу над армией консула Карбона. Но особенно он прославился в битве у Коллинских ворот самого Рима. Когда перевес в войне уже явно склонялся на сторону Суллы, его противники решились на отчаянный шаг. Соединив свои силы, среди которых теперь решающую роль играли самниты, они двинулись на Рим. Узнав об этом, Сулла тоже поспешил к городу. Около Коллинских ворот 1 ноября 82 г. до н. э. и произошла эта битва. Левое крыло сулланской армии дрогнуло и начало отступать, но правое, которым командовал Красс, одержало победу. Воспользовавшись этим, Сулла перегруппировал свои силы и нанес врагам полное поражение. После этого сражения война в Италии была почти закончена. И славу победителя Сулле пришлось делить с Крассом. Это стало первым толчком к охлаждению Суллы к своему молодому соратнику. Вторым оказалось поведение самого Красса во время проскрипций.

Захватив единоличную власть и оформив ее в виде пожизненной диктатуры, Сулла, как об этом уже говорилось, внес определенный порядок в террор, составив так называемые проскрипционные списки.

Имущество проскрибированных частью конфисковывалось в пользу как самого Суллы, так и его сподвижников, а частью сравнительно дешево продавалось на аукционах. Многие сулланцы весьма обогатились на этом. И Красс не составлял исключения. Более того, он занимался приобретением этого имущества столь активно и демонстративно, что это даже вызвало неодобрение диктатора. Посланный в Брутий на самый юг Италии, он самовольно вносил в проскрипционные списки некоторых местных богачей, чтобы завладеть их имуществом. В результате Красс не только восстановил свое имущественное положение, подорванное террором и конфискациями Цинны, но и очень значительно его укрепил. Он как бы оправдывал свое второе фамильное прозвище — Богач.

В политической борьбе, развернувшейся после отречения и смерти Суллы, Красс как будто не участвовал; во всяком случае, сведений об этом нет. Это могло быть связано с охлаждением к нему Суллы, ибо у власти еще находились верные сулланцы. Все же он был квестором, эдилем, а в 73 г. до н. э. претором. В это время в Риме действовал закон Суллы, по которому нельзя было стать консулом, не пройдя до этого лестницу всех этих должностей, а поскольку в 70 г. до н. э. Красс консулом стал, то, следовательно, до этого времени он все эти должности занимал. 73 г. до н. э. был тяжелым для Рима. В Испании еще бушевала война с Серториумом, у которого были тайные союзники в самом Риме, а в Италии развернулось мощное восстание рабов во главе со Спартаким. Банальный заговор гладиаторов, обучавшихся в специальной школе около города Капуи, обернулся самым мощным и самым опасным рабским восстанием, какое знала римская история. Заговор был раскрыт, но группе гладиаторов, возглавляемой Спартаким, удалось бежать и прорваться на Везувий. Узнав об этом, многие рабы стали убегать от своих хозяев и тоже пробираться на Везувий. Отряд Спартака быстро рос. Обеспокоенные римляне направили против него воинскую часть пропретора Гая Клодия Глабра, который попытался взять Спартака измором, перегородив единственную доступную дорогу на гору, но по приказу Спартака восставшие сплели из дикого винограда канаты, по которым спустились по, казалось, недоступному склону, и обрушились с тыла на Клодия, после чего армия восставших повела открытые бои с римлянами. Все попытки подавить восстание заканчивались поражениями римской армии. В 72 г. до н. э. против Спартака были направлены уже оба консула этого года Гней Корнелий Лентул и Люций Геллий, но и они были разбиты. Сначала Спартак, понимая, что силы Рима слишком велики и в конечном итоге справиться с ними невозможно, хотел увести восставших рабов из Италии. Около Мутины он разбил

проконсула Цизальпинской Галлии Гая Кассия Лонгина (отца будущего убийцы Цезаря). После этого между его армией и Альпами уже не осталось ни одного римского солдата. Но в это время Спартак неожиданно повернул на юг. По-видимому, восставшие рабы, упиваясь своими победами, потребовали от своего командующего продолжения войны в Италии. Многие из них уже давно забыли свою родину, а одержанные победы манили надеждой на новые успехи в богатой Италии. И Спартак подчинился своему войску.

Такой поворот дела поверг римлян в панику. Они уже не доверяли консулам, оказавшимся неспособными справиться с восстанием, и не видели, казалось, никого, кто бы мог взяться за это дело. И тогда свою кандидатуру предложил только что отбывший претуру Красс. Сенат с удовольствием принял это предложение и облек Красса проконсульской властью. В ранге проконсула (хотя консулом он еще не был) Красс встал во главе армии. Она была пополнена новыми легионами, и с ней Красс расположился у границ Пицена, чтобы преградить Спартаку путь на юг. Два легиона под командованием Марка Муммия он отправил в тыл Спартаку, чтобы двигаться вслед за его армией, но не ввязываться в бой. Муммий, однако, нарушил приказ своего командующего: при благоприятном, как ему казалось, случае он напал на Спартака, но был разбит. Остатки его отряда соединились с основной армией. Это новое поражение произвело гнетущее впечатление на армию, которая впала в подлинную панику. И тогда Красс, чтобы восстановить дисциплину и боеспособность войска, прибег к старинному и давно уже не применявшемуся обряду децимацнии: он разделил часть бежавшего войска Муммия на десятки, по жребью выбрал каждого десятого и казнил перед строем. Это сразу же увеличило боеспособность армии, которая теперь своего командующего стала бояться больше, чем врага.

А Спартак решительно шел на юг. Может быть, он даже мечтал о самом Риме, но пока такую задачу перед собой не ставил. Красс двигался по пятам и, не вступая в решительный бой, изматывал восставших. Под его натиском армия Спартака отошла на самый юг Апеннинского полуострова. Теперь Спартак намеревался переправиться на Сицилию, где, как он полагал, еще живы были воспоминания о подавленном приблизительно тридцать лет назад восстании и где можно было разжечь огонь нового. Он договорился с пиратами, что те переправят его армию на остров, ибо собственного флота у повстанцев не было. Но это ему не удалось. Пропретор Сицилии Гай Веррес спешно укреплял северные берега, чтобы воспрепятствовать высадке Спартака, а пираты Спартака просто обманули: взяв значительный аванс, они отказались переправлять его армию, может быть, испугавшись мер Верреса.

Красс, воспользовавшись этим, приказал вырыть огромный ров от моря до моря, отрезав тем самым Спартака от Италии. Положение последнего было тяжелым: впереди был непреодолимый пролив, а позади ров Красса.

В этих труднейших условиях вновь проявилась энергия Спартака. В бурную февральскую ночь 71 г. до н. э. его армия прорвала заграждения римлян, форсировала ров и снова вышла на оперативный простор. Теперь сам Красс был в панике. Он обратился в сенат с предложением вызвать из Испании Помпея и из Македонии Марка Лициния Лукулла, который там был проконсулом. Правда, Красс скоро раскаялся в этой слабости и своей просьбе, ибо не желал ни с кем делить лавры победы. Но дело было сделано: Помпей с победоносной армией из Испании направлялся в Галлию, а оттуда на север Италии, а Лукулл высался в Брундизии.

Спартак тоже шел к Брундизию, надеясь там застать корабли и все же уйти из Италии. По пути в его армии начались разногласия, и часть войска отделилась от остальных и стала действовать самостоятельно. Красс сразу же воспользовался этим и напал на отделившуюся часть. Произошло кровопролитное сражение, в котором погибло более 12 тысяч восставших, причем лишь двое из них были ранены в спину, а остальные пали, до конца сражаясь с римлянами. Это поражение чрезвычайно ослабило восставших, а Лукулл занял Брундизий, и Спартак уже не надеялся воспользоваться этим портом. К тому же после одной удачной стычки воины Спартака потребовали от своего полководца решающего сражения. И Спартак повернул против Красса. Разгорелась последняя битва. Рабы сражались героически, и сам Спартак, раненный в бедро, не покинул поле боя, пока не пал под ударами римских мечей. Большинство его воинов тоже погибло, часть попала в плен, и только отряду в 5 тысяч человек во главе с Публипором удалось прорваться и уйти на север, но у подножья Альп он был встречен армией Помпея и уничтожен. «Рабская война» завершилась.

Красс был на вершине своей славы, его признали первым гражданином государства. Но одно мешало ему до конца наслаждаться этой славой. Помпей всюду говорил, что Красс победил гладиаторов в открытом поле, а он, Помпей, вырвал самый корень «рабской войны». Еще хуже было то, что эти слова охотно повторяли в Риме и верили им. С этого времени Красс стал решительным врагом Помпея. Тем не менее они оба были избраны консулами на 70 г. до н. э. Относясь с величайшим подозрением друг к другу, Красс и Помпей долго не распускали свои войска, но в конце концов под давлением общественного мнения все же были вынуждены примириться, причем Красс первым сделал этот

шаг. Став консулами, они провели ряд мер, которые фактически демонтировали сулланский режим. Сейчас трудно сказать, кто из них был инициатором того или иного закона, но ясно, что в возникшем консульском тандеме ведущую роль играл все же Помпей, в значительной степени отгесняя Красса на второй план. После окончания своего консульства и Помпей, и Красс отказались от назначения в провинции. Помпей ушел было в частную жизнь, а Красс, не доверяя этому, предпочел оставаться в Риме, пока там находился и его соперник. Поэтому отъезд Помпея на войну сначала с пиратами, а затем с Митридатом был воспринят Крассом с облегчением. Сам Красс отказался от предложения народного трибуна Гая Манилия направиться на войну с Митридатом, уступив это поручение Помпею, явно не желая рисковать и надеясь, что Помпей надолго завяжет на Востоке, оставив ему, Крассу, свободу действий.

После отъезда Помпея из Рима у Красса больше не было в городе равного ему соперника. Это, в частности, выразилось в избрании его в 65 г. до н. э. цензором. Впрочем, как цензор он ничем не прославился. Вскоре между ним и его коллегой, старым и опытным сенатором Квинтом Лутацием Катулом, начались трения. Одним из пунктов их разногласий был вопрос о судьбе Египта. В Риме распространились слухи, что царь Птолемей XI, свергнутый своим народом, якобы завещал свое царство римскому народу. На этом основании Красс настаивал на принятии Египта в подданство Римской республики, но Катул решительно этому воспротивился. Другое разногласие возникло у них по поводу законности гражданства в Транспаданской Галлии. В результате они оба досрочно сложили с себя цензорские полномочия.

Отличительной чертой Красса была отмеченная еще древними писателями жажда наживы. В начале своей карьеры он имел имущество на 300 талантов (немалая сумма), а в конце ее перед своим последним походом — после посвящения десятой части Геркулесу, раздачи из собственных средств каждому римлянину продовольствия на три месяца и угощения для народа — он обладал 7100 талантами. Красс владел поместьями стоимостью в 200 миллионов сестерциев, серебряными рудниками, множеством рабов, в том числе особо хорошо обученных (он сам этим активно занимался) и очень дорого стоивших, и не считал богачом того, кто на свой годовой доход не может набрать легион. Для достижения такого богатства Красс использовал все средства, и праведные, и главным образом неправедные. Как уже упоминалось, он очень обогатился во время проскрипций, скупая почти за бесценок конфискованные имущество и земли, чем даже вызвал неодобрение Суллы. Он спекулировал рабами, обучая и затем продавая или сдавая в аренду чте-

цов, писцов, домоправителей, пробирщиков серебра и т. п. Но особенно много дохода приносило Крассу домовладение. Красс организовал из своих рабов пожарную команду, которая, однако, не тушила частые в Риме пожары, пока домовладелец не продавал задешево пожарище Крассу. После этого Красс восстанавливал дом и продавал или наживался на его жильцах. Насколько это было выгодно, можно судить по тому, что Цицерон купил у Красса дом за три с половиной миллиона сестерциев. В результате Красс стал самым богатым человеком своего времени в Риме.

Красс был сенатором, но особенным авторитетом в сенате не пользовался. Там он, скорее, занимал место в оппозиции, хотя по тактическим соображениям и мог время от времени примыкать к большинству. Зато среди римского народа он был довольно популярен. Красс был щедр, охотно угощал обедами людей из народа, даже давал в долг деньги без процентов, но, правда, требовал потом возвращения долгов неукоснительно. Известен он был и как оратор, не раз выступал в судах по таким делам, за которые не брались ни Цицерон, ни Цезарь, славившиеся своим красноречием. Его речи отличались непомерной агрессивностью, так что даже завзятые спорщики не всегда решались с ним связываться. Впрочем, на этом поприще ему далеко не всегда сопутствовала удача. Так, в 66 г. до н. э. он проиграл процесс известного политического деятеля и историка Гая Ливия Макра, которого Цицерон обвинил в вымогательстве в провинции, которой Макр управлял после исполнения должности претора. Чрезвычайно импонировало римлянам и то, что Красс знал чуть ли не всех встречных по имени.

Одновременно Красс был очень честолюбив и очень завистлив. Он считал себя спасителем Рима, не оцененным в этом качестве римским народом. Это его чувство особенно обострялось при сравнении с Помпеем, который, по его мнению, был незаслуженно возвеличен. Как-то, когда в присутствии Красса сказали, что пришел Помпей Великий, он со смехом спросил, какой же он величины. Все это, конечно, привело к острому соперничеству с Помпеем, что, как уже было сказано, не помешало им обоим вместе быть консулами. Как и многие другие видные римляне, Красс стремился к политической карьере. Деловая активность и политическая деятельность шли у него рука об руку. Нельзя сказать, что он занимался политикой для улучшения условий своего бизнеса, как нельзя говорить и то, что его экономические, точнее финансовые, мероприятия были предназначены лишь для создания основы его политической карьеры. Все это вполне совмещалось в Крассе, но в разные периоды его жизни на первый план выходила то одна, то другая сторона его деятельности.

Политическое положение Красса было неустойчиво. Он не примыкал ни к оптиматам, с которыми порвал вскоре после смерти Суллы, ни к популярам, которые ему не доверяли. Он преследовал исключительно личные цели, но сил для этого у него одного было мало. Поэтому Красс искал союзников. Таковым скоро стал Цезарь. Правда, сначала их отношения были далеки от идеальных. Они были очень разными. Цезарь принадлежал к очень знатному патрицианскому роду, возводившему свое начало к богине Венере и ее сыну первопредку римлян Энею. В начале своей карьеры Красс выступил как активный сулланец и находился на проскрипциях, а Цезарь, женатый на дочери Цинны и будучи племянником жены Мария, попал в проскрипционный список и был исключен из него только по просьбе влиятельных друзей, к каковым Красс в то время не относился. Красс и Цезарь были соперниками на судебном поприще. Наконец, очень разными были их натуры. Для Красса бизнес и политика были неразрывны, Цезарь был весь нацелен только на политическую деятельность. Красс в принципе был накопитель; как каждый богач, он не видел предела обогащения. Цезарь не был равнодушен к деньгам, но мог их тратить, не считая, если для чего-нибудь ему это было нужно — в личных или политических целях. Цезарь смолу был чрезвычайно яркой фигурой и уже поэтому не мог сразу вызвать симпатии Красса. Но политическая целесообразность заставила последнего пойти на союз с Цезарем, который был моложе его лет на пятнадцать.

Другим человеком, с которым в это время сблизился Красс, был Люций Сергий Катилина. Как и Красс, он был активным сулланцем, но прославился скорее не военными успехами в гражданской войне, а жадностью во время проскрипций, превзойдя в этом даже Красса; так, он убил собственного брата, чтобы завладеть его имуществом, а уже потом добился внесения его в проскрипционный список. Но в отличие от Красса он столь быстро и столь несправедливо нажитое имущество так же быстро промотал и теперь стремился достичь высшей власти в значительной степени для того, чтобы поправить свои имущественные дела. Такой человек вполне мог быть в большой степени управляемым, как этого и хотел Красс. Его имя появилось в связи с так называемым первым заговором Катилины.

На выборах консулов на 65 г. до н. э. победили Публий Корнелий Сулла, родственник покойного диктатора, тоже весьма разбогатевший во время проскрипций, и Публий Автроний Пет. Однако они были обвинены в подкупе избирателей, привлечены к суду и осуждены, так что вступить в должность не могли, а консулами должны были 1 января 65 г. до н. э. стать идущие следом Люций Аврелий Котта и Люций Манлий Тор-

кват. Обиженные кандидаты, особенно Пет, решили этому противодействовать. Пет вошел в сношения с Катилиной, знатным молодым человеком Гнеем Кальпурнием Пизоном и еще некоторыми, в результате чего был составлен заговор. Заговорщики собирались 1 января в день вступления консулов в должность убить их, после чего Пизон должен был встать во главе войск и поднять мятеж, уничтожив в ходе его неугодных сенаторов. Заговор окончился неудачей, ибо так и не был подан сигнал к убийству и перевороту. Но по Риму поползли упорные слухи, что за спинами заговорщиков стояли Красс и Цезарь, что после переворота первого должны были провозгласить диктатором, а второго — начальником конницы, т. е. его помощником. Говорили даже, что именно Цезарь должен был дать сигнал к перевороту, а Красс, находясь в сенате, способствовать успеху мятежа, но оба они якобы испугались, а Красс в этот день вообще предпочел остаться дома. Насколько эти слухи были обоснованны, сказать трудно, но они встревожили сенат, который испугался, что они могут подтвердиться, а в случае судебного преследования Красса и Цезаря, в то время весьма популярных в римской толпе, та может за них вступить. Поэтому дело было замято. Пизона отправили с глаз долой в Дальнюю Испанию, дав ему, исполнявшему только должность квестора, полномочия пропретора, причем инициатором этого был именно Красс. Остальных заговорщиков вообще оставили на свободе.

Если Красс и был действительно причастен к этому заговору, то его провал не заставил его отказаться от политической деятельности. Теперь он сделал ставку и на Катилину, и на Публия Сервилия Рулла, избранного народным трибуном на 63 г. до н. э. 10 декабря 64 г. до н. э. Рулл вступил в должность, а уже 12 декабря выступил со своим законопроектом. Проект предусматривал наделение землей неимущего населения Рима, для чего надо было вывести ряд колоний в Италии и для этого использовать еще не разделенные земли в Кампании. Но этих земель для исполнения проекта Рулла было мало, и он предложил выкупить земли у их владельцев по требуемой ими цене и распределить купленные земли как среди ветеранов, так и других нуждающихся. А чтобы обеспечить эту акцию деньгами, предполагалось пустить в продажу земли в провинциях и использовать большую часть пошлин, сборов, различных налогов и военную добычу Помпея. Проведение такой грандиозной операции требовало хорошей организации, и поэтому для ее руководства предлагалось создать комиссию из десяти человек (децемвиры), которой предоставлялись огромные права во внутренней и даже частично внешней политике и придавался штат из 200 человек для выполнения технической работы. Комиссию должны были избрать на народном собрании, но только из тех людей, которые в тот момент нахо-

дились в Риме. Это правило исключало Помпея, но делало вполне реальным избрание Красса и Цезаря: огромное богатство одного и всем известная щедрость другого делали вполне возможным широкий подкуп.

Как и в случае с неудавшимся заговором, возникли разговоры о закулисной роли Красса и Цезаря. Скорее всего, это не так; скорее всего, Рулл предоставлял этим деятелям возможность попасть в комиссию как плату за поддержку проекта. Их объединял, таким образом, взаимный интерес. Законопроект, однако, встретил жесткий отпор. Против него решительно выступил Цицерон, избранный консулом и ставший им 1 января 63 г. до н. э. В своих горячих речах, направленных против Рулла и его проекта, он намекал на Красса и Цезаря. Сенат испугался возможного возвышения этих деятелей, да и вообще он был против всякого аграрного законодательства. Всадников встревожила перспектива передачи в руки комиссии сбора пошлин и налогов. Городской плебс был совсем не склонен уезжать из Рима и менять полунищенскую, но зато беззаботную жизнь в городе на тяжелый крестьянский труд. Крестьянство после поражений Гракхов и Сатурнина уже не выступало как самостоятельная сила, а после гражданских войн и сулланских репрессий оно сильно изменилось. Так что поддерживать законопроект было некому. Видя все это, Рулл в конце концов сам взял свой проект обратно, даже не пытаясь поставить его на голосование. Так что надежда Красса этим путем подняться на самый верх политической иерархии лопнула.

Провалились и его расчеты на Катилину. Красс, как об этом упорно говорили в Риме, финансировал его кампанию по выборам в консулы на 63 г. до н. э., хотя программа Катилины, призывавшего к отмене долгов и новым проскрипциям, не могла его не пугать. Однако Катилина провалился, и вместо него консулом был избран Цицерон, возглавивший затем упорную борьбу со своим недавним соперником. Катилина же, убедившись, что легальным путем ему до власти не добраться, составил заговор с целью насильственного государственного переворота и привлек к нему самых разных людей — от промотавшихся аристократов до городских низов, которых объединяло одно — обещание вождя поправить их положение за счет нынешних богачей и власть имущих. Красс не входил в число заговорщиков, но те, вероятно, все же рассчитывали на него. Недаром они отправили к нему, впрочем, как и к некоторым другим бывшим консулам, письмо, которое Красс сразу же, не дожидаясь утра, поспешил показать Цицерону и которое изобличало заговорщиков. Но когда Цицерон в сенате потребовал принятия специального постановления о фактическом введении чрезвычайного поло-

жения, Красс был среди тех сенаторов, которые высказались против этого. Однако когда дело дошло до открытого мятежа Катилины, покинувшего город под давлением Цицерона, и ареста в Риме его изобличенных сообщников, Красс активно поддержал эти аресты и даже сам стал стражем одного из заговорщиков — всадника Публия Габиния Капитона. Однако это не спасло его от обвинения в личном участии в заговоре. Арестованный и приведенный в сенат для публичного допроса Люций Тарквиний среди прочих назвал в числе заговорщиков и Красса. Это вызвало замешательство в сенате: одни, как и три года назад, испугались необходимости привлечения к суду такого видного деятеля, как Красс, а другие были связаны с ним финансовыми отношениями. Со всех сторон раздались крики, что донос ложный, а затем было принято по этому поводу специальное постановление, Тарквиния было решено держать в тюрьме и не давать более вообще возможности говорить. Но когда на следующий день состоялось сенатское заседание, на котором решалась судьба арестованных катилинариев, Красс предпочел отсидеться дома.

Мятеж был окончательно подавлен в начале 62 г. до н. э. А во второй половине того же года в Рим стали доходить вести о скором возвращении Помпея. Все в страхе ждали появления его в Италии во главе мощной и победоносной армии. Не стал исключением и Красс. Охваченный паникой, он взял с собой сколько мог денег и вместе со всей семьей уехал из Италии в Малую Азию, где некоторое время путешествовал вдоль эгейского побережья. Но в скором времени он узнал, что Помпей свою армию распустил и частным человеком прибыл к городской черте, которую не мог переходить до триумфа, и, следовательно, стал совершенно не опасен. И Красс сразу же вернулся в Рим. В это время Цезарь, только что отслуживший срок своего преторства, должен был отправиться в Дальнюю Испанию, наместником которой он был назначен, но кредиторы не хотели отпускать его из Рима. Красс, явно рассчитывавший в ближайшем будущем на поддержку Цезаря, из своих средств заплатил самые срочные его долги и поручился за остальные. Цезарь смог свободно уехать в Испанию. А в Риме самым жгучим вопросом стало удовлетворение требований Помпея.

Красс, который любое возвышение Помпея воспринимал как личное оскорбление, решительно примкнул к сенатскому большинству, которое под разными предлогами отказывалось пойти навстречу Помпею. Лидерами этого большинства в данной ситуации выступали Катон и Лукулл, и Красс их на этот раз активно поддержал, причем настолько активно, что в Риме говорили, что именно Красс, а не Лукулл является главным соратником Катона. Но занимался он не только про-

тивом Помпею. К нему обратились за помощью откупщики, которые сочли, что заплатили слишком высокую цену за откуп налогов в провинции Азии, и теперь очень хотели пересмотреть эту сделку. Упоывая на свой, как он считал, теперь высокий авторитет в сенате, Красс согласился стать их ходатаем перед сенаторами. К тому же Красс, сам занимавшийся различными финансовыми операциями (хотя и не откупами, которые ему как сенатору были недоступны), был социально близок к всадникам и принимал их беды близко к сердцу. Но против пересмотра решительно выступил Катон, считавший пересмотр незаконным. И тут Красс увидел, чего на деле стоит его союз с Катоном и с возглавляемым им сенатским большинством. Они могли использовать Красса для противодействия Помпею, но во всем остальном не желали идти навстречу Крассу. И добиться своего Красс так и не сумел. Это было, конечно, тяжелым ударом по его авторитету и по его самомнению. Он понял, что с сенатом ему не по пути.

В это время вернулся из Испании Цезарь. Он понял, что ни он сам, ни Красс, ни Помпей не смогут добиться своих целей поодиночке и только их совместное выступление способно преодолеть оппозицию сената. И Цезарь сделал невозможное: он сумел примирить Красса и Помпея. Более того, они составили союз трех — триумвират, ставший неформальным, но весьма эффективным сообществом. Триумвиры добились избрания Цезаря консулом на 59 г. до н. э., а тот, став консулом, провел законы, удовлетворявшие его друзей. Так, он сумел добиться пересмотра дела откупщиков в Азии. Власть триумвиров казалась столь значительной, что многие, и в их числе Цицерон, которого в то время, правда, не было в Риме, думали, что следующими консулами станут Красс и Помпей. Но Цезарь уехал в Галлию, а Красс и Помпей остались частными лицами. Однако триумвират продолжал существовать, и влияние триумвиров в Риме оставалось довольно ощутимым.

И все же отъезд Цезаря поколебал сплоченность этого союза. Красс и Помпей остались в Риме без весьма влиятельного посредника, обладавшего к тому же какой-то магической силой убеждения. И уже в 58 г. до н. э. пошли разговоры о разногласиях между Крассом и Помпеем. А в начале 56 г. до н. э. эти разногласия уже стали несомненным фактом. Назначение Помпея куратором хлебного снабжения с чрезвычайными полномочиями и успешное выполнение им этого поручения снова, как в былые времена, взволновало Красса. А тут еще возникла сильная группировка, стремившаяся именно Помпея отправить с армией в Египет для восстановления на троне Птолемея XII, и было ясно, что это станет новым этапом возвышения Помпея, и никто не мог поручиться, что после этого Помпей снова распустит свою армию. Поэтому Красс выступил

против того, чтобы Помпея отправили с войском в Египет. Он, как и явные противники Помпея, ссылался на старинное пророчество, запрещающее под угрозой всяческих бед вооруженное вмешательство в египетские дела. А затем он активно поддержал предложение отправить Помпея в Египет только в качестве посла лишь с двумя другими такими же послами. Это было на руку Крассу: с одной стороны, Помпей снова удалялся из Рима и неизвестно, на какое время, а с другой — не имея армии, Помпей даже в случае успеха не будет представлять слишком серьезной угрозы. Однако, как уже говорилось в очерке о Помпее, в это дело вмешался помпеевский наместник Сирии Габиний, который, не спрашивая разрешения сената, со своим войском явился в Египет и восстановил власть Птолемея. Активное участие Красса в антипомпеевских интригах вызвало возмущение Помпея, и распад триумvirата стал вполне реальным. Но триумvirат еще был нужен Цезарю.

То ли по собственной инициативе, то ли по приглашению Цезаря Красс в марте 56 г. до н. э. встретился с Цезарем в Равенне. По-видимому, они обсуждали римские дела и перспективы их союза. Вскоре после этого все трое встретились в Луке и приняли ряд важных решений, которые и сумели в том же году провести через народное собрание. В частности, они добились избрания консулами на 55 г. до н. э. Помпея и Красса. Снова, как и 15 лет назад, эти деятели вместе осуществляли верховную власть в республике и снова, как и тогда, первую скрипку играл, несомненно, Помпей. Правда, внешне они выступали сплоченно. Даже не находясь в Риме, они советовались друг с другом, для чего Красс приезжал в альбанское поместье Помпея. Когда Цицерон заговорил с Помпеем о восстановлении некоторых памятников и надписей, разрушенных Клодием, Помпей посоветовал ему обратиться к Крассу, чтобы тот принял соответствующие меры. Красс стал инициатором принятия закона «об обществах», который рассматривал действия различных оформленных или полуоформленных группировок (что-то вроде политических клубов) во время выборов, особенно распространение через них денег как недопустимую форму подкупа и устанавливал за это суровое наказание. Поскольку такие объединения в основном были аристократическими, то Красс с тем большим удовольствием настаивал на принятии этого закона. Но главным из того, что привлекало Красса в консульстве, была возможность получения провинции после него. И по закону Требония Красс стал наместником Сирии с правом вести там войну по своему усмотрению.

Война в Сирии могла вестись только с одним врагом — с Парфией. Это могучее царство, раскинувшееся от Евфрата до Инда, выступало несомненным соперником Рима на Востоке, хотя до сих пор

между ними военных действий не было. Помпей ограничился присоединением Сирии и некоторых ближайших районов и подчинением местных царьков, но на Парфию не покушался. Оба государства стремились к установлению своего влияния в Армении, но и это соперничество пока не выливалось в открытую войну. Правда, уже Габиний начал было военные действия, действуя при этом явно с разрешения римского правительства, ибо позже ему вменяли в вину самовольные действия в Египте, но не в Парфии. Но это была, скорее, разведка, которая еще больше убедила Красса в возможности победоносной войны с Парфией. Красс полагал, что этот поход, который станет по существу повторением похода Александра Македонского, затмит не только уже основательно увядшие лавры Помпея, а тем более Лукулла, чьи деяния он называл детскими забавами, но и впечатление от ошеломляющих успехов Цезаря в Галлии, и он, Красс, войдет в историю не как покоритель каких-то жалких варваров, а как новый Александр Великий. Не забывал Красс и того, что поход сможет принести ему и громадные материальные выгоды.

В это время парфянский царь Митридат был свергнут своим братом Ородом и бежал в Сирию, призывая римлян вернуть ему трон. Красс, конечно же, сразу же поторопился этим воспользоваться. Не дожидаясь окончания срока консульства, он послал в Сирию своих легатов, чтобы они приняли провинцию от Габиния. Габиний отказался подчиниться, и тогда Красс решил лично, сочтя время наиболее благоприятным, двинуться в Сирию. Сенатское большинство не желало похода против парфян, справедливо опасаясь в случае успеха чрезмерного возвышения Красса. Красс тоже это понимал и сделал попытку нейтрализовать своих врагов, договорившись с Цицероном. Незадолго до своего отъезда он напросился к нему на обед, который едва ли был просто приятным времяпрепровождением. Против похода решительно выступил народный трибун Гай Атей Капитон. Он был тесно связан с сенатским большинством и совсем недавно пытался не допустить принятия закона своего коллеги Требония, по которому и произошло назначение провинций консулам. Теперь он призвал народ воспрепятствовать походу Красса, и его горячая речь увлекла многих, так что Красс был вынужден обратиться за помощью к Помпею, чья популярность была еще велика, и только с его помощью вообще смог покинуть город. Не смирившийся с неудачей Капитон даже попытался арестовать Красса, но вмешательство других трибунов заставило его отпустить консула. Тогда уже на самой городской черте трибун зажег жаровню и произнес страшные старинные заклятия, направленные против Красса.

В те дни в зимнее время моряки обычно не выходили в море: их сравнительно легкие корабли могли стать добычей зимних бурь. Но Красс пренебрег этим и вывел флот из Брундизия уже зимой 55–54 гг. до н. э. В пути он действительно потерял часть кораблей с воинами и не решился двигаться по морю до Сирии. Его армия высадилась в Малой Азии, и поход дальше продолжался уже по суше. Сосердоточив свою армию на берегу Евфрата, Красс перешел реку и вторгся в Месопотамию. Парфяне не ожидали этого вторжения, а жители ближайших городов, среди которых было много эллинов, немногим более полувека назад окончательно покоренных парфянами и еще жившие эллинистическими традициями, поддержали римлян. Только правитель города Зенодотии Аполлоний попытался организовать сопротивление, но город был взят и подвергнут страшному разграблению. Путь на Вавилон и парфянскую столицу Ктесифон был практически открыт. Но наступала зима, и Красс, который не утратился плавания в зимнее время, теперь решил, оставив в захваченных городах сравнительно небольшие гарнизоны, с основной армией уйти на зимние квартиры в Сирию. И там он занялся не столько подготовкой воинов к новой кампании, сколько личным обогащением. Он ограбил храмы Атаргатис в Сирии и Йахве в Иерусалиме, набирал новых солдат и освобождал их от военной службы за вознаграждение, усердно собирал различные налоги и подати. Парфяне пытались договориться с Крассом, но, видя неудачу этих попыток, стали активно готовиться к войне.

Союзником Рима выступал армянский царь Артавазд II. Он, хорошо зная обстановку, предложил Крассу вполне реалистичный план нового похода. Так как главной силой парфянской армии была конница, особенно тяжеловооруженная (так называемые катафрактари), то, по мнению Артавазда, лучше всего было бы совершить поход через Армению, в горных условиях которой тяжелая конница просто не могла развернуться и эффективно действовать. Однако Красс не хотел ни с кем делиться лаврами будущих побед и к тому же счел поход кружным путем через Армению лишней тратой времени. Поэтому он отверг предложение армянского царя и двинулся непосредственно на Месопотамию.

Парфянский царь принял свои меры. Была собрана громадная армия, которая разделилась на две части. Еще не зная точно, каким путем пойдет Красс, и так же, как Артавазд, понимая выгоду для римлян армянского маршрута, царь Ород с основной частью войска вторгся в Армению и развернул военные действия против Артавазда. Другую часть он направил на защиту Месопотамии, поставив во главе ее Сурену. Это было, собственно, не личное имя, а имя знатного парфянского рода,

занимавшего в иерархии царства второе место после царского рода Аршакидов, а собственно Сурена, глава этого рода, считался второй фигурой в Парфянском царстве.

Пока Ород воевал в Армении, Красс перешел Евфрат и двинулся по Месопотамии, так что вся тяжесть войны с ним выпала на долю именно Сурены. Квестор Красса Кассий, как об этом уже упоминалось, предлагал полководцу двинуться вдоль Евфрата, в результате чего правый фланг римской армии был всегда защищен рекой, так что парфяне не могли бы ее окружить, и вдоль реки шел прямой путь на Ктесифон и другие города Центральной Месопотамии. Этот план был вполне реалистичен. Но с помощью предательства Сурена сумел заманить армию Красса в почти безводную пустыню Северной Месопотамии. Там уставшая, страдающая от недостатка пищи и особенно воды римская армия была внезапно окружена огромным парфянским войском. Главной силой парфян наряду с конницей были лучники. Сурена специально подготовил обоз из верблюдов, который вез с собой почти неисчерпаемый запас тяжелых парфянских стрел, насквозь пробивающих римские панцири. И не вступая с римлянами в рукопашный бой, парфяне засыпали их своими стрелами. Притворным бегством они сумели оторвать от основного войска часть римской армии во главе с сыном Красса Публием. Еще сравнительно недавно Публий Красс с успехом сражался в Галлии под командованием Цезаря, но когда Красс стал готовиться к парфянскому походу, Цезарь отослал его к отцу, дав ему значительный отряд из галльских всадников. Теперь эти легкие галльские конники столкнулись с тяжелой кавалерией парфян и, естественно, потерпели поражение. Сам Публий и его воины сражались храбро, но перевес был явно на стороне парфян, и все они погибли в неравном бою. Огромные потери понесла и основная армия Красса.

Потеряв значительную часть своей армии и сына, Красс совершенно упал духом, так что фактически командование приняли на себя его квестор Кассий и легат Антоний. По их инициативе армия ночью покинула лагерь, бросив там раненых и всех тех, кто не был способен быстро передвигаться. Ночью лучники были бесполезны, и парфяне не стали сразу же преследовать римлян, а утром напали на лагерь и перебили всех там оставшихся. А затем Сурена начал преследование отступавшего Красса. Тот уже несколько пришел в себя и снова принял командование армией. Около города Карры (древний ассирийский Харран) парфяне снова окружили римлян. Произошло новое сражение, которое проходило с переменным успехом. Но Красс понял, что победить уже не сможет и необходимо спасать римских солдат, дав им возможность уйти за Евфрат. Да и силы парфян значительно уменьшились. И тогда Сурена предложил

Крассу обсудить условия перемирия. Красс с радостью согласился, хотя и подозревал коварство. Как только Красс со своими спутниками оказался в расположении парфян, на его небольшой отряд внезапно напали. Завязался бой, в ходе которого часть римского отряда бежала, а часть была уничтожена. В этом бою погиб и Красс. Отрубленные голову и руку врага Сурена отослал своему царю в Армению.

В это время Артавазд, потерпевший ряд поражений, понял, что надежд на римскую помощь нет, и пошел на переговоры с Ородом. Был заключен мир, скрепленный браком сестры Артавазда с сыном Орода Пакором. Во время свадебного пира прибыли гонцы со страшной поклажей — головой и рукой римского полководца. Греческий актер Ясон, декламировавший монолог из трагедии Еврипида, по ходу действия бросил к ногам пирующих царей не муляж головы, а подлинную голову Красса, что вызвало восторг всех присутствующих.

Что же касается римской армии, оставшейся без командующего, то значительная ее часть была вынуждена сдаться. В руки парфян попали огромные трофеи, в том числе штандарты легионов и других воинских частей. Такого позора Рим не испытывал уже давно. Другая часть армии попыталась спастись, но почти все воины были перебиты арабскими кочевниками. Только отряду во главе с Кассием удалось вернуться в Сирию, оборону которой Кассий затем и организовал.

Гибель Красса привела к окончательному распаду триумvirата. Теперь на авансцене римской политической трагедии остались только Цезарь и Помпей, которые вскоре и вступили в ожесточенную борьбу друг с другом.

Приблизительно через полтора года после убийства Цезаря появился второй триумvirат, одним из членов которого стал Марк Эмилий Лепид.

В отличие от Лициниев, Помпеев, Порциев Эмилии были патрициями, причем относились к самым знатным и старинным патрицианским родам, чье начало терялось во тьме давних времен. Некоторые даже возводили его либо к дочери самого Энея, либо его внуку Эмилу. Когда в VI в. до н. э. предпоследний римский царь Сервий Туллий провел свою знаменитую реформу и создал территориальные трибы вместе родовых, одну такую трибу он назвал Эмилией. Эмилиями были Скавры, Павлы, Мамерки, Лепиды, и все они играли видную роль на протяжении всего существования Римской республики. Первый Лепид стал консулом в 285 г. до н. э., и с этого времени Лепиды не раз достигали этого поста. Были Лепиды и цензорами, и первоприсутствующими в сенате (принцепсами сената). С именем Эмилиев Лепидов связаны постройки великолепной базилики в самом Риме и Эмилиевой дороги, связывающей Италию с Цизальпинской Галлией.

Отец будущего триумвира Марк Эмилий Лепид в 100 г. до н. э., подобно многим другим оптиматам, с оружием в руках выступил против Сатурнина. Когда в 83 г. до н. э. Сулла высадился в Италии, Лепид примкнул к нему и принял активное участие в гражданской войне. Так, в 82 г. до н. э. он захватил, хотя и в результате измены, упорно сопротивлявшийся город Норбу, практически завершив этим военные действия в Лации. После победы Суллы Лепид был одно время наместником Сицилии и «прославился» там своими грабежами, после чего на награбленные деньги построил в Риме самый роскошный дом своего времени. Его даже пытались привлечь к суду за грабеж провинции, но обвинители, видя его популярность среди римского народа, предпочли отказаться от обвинения. Лепид всю жизнь воспользовался представившимися возможностями и столь бессовестно обогатился во время проскрипций, что даже, подобно Крассу, вызвал неудовольствие Суллы. Поэтому когда он выставил свою кандидатуру в консулы на 78 г. до н. э., Сулла этому решительно воспрепятствовал. Но Лепид неожиданно поддержал Помпей, уже тогда пользовавшийся огромной славой, и вопреки воле диктатора Лепид был избран вместе с Квинтом Лутацием Катулом. Сулле пришлось только удовлетвориться замечанием Помпею, что тот помог избранию негодая, который скоро принесет много бед и Риму, и самому Помпею.

Когда Лепид и Катул вступили в должность, Сулла был уже официально частным человеком, и это вдохновило Лепид на переход в оппозицию к бывшему диктатору. Вероятнее всего, это было вызвано чисто личными причинами и стало следствием недоброжелательства к нему Суллы, но важно было то, что Лепид первым выступил за ликвидацию самого режима, установленного Суллой. Он произнес горячую речь, направленную против Суллы. В ней он обрушился на бывшего диктатора, обвиняя его в том, что тот отнял у граждан свободу, собственность и право повиноваться законам, а не одному человеку. Он призывал к восстановлению прежних законов, в том числе и прав трибунов в их полном объеме, и призывал вернуть имущество и все права уцелевшим проскрибированным и их потомкам. Сам обогатившийся на проскрипциях, Лепид заявлял, что он только законно покупал имущество несчастных и готов теперь за деньги вернуть его прежним владельцам. Свою речь он закончил горячим призывом к борьбе за восстановление свободы, и в этой борьбе он предлагал себя в качестве вождя. Несмотря на все красноречие, привлечь на свою сторону он не смог ни народ, все еще трепетавший при имени Суллы, ни сенат, в котором сулланцы составляли явное большинство.

После смерти Суллы, когда Лепиду не удалось добиться отмены торжественных похорон бывшего диктатора за государственный счет, он решил выступить более открыто. Споры между консулами грозили перерасти в новую гражданскую войну, и сенат потребовал от них дать клятву не прибегать к войне. В это время в Этрурии, одной из областей, наиболее пострадавших от сулланских репрессий, вспыхнуло восстание. Около города Фезулы бывшие землевладельцы, лишенные своих земель в пользу сулланских ветеранов, напали на последних и перебили многих из них, а земли распределили между собой. Обеспокоенный сенат направил туда обоих консулов с войсками. Но Лепид предпочел остаться нейтральным, а Катул был вынужден вернуться в Рим. Когда сенат под предлогом необходимости провести выборы консулов следующего года потребовал возвращения Лепида в Рим, тот решительно отказался. Более того, он заявил, что данная им клятва воздерживаться от войны действительна только на год его консульства, после чего он будет считать себя свободным от всяких ограничений. И когда его консульский год закончился, Лепид открыто выступил с оружием в руках. К нему примкнули все недовольные и обиженные Суллой. Лепид потребовал возвращения изгнанников и возврата отнятых Суллой земель. Не получив ответа на свои требования, он двинулся на Рим. Перед римлянами вновь встал грозный призрак гражданской войны, которой они боялись более всего. Во главе армии, направленной против Лепида, встал Помпей, который разбил войска Лепида уже у самой городской черты Рима. Лепид отступил, а Помпей, разбив его легата Брута около Мутины, отрезал его от всякой возможной помощи. Тогда Лепид снова двинулся на Рим, где было довольно много его тайных сторонников. По настоянию Люция Марция Филиппа сенат объявил Лепида «врагом римского народа», что ставило его вне закона. До нового сражения под стенами города дело не дошло. Лепид, узнав о поражении Брута, отступил. Он отошел в этрусский город Козу, а оттуда решил переправиться на Сардинию. Лепид рассчитывал, укрепившись на этом острове в непосредственной близости от Рима, перерезать пути сообщения города и заставить его сдаться под угрозой голода. Но очень скоро, находясь на Сардинии, он заболел и в том же году умер. Остатки его армии Перперна увел в Испанию.

Когда происходили все эти бурные события, старшему сыну мятежника, будущему триумвиру, было всего 13 лет. О его молодости известно очень мало. Лепид долго не играл видной политической роли, да, по-видимому, долго к этому и не стремился. В 66 г. до н. э. он занял первую общественную должность: руководил чеканкой монеты. В 64 г. до н. э. Лепид был избран в коллегию понтификов — жрецов Юпитера.

Это было довольно почетно, но никакого политического значения не имело. И только через 11 лет он стал эдилом. Когда в 52 г. до н. э. политическая анархия в Риме достигла своего апогея и было невозможно избрать консулов, сенат стал назначать «междуцарей», которые, сменяя друг друга, в течение пяти дней каждый исполняли должность главы государства. Одним из таких «междуцарей» был и Лепид. Его назначили через два дня после убийства Клодия, когда Рим оказался почти во власти разгневанной банды. Претенденты на консульство немедленно потребовали от Лепида, чтобы тот созвал народное собрание для выборов консулов, но это противоречило обычаю, ибо «междуцари» обычно этого не делали, и Лепид решительно отказался. Тогда толпа окружила дом Лепида и практически взяла его в осаду. А через пять дней, когда и срок «междуцарствия» Лепида уже прошел, она ворвалась в его дом, разгромила его и сожгла. Через два года Лепид выставил свою кандидатуру в преторы на 49 г. до н. э. и был избран. И с этого времени начался его быстрый взлет.

Когда Цезарь в январе этого года перешел Рубикон и Помпей под угрозой объявления врагами отечества приказал сенаторам и всем должностным лицам покинуть Рим, Лепид отказался и стал единственным человеком, занимавшим высокую должность, который остался в Риме и встретил там победоносного Цезаря. По существу он оказался в этот момент вообще высшим должностным лицом республики, находящимся в городе. Цезарю же было очень важно заставить хоть какое-нибудь официальное лицо, и таким лицом оказался Лепид. И Цезарь не мог этого не оценить. В скором времени ему пришлось отправиться в поход в Испанию, и во главе Рима он оставил именно Лепида. И с этого момента Лепид входит в состав ближайшего окружения Цезаря и более уже из него не выходит.

Пока Цезарь воевал на Западе, Лепид то ли по собственной инициативе, то ли выполняя более раннюю договоренность, в качестве городского претора созвал народное собрание, на котором провел закон о назначении диктатора. А затем на основании этого закона объявил диктатором Цезаря. Это было не очень-то законно, претор таких полномочий не имел, но, во-первых, консулов, которые могли бы это сделать, в Риме не было и Лепид в качестве городского претора оставался высшей властью, а во-вторых, кто особенно считался с законами и обычаями в период гражданской войны! Запрещение такого способа назначения диктатора содержалось и в книгах жрецов-авгуров, но членами этой коллегии были многие друзья Цезаря, и в их числе Антоний, так что и это затруднение было легко преодолено. Этот акт легализовал положение Цезаря как победителя (хотя война была еще далеко не за-

кончена), а главное — давал ему законное право провести выборное собрание и издать ряд важных для него законов. Диктатором в этот раз Цезарь пробыл всего 11 дней после своего возвращения в Рим, но использовал этот срок полностью. И за это он должен был благодарить Лепида, который доказал, что является верным сторонником Цезаря. И тот, распределяя на следующий год управление провинциями, которые он уже контролировал, назначил Лепида наместником Ближней Испании, причем в ранге не пропретора, как можно было ожидать, а проконсула.

Лепид, подобно своему отцу, всю использовал свое положение и обложил провинциалов непосильными сборами, собирая деньги где только было можно. В скором времени ему пришлось отвлечься от этого увлекательного занятия и вмешаться в дела соседней провинции Дальней Испании, где против цезаревского наместника Кассия выступило несколько легионов во главе с Марцеллом. Кассий призвал себе на помощь Лепида, и тот с 35 когортами, конницей и вспомогательными частями явился в Дальнюю Испанию. Но, прибыв на место, он не встал однозначно на сторону Кассия. Тот своими вымогательствами довел провинцию до крайнего возмущения, и Лепид, понимая это, сначала попытался выступить посредником между Кассием и Марцеллом, а когда это не удалось, поддержал последнего. В результате Кассий покинул провинцию, и дело на какое-то время было улажено. Лепид не принимал никакого участия в самих военных действиях, но благополучный исход этого конфликта послужил поводом для назначения для него триумфа. Это назначение не могло не рассматриваться как полная деградация самого понятия триумфального шествия как самой почетной награды римскому полководцу.

По-видимому, осенью 47 г. до н. э. Лепид возвратился в Рим. В это время там снова после долгого отсутствия появился Цезарь, и Лепид счел необходимым оказаться у него на глазах. Его поведение в Испании Цезарь оценил как полезное и еще более приблизил Лепида к себе. В это время на некоторый период произошло охлаждение отношений между Цезарем и Антонием, и Лепид имел все шансы занять в окружении Цезаря его место. В ходе «выборов» консулов на 46 г. до н. э. Цезарь провел на эту должность самого себя и Лепида. Таким образом, Лепид оказался коллегой самого Цезаря. И когда Цезарь в декабре отправился на театр военных действий в Африку, Лепид с 1 января остался единоличным главой государства. Так продолжалось до возвращения Цезаря из Африки в июле 46 г. до н. э. Вскоре после своего возвращения в Рим Цезарь был снова провозглашен диктатором на десятилетний срок, и своим начальником конницы, т. е. помощником

диктатора, он назначил Лепида. Таким образом, Лепид становился вторым лицом в государстве. А когда Цезарь в начале декабря 46 г. до н. э. был вынужден снова отправиться на войну, на этот раз в Испанию, он официально оставил своим заместителем Лепида. Именно Лепид провёл уже после отъезда Цезаря народное собрание, на котором Цезарь был «избран» консулом на следующий год. Впрочем, насколько его власть была реальной, сказать трудно. Цезарь создал коллегии из восьми префектов города; официально они должны были помогать Лепиду осуществлять руководство делами, но фактически резко уменьшили его власть. Когда Цицерону нужно было по каким-либо делам связаться с отсутствующим Цезарем, он обращался не к Лепиду, а к всадникам Гаю Оппию и Люцию Корнелию Бальбу, которые не занимали никаких официальных постов, но с которыми все дела и решались. Такое положение явно устраивало Цезаря, и с ним должен был мириться и Лепид. Став в 44 г. до н. э. снова диктатором и в пятый раз консулом, Цезарь сделал своим коллегой по консульству Антония, а начальником конницы вновь назначил Лепида. Одновременно он поручил Лепиду управление Трансальпийской Галлией, т. е. той частью заальпийской Галлии, которая уже 80 лет находилась под властью Рима (позже ее станут называть Нарбонской), и опять же Ближней Испанией. Занимая одновременно должность начальника конницы, Лепид в свои провинции не поехал, а, подобно Помпею, отправил туда своих друзей, которые и управляли ими от его имени.

Отношения Лепида с Антонием были, вероятно, довольно сложными. Именно охлаждение Цезаря к Антонию привело к быстрому возвышению Лепида. А затем диктатор как бы разделил свои симпатии между обоими, каждого назначив одним из своих официальных помощников — одного как начальника конницы, другого как консула. 15 февраля 44 г. до н. э. во время праздника Луперкалий Антоний преподнес Цезарю царскую диадему. Собравшаяся толпа, кроме заранее подготовленной «клаки», отнеслась к этому резко отрицательно. И Лепид отреагировал на этот поступок с печалью и слезами. Действительно ли он воспринял это действие как оскорбление традиционных римских ценностей или увидел в нем удачный ход соперника, сказать трудно. Так же трудно наверняка сказать, каково было подлинное отношение самого Цезаря к этому жесту. Во всяком случае, внешне он никак своего отношения к Лепиду после этого случая не изменил. Вечером 14 марта 44 г. до н. э. он обедал у Лепида вместе с Децимом Юнием Брутом, активным участником заговора против него. Пир был достаточно роскошным, и Цезарь пьяным отправился домой. А на следующий день в театре Помпея должно было состояться заседание сената.

На следующий день Лепид опоздал на заседание сената. Возможно, это было следствием вечернего пира. Он шел по форуму, когда внезапно узнал, что Цезарь убит заговорщиками. Лепид был явно ошеломлен этим известием. Будучи или считая себя человеком чрезвычайно близким к убитому диктатору, Лепид (как и Антоний) испугался, что следующей жертвой будет он, и поспешил укрыться в чьем-то чужом доме. Но заговорщики, удовлетворившись убийством тирана, и не думали уничтожать его окружение. И это сразу вдохновило Лепида. Более того, он решил, что пришло его время, что освободившееся место властителя Рима теперь сможет занять он. Для этого существовали и определенные юридические основания, ибо после гибели диктатора начальник конницы автоматически принимал на себе его полномочия. Были у Лепида и вполне материальные резоны так считать. Готовясь все же отправиться в свои провинции, Лепид набирал войско, и часть его даже стояла в самом Риме на острове на реке Тибр. Никаких других вооруженных сил в Риме и его окрестностях тогда не было. Так что реальная военная сила имела только у Лепида. Правда, в городе находились еще и ветераны Цезаря, но и их он, которого все знали как ближайшего помощника Цезаря, вполне мог увлечь за собой. Ночью Лепид добрался до острова и вывел оттуда войска, уже утром 16 марта заняв форум. В развернувшейся борьбе на руках у Лепида, казалось, были все козыри.

С этого времени события развивались с калейдоскопической быстротой. Заговорщики укрепились на Капитолии, а цезарианцы концентрировались у его подножья на форуме. Их число увеличивалось. Антоний и Лепид сначала пытались как-то договориться в сенате, но многие сенаторы, освободившись от страха перед Цезарем, приняли сторону заговорщиков. Тогда Антоний и Лепид ушли из здания, где заседал сенат, а Лепид отправился на форум, где выступил с яростной речью, направленной против убийц Цезаря. В ответ на крики толпы, призывающей к мести, он недвусмысленно заявил о своем желании того же и даже публично поклялся, что будет мстить, даже если ему придется действовать в одиночку. Это было не только демагогическим лозунгом, но и недвусмысленной угрозой Антонию, который в эти дни повел себя довольно уклончиво. И Антоний это понял. Ярость Лепида и все растущие его шансы на захват высшей власти испугали не только республиканцев и большинство сената, но и многих цезарианцев, включая Антония. Антоний и сплотившаяся вокруг него группировка пошли на примирение со своими противниками. На знаменитых заседаниях 17 и 18 марта был принят ряд важных решений, в том числе об амнистии цезареубийцам. После этого призыв к мести потерял свое значение, и

это выбило из рук Лепида его самое эффективное оружие. А меньше чем через месяц после этого, 10 апреля, Антоний провел закон о ликвидации вообще диктатуры. После этого у Лепида исчезли всякие юридические основания для претензий на власть. Из официальных должностей у него остался лишь пост наместника двух провинций, куда он и должен был отправиться. Свой довольно реальный шанс на высшую власть в Риме Лепид упустил. Правда, Антоний все еще боялся его и сделал шаги для привлечения его на свою сторону. Он предложил Лепиду помолвить его сына со своей дочерью и пообещал избрать его на должность верховного понтифика, которую до своей смерти занимал Цезарь. Это свое обещание Антоний выполнил, хотя и нарушил при выборах какую-то процедуру. Лепид уже давно был членом коллегии понтификов, а теперь становился ее главой, официально возглавляя всю культовую жизнь государства. Это было очень почетно, но в создавшихся условиях никакого политического значения не имело. И Лепид, потеряв всякое легальное основание пребывать в Риме, в том же году был вынужден отправиться в свои провинции.

Там Лепиду пришлось снова вмешаться в испанские дела, ибо находившийся в Испании Секст Помпей открыто выступил против цезарианцев и цезарианские полководцы ничего не могли с ним сделать. Лепид, однако, сумел уговорить Секста покинуть Испанию. Тот переехал в Массалию, находившуюся, кстати, в той части Галлии, которой управлял Лепид, а затем и вовсе удалился на Сицилию. Как и три года назад, Лепид представил это урегулирование как великое достижение, и сенат, заседая под председательством Антония, принял постановление о назначении в честь этой победы торжественных молений.

Наступил 43 г. до н. э., и вместе с ним начался новый виток гражданских войн. Антоний осадил Децима Брута в Мутине, а сенат в ответ объявил его врагом отечества и направил против него армию во главе с обоими консулами. Лепиду в Трансальпинскую Галлию тоже было отправлено послание с призывом присоединиться к консульской армии. Сенат явно рассчитывал на активную поддержку Лепида: в феврале этого года он по личному предложению Цицерона постановил воздвигнуть в Риме конную статую Лепида в благодарность за все то же урегулирование испанских дел. Не могли Цицерон и его сторонники не помнить, как в грозные мартовские дни прошлого года Антоний так решительно отгеснил Лепида. Так что расчеты сената имели под собой некоторые основания. Но Лепид повел себя очень уклончиво. Он не решался ни подчиниться сенату, ни открыто отказаться от повиновения ему. Лепид направил в сенат письмо, в котором призывал обе стороны к примирению. Разумеется, это письмо не дало

никакого результата. Тогда Лепид направил в Италию сравнительно небольшой отряд под командованием своего легата Марка Юния Силана, но дал ему такой неопределенный приказ, что фактически предоставил тому полную свободу действий, и Силан, прибыв в Италию, тотчас присоединился к Антонию. Антоний был все же разбит и с остатками своего войска стал отступать в Галлию, явно рассчитывая на поддержку Лепида. И он в своих расчетах не обманулся. Правда, сначала Лепид некоторое время колебался. Но дело в значительной степени решили сами солдаты. Воины Антония часто заходили в лагерь Лепида, и их агитация в пользу борьбы с цезареубийцами имела успех. Один из помощников Лепида предлагал немедленно отвести армию подальше от лагеря Антония, чтобы предотвратить разлагающее действие антонианцев, но если бы Лепид и решился на это, то было уже поздно. Рассчитывать в этих условиях на полное повиновение своих солдат он не мог. И после недолгих колебаний Лепид соединил свои войска с остатками войск Антония. Общим командующим был объявлен, естественно, Лепид, но его военные способности были довольно скромными, и фактическое руководство объединенной армией перешло к Антонию. Когда в Риме узнали об этом, сенат объявил Лепида тоже вне закона и постановил разрушить недавно воздвигнутую стацию. За это решение проголосовал, в частности, и сводный брат Лепида Марк Эмилий Лепид Павел.

Но скоро все изменилось. Октавиан, ставший фактически против воли сената консулом вместо убитых Авла Гирция и Гая Вибия Пансы, пошел теперь на примирение с Лепидом и Антонием. По инициативе его ставленника и родственника Квинта Педия, ставшего вместе с ним консулом, сенат отменил постановления, направленные против них, и Октавиан первым сообщил им об этом и их поздравил. После этого войска Лепида и Антония снова перешли Альпы, и на островке около города Бононии произошла встреча Лепида, Антония и Октавиана. Учитывая недавнюю яростную вражду Антония и Октавиана, Лепид выступил посредником между ними и сумел добиться успеха. На этой встрече был заключен новый тройственный союз — второй триумvirат. На этот раз его члены не ограничились частным соглашением, а решили придать ему официальный статус. Одновременно договорились о дальнейших шагах и о разделе провинций между собой. Речь, естественно, шла только о западных провинциях, ибо восточные находились под властью республиканцев, а Сицилией владел Секст Помпей. Лепиду к его старым провинциям была прибавлена еще Дальняя Испания, так что под его властью оказалось все средиземноморское побережье европейского материка и весь Пиренейский полуостров.

Тогда же триумвиры составили первый список своих врагов, состоявший из 17 человек, приговоренных к смерти, и отправили его в Рим. Консул Педий сразу же опубликовал этот список, положивший начало жесточайшему террору.

После заключения союза все три армии двинулись на Рим. Из каждой был выделен один легион, который во главе с командующим вступил в город. Сразу же после оккупации Рима собственными легионами народный трибун Публий Тиций созвал народное собрание и предложил без всякого обсуждения принять закон, по которому создавалась комиссия из трех лиц, т. е. Лепида, Антония и Октавиана, для упорядочения республики, которой вручалась высшая власть сроком на пять лет. Таким образом, второй триумвират превращался из соглашения трех друзей в официальное государственное учреждение. И первым своим делом триумвиры сочли необходимым ввести по примеру Суллы проскрипции. В изданном по этому случаю эдикте первым стояло имя Лепида. И ему было предложено первым внести в проскрипционный список тех, кого он считает необходимым приговорить к смерти. Союзники как бы предоставляли инициативу оформления террора Лепиду. И он первым включил в этот список своего сводного брата Лепида Павла, вменив ему в вину то, что тот голосовал в сенате за объявление Антония и Лепида вне закона. Правда, одновременно он дал солдатам тайный приказ пощадить Павла, и тот сумел бежать в Азию и затем поселился в Милете. Позже, когда проскрипции были отменены, триумвиры приглашали Павла вернуться в Рим, но он не захотел и остался в Милете до конца жизни. Вместе с братом Лепид включил в проскрипционный список и его сына, который тоже, однако, избежал смерти, может быть, не без помощи дяди, а позже даже сумел достичь должностей консула и цензора.

По решению триумвиров Лепид стал консулом в 42 г. до н. э. Это было его второе консульство. Его коллегой стал Люций Мунаций Планк, который в свое время был одним из восьми префектов города, управлявших им вместе с Лепидом. Позже Планк управлял завоеванной Цезарем Галлией, в то время как Лепид был наместником уже давно подчиненной части этой страны. По решению Цезаря Лепид и Планк вместе основали колонию Лугдун (совр. Лион) почти на границе между провинциями обоих. Будучи довольно близким к Цицерону, Мунаций Планк отказался, однако, участвовать в войне против Антония, а затем триумвиров, чем и заслужил благодарность последних. Так что оба консула уже давно сотрудничали друг с другом. Триумвиры решили, что Лепид останется в Риме осуществлять руководство государством и обеспечивать порядок в Риме и Италии, а Антоний и Октавиан отправятся

на войну с республиканцами. Для этого Лепид должен был передать им большую часть своей армии, оставив в своем распоряжении только три легиона для сохранения порядка.

Лепид мог быть счастлив. Он был не только триумвиром, но и консулом. В эдиктах триумвиров его имя упоминалось первым. После отъезда Антония и Октавиана на Балканский полуостров он оставался без друзей-соперников. Планк таким соперником явно быть не мог. Правда, и действовать особенно ему не приходилось, ибо предшествующие репрессии триумвиров привели практически к полному уничтожению и в Италии, и тем более в самом Риме, всякого намека на оппозицию, не говоря о настоящем сопротивлении. По Италии в это время уже бродили шайки беглых рабов, дезертиров, проскрибированных, но пока они не представляли серьезной опасности. В действительности же это консульство стало началом заката Лепида. Он был почти без войска и без ветеранов, которые могли бы стать его опорой в обществе. Не было у Лепида и настоящей военной славы. Встав во главе государства, он устроил себе триумф по случаю побед в Испании и приказал всем его торжественно праздновать под угрозой внесения в проскрипционные списки. Это вызвало еще большую ненависть к нему римлян. В Риме говорили, что именно жадность Лепида стала причиной проскрипций. И все это проявилось очень скоро.

После окончательного разгрома республиканцев Антоний остался в Греции, а затем двинулся дальше на восток, а Октавиан вернулся в Рим. И он стал там действовать совершенно самовластно, абсолютно не обращая внимания на Лепида. Октавиан миловал проскрибированных, игнорируя мнение коллеги. Из эдиктов триумвиров и с их монет исчезает имя Лепида. Сразу же после своей победы Антоний и Октавиан, не спрашивая Лепида, договорились о новом разделе провинций. И в этом разделе Лепиду не было места. Испанские провинции были переданы Октавиану, а южная часть Галлии — Антонию. При этом Лепид был лишен командования даже теми легионами, которые еще у него оставались. Понимая, что это вызовет возмущение Лепида, влияния и силы которого еще опасались, его коллеги пустили слух, что тот вступил в какие-то предательские связи с Секстом Помпеем, укрепившимся на Сицилии, а может быть, даже был связан и с республиканцами. Ведь второй женой Лепида была Юния, дочь Сервилии от второго брака с Децимом Юнием Силаном, т. е. единоутробная сестра Брута, а Сервилия была дамой весьма энергичной и могла повлиять на своего зятя. По своему происхождению Лепид относился к той сенатской олигархической группировке, которая в целом была оппозиционна прежде Цезарю, а теперь триумвирам. Действительно ли триумвиры подозревали

Лепида или это подозрение было лишь предлогом для его устранения, сказать трудно. Во всяком случае, политическая карьера Лепида на этом и оборвалась, причем именно тогда, когда он сам чувствовал себя на вершине власти и могущества. Правда, в утешение ему было объявлено, что если подозрения не подтвердятся, то ему будет дана в управление провинция Африка.

Однако новые события заставили Октавиана все же снова обратиться к Лепиду. Брат Антония Люций развернул активную пропаганду против него. Поскольку Лепид официально из триумvirата выведен не был, то предметом нападок Люция Антония стали они оба — Октавиан и Лепид. А затем Люций Антоний и жена Антония Фульвия не только на словах выступили против Октавиана, но и поднялись против него с оружием в руках. И тогда Октавиан вспомнил об униженном им недавно коллеге. Ведя войну в других частях Италии, он поручил Лепиду охрану Рима, оставив ему для этого два легиона. Однако Лепид не сумел справиться с задачей. Ноний, назначенный охранять городские ворота, впустил отряд Люция в город и сам присоединился к нему. Лепид попытался было сопротивляться, но неудачно и бежал к Октавиану. И в дальнейших военных действиях он уже участия не принимал. В конце концов Октавиан одержал победу. И то, что Лепид в этой опасной ситуации не присоединился к его врагам, побудило его снять с Лепида ранее высказанные подозрения, если они действительно существовали, а не были лишь более или менее благовидным предлогом. Важнее было то, что в предвидении возможной в ближайшее время схватки с Антонием Октавиан решил на всякий случай помириться с Лепидом. И он теперь, как это и было предусмотрено ранее, уступил Лепиду Африку. Это была бывшая территория Карфагенской республики, сведенная после разгрома Ганнибала к сравнительно небольшой области вокруг самого города (эта территория приблизительно совпадала с современным Тунисом). После присоединения к Риму Нумидии та стала называться Новой Африкой, а уже до этого принадлежавшая Риму провинция либо по-прежнему именовалась просто Африкой, либо Старой Африкой. Именно Старая Африка теперь и перешла под власть Лепида. Это решение было подтверждено во время свидания между Октавианом и Антонием в Брундизии, заключившим там договор осенью 40 г. до н. э.

Получив этот утешительный приз, Лепид направился в свою провинцию. Новой Африкой от имени Антония управлял Тит Секстий, который на какое-то время даже захватил Старую Африку, но после брундизийского договора был вынужден очистить ее. Теперь Лепид предъявил претензии и на Новую Африку. Антоний, по условиям до-

говора лишившийся власти над этой провинцией, решил вывести оттуда войска, находившиеся по командованию Секстия, чтобы присоединить их к своей армии, готовящейся к парфянскому походу. Но Лепид его опередил и подчинил легионы Секстия себе. Хотя Новая Африка по брундизийскому договору находилась в сфере владений Октавиана, тот молчаливо согласился с подчинением ее Лепиду, ибо был доволен тем, что одним сторонником Антония стало меньше. Четыре года управлял Лепид двумя африканскими провинциями, но сведений о том, что там происходило, очень немного. Правление его, видимо, было мирным, и античные авторы не обращали на него внимания. Но, кажется, Лепид неожиданно проявил себя неплохим администратором и много способствовал романизации своих владений. Одновременно он готовился и к новой борьбе за власть. Он стал выпускать свои монеты с изображением Цезаря, явно намекая на свою долю в политическом наследстве покойного диктатора. Еще важнее, что он стал увеличивать свою армию, проводя в провинциях набор в легионы и вспомогательные части. Антоний направил к нему своего вольноотпущенника Каллия под предлогом переговоров о браке между своей дочерью и сыном Лепида. Это в принципе было решено еще в 44 г. до н. э., и даже, возможно, состоялась официальная помолвка, но до брака дело не дошло. Теперь Антоний считал время подходящим для такого акта. Было ясно, что за этими, казалось бы, чисто семейными делами кроется политический расчет: Антоний явно хотел изолировать Октавиана и использовать для этого Лепида. Как отреагировал последний на эти маневры, неизвестно. Свадьба так и не состоялась. Но Лепид явно был доволен, ибо с ним снова стали считаться. Попытался он и создать себе опору в Риме. Когда проскрипции закончились, Лепид официально извинился за их введение и выразил надежду на наступление эры милосердия. Но этот запоздалый и довольно неуклюжий жест никакой пользы ему не принес.

В 38 г. до н. э. Октавиан, готовясь к войне с Секстом Помпеем, обратился за поддержкой к своим обоим коллегам. Он хотел снять с себя единоличную ответственность за возобновление гражданской войны, да, возможно, и действительно считал свои силы недостаточными для новой военной кампании. Антоний, находившийся в Греции, прибыл в Брундизий на новые переговоры с Октавианом, но фактически того не поддержал. Лепид же прямо отказал Октавиану в помощи. Видимо, именно в это время развертывался его «роман» с Антонием, и он считал себя достаточно сильным, чтобы отказать Октавиану, ибо было ясно, что разгром Секста пойдет на пользу именно ему. Положение резко изменилось через два года.

В 36 г. до н. э. Октавиан задумал новую войну с Секстом Помпеем. И он снова обратился к Лепиду за помощью. На этот раз Лепид согласился помочь. С одной стороны, предполагаемый союз с Антонием так и не состоялся, так что рассчитывать на его поддержку Лепид не мог. С другой — в распоряжении Лепида к тому времени находились уже довольно значительные силы, которые могли ему позволить играть в предстоящей кампании самостоятельную роль. И Лепид двинулся на Сицилию из Африки со своим огромным флотом из 1000 транспортных и 70 военных кораблей, на которых он переправил на остров свои 12 легионов и 5 тысяч нумидийских всадников со всем необходимым и довольно обильным снаряжением. Несколько позже к нему присоединились еще четыре легиона. Правда, это подкрепление потерпело поражение в морском сражении, но спасшиеся два легиона соединились с армией Лепида. Лепид высадился около Лилибея и начал свой поход. Решающие сражения происходили на севере острова, в основном на море, где флот Октавиана под командованием Агриппы одержал полную победу. Растерявшийся Помпей вызвал из Лилибея свои войска, стоявшие там под командованием Плиния Руфа, но, не дождав их, засел в Мессине. Лепид сразу же воспользовался этим и, освободившись от угрозы со стороны Плиния, двинулся к Мессине, которую и осадил вместе с силами Агриппы. К этому времени сам Помпей уже бежал из Мессины, а командование гарнизоном принял на себя Плиний. Он и заключил соглашение с Лепидом, не только впустив его солдат в город, но и получив разрешение на участие своих воинов в грабеже города вместе с воинами Лепида. Агриппа пытался помешать этому соглашению, призывая подождать прибытия Октавиана, но Лепид, почувствовав себя снова «на коне», стал действовать совершенно самостоятельно. Остатки армии Помпея перешли к нему, и теперь он располагал 22 легионами пехоты и значительной конницей. По сравнению с армией Октавиана перевес сил был на его стороне. казалось, снова наступил его звездный час. Предвидя возможное сопротивление Октавиана, Лепид даже стал готовиться к войне с ним. Он приказал стоявшим в городах гарнизонам не впускать туда войска Октавиана, а сам занял все удобные проходы.

Приняв такие меры и уже чувствуя себя достаточно сильным, Лепид потребовал от Октавиана восстановления своих прав триумвира. Сравнительно недавно полномочия триумvirата были продлены еще на пять лет, и поскольку об официальном исключении Лепида из этой «комиссии трех» ничего не сообщалось, то, естественно, это решение распространялось и на него тоже. Так что речь шла не о включении Лепида в триумvirат, из которого его никто и не исключал, а о возвращении фактического положения. Но пойти на это Октавиан не мог, ибо

уже сама попытка заключения союза между Антонием и Лепидом создавала угрозу, что в триумвирате эти двое могут оттеснить его, Октавиана, на второстепенные позиции. Ввиду явного неравенства наличных сил Октавиан пошел на риск. Он сам явился в лагерь Лепида, чтобы убедить его отказаться от своего требования. Лепид, естественно, настаивал на своих правах и вступил в открытый конфликт с Октавианом. Но он недооценил своего коллегу, а теперь и противника. Октавиан не стал вступать с ним в открытую конфронтацию, а начал исподволь разлагать войска Лепида. Солдаты Лепида не хотели возобновления гражданской войны, а обаяние имени Цезаря, которое носил Октавиан как его приемный сын, да к тому же известная нерешительность Лепида в критические моменты, привели к тому, что многие его воины начали переходить на сторону Октавиана. Когда Лепид узнал об этом, было уже поздно. Он еще попытался что-то сделать. Когда Октавиан вторично явился в его лагерь и многие солдаты уже приветствовали его как своего командующего, телохранители Лепида напали на стражу Октавиана и даже нанесли удар по панцирю самого Октавиана, так что тот бежал из лагеря. Но это не остановило переход воинов Лепида к его сопернику, а попытка Лепида остановить уходящих солдат только вызвала с их стороны раздражение и угрозы физической расправы. И Лепид понял, что он окончательно проиграл. Сняв наряд полководца и облачившись в траурную одежду, он сам явился в лагерь Октавиана и стал умолять его о пощаде.

Октавиан решил проявить милосердие. С одной стороны, события показали, что Лепид не имеет никакой поддержки в воинской среде, так что в этом отношении он совершенно не опасен, а его надменное поведение во время осуществления власти в Риме привело к тому, что и тамошнее общественное мнение от него полностью отвернулось. С другой — Лепид все же обладал саном верховного понтифика, и казнь человека, занимавшего столь высокий пост в культовой системе Рима, означала бы слишком кричащий вызов римским традициям, чего Октавиан никак не желал. Поэтому он согласился сохранить Лепиду не только жизнь, но и имущество, а так как сан верховного понтифика был пожизненным, то и его он тоже за ним сохранил. Но Лепид должен был уехать в свое имение около города Цирцеи в Лации и жить там под надзором, т. е. фактически под домашним арестом.

После этого Лепид побывал в Риме еще только один раз. В 30 г. до н. э., когда Октавиан воевал с Антонием, сын Лепида и Юнии Марк составил заговор против Октавиана. Заговор был раскрыт, молодой Лепид арестован и отослан в Грецию, где тогда находился Октавиан; там он и был казнен. Его жена Сервилия, узнав о гибели мужа, покончила с

собой. А жену Лепида обвинили в укрывательстве заговощика, т. е. собственного сына, и потребовали, чтобы она сама отправилась в Грецию тоже на суд. И тогда Лепид явился в Рим и стал умолять одного из консулов этого года Люция Сения Бальбина, чтобы ему позволили отправиться вместе с женой. После многочисленных и униженных просьб Бальбин освободил Юнию от обязанности ехать в Грецию.

Позже имя Лепида всплыло еще раз. Октавиан, став первым римским императором и приняв новое имя Август, стал пересматривать список сената, сделав это таким образом, что сами сенаторы выбирали друг друга. И тогда один из крупнейших юристов того времени Марк Антистий Лабеон внес в список имя Лепида. Это возмутило Августа, который даже пригрозил Лабеону, на что тот невозмутимо ответил, что не понимает, почему он не может оставить сенатором того, кого император оставил понтификом. Разумеется, на новое включение Лепида в сенат Август не согласился. А через некоторое время, в 12 г. до н. э., Марк Эмилий Лепид, всеми уже давно забытый, умер, после чего верховным понтификом Август объявил себя.

У Лепида было двое сыновей, но старший, Марк, как сказано выше, был казнен еще при жизни отца. Младшему, Квинту, повезло больше. После установления империи он вошел в правящую группировку и достиг должности консула в 21 г. до н. э.⁵ И все же гораздо прочнее в элиту империи вошли потомки Лепида Павла, сводного брата триумвира, которые в I в. н. э. не раз достигали самых высоких постов в имперской иерархии.

⁵ Впрочем, это еще не твердо установлено, так как не исключено, что консул 21 г. до н. э. Квинт Лепид принадлежал к другой ветви Лепидов.

VIII. АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА

Имя Антониев не раз встречается на страницах римской истории. Хотя род Антониев был плебейским, это не мешало возводить его к сыну Геркулеса Антону. Дед будущего триумвира был одним из самых знаменитых ораторов Рима. Одновременно он делал политическую карьеру, был первым представителем семьи, который добился консульства, и активно участвовал в политической борьбе, выступая на стороне оптиматов. Поэтому когда в 87 г. до н. э. Рим захватили марианцы и многие их противники были убиты, эта участь постигла и оратора Марка Антония. Рассказывают, что Антоний своей речью так увлек солдат, явившихся его убить, что те чуть было не отказались это сделать, и только вмешательство их командира привело к убийству оратора. Его сын, тоже Марк, был в 74 г. до н. э. претором, а затем направлен в проконсульском ранге на борьбу с пиратами. В сферу его власти и действия входило не только море, но и побережье, а его базой был остров Крит. Однако даже на этом острове Антоний справиться с пиратами не смог. За его усилия римляне все же дали ему почетное (впрочем, может быть, скорее ироничное) прозвище Критский, которое к потомкам не перешло. На Крите он и умер, оставив сравнительно молодую вдову Юлию, которой было не больше 25 или 26 лет, и трех сыновей — Марка, Гая и Люция. Старшему Марку было в это время 10 или 11 лет. Несмотря на то что Антоний Критский принадлежал к самым верхам римского общества, особо богатым он не был, что не мешало его щедрости (по возможности) и великодушию. И, может быть, если бы не бдительное око его жены, он вовсе разорился бы сам и разорил свою семью. После смерти он мало что оставил своим детям.

Юлия, мать будущего триумвира, принадлежала к старинному патрицианскому роду и была дальней родственницей (троюродной племянницей) будущего знаменитого диктатора. Она недолго оставалась вдовой и очень скоро вышла замуж за Публия Корнелия Лентула Суру. Ее новый муж тоже был очень знатен и делал блестящую карьеру, добравшись в 71 г. до н. э. до консульства. Но жизнь он вел довольно распут-

ную, за что уже в следующем году был цензорами изгнан из сената. В 63 г. до н. э. он, однако, снова был претором. Это возвращение в общественную жизнь не помешало Суре примкнуть к заговору Катилины и стать его активным участником. Сам он был уверен, что судьба предназначает ему стать верховным правителем Римской республики. Позже он говорил, будто было предсказано, что три Корнелия будут править Римом; двое уже были (Цинна и Сулла), и теперь пришла очередь третьего — его, Лентула Суры. Но предсказание не сбылось. Когда Катилина под натиском яростных речей Цицерона уехал из Рима, во главе заговорщиков, оставшихся в городе, встал Лентул Сура. Именно ему пришла в голову мысль привлечь к заговору послов галльского племени аллоброгов, которым он и дал соответствующие письма к их вождям в Галлию, ставшие документальной уликой против заговорщиков. Лентул был арестован и вместе с другими заговорщиками казнен.

Подростком Марк провел жизнь в доме отчима. Трудно сказать, какое влияние оказал тот на молодого человека, но его казнь, несомненно, произвела на Антония сильное впечатление. Он стал ярким врагом Цицерона. Позже он утверждал, что тот не хотел даже выдать семье тело казненного для подобающего погребения, пока Юлия не умолила супругу Цицерона. Это утверждение не соответствует истине, но оно хорошо передает всю глубину ненависти Антония к Цицерону. Юлия обладала достаточно сильным характером, и ее влияние на детей было довольно значительным. Ни Марк, ни его братья никогда не забывали свою мать и всегда относились к ней с величайшим почтением и уважением. Впрочем, это не помешало юному Антонию броситься в вихрь городских удовольствий. Его близким другом становится Гай Скрибоний Курион, сын видного политического деятеля того времени, бывший приблизительно на два года старше Антония. Курион был известен в Риме своими попойками, мотовством и распутством. И Антоний тоже вошел в этот круг, проводя время в самых низменных удовольствиях. Его постоянной подругой была вольноотпущенница Фадия, которая родила ему двоих детей. Что с ними потом стало, неизвестно. Также неизвестно точно, была ли связь с Фадией легализована. Ни отец, ни отчим большого состояния ему не оставили, так что он скоро оказался опутан долгами на чудовищную сумму в 250 талантов. Если бы был нужен живой символ разврата и мотовства римского нобилитета, то Антоний вполне подходил бы на эту роль. Курион младший по дружбе поручился за Антония, но это вызвало гнев его отца, отказавшего Антонию от дома. В это время на политическом небосклоне Рима взошла звезда Публия Клодия Пульхра, умного, циничного, коварного и жестокого красавца, вскоре ставшего главной популярной и любимцем римской толпы. Он даже стал народным трибуном, а

затем организовал вооруженную шайку, наводившую ужас на город и его окрестности, тем более что многие были уверены, что за спиной Клодия стоит находившийся в то время в Галлии Цезарь. Клодий, как и Антоний, был непримиримым врагом Цицерона, и возможно, именно это обстоятельство и сблизило их.

Однако довольно скоро Антоний понял, что общение с Клодием грозит ему всяческими бедами. Стремясь избавиться и от назойливых кредиторов, и от надоевшего и ставшего опасным друга, Антоний решил покинуть Рим. В это время молодые римские аристократы для пополнения своего образования уезжали в Грецию, особенно часто в Афины. И их примеру последовал под тем же предлогом Антоний. В Афинах он изучал ораторское искусство, примкнув к азианистскому направлению, отличавшемуся напыщенностью и пафосом. Но пробыл он в Афинах недолго. По закону Клодия, который в то время был народным трибуном, соратник Помпея Авл Габиний был назначен наместником Сирии, и в 57 г. до н. э. направлялся в свою провинцию. Остановившись в Афинах, Габиний предложил Антонию, может быть, видя в нем друга Клодия, поехать вместе с ним. Но Антоний потребовал себе официальной должности, и после некоторого размышления Габиний согласился, назначив Антония командиром конницы. В этом качестве Антоний и прибыл в Сирию. И в том же году ему пришлось ввязаться в военные действия.

В это время вспыхнули волнения в Иудее. В свое время Помпей, подчинив Иудею, увел в плен иудейского царя Аристокбула со всей его семьей, а трон передал его брату и сопернику Гиркану, при котором огромную роль играл его ближайший советник Антипатр. Но сыну Аристокбула Александру удалось бежать, и он возглавил восстание против Гиркана и стоявших за его спиной римлян. Габиний немедленно отреагировал на это, направив в Иудею войска. Движение Александра было подавлено, но Габиний с целью быстрее урегулирования ситуации и не без желания вбить клин в иудейское общество предоставил Александру часть страны в управление. Но уже скоро в Иудее оказался и сам Аристокбул, тоже сумевший бежать. Его движение оказалось более серьезным и потребовало от Габиния больших усилий. И в том и в другом походе Антоний как командир конницы принимал активное участие и проявил несомненную храбрость. Так, во время штурма одной из иудейских крепостей он первым взобрался на ее стены, что весьма ценилось римлянами, и, по-видимому, получил в награду так называемый «стенной венок» (*corona muralis*), какой получали все воины, совершившие такой подвиг. После этого он со своим конным отрядом напал на превосходящие силы противника и одержал победу.

После урегулирования положения в Иудее и Сирии Габиний двинулся в поход на Египет с целью восстановления на троне Птолемея XII. И в этом походе Антоний снова отличился. Ему даже приписывали совет совершить эту экспедицию, хотя это, наверное, и преувеличение. Но несомненно, что он со своей конницей захватил узкие проходы между морем и заболоченными озерами и этим открыл путь основной римской армии. Затем конница Антония обрушилась на египетскую крепость Пелусий, закрывавшую путь в долину Нила. Противник явно не ожидал такой быстроты действий Антония и не смог оказать ему серьезного сопротивления. Путь в Египет был открыт, и Габиний достиг цели своего похода. Птолемей был восстановлен на престоле, и Антоний сыграл в этом очень большую роль. Более того, он не позволил победившему царю развернуть жестокие репрессии против александрийцев, которые сравнительно недавно изгнали его, и этим заслужил добрую славу среди жителей города, что ему позже в значительной степени помогло.

Когда Антоний вместе с Габинием вернулся в Рим, за ним уже укрепилась слава не мота и гуляки, а храброго солдата и искусного командира. Поэтому неудивительно, что Цезарь, воевавший в то время в Галлии, пригласил его к себе в качестве легата. Антоний согласился и отправился в Галлию. Там он принимал активное участие в военных действиях. Так, во время осады Алесии Антоний и другой легат Гай Требоний умело организовали защиту тех позиций, на которые обрушились главные силы галлов во главе с их вождем Верцингеториксом. Легаты сумели справиться с этим натиском и обеспечили победу войск Цезаря. Способности Антония и его преданность Цезарю не остались незамеченными. При поддержке Цезаря Антоний начал свою политическую карьеру, будучи избранным квестором. Но и заняв эту должность, он оставался при Цезаре в Галлии, командуя легионом. Вопреки обычаю Цезарь избрал Антония своим квестором без всякого жребия. Ему явно был нужен не любой квестор, а именно Антоний. После поражения большого галльского восстания, возглавляемого Верцингеториксом, большая часть страны была подчинена, но Цезарь, боясь повторения подобного восстания, распределил свои войска по разным областям и племенам Галлии. Легион, которым командовал Антоний, он оставил при себе, рассматривая его как свой резерв на случай непредвиденных обстоятельств. Но позже он послал Антония уже во главе отдельного отряда из 15 когорт в Бельгику на северо-востоке Галлии, чтобы удерживать племя белловаков от восстания. Антоний с успехом выполнил это поручение. Уходя в конце 51 г. до н. э. с основной частью армии на зимние квартиры, Цезарь все же оставил в Бельгике четыре легиона, общее командование над которыми он поручил Антонию,

Требонию и Публию Ватинию. Антоний со своими силами расположился на территории племени атребатов, которое в целом подчинилось римской власти, но один из атребатских вождей Коммий, в свое время бежавший к германцам, теперь организовал конный отряд и совершал рейды против римлян, захватывая провиант, перерезая пути сообщения, грабя тех, кто признавал римскую власть. Антонию пришлось принять действенные меры, направив против отряда Коммия свою конницу под командованием Гая Волусена Квадрата. В ожесточенном бою Волусен был ранен, но римляне одержали победу, и Коммий был вынужден сдаться Антонию и признать власть Рима. На этом галльская кампания практически закончилась, так что роль Антония на ее заключительном этапе оказалась довольно велика.

Цезарь продолжал покровительствовать Антонию. По его инициативе Антоний в 50 г. до н. э. был избран членом коллегии жрецов-авгуров. В предыдущем году Антоний уже пытался стать членом этой коллегии, но неудачно: его соперником был Цицерон, который и был избран, что, естественно, не прибавило у Антония любви к этому оратору. Теперь же в значительной степени в результате прямого вмешательства Цезаря выборы завершились удачно. Более того, неудачливым соперником Антония был Люций Домиций Агенобарб, один из лидеров республиканцев, тесно связанный с Катонем. И это ясно говорило об изменении политических настроений в римском обществе. После этого избрания Цезарь лично объезжал различные общины римских граждан, расположенные в его провинциях, благодаря их за избрание Антония, чем еще больше подчеркивал свою непосредственную заинтересованность в этом акте. Жрецы в Риме не были отдельной кастой, и члены различных жреческих коллегий занимались не только религиозными делами, но могли исполнять одновременно и различные гражданские либо военные должности. И роль авгуров была не очень велика, хотя их гадания и могли повлиять на исход того или иного мероприятия. Но главное было в другом: Цезарь убедился, что его влияние в Италии все еще велико, а для Антония это могло бы стать хорошей стартовой площадкой для дальнейшего продвижения. И Цезарь помог ему. В том же году он отпустил Антония в Рим, чтобы тот выдвинул свою кандидатуру в народные трибуны на 49 г. до н. э. И Антоний был избран. Сам Антоний довольно серьезно отнесся к своему жреческому сану. Уже много позже, чеканя свои монеты, он не забывал упомянуть на них свое жречество.

Избрание Антония трибуном было для Цезаря чрезвычайно важным. Это сразу же почувствовали и его противники. Накануне вступления новых трибунов в должность, когда они еще ничего не сделали, Цицерон уже со страхом пишет об их влиянии на городскую чернь и

должников всякого рода, которые объединились вокруг избранных трибунов. Большинство сената было против Цезаря, а избранные на этот год консулы Гай Клавдий Марцелл и Люций Корнелий Лентул Крус откровенно враждебны. И их открыто поддерживал всем своим авторитетом Помпей. В этих условиях найти хоть какой-то противовес в лице народных трибунов было просто необходимо. Кроме Антония сторонником Цезаря был и его коллега Квинт Кассий Лонгин, а скрытым цезарианцем был трибун 50 г. до н. э. и бывший друг юности Антония Курион. Курион, как и его отец, был сначала ярким врагом Цезаря, но Цезарь откупил его долги и Курион превратился в его сторонника. С помощью и Куриона, и новых трибунов Цезарь, с одной стороны, развернул мощную пропагандистскую кампанию, а с другой — пытался парализовать враждебные действия сената и консулов. Еще в конце 50 г. он через Куриона направил в сенат письмо, в котором соглашался распустить все свои войска, если так же поступит Помпей, а в противном случае угрожал войной. Курион передал письмо избранным на следующий год консулам, но те отказались огласить его в сенате. Поэтому в январе 49 г. до н. э. первым делом Антония и Кассия стало заставить консулов это письмо прочитать. Бурное обсуждение письма закончилось, однако, не в пользу Цезаря; было даже принято постановление, чтобы Цезарь под угрозой обвинения его в государственном перевороте к марту этого года распустил свою армию. Антоний и Кассий тотчас заявили протест на это решение. В ответ многие сенаторы выступили с оскорблениями трибунов. Обстановка резко накалилась. Антоний и его коллеги все решительнее выступали против консулов и сенатского большинства, а их противники даже угрожали им, несмотря на старинное правило неприкосновенности личности трибуна.

9 января было принято решение о фактическом объявлении чрезвычайного положения. Вслед за этим власти принимают ряд мер по организации отпора возможному выступлению Цезаря. Антоний пытался наложить вето на решения сената, но в условиях чрезвычайного положения это право народного трибуна не действовало. Пронесся слух, что Помпей со своими войсками уже окружает сенат, чтобы физически устранить неуступчивых трибунов. И тогда ночью, переодевшись рабами, Антоний, Кассий и Курион бежали из Рима к Цезарю, который был уже наготове. Вполне возможно, что Цезарь заранее запланировал подобный исход и яростные выступления Антония и Кассия, и их бегство вместе с Курионом в совершенно неподобающем виде были лишь частями заранее составленного сценария. Во всяком случае, бегство трибунов и их прибытие в лагерь Цезаря стали для последнего великолепным предлогом перейти Рубикон и начать новую гражданскую войну.

Антоний принял в этой войне самое активное участие. После бурных политических схваток он снова оказался в своей привычной роли — военного командира. Первым городом, захваченным Цезарем, был Аримин, расположенный близ Рубикона. Там Цезарь на некоторое время остановился, чтобы организовать набор войск, а Антония с пятью когортами послал в город Арреций, откуда шла прямая дорога на Рим, но на Рим он не пошел, ожидая приказа командующего. И такой приказ скоро поступил: Антоний должен был отправиться со своими когортами в город Сульмон, где находился помпеянский гарнизон численностью в семь когорт. Но жители города сами открыли ворота войнам Антония, командовавшие местным гарнизоном помпеянские командиры сдались, а их когорты перешли на сторону Цезаря. И уже с отрядом из двенадцати когорт Антоний вернулся в лагерь Цезаря. Взятие Сульмона имело большое значение, ибо оно обеспечивало и захват близлежащего Корфиния, единственного города, оказавшего войскам Цезаря серьезное сопротивление. Вскоре после этого войска Помпея были полностью вытеснены из Италии, и Цезарь победителем вошел в Рим. Среди тех, кто его сопровождал, был и Антоний.

Уладив наскоро дела в Риме, Цезарь направился в Испанию против стоявших там значительных сил Помпея. Правителем Италии, кроме самого Рима, где власть осуществлял Лепид, и командиром оставленных там своих войск он назначил Антония, которому предоставил ранг пропретора (вдобавок к должности народного трибуна), хотя Антоний не занимал даже должности эдила и высшей его должностью был пост квестора, самый низкий в римской должностной иерархии. В задачу Антония входило наведение порядка в Италии, защита ее от возможного вторжения противника, а также недопущение отъезда различных влиятельных лиц. По этому поводу долгую переписку с ним имел Цицерон, который хотел покинуть Италию, чтобы не принимать участия в гражданской войне. И Антонию пришлось писать ему письмо с выражением самых дружеских чувств, лишь бы отговорить его от отъезда. Это письмо, разумеется, не означало изменения отношения Антония к знаменитому оратору, но он был вынужден по прямому приказу Цезаря переломить себя. Однако его дипломатия так и не имела успеха, ибо Цицерон все равно уехал, презрев прямое запрещение Цезаря и уговоры Антония, но не на остров Мелиту, как он заявлял, а на Балканский полуостров в лагерь Помпея.

Уже в это время проявилась одна важная черта характера Антония. Он мог в высшей степени собираться с силами для какого-либо важного дела, но затем полностью расслабляться, забросив повседневные дела. Так произошло и во время его управления Италией в 49 г. до н. э. Про-

явив в начале года бешеную энергию, что стало чуть ли не официальным поводом к началу гражданской войны, он затем почти перестал заниматься текущими и не очень интересными делами, полностью предавшись удовольствиям. Он мог вызвать к себе представителей городских властей тех общин, урегулирование положения в которых от него требовал Цезарь, но решению дел предпочесть утренний сон. Он был невнимателен к просителям не потому, что хотел их обидеть или выказать свое негативное отношение, а по небрежности и легкомыслию. Антоний был женат на своей двоюродной сестре Антонии, дочери Гая Антония, консула 63 г. до н. э., в свое время связанного с Катилиной, но принужденного отправиться на подавление восстания Катилины; правда, под предлогом болезни от устранился от непосредственного командования в сражении со своим бывшим другом. Все же Антоний был осужден за участие в заговоре и был отправлен в изгнание, но позже был помилован уже Цезарем. Женитьба, однако, не стала препятствием для продолжения достаточно легкомысленной жизни Антония. Знатные римляне передвигались по улицам в так называемых лектиках, т. е. особых переносных ложах, носимых рабами; лектики были снабжены пологими, так что можно было там спрятаться, но можно было и, открыв полог, позволить толпе себя лицезреть. И Антоний с удовольствием появлялся в открытой лектике вместе с актрисой Киферидой и в сопровождении еще нескольких лектик с юношами, которых молва считала его любовниками. За Антонием закрепилось прозвище «Киферидский» (видимо, по аналогии с прозвищем отца «Критский»).

Когда Цезарь вернулся из Испании в Рим, ему поступило огромное количество жалоб на Антония. Но Цезарь тогда нуждался в Антонии и поэтому никакого внимания на эти жалобы не обратил. Он готовился к войне на Балканском полуострове. Несмотря на зимнее время и на господство на Адриатическом море помпеянского флота, Цезарь, стремясь как можно быстрее перенести войну на Балканы и не допустить высадки противника в Италии, переправился со своим авангардом в район Диррахия. Антонию же и другому своему легату Квинту Фуфию Калену (тоже обладавшему пропреторским рангом) он поручил собрать в Брундизии подкрепления и затем следовать за ним на балканский театр военных действий. Поскольку все балканское побережье напротив Брундизия было занято войсками Помпея, Калену выполнить поручение Цезаря не удалось. Тогда главная тяжесть переправы легла на плечи Антония. Помпеянская эскадра во главе с тестем Помпея Люцием Скрибонием Либомом захватила остров, лежащий у выхода из гавани Брундизия, и этим фактически гавань блокировала. Такой успех Либона грозил полностью отрезать армию Цезаря от его итальянского тыла и в

значительной степени обрекал Цезаря на поражение. Антонию надо было во что бы то ни стало деблокировать Брундизий и прийти на помощь Цезарю. Антоний предпринял совершенно неожиданный маневр. Он вооружил и укрепил свои легкие корабли, на которые посадил воинов, а две триремы сумели заманить боевые корабли Либона непосредственно в гавань Брундизия. И когда эти корабли оказались в гавани, на них со всех сторон налетели легкие суда Антония. Один корабль Либона был захвачен, остальные бежали. Антоний заблаговременно расставил по берегу своих всадников, которые не давали морякам Либона высадиться для пополнения запасов пресной воды. В результате Либон был вынужден отступить и освободить путь из Брундизия на восток.

Эта неудача Либона не смутила помпеянских флотоводцев, и те еще более внимательно стали следить за войсками Антония и Калена, чтобы не допустить их переправы. И все же к концу зимы Антоний вышел из Брундизия. Он рассчитывал на особо благоприятный юго-западный ветер, но все время дул южный. Однако Антоний все-таки снялся с якоря. Ветер переменился именно на юго-западный, которого Антоний так долго и напрасно ждал, но за это время флот Антония миновал лагерь Цезаря и пристал к берегу много севернее, да притом еще и понес по пути некоторые потери. Но все же главное было достигнуто: армия Антония, состоявшая из трех легионов ветеранов, одного легиона новобранцев и 800 всадников, оказалась на балканском берегу Адриатического моря и двинулась на соединение с войском Цезаря. Помпей попытался помешать их соединению, но неудачно. Армии соединились, и это изменило соотношение сил. И хотя перевес все еще был на стороне Помпея (особенно на море), он уже не был столь внушительным. Антоний принимал активное участие и в боях, продолжавшихся в районе Диррахия, и в походе в глубь материка, который Цезарь предпринял, чтобы не дать Помпею эффективно использовать свой флот.

В решающем сражении при Фарсале 9 августа 48 г. до н. э. Антоний командовал левым крылом армии Цезаря. Битва закончилась полной победой Цезаря и бегством Помпея. Отправляясь преследовать бегущего Помпея, Цезарь послал Антония в Рим. После битвы при Фарсале Цезарь снова стал диктатором, и по его приказу консул этого года Публий Сервилий Ватия Исаврик назначил начальником конницы при Цезаре Антония. Некоторые коллеги Антония по авгурату пытались этому воспрепятствовать, ссылаясь на старинное установление, по которому начальник конницы назначался только на шесть месяцев, но консул сумел сломить это сопротивление, ссылаясь на то, что если диктатор назначен на более длительный срок, то и его начальник конницы

тоже должен исполнять свои обязанности столько же времени. Таким образом, Антоний стал вторым человеком в государстве, а во время отсутствия Цезаря фактически первым. А Цезарь действительно завяз в восточных делах и долго не мог вернуться в Рим.

Став фактическим наместником Цезаря в Риме и Италии, Антоний был вынужден вплотную заняться некоторыми весьма сложными делами. Цезарь начал свою политическую карьеру как популярь и скоро стал неоспоримым лидером этой «партии». Как говорилось выше, популяры стремились достичь своих целей, опираясь на народные массы и в значительной степени противопоставляя себя сенату, а поэтому проводили или стремились провести те или иные мероприятия в пользу как крестьянства, так и, пожалуй даже в большей степени, городского плебса. Для широких слоев рядового римского населения победа Цезаря означала появление надежды на удовлетворение своих заветных стремлений. А самым серьезным был в это время долговой вопрос. В 48 г. до н. э. претор Марк Целий Руф выступил с предложением отмены долговых процентов, а затем, встретив сопротивление консула Сервилия Ватии и других властей, взял его обратно, но зато предложил вообще отменить все долговые обязательства и на год отложить квартирную плату. В ответ сенат, по докладу консула, снял Целия с должности и даже вывел из своего состава, а второй претор Гай Требоний с оружием в руках прогнал его с судейского места. Целий направился в Южную Италию, куда на помощь себе призвал Тита Анния Милона, в свое время приговоренного за убийство Клодия к изгнанию, и они оба возглавили народные волнения, причем Милон действовал от имени Помпея. Видимо, население Италии в это время было настроено в большой степени процезаревски и поэтому особенно активной поддержки повстанцам не оказало. Милон и Целий были убиты, и спокойствие в Италии было восстановлено. Все эти дела закончились, по-видимому, еще до возвращения Антония в Рим. Но в следующем году начались новые волнения, с которыми уже пришлось иметь дело Антонию.

В 47 г. до н. э. с программой отмены долгов выступил народный трибун Публий Корнелий Долабелла. Он был еще довольно молодым, но чрезвычайно честолюбивым человеком. Приблизительно три года назад он женился на дочери Цицерона и был тогда противником Цезаря, но, подобно Куриону, из-за нужды в деньгах стал цезарианцем. Он был на 13 лет моложе Антония, но входил в число его друзей. Пользуясь этой дружбой, Долабелла пытался провести свое предложение с помощью всемогущего начальника конницы. Против Долабеллы решительно выступили другой трибун Люций Требеллий, а также близкий друг Цезаря Гай Азиний Поллион. И Антоний встал на их сторону. На это его

толкнули и соображения личного порядка. Антоний заподозрил свою жену в измене именно в Долабеллой и с позором выгнал ее из дома. Теперь уже не только о дружбе между Антонием и Долабеллой не могло быть и речи, но и о простом нейтралитете. Антоний решительно выступил против предложения трибуна. В ответ Долабелла со своими сторонниками занял форум. Сенат официально поручил Антонию и восьми народным трибунам, т. е. всем, кроме Долабеллы и ради видимости объективности Требеллия, навести в городе порядок. Антоний только этого и ждал. Опираясь и на свои полномочия, и на постановление сената, он ввел на форум войска и силой подавил движение. Правда, волнения в городе еще продолжались, но до открытого сражения противостояние уже не доходило. Другим делом, с которым пришлось столкнуться Антонию, были волнения среди цезаревских ветеранов в Кампании. Антоний был вынужден сам отправиться в Кампанию и успокоить ветеранов.

В то же время, как и два года назад, Антоний перемежал занятия государственными делами кутежами и любовными приключениями. Выгнав из дома свою жену Антонию, он женился на Фульвии, происходившей из довольно известного плебейского рода, хотя отец ее ничем особенным не был известен. Главное было в другом. Первым мужем Фульвии был тот Публий Клодий Пульхр, который в свое время был неистовым трибуном, вожаком вооруженной банды, красноречивым оратором и ярым врагом Катона и Цицерона. После гибели Клодия Фульвия, уже имевшая двух детей, стала женой Куриона. Но в 49 г. до н. э. Курион, возглавивший войска Цезаря, направленные сначала на Сицилию, а затем в Африку, погиб на африканской земле, и Фульвия снова осталась вдовой. И Клодий, и Курион были друзьями юности Антония, и тот теперь взял дважды овдовевшую Фульвию в жены. Но это не мешало Антонию бесконечно пировать, снова сблизиться не только с Киферидой, но и с другими артистами, которые в римском общественном мнении стояли довольно низко, окружить себя безмерной роскошью и даже развезжать на колеснице, запряженной львами. Он купил на аукционе значительную часть конфискованного имущества Помпея, включая его дом, но отказался платить всю требуемую сумму и даже возмутился, когда ее от него потребовали. Все это вызвало недовольство в Риме. Низы были недовольны подавлением движения Долабеллы, а верхи возмущены поведением цезаревского наместника, который так демонстративно рвал со старинными традициями и принятыми этическими нормами.

Когда осенью 47 г. до н. э. Цезарь наконец вернулся в Рим, он резко осудил действия и поведение Антония. Если два года назад он, нуждаясь в Антонии, не обратил никакого внимания на жалобы, то теперь

положение изменилось. Хотя в Африке еще собирались силы помпеянцев и республиканцев, а в Дальней Испании происходили волнения, решающие победы были уже одержаны и Цезарь мог позволить себе пренебречь помощью таких военных командиров, как Антоний. К тому же Антоний, по-видимому, слишком уж выделялся своими военными успехами, а этого диктаторы не любят. Стремясь консолидировать свою власть, Цезарь проводил ясно выраженную политику «милосердия», направленную на преодоление раскола в римской политической элите и приобретение себе в ней солидной поддержки. А недовольство элиты поведением Антония в какой-то степени ставило под угрозу такую консолидацию. Наконец, Цезарь еще не считал себя в силе резко рвать со своей прежней «демократической» опорой, а решительные действия Антония вели к этому. Поэтому Цезарь демонстративно простил Долабеллу, а затем и провел ряд законов, частично повторивших предложения Долабеллы. Все эти обстоятельства и привели к охлаждению между Цезарем и Антонием. Выражением этого охлаждения стало то, что провозглашенный в третий раз диктатором Цезарь на этот раз своим начальником конницы назначил не Антония, а Лепида.

Антоний стал частным человеком и очень обиделся на Цезаря, считая себя несправедливо обойденным. Когда в конце того же года Цезарь отправился в поход в Африку, Антоний отказался последовать за ним. «Опала» Антония продолжалась почти два года. И время вынужденного бездействия не прошло для него даром. Не имея власти, он уже не мог столь активно проявлять широту своей натуры. Но еще важнее было то, что его хорошо прибрала к рукам Фульвия. Она была женщиной волевой и довольно честолюбивой, а опыт предыдущих браков научил ее справляться с мужчинами типа Антония. К тому же она искренне любила своего нового мужа и сделала все, чтобы крепко привязать его к себе. И Антоний, еще недавно славившийся своими попойками, достаточно наглыми выходками и любовными приключениями, превратился в скромного семьянина, послушного воле жены. Естественно, что только такое положение его все же не устраивало, да и для Фульвии быть просто примерной женой частного человека было мало. И в 45 г. до н. э. Антоний предпринял шаги по примирению с Цезарем.

В это время Цезарь, одержавший в Испании свою последнюю победу над помпеянами, с торжеством возвращался в Италию. Многие знатные римляне поспешили ему навстречу. Среди них был и Антоний. Но неожиданно пронесся слух, что в действительности Цезарь разбит и на Италию идут войска его врагов. Антоний испугался и, как четыре года назад, переделся в раба и в таком виде вернулся домой, еще раз убедившись в любви Фульвии, которая, не узнав мужа, сразу с тревогой

спросила о нем. Слух оказался ложным, и Антоний вновь отправился на встречу в Цезарем. На этот раз он даже сумел опередить многих других, и недалеко от галльского города Нарбона встретился с победоносным полководцем. Там у них состоялся какой-то разговор, содержание которого неизвестно, но известен его результат: между Цезарем и Антонием были улажены все недоразумения, и когда Цезарь с торжеством проезжал по Италии, в его колеснице рядом с ним находился Антоний, а позади еще два человека, с которыми Антонию скоро придется иметь дело, хотя пока он этого, естественно, не знал: старый соратник Цезаря Децим Брут и внучатый племянник Цезаря Гай Октавий. Это было почестью и совершенно ясным знаком примирения. А далее Цезарь сделал еще один знак новой близости между ними. Став снова консулом в 44 г. до н. э., своим коллегой он сделал Антония.

Будучи консулом, Антоний продолжал всячески подчеркивать свою приверженность к Цезарю. Особенно ярко это проявилось во время праздника Луперкалий 15 февраля 44 г. до н. э. Будучи не только консулом, но и авгуром, Антоний в этот день участвовал в священном беге луперков по улицам города; внезапно подбежав к Цезарю, он увенчал его царской диадемой. Разумеется, особой неожиданностью это не было; возможно, что и сам Цезарь был в курсе подготовки этого события и хотел проверить отношение римлян к подобному акту. Отношение оказалось явно негативным, и даже некоторые верные сторонники Цезаря, как, например, Лепид, этот акт не одобрили. Так что Цезарь в конце концов решительно отказался от диадемы, но Антоний свою задачу выполнил и утвердился в качестве ближайшего сподвижника Цезаря. Это даже дало ему силу возражать против попытки Цезаря назначить консулом Долабеллу, с которым еще недавно так жестоко столкнулся Антоний. Собираясь в поход против Парфии, Цезарь хотел оставить вместо себя на оставшуюся часть года консулом именно Долабеллу, то ли потому, что был уверен в его преданности, то ли потому, что, зная о весьма непростых отношениях между ним и Антонием, хотел на всякий случай обезопасить себя от чрезмерного честолюбия своего старшего соратника. И официальное назначение Долабеллы так и не состоялось, хотя тот уже стал носить консульскую одежду. Резко ссориться с Антонием Цезарь не захотел.

Попытка Антония увенчать Цезаря диадемой послужила последним толчком к оформлению заговора, направленного на убийство диктатора. К заговору примкнули и многие цезарианцы, недовольные монархическими замашками Цезаря. Один из них, Гай Требоний, хорошо зная о недавних трениях между Антонием и Цезарем, еще раньше попытался было привлечь и того к заговору. Антоний решительно пресек по-

добный разговор, но ничего о нем Цезарю не сообщил. Характер Антония был таков, что при покушении на Цезаря он мог и растеряться, и решительно броситься ему на помощь. Поэтому одной из главных задач заговорщики сочли необходимость нейтрализации Антония. В решающий день 15 марта 44 г. до н. э. то ли Децим Брут, то ли Требоний (разные источники называют разные имена) при входе в здание, где заседал сенат, увлек Антония разговором и помешал ему войти в здание. Во время этой беседы и произошло убийство Цезаря.

Услышав об убийстве и увидев израненный труп своего вождя, друга и коллеги, Антоний испугался. Не зная планов заговорщиков, он решил, что они хотят уничтожить не только Цезаря, но и всех его наиболее активных сторонников. Он снова переоделся в платье раба и бежал. Пробравшись затем в свой дом, Антоний там забаррикадировался и стал ждать последующих событий. Но, к его удивлению, заговорщики ограничились только убийством Цезаря и не предприняли никаких активных действий по реальному захвату власти. И это вернуло ему прежнюю энергию. К тому же он узнал, что начальник конницы Лепид бежал к войскам, стоявшим на острове на Тибре, и, возглавив их, готов к действию. Возникла опасность потери Антонием своего положения даже в среде самих цезарианцев. И он решил действовать.

Уже в тот же день 17 марта Антоний направил своих посланцев к цезаревским ветеранам, значительная масса которых в это время собралась в Кампании в ожидании получения обещанных им земель. Узнав о гибели Цезаря, они не только возмутились убийством своего бывшего и любимого полководца, но и опасались за возможность получить землю. Поэтому ветераны охотно откликнулись на призыв Антония и уже к утру 16 марта появились в Риме их первые группы, а постепенно по Аппиевой дороге с юга все больше ветеранов стекалось в город. Рано утром 16 марта в доме Антония собрались все видные цезарианцы, чтобы выработать план своих дальнейших действий. Споры продолжались довольно долго, но в конце концов Антоний решил взять все дело в свои руки. После смерти Цезаря он остался единственным консулом. Был, правда, Лепид, который в качестве начальника конницы и теперь юридически исполнял обязанности диктатора. Но Антоний решительно его оттеснил. В то время как Лепид настойчиво выдвигал лозунг мести за Цезаря, Антоний пытался навести мосты с заговорщиками и их сторонниками и избежать открытых столкновений. Такая тактика оказалась в эти дни единственно верной.

В качестве консула Антоний уже ночью разослал сенаторам приказ на следующий день собраться на заседание. Это заседание на всякий случай Антоний собирал в храме Теллус (богини земли), расположен-

ном около его дома, чтобы при возникновении опасности можно было легко скрыться. Но заседание прошло на редкость удачно для Антония. Еще до заседания Антоний явился в дом Цезаря и убедил его вдову Кальпурнию передать ему и казну, и все бумаги Цезаря, включая проекты различных распоряжений и законов. Теперь на самом заседании он уже мог говорить не только от своего имени, но и от имени убитого Цезаря. Так, он согласился с назначением на оставшуюся часть года вторым консулом Долабеллы, как этого и хотел Цезарь и против чего он сам еще так недавно упорно возражал. Этим он демонстрировал свое подчинение решениям покойного диктатора независимо от своего личного к ним отношения. А когда сенатор Тиберий Клавдий Нерон предложил объявить Цезаря тираном, Антоний заметил, что в таком случае все распоряжения Цезаря надо признать незаконными, в том числе и те, которые он делал в пользу тех или иных сенаторов, как, например, распределение должностей и провинций. Это, разумеется, совершенно не устраивало большинство собравшихся. Тогда Цицерон предложил компромисс: предать все случившееся забвению, объявить амнистию убийцам, но Цезаря тираном не объявлять. На следующий день заседание было продолжено, и на нем было принято окончательное решение в духе цицероновского компромисса. Было произведено и распределение провинций. Антонию и Долабелле как действующим консулам никаких провинций не досталось, но в то время Антонию было не до этого. В целом решение сената его полностью удовлетворило. Идя в значительной степени навстречу республиканцам, Антоний даже провел закон о полном уничтожении диктатуры. Впрочем, это ему в тот момент было самому очень выгодно: выбивалась легальная почва из-под ног Лепида, его соперника в лагере цезарианцев, и он, являясь консулом, становился единственным бесспорным главой республики, ибо Долабелла по своим личным качествам и довольно молодому возрасту реальным соперником быть не мог.

Однако уже 19 марта Антоний получил первый серьезный удар. Было вскрыто завещание Цезаря, и оно оказалось совсем не таким, на какое надеялся Антоний. Своим главным наследником Цезарь объявлял своего внучатого племянника Гая Октавия, которому оставлял три четверти своего имущества, а самое главное — посмертно его усыновлял. Остальную четверть покойный оставлял двум другим внучатым племянникам — Люцию Пинарию Скарпу и Квинту Педию, хотя их и не усыновлял. Лишь наследниками второго ряда, т. е. теми, кто ими станет, если кто-либо из первых откажется от наследства, назывались Децим Брут и Марк Антоний. Антоний был шокирован. Он не мог себе представить, что невзрачный юнец, который меньше года назад

сидел за его спиной в колеснице Цезаря и который сейчас находился в Аполлонии на Балканском полуострове, участвуя в подготовке парфянского похода, станет наследником не только имущества, но и имени Цезаря. Антоний прекрасно понял опасность, которая может исходить из такого положения. Необходимо было ее парализовать. И он решил всем показать, что он является наследником если не имени Цезаря, то, несомненно, его дела. И лучшим способом это сделать были похороны Цезаря.

20 марта состоялись торжественные похороны убитого. Предварительно было публично зачитано его завещание. Когда римляне узнали, что среди наследников, хотя и второго ряда, назван Децим Брут, они пришли в ярость. Но особенно их возбудило желание Цезаря оставить каждому бедняку по 300 сестерциев, а всему народу — свои роскошные сады за Тибром. Антоний тотчас всем этим воспользовался. На форум, где собралась огромная толпа, тесть Цезаря Люций Кальпурний Пизон принес тело убитого, которое было выставлено на всеобщее обозрение. Но т. к. его все же было плохо видно, была представлена восковая статуя Цезаря с тщательным изображением всех ран, нанесенных ему подлыми убийцами. А когда это зрелище достаточно подогрело настроение собравшихся, Антоний выступил с надгробной речью. Он восхвалял Цезаря, напоминал о всех почестях, которые ему присудило благодарное отечество, говорил о его милосердии и безопасности всех, кто к нему приходил, в то время как сам Цезарь, являясь личностью священной и неприкосновенной, тем не менее убит. Затем Антоний дал торжественную клятву охранять тело Цезаря, а в конце поднял на кончике копья окровавленную и изодранную мечами одежду Цезаря и, как будто забыв о недавно дарованной амнистии, назвал убийц душегубами и подлецами.

Возбужденная всем этим хорошо поставленным спектаклем толпа разгромила находящуюся неподалеку сенатскую курию, и из обломков скамей и столов сложила огромный костер, на котором и было сожжено тело Цезаря. А затем та же толпа бросилась громить дома заговорщиков. Появился некий Амаций, который объявил себя внуком Мария и на этом основании родственником Цезаря (родная тетя Цезаря была женой Мария), и он даже воздвиг алтарь на месте сожжения тела своего якобы родственника. Размах беспорядков и выдвижение самодельного вождя, чье появление не было никак предусмотрено, испугали самого Антония. И он принял решительные меры для восстановления порядка. Амаций был арестован и убит, а собравшиеся на форуме его сторонники разогнаны солдатами. Сенат, увидевший в Антонии своего единственного защитника, разрешил ему иметь личную охрану из числа цезаревских ветеранов. Антоний, воспользовавшись этим разреше-

нием, скоро набрал огромный отряд из 6 тысяч человек, причем только из центурионов, имевших большой опыт и знакомых ему лично. Сенату, обеспокоенному такой силой, собравшейся у консула, он пообещал уменьшить ее, когда все успокоится, но, разумеется, и не подумал выполнить свое обещание. Таким образом, в результате всех этих событий положение Антония значительно укрепилось.

Утвердив себя в качестве бесспорного лидера цезарианской «партии», а с другой стороны, подавив народные волнения и этим снижав благосклонность сената, Антоний приступил к проведению ряда мероприятий, которые должны были усилить положение и его самого, и его сторонников. При этом он постоянно ссылался на распоряжения, найденные им в бумагах Цезаря. Разбирать их ему помогал бывший личный секретарь Цезаря Фаберий. И поскольку никто, кроме самого Антония и Фаберия, этих бумаг не видел, было совершенно неясно, что в действительности является исполнением воли диктатора, а что — произволом консула. Цицерон с раздражением писал, что после смерти Цезаря они вынуждены подчиняться его бумагам. Проведя специальный закон о подтверждении актов Цезаря, Антоний получил полную юридическую возможность провозглашать сразу в виде законов те проекты, которые Цезарь планировал или которые ему Антоний приписывал. Этими актами Антоний стремился привлечь к себе самые разные слои и более или менее влиятельные силы римского общества. Уничтожением диктатуры он сделал шаг навстречу сенату (хотя, как уже говорилось, и не без пользы для себя лично). Теперь Антоний публикует закон, разрешающий обвиняемому в случае привлечения к суду по обвинению в насилии или в оскорблении величия римского народа обратиться непосредственно к народу (раньше такое право имели только приговоренные к смертной казни); так как такие обвинения в основном касались наместников провинций и командующих войсками, происходивших обычно из числа сенаторов, то этот закон был сенатом принят. Меньше им, конечно, должен был понравиться другой закон, касающийся судов. В первое консульство Помпея и Красса был проведен закон, по которому судебные комиссии состояли из равного количества сенаторов, всадников и эрарных трибунов. Цезарь вывел последних из этих комиссий, а Антоний восстанавливал тройной состав судов, но их третьим элементом стали не эрарные трибуны, а центурионы или даже (если верить Цицерону) рядовые солдаты, что резко увеличивало роль военного элемента в чисто гражданских делах.

Навстречу пожеланиям армии и ее ветеранов шли и другие мероприятия Антония. Был принят закон о выведении колоний в Южную Италию, а колонистами были преимущественно ветераны. Уже от свое-

го имени и имени своего коллеги Долабеллы Антоний провел аграрный закон, согласно которому все «общественное поле», какое еще оставалось в Италии, распределялось на участки среди ветеранов и бедных граждан. Реального значения этот закон не имел, так как неразделенной земли в Италии почти не оставалось, да и позже он был вообще отменен, но его пропагандистское значение было огромно, ибо и ветераны, и низшие слои гражданского населения увидели именно в Антонии своего защитника. Важно было и то, что для реализации этого закона была создана специальная комиссия из семи человек, в которую включили обоих консулов и брата Антония Люция, который был в этом году народным трибуном. Чтобы привлечь итальянские муниципии, Антоний провел в жизнь закон, который Цезарь несомненно планировал, но, по-видимому, не успел провести: он расширял самоуправление муниципиев. Также от имени Цезаря был проведен закон о предоставлении гражданства провинции Сицилии. Стремясь подтвердить свою репутацию верного цезарианца, Антоний провел закон, переименовавший месяц квинтилий, в котором родился Юлий Цезарь, в июль, и уже в том же 44 г. до н. э. этот месяц именовался по-новому, что вызвало скорбь и Цицерона, и других противников Цезаря. Не менее важным для Антония было обеспечить себе и своим сторонникам управление важнейшими провинциями. Как говорилось выше, при распределении провинций сразу после убийства Цезаря консулы были обойдены и Антонию пришлось с этим согласиться. Но уже в апреле он поставил вопрос о получении и ими соответствующих провинций. Он сумел добиться назначения наместником Сирии Долабеллы, а себе потребовал Македонию. Концентрируясь на Востоке, он тем самым подтверждал желание Цезаря начать войну с парфянами ради мести за поражение Красса. Сенат пошел ему навстречу, хотя позже приказал сирийским войскам повинаться только Кассию, которому раньше поручили управление этой провинцией. Несколько позже под предлогом угрозы Македонии со стороны пограничных «варваров» Антоний потребовал послать туда войска, которые он поставил под командование своего брата Гая, бывшего в этом году одним из преторов. Наличие такой армии в непосредственной близости от Италии резко усиливало позиции Антония.

Положение Антония казалось совершенно прочным. После отъезда Долабеллы на Восток он остался единственным консулом. Претором, который после того, как Брут уехал из Рима, фактически стал городским, был его брат Гай, который затем возглавил армию в Македонии. Другой брат Антония, Люций, являлся одним из народных трибунов, что могло позволить консулу парализовать принятие любого направленного про-

тив него решения. Антоний все решительнее утверждал себя как единственного наследника Цезаря. Он выпускал монеты с портретом убитого диктатора, настаивая уже не столько на его властных функциях, поскольку диктатура была официально отменена 10 апреля этого года, сколько на его военных успехах, прославивших Рим, и морально-религиозных аспектах его личности как понтифика и «отца отечества». На некоторых монетах наряду с изображением Цезаря появляется портрет самого Антония. Связь между злодейски умерщвленным «отцом отечества» и консулом, являющимся естественным и единственным продолжателем его дела, должна была быть ясна всем.

Практически самовластное правление Антония стало вызывать недовольство сенатских кругов. Выражая в значительной степени йх мнение, Цицерон говорил, что 15 марта был уничтожен тиран, но осталась тирания. Пока в Италии оставались Брут и Кассий, Антоний не мог быть спокоен. Он все же сумел заставить их в конце концов покинуть Апеннинский полуостров. Но опасность пришла к нему с другой стороны. Антоний ее предвидел, но не рассчитал ее масштабов. Этой опасностью был юный Гай Октавий.

После некоторых колебаний, вызванных неясностью слухов о событиях в Риме, Октавий в мае прибыл в Рим и, несмотря на возражения матери и отчима, боявшихся за его дальнейшую судьбу, заявил, что примет завещанное ему Цезарем. В присутствии претора Гая Антония он, как это было положено по закону, был зарегистрирован в качестве сына Цезаря и получил новое имя — Гай Юлий Цезарь Октавиан. К неудовольствию Антония его все чаще стали называть молодым Цезарем. После этого Октавиан явился к Антонию, но тот довольно долго продержал его у входа, желая показать, что ровней себе он новоявленного Цезаря никак не считает. Но если он думал, что таким холодным приемом заставит Октавиана смириться с второстепенным положением, то ошибался, и эта ошибка очень повредила ему в будущем. Добившись все же приема у консула, Октавиан сразу же стал его упрекать в амнистии и даже потворстве убийцам Цезаря и потребовал значительную сумму денег из завещанных ему приемным отцом. Антоний был не на шутку разгневан этой речью и ответил, что он сделал все для прославления Цезаря, а что касается денег, то государственная казна пуста, а личных денег Цезаря не так уж много и выдать их он никак не может. Поняв, что ничего добиться у Антония он не сможет, Октавиан пошел на сближение с сенатом и Цицероном, который в это время стал наиболее авторитетным его членом. Одновременно он всячески подчеркивал, что он — сын Цезаря. Вскоре после приезда в Рим Октавиан устроил торжественные игры в честь побед Цезаря. Во время этих игр появилась

комета, и сразу же распространилась молва, что это душа убитого диктатора летит на небо. Антоний понял, что совершил промах, и решил пойти на примирение с Октавианом. Они встретились на Капитолии и на виду у всех присутствующих помирились. Но ненадолго. Оба они претендовали на бесспорное лидерство в цезарианской «партии», так что было достаточно малейшего повода, чтобы вражда разгорелась вновь. Инициативу проявил Антоний. Он собрал своих телохранителей и заявил о подготовке Октавианом покушения на его жизнь. Предпринял Антоний и другие меры для нейтрализации Октавиана. Так, выступая в сенате, он доказывал, что сын египетской царицы Клеопатры Цезарион действительно сын Цезаря. Это утверждение если и не ставило под вопрос законность наследования Октавианом имущества и имени, то, во всяком случае, делало возможным при определенном повороте дел противопоставить усыновленному Октавиану подлинного сына покойного и все еще популярного диктатора. Разумеется, это еще более ухудшило отношения между двумя деятелями. Разрыв между ними стал полным.

Этот разрыв привел к расколу среди цезарианцев. Многие видные соратники Цезаря признали своим вождем не Антония, а Октавиана. Среди них были консулы следующего года Авл Гирций и Гай Вибий Панса. На сторону Октавиана стали переходить и многие цезаревские ветераны. Число сторонников Антония уменьшалось. Стремясь еще более его изолировать, Октавиан и поддерживавшая его часть цезарианцев заключили союз с сенатским большинством, которым фактически руководил Цицерон. В этих условиях Антонию пришлось изменить свои прежние планы. Он решил вместо Македонии получить Цизальпинскую Галлию. Это была самая близкая к Италии провинция, которая к тому же не была отделена от нее никакими естественными преградами и, как показал опыт Цезаря, могла быть прекрасным плацдармом для завоевания Италии и Рима. Но еще по решению Цезаря, подтвержденному сенатом в марте, этой провинцией управлял Децим Брут. И тогда Антоний провел через народное собрание закон об обмене провинциями. Согласно этому закону, наместником Цизальпинской Галлии становился именно он, Антоний. Вообще-то решение вопросов о провинциях и управлении ими было прерогативой сената. Но еще в 59 г. до н. э. через собрание был проведен закон о новых провинциях для Цезаря, а через четыре года опять же через закон, принятый на собрании, получили свои провинции Помпей и Красс. Так что прецеденты были, и Антоний ими воспользовался. Децим Брут отказывался уступить Антонию свою провинцию, и, чтобы ее завоевать, Антоний приказал своему брату Гаю, уже находившемуся в Македонии, часть войска прислать в Италию.

Между тем в какой-то степени противоестественный антиантониевский фронт начал действовать. Стронникам Октавиана удалось сорвать выборы народного трибуна, которого должны были избрать вместо умершего Фламиния, а сам Октавиан стал рассылать своих посланцев по колониям, где жили цезаревские ветераны, для привлечения их на свою сторону. Агенты Октавиана действовали и среди солдат, которые уже начали прибывать к Антонию из Македонии. Вокруг Октавиана собралась определенная вооруженная сила. Своим вооруженным отрядом он окружил храм Диоскуров, у стен которого его сторонник народный трибун Тиберий Кануций собрал народную сходку, и оба они — Кануций и Октавиан — резко выступили против Антония. 1 августа в сенате старый заслуженный сенатор Люций Кальпурний Пизон неожиданно тоже открыто выступил против Антония. Но сенаторы все еще боялись Антония, и его никто не поддержал. Однако уже через месяц положение изменилось. Союз с Октавианом и стоявшими за его спиной силами придал смелости врагам Антония. Стремясь расправиться с оппозицией, пока она еще не приобрела значительного влияния, Антоний 1 сентября созвал заседание сената, присутствия на котором он потребовал от Цицерона. Поводом к заседанию было предложение Антония прибавить к дням молебствий день в честь Цезаря, которого таким образом полностью приравнивали к богам. Цицерон, боясь за свою жизнь, на заседание не явился. Предложение Антония было принято, и он был уверен, что оппозиция бессильна и что сенат снова в его полной власти. Но на следующий день, когда он в сенат не пришел, там выступил Цицерон. Его речь была открытой атакой на Антония. Это была первая из серии более десятка так называемых филиппик — речей, направленных против Антония, которые становились все яростнее и жестче.

19 сентября на новом заседании сената Антоний обрушился на Цицерона. Он ему припомнил все. И первым обвинением было то заседание сената двадцать лет назад, когда по настоянию Цицерона арестованные участники заговора Катилины были приговорены к смертной казни. Антоний явно не забыл судьбу своего отчима, казненного по этому решению. Затем он много говорил о прошлых нападках Цицерона на него, обвинял его в том, что он являлся истинным виновником убийства Клодия и идейным вдохновителем убийства Цезаря. Последнее обвинение, конечно же, должно было разорвать создавшуюся коалицию. Но оно не принесло Антонию успеха. Коалиция ведь была не идейной, а чисто конъюнктурной, так что ничего разрушить речь Антония не могла. А Цицерон еще яростнее обрушился на Антония.

Антоний понял, что реальная власть все более ускользает из его рук, что встает вопрос не только о господстве в Риме, но, может быть, о его жизни и смерти и что решаться этот вопрос будет не речами в сенате или на форуме, а силой оружия. И он направился в Брундизий, куда уже прибыли четыре легиона из Македонии. Там он неожиданно столкнулся с недовольством солдат, которые не желали возобновления гражданской войны и, кроме того, были основательно подогреты октавиановской пропагандой. Антоний попытался применить старинную меру восстановления дисциплины казнью десятой части войска, но это вызвало такой гнев солдат, что он не решился на ее полное применение. Тогда он обещал каждому воину по 400 сестерциев, но те нашли эту сумму смехотворно малой, и Антонию пришлось назвать эти деньги лишь подарком ради первой встречи, а в дальнейшем пообещать намного больше. Только таким образом он смог восстановить порядок в войсках. Сменив командование, Антоний сразу же направил войска по побережью Адриатического моря в Аримин, находившийся на границе с Цизальпинской Галлией. Но по пути два лучших легиона перешли на сторону Октавиана, и несколько позже Антонию пришлось провести новый набор среди ветеранов, находившихся в Риме.

Создав из лучших и более преданных воинов свою личную гвардию, Антоний вернулся в Рим. Большую часть своей гвардии он оставил перед городом, а остальным поручил охранять себя и свой дом, после чего созвал сенат. Антоний понимал, что в создавшейся обстановке его враги, которых становилось все больше, смогут поставить под вопрос принятый собранием закон о передаче ему Цизальпинской Галлии, и поэтому на заседании 28 ноября потребовал, чтобы и сенат принял такое же постановление. Когда в городе находилась вооруженная стража Антония, а силы Октавиана были еще вне Рима, сенат, естественно, принял требуемое постановление. И на следующий день Антоний выступил в поход на север.

В декабре армия Антония уже вторглась в Цизальпинскую Галлию. На основании закона и сенатского постановления Антоний потребовал от Брута немедленной передачи ему всей власти в провинции вместе со стоявшими там войсками. Но тот решительно отказался и стал готовиться к войне. В отсутствие Антония и сенат изменил свое решение. 20 декабря он отменил свое постановление от 28 ноября и потребовал от Антония немедленного возвращения. А когда 1 января 43 г. до н. э. новые консулы вступили в должность, сенаторы и вовсе осмелели. Поскольку Антоний не подчинился сенатскому приказу вернуться в Рим, они объявили его врагом отечества и поручили Бруту и консулам доставить его силой. Народный трибун Сальвий, сторонник Антония,

пытался этому помешать, но добился только отсрочки принятия решения. Брут занял город Мутину, куда подошел и Антоний со своими войсками. Взять город он не смог и начал его осаду. Новая война получила название Мутинской.

Сенат поручил консулам освободить Брута от осады и наказать Антония. Главнокомандующим сенатскими силами был назначен Гирций, а Пансе было поручено произвести новый набор и с этой новой армией двинуться на соединение с Гирцием. Вместе с Гирцием со своей армией отправился и Октавиан. Некоторое время, фактически полностью распоряжаясь своими солдатами, он официально оставался частным человеком, так что юридически мог рассматриваться как мятежник. Чтобы выйти из такого щекотливого положения, сенат дал ему ранг пропретора и военную власть. Это было не очень-то законно, но кто теперь следил за законами! Во всяком случае, командование Октавиана было как-то легализовано.

Армия Гирция и Октавиана была более сильной и состояла во многом из ветеранов. Панса же набрал новую армию. Обе армии двигались разными путями, и Панса опаздывал. Этим решил воспользоваться Антоний. Узнав от конной разведки путь Пансы, он устроил ему засаду. Гирций, предвидя подобный маневр, послал часть своего войска во главе с Карсулеем навстречу Пансе. В состав этой части входил и испытанный в многочисленных войнах Цезаря Марсов легион, который недавно перешел от Антония к Октавиану. Оба войска соединились, и 15 апреля около городка Галльский Форум произошло ожесточенное сражение. Обе армии понесли тяжелые потери, и войска Пансы было отброшено в лагерь. Положение спас Марсов легион, и взять лагерь воины Антония не смогли. Но сам Панса в этом бою был смертельно ранен. Антоний мог рассматривать общие итоги этого сражения как весьма успешные. Гирций со своей армией напал на солдат Антония, с победой возвращавшихся из-под Галльского Форума, и разбил их. Но осада Мутины продолжалась. Гирций, сплавляя соль и скот по течению протекавшей через город реки, сумел несколько облегчить положение осажденных. Однако это не решало дело, и требовался решительный шаг. Тогда 21 апреля Гирций развернул новое сражение. Его войска одержали победу, и сам консул ворвался в лагерь Антония, но тут, у самой палатки Антония, был убит. И все же его армия одержала полную победу. Антоний был наголову разгромлен. Кроме солдат, он потерял и много оружия, так что части оставшихся воинов он был вынужден дать луб вместо щитов. Уже не думая об осаде Мутины, он с остатками своего войска быстрым маршем направился к Альпам, чтобы, перейдя через них, уйти в Трансальпинскую Галлию и соединиться со стоявшим там

Лепидом. Прибыв на место, Антоний, чтобы доказать свое доверие к Лепиду, вопреки обыкновению не стал сооружать укрепленный лагерь. Лепид после некоторых колебаний присоединился к Антонию, но тому пришлось признать его командующим объединенной армии. Правда, военный авторитет Антония все же столь превосходил Лепида, что реальное командование все больше переходило к нему. С армией Антония соединились и войска его сторонника Публия Вентидия Басса. Все это создало уже значительную силу, с которой можно было начинать новую кампанию. Несколько позже к объединенным армиям Антония и Лепида присоединились легионы Люция Мунация Планка, управлявшего большей частью Галлии, и наместника Дальней Испании Гая Азиния Поллиона, признавших командование Лепида и Антония.

Во время гражданских войн положение порой меняется очень быстро. Быстро изменилось и положение в Цизальпинской Галлии и Италии. После гибели обоих консулов Октавиан остался самым главным в победоносной армии, и он потребовал себе консульства. Но сенат, гордый одержанной победой над, казалось бы, непобедимым Антонием и не очень сознавая реальное положение дел, не только отказал ему, но и приказал передать армию Дециму Бруту. Октавиан, естественно, отказался. Он сумел так настроить солдат, что те сами потребовали от него вести их на Рим. К нему стали переходить и воины Брута. В конце концов, потеряв своих солдат, Брут решил покинуть многострадальную Мутину и отправиться в Македонию, где Марк Брут разбил и убил Гая Антония и где стали сосредоточиваться республиканцы. Но на пути Децим Брут был захвачен кельтом Камиллом, который по наущению Антония его убил.

Что касается Октавиана, то он пополнил свою армию теми воинами Антония, которые перешли на его сторону, и двинулся на Рим. Сенат пробовал было сопротивляться, но находившиеся в городе три легиона поддержали Октавиана. Римская армия снова захватила Рим. Вскоре по требованию Октавиана было созвано народное собрание для выборов новых консулов вместо убитых. Сам Октавиан в день собрания уехал из Рима, чтобы, как он заявлял, не оказывать на граждан никакого давления. Но римляне прекрасно понимали, чем может обернуться для них неизбрание «молодого Цезаря». Разумеется, Октавиан был избран, а его коллегой стал его дядя Квинт Педий. Вскоре после достижения консульства Октавиан отправился на войну с Антонием и Лепидом. Оставшийся в Риме Педий провел закон о наказании убийц Цезаря. Реальных последствий этот закон не имел, так как убийцы находились вне досягаемости, но новые консулы снова выдвинули лозунг мести за Цезаря, что имело большое пропагандистское значение.

Отправляясь на войну против Антония и Лепида, Октавиан в действительности совершенно не собирался воевать с ними. Его флирт с сенатом закончился, а закон Педия означал полный разрыв с республиканцами. Теперь всем цезарианцам надо было объединиться. Огромную роль в этом сыграло и настроение солдат, которые не хотели воевать друг с другом. И Октавиан стал делать многозначительные жесты, направленные на примирение с Антонием и Лепидом. Он отпустил к Антонию взятых в плен его солдат, которые не желали перейти в октавиановский лагерь. В Италии оставался со своими тремя легионами поддерживавший Антония Публий Вентидий Басс, который не успел подойти к Муине и теперь выжидал исхода событий. Октавиан разбил свой лагерь около его лагеря, но не только не вступил с ним в бой, а, наоборот, завязал с ним переговоры. На вопрос Басса, как он собирается поступить с Антонием, Октавиан ответил, что он ясно показал свои намерения, а для тех, кто не понимает намеки, и большего числа недостаточно. Затем он направил специальное послание Лепиду и Азинию Поллиону, предлагая им связаться с ним, прекрасно понимая, что это станет известно и Антонию.

Видя такой поворот дел, Антоний и Лепид со своими войсками снова перешли Альпы. Октавиан двинулся навстречу им. На небольшом островке на реке Лавинии недалеко от города Бононии Антоний и Октавиан снова встретились. Они не доверяли друг другу, и Лепид играл роль посредника. Сил для установления единоличной власти ни у кого из троих в то время не было, и они пошли на компромисс. Было решено, что Октавиан откажется от с таким трудом добытого консульства, которое перейдет к Бассу. Все согласились, что в соответствии с законом Антония впредь не будет диктатуры. Но зато было решено создать комиссию из них троих для наведения порядка в государстве, причем их власть будет равна консульской, что даст возможность и заниматься администрацией, и командовать войсками; были распределены на пять лет вперед и другие должности, включая консульство. Было решено также разделить управление провинциями. Антоний должен был управлять той частью Галлии, которую завоевал Цезарь. На виду у воинов три полководца обменялись рукопожатиями. Солдаты одобрили заключенное соглашение.

После этого армии Антония, Лепида и Октавиана двинулись на Рим и в течение трех дней одна за другой вступали в город. Затем по закону Тиция был официально создан триумвират, первым делом которого стало составление проскрипционных списков. Триумвиры, таким образом, использовали опыт Суллы, но действовали с еще большим размахом и более жестоко. Собственно, первый список, пока еще

небольшой, включавший лишь 17 имен, был составлен сразу же после заключения трехстороннего соглашения еще до того, как триумvirат был официально узаконен. Антоний первым внес в список своего дядю Люция, который недавно высказался за объявление своего племянника врагом отечества. По настоянию Антония в список был включен и Цицерон, хладнокровно выданный ему Октавианом. Оратор был убит, а его голова принесена Антонию. Рассказывают, что Фульвия поставила мертвую голову на стол перед собой и колола иголками язык, который еще совсем недавно произносил яростные речи против ее мужа. В проскрипционный список был внесен и бывший народный трибун Кануций, который год назад активно помогал Октавиану бороться с Антонием. Всего было уничтожено 300 сенаторов и около 2 тысяч всадников. После этого все мужчины, как граждане, так и неграждане, обладавшие имуществом более 100 тысяч сестерциев, а также 400 наиболее богатых женщин должны были отдать на военные нужды 1/50 своего состояния. Это позволило триумвирам подготовиться к решающей схватке с республиканцами.

Консулами 42 г. до н. э. стали Лепид и активный сторонник Антония Люций Мунаций Планк. Оставив в Риме консулов, Антоний и Октавиан переправились со своими армиями на Балканский полуостров, где и разыгралась последняя кампания против республиканцев. В этой кампании Антоний, несомненно, играл главную роль. В первом сражении у Филипп армия Антония наголову разгромила войско Кассия, в то время как Брут одержал победу над Октавианом. Кассий, не зная о победе Брута, покончил с собой. В последней битве Антоний, возможно, даже осуществлял общее командование. Цезарианы одержали решительную победу, и Брут, следуя примеру Кассия, тоже добровольно ушел из жизни. Победа цезарианцев была полной.

Битва при Филиппах имела огромное значение. Судьба республики, по крайней мере в том виде, в каком она до сих пор существовала, была решена окончательно. Многие исследователи считают именно 42 г. до н. э. фактическим окончанием истории Римской республики и началом истории Римской империи. Но оставался еще нерешенным важный вопрос: кто станет во главе государства? Этот последний вопрос решался в борьбе между Октавианом и Антонием, хотя пока они действовали совместно в рамках триумvirата.

После битвы при Филиппах Октавиан вернулся в Италию, а Антоний с армией, состоявшей из шести легионов (приблизительно 35–36 тысяч пехотинцев) и 10 тысяч всадников, сначала двинулся в Грецию, а затем далее на восток, чтобы набрать новые средства, ибо война с республиканцами окончательно истощила финансы триумвиров, а они

обещали воинам большие суммы денег, невыплата которых грозила солдатским бунтом. И в Элладе, и в азиатских провинциях он вел себя как самовластный монарх, награждая своих сторонников и карая тех, кого считал врагами или по крайней мере недостаточно ревностными сторонниками. Положение на Востоке было сложным. Местные царьки использовали ситуацию гражданских войн, чтобы фактически стать самостоятельными. Надо было привести их к покорности, наказать тех, кто поддерживал, добровольно или нет, республиканцев, и под любыми предлогами набрать как можно больше денег. И Антоний ревностно стал выполнять эту задачу. Он обложил провинции и города тяжелейшими налогами, тяжесть которых еще увеличивалась жадностью и коррупционностью его приближенных, присваивавших значительные суммы собранных денег. Во многих городах Антоний фактически произвел передел имущества, причем главный удар был нанесен представителям местной городской знати. В какой-то степени он создавал в азиатских городах новый правящий слой, материально зависимый от триумвиров. Раболепные льстецы называли его новым Дионисом, как это было в Эфесе, и он с удовольствием принимал поклонение. Летом 41 г. до н. э. он прибыл в город Тарс в Киликии. И там встретил египетскую царицу Клеопатру.

Клеопатра была дочерью царя Птолемея XII, которого официально именовали Богом, Отцелюбцем, Новым Дионисом, но непочтительно прозванного своими подданными Авлетом, т. е. Флейтистом. При нем еще больше возросло влияние Рима, который признал египетского царя союзником и другом римского народа. В конце 59 г. до н. э. римляне решили аннексировать Кипр, которым правил брат Птолемея, тоже Птолемей. И в следующем году эта аннексия была осуществлена. Египетский царь полностью признал свершившееся событие, что вызвало огромное недовольство александрийцев. В египетской столице вспыхнуло восстание, заставившее Птолемея бежать. Царской властью была облечена дочь Птолемея Береника. А бежавший царь направился в римские владения. На Родосе он встретился с Катоном, который предложил ему вернуть трон силой римского оружия, но Птолемей не решился. Он направился дальше в Рим, где стал просить помощи у сената. Узнав об этом, свое посольство в Рим направили александрийцы с обвинениями против царя. По пути часть послов была убита, и некоторые увидели в этом руку Птолемея. Атмосфера 58–57 гг. до н. э. в Риме была очень тяжелая, и Птолемей не решился там оставаться. Он ушел в город Эфес на западном берегу Малой Азии и укрылся там в храме Артемиды. За Птолемея вступился Помпей. В 55 г. до н. э. его ставленник наместник Сирии Авл Габиний, который к тому же получил от

Птолемея финансовое поощрение — огромную сумму в 10 тысяч талантов, вторгся в Египет и восстановил на троне Птолемея XII. В армии Габиния служил и Антоний, командуя в ней конниками, и, как говорил позже, уже тогда, будучи юношей, увлекся красивой девочкой Клеопатрой.

Вернувшись в Александрию, Птолемей казнил собственную дочь Беренику за то, что она посмела взять власть после его бегства. Но еще важнее для него было удовлетворить своих римских покровителей. Необходимость выплатить огромные суммы, например Габинию, привели к резкому увеличению налогового бремени на египетское население и к всеобщему расстройству финансов. Чтобы выйти из этого положения, Птолемей назначил на какое-то время диойкетом, т. е. высшим чиновником, распоряжавшимся финансами, римлянина Гая Рабирия Постума, друга Габиния. Рабририй недолго управлял египетскими финансами, ибо вскоре царь бросил его в тюрьму. Рабририй сумел бежать в Рим, где был обвинен в финансовых злоупотреблениях, но был оправдан благодаря красноречию Цицерона.

Птолемей XII умер в марте 51 г. до н. э., оставив завещание, по которому царская власть передавалась его сыну, десятилетнему Птолемею XIII, и дочери, семнадцатилетней Клеопатре, а Рим он просил гарантировать выполнение этого завещания. Поскольку оба новых правителя были весьма молоды, было ясно, что реальная власть окажется в руках той или иной придворной клики. Естественно, что эти клики группировались вокруг или брата, или сестры. Правда, сначала Птолемей и Клеопатра (точнее, их сторонники) правили совместно. Но положение в Египте ухудшалось. Жестокая засуха опустошила египетские поля. Сторонники Птолемея, особенно евнух Потин, занявший пост диойкета, занимавшегося всеми хозяйственными проблемами, и стратег Ахилл, настраивали александрийцев против Клеопатры, обвиняя ее в тяжелом положении страны. И Клеопатра не выдержала. Она бежала из Александрии. Вся власть в стране фактически оказалась в руках Потина и Ахилла.

В этой обстановке к берегам Египта прибыл Помпей после поражения у Фарсала. Он, как говорилось выше, рассчитывал, что сын Птолемея Авлета, обязанного ему возвращением на трон, не только даст приют, но и поможет ему собрать новые силы для продолжения борьбы с Цезарем. Но египетские правители прекрасно понимали, что вслед за Помпеем в Александрию прибудет Цезарь, который сможет воспользоваться помощью Помпею как предлогом для вмешательства в египетские дела. А этого они совершенно не желали. Поэтому, как уже рассказывалось в биографии Помпея, отказав ему в высадке на берег со

всеми сопровождающими, включая его семью, они заманили его одного в лодку. А на пути Помпей был коварно убит ударом кинжала в спину. Корабль, на котором Помпей прибыл в Египет, тотчас вышел из александрийской гавани и направился в Африку, где собирались сторонники погибшего полководца.

Предвидение не обмануло правителей Египта. Вскоре вслед за Помпеем в Александрию прибыл и Цезарь. И ему была преподнесена голова убитого Помпея. Цезарь оплакал своего бывшего друга и родственника и нынешнего врага, а сам, вопреки ожиданиям Потина и его правительства, остался в Александрии. Более того, он даже потребовал вернуть часть того огромного долга, который еще Птолемей XII был должен Риму. Потин попытался всяческими способами выжить Цезаря из Александрии, что, разумеется, не улучшило его отношения с римским полководцем. И Цезарь решил вмешаться в междоусобную борьбу в Египте. Было ясно, что тот, на чью сторону встанет Цезарь, будет иметь больше шансов на победу, в результате которой Рим станет окончательно полновластным хозяином в стране. С этой точки зрения Цезарю было абсолютно безразлично, на чью сторону встать. Но дело решил чисто субъективный фактор. Во дворец, в котором жил Цезарь, тайком проникла Клеопатра. Цезарь был очарован ею и влюбился в юную царицу. И эта любовь, и недоброжелательная позиция Потина заставили Цезаря сделать свой выбор. Он выступил на стороне Клеопатры. Потин призвал себе на помощь Ахилла, стоявшего с войсками на египетской границе, а также александрийцев, не любивших Клеопатру. В городе начались уличные бои, которые после прибытия к Цезарю подкреплений закончились в 47 г. до н. э. победой Цезаря и Клеопатры. В ходе этой войны погибли и Потин, и Ахилл, и Птолемей XIII, а младшая сестра Клеопатры Арсиноя, участвовавшая в войне на стороне противников Цезаря, была уведена в плен в Рим и позже проведена в триумфальном шествии Цезаря. Поскольку официально одна женщина править в Египте не может, престол был передан не только Клеопатре, но и ее еще более младшему брату Птолемею XIV. Реально власть в Египте перешла к одной Клеопатре, которая через несколько недель после отъезда Цезаря родила ему сына, названного Птолемеем Цезарем, или Цезарионом. Ее власть поддерживали четыре римских легиона, оставленных в Египте и фактически оккупировавших страну.

Клеопатра надеялась, что связь с Цезарем не только утвердит ее на александрийском троне, но и сделает соправительницей всего римского мира. Особые надежды она возлагала на Цезариона, рассчитывая, что уж своего сына Цезарь не забудет, а за его спиной (она ведь была много моложе Цезаря) властвовать будет именно она. Чтобы обновить

прежние чувства, она весной 44 г. до н. э. вместе с сыном прибыла в Рим. Ее встретили там торжественно, но своих целей она не добилась. 15 марта 44 г. до н. э. Цезарь был убит, а вскоре было обнародовано его завещание. И в нем не нашлось ни одного слова о Цезарионе. Клеопатра поняла, что все ее надежды и расчеты рухнули. В сложной политической обстановке, сложившейся в Риме после убийства Цезаря, она поспешила покинуть город и вернуться в Александрию.

Чтобы укрепить там свою власть, Клеопатра устранила своего брата и провозгласила царем Цезариона под именем Птолемея XV. Новому Птолемею было всего три года, так что с этой стороны ее власти ничто не угрожало. Серьезнее была угроза со стороны римлян. В начавшейся снова гражданской войне Клеопатра решительно выступила на стороне цезарианцев. Дело было не только в памяти о покойном любовнике и благодетеле, но и в трезвом расчете: она понимала, что враги Цезаря не оставят ее в покое и в ее интересах помочь их разгрому. Поэтому она восстановила египетский военный флот и отослала его к Долабелле, который в то время сражался с республиканцем Кассием в Сирии. Туда же она приказала направиться и тем римским легионам, которые стояли в Египте. Однако, к досаде царицы, ее флот потерпел кораблекрушение, а легионы, состоявшие из остатков уцелевших солдат Красса, помпеянцев и тех, кого оставил в Египте Цезарь, их командующий Авл Аллиен передал под командование Кассия. Положение складывалось весьма неблагоприятное. К тому же, видя общую нестабильность в восточной части Римской республики и опасаясь парфянского влияния в этой части мира, Клеопатра завела какие-то интриги с парфянами. Тем временем цезарианцы разгромили республиканцев при Филиппах, и Антоний двинулся в свой восточный поход. И Клеопатра решила использовать то же оружие, какое обеспечило ей победу пять лет назад.

Среди более или менее зависимых от римлян восточных государств Египет был самым крупным и самым богатым. Его отпадение могло нарушить весь баланс сил, сложившийся к этому времени на Востоке. И Антоний это прекрасно понимал. Он направил в Александрию некоего Квинта Деллия, довольно любопытную личность. Ничем особенным не примечательный, Деллий, тем не менее, сумел не только выжить в обстановке гражданских войн, но постоянно оказываться в выигрыше, вовремя переходя на сторону победителя; недаром позже его называли профессиональным предателем и «вольтижером гражданских войн», ибо он, как цирковой наездник, умело перескакивал на ходу с одного коня на другого. Находясь в свое время в армии цезарианца Долабеллы, он перешел к Кассию, а от него к Антонию. Поз-

же Деллий написал историю парфянских походов Антония, а предвидя его поражение, перешел на сторону Октавиана. А между этими двумя предательствами охотно выполнял различные дипломатические поручения Антония. И вот по приказу Антония Деллий прибыл в Александрию и потребовал от царицы отчет в ее действиях. Увидев Клеопатру и хорошо зная своего нового хозяина, Деллий сразу понял, что устоять перед ее чарами Антоний не сможет. Да и сама Клеопатра была в этом уверена.

Судя по сохранившимся статуям и монетам, Клеопатра не была выдающейся красавицей, но она обладала необыкновенным обаянием и той не выразимой словами, но остро чувствуемой женственностью, которая так притягивала к ней мужчин. И она сама явно сознавала эту свою женскую силу и довольно расчетливо ею пользовалась. Одновременно ей были присущи несомненный мужской ум и твердый характер. Она была прекрасно образована, кроме родного греческого знала еще ряд языков, имела несомненный ораторский дар, разбиралась в философских проблемах. Не пользуясь особой популярностью в Александрии, где, по-видимому, не могли забыть ее роли в событиях 48–47 гг. до н. э., Клеопатра, во многом изменяя обычной эллинистической практике, пыталась опереться на местное население и египетское жречество. Себя она отождествляла с такими древними египетскими богинями, как Хатхор и Исида. Позже, когда Клеопатра стала главной союзницей Антония, октавиановская пропаганда именно ее избрала своей главной мишенью, изображая египетскую царицу как демоническую женщину, завлекшую в свои сети и погубившую благородного, но чрезмерно увлекающегося римского полководца. По-видимому, отзвуком этой пропаганды является странное сообщение автора сочинения «О знаменитых мужах», которое приписывается писателю IV в. Аврелию Виктору. Этот автор утверждает, что Клеопатра продавала свои ночи в обмен на смерть своих кратковременных любовников. Этот сюжет через много веков был использован А. С. Пушкиным в «Египетских ночах», чье стихотворное продолжение составил другой русский поэт — В. Я. Брюсов. И вот Клеопатра и Деллий разработали искусный план оболъщения Антония.

На своей роскошной галере с позолоченной кормой Клеопатра являлась миру земным воплощением Афродиты, в то время как ее рабыни были одеты на манер харит и nereид. Еще раньше, чем Антоний увидел это необыкновенное зрелище, до него уже дошли слухи о прибытии чуть ли не самой богини любви и красоты, медленное плавание которой сопровождали толпы изумленных зрителей по обоим берегам реки Кидн, на которой расположен Тарс. И Антоний, человек чрезвычайно увлекающийся, сразу же попался в сети очаровательной и коварной еги-

петской царицы. Клеопатра была не первой восточной царицей, которой увлекся Антоний. В Каппадокии его увлекла красота Глафиры, и он решил спор за каппадокийский трон в пользу ее сына Сисинны. Но двадцативосьмилетняя Клеопатра заставила его забыть всех остальных.

Влюбившись до безумия в Клеопатру и официально женившись на ней (несмотря на то, что в Риме оставалась его жена Фульвия), Антоний тотчас вместе с ней направился в Александрию и провел там всю зиму 41—40 гг. до н. э., совершенно забросив все дела и предаваясь только забавам, удовольствиям и любовным утехам. И Клеопатра постоянно была рядом с ним. Дело доходило до того, что они оба, переодевшись, бродили по ночам по улицам города, нарываясь иногда даже на драки с горожанами, которые не всегда кончались для Антония благополучно. Многим александрийцам такое поведение римского полководца и своей царицы даже нравилось. А Клеопатра видела во всем этом еще одну гарантию своей власти.

Тем временем политическая ситуация становилась все тревожнее. Октавиан, возвратившийся в Италию летом 41 г. до н. э., в соответствии с ранее достигнутыми договоренностями начал распределять земли среди ветеранов, что вызвало возмущение многих жителей страны. Этим воспользовался некий Маний, который обвинил Октавиана в том, что тот желает всю страну разделить между своими ветеранами, что он раздает своим ветеранам деньги даже из храмовых сумм, что он пользуется неограниченной властью в ущерб Антонию, и противопоставлял последнего приемному сыну Цезаря, говоря, что тот-то собирает деньги не среди италиков, а среди чужеземцев. Это, конечно, не было спонтанным выступлением, оно было явно подготовлено если не самим Антонием, то его братом Люцием, который был чрезвычайно недоволен действиями Октавиана и представлял себя сторонником восстановления прежних свобод. Жена Антония Фульвия тоже примкнула к недовольным, то ли действительно полагая, что Октавиан ведет курс на лишение власти ее мужа, то ли надеясь возбуждением недовольства вернуть в Италию слишком уж задержавшегося на Востоке Антония. Личные стремления Люция Антония и Фульвии совпали с растущим недовольством италийского населения. К этому прибавилась угроза голода в связи с господством на море и ближайших островах Секста Помпея и еще действующего республиканского флота. Вся Италия была наполнена бродячими разбойничьими отрядами, состоявшими в значительной степени из тех, кто был лишен триумвирами земли, из какого-то числа проскрибированных, из бежавших рабов. Антоний был далеко, Лепид оттеснен на второй план, и объектом недовольства стал Октавиан, а символом надежды Люций Антоний, брат Марка.

Марк Антоний пользовался значительным авторитетом в Италии, особенно среди ветеранов Цезаря, а в Галлии стояли его лучшие войска. Выступая против Октавиана, брат и жена Антония упрекали того в действиях, направленных на нанесение ущерба триумвиру, находившемуся на Востоке. Одновременно Люций, являвшийся консулом 41 г. до н. э., развернул республиканскую пропаганду, привлекая к себе всех еще оставшихся сторонников республики. И в конце концов он в союзе со своей невесткой открыто начал войну с Октавианом. Но их надежды не оправдались. Сначала они сумели одержать несколько побед, но затем были вынуждены отступить в город Перузию. Полководцы Антония, стоявшие со своими войсками в Галлии, были готовы прийти на помощь его брату и жене, но сам Антоний держался полного нейтралитета, и те, не получая от своего главнокомандующего никакого приказа, остались пассивными. Запертые в Перузии Люций и Фульвия в 40 г. до н. э. потерпели полное поражение, а Антоний в течение всей этой несколько неожиданной войны даже и не пытался вмешаться в события. Оба инициатора войны вскоре умерли, что развязало руки и Антонию, и Октавиану, и они решили встретиться и решить назревшие вопросы. К этому их решительно подталкивали собственные солдаты, не желавшие вступать в новую братоубийственную войну, которая чуть было не вспыхнула, когда Брундизий запер ворота перед Антонием и тот начал осаду этого города. Результатом стала встреча обоих триумвиров в Брундизии осенью 40 г. до н. э. и заключение нового договора.

По условиям этого договора Октавиан и Антоний делили управление республикой между собой. Антоний получал под свою власть все провинции восточнее иллирийского города Скодра, т. е. практически весь римский Восток, включая клиентские государства этого региона, в том числе Египет. Договор был скреплен официальным браком овдовевшего Антония с сестрой Октавиана Октавией, хотя женой Антония продолжала быть Клеопатра. Октавия тоже незадолго до этого овдовела: умер ее муж Гай Клавдий Марцелл, от которого она уже имела нескольких детей, в том числе сына Марка, который позже станет играть определенную роль в политической жизни Рима под покровительством и властью своего дяди. Смерть Марцелла произошла сравнительно недавно, и по закону вдова не могла вновь выйти замуж до истечения девятимесячного срока, но сенат, разумеется не без воздействия Октавиана и Антония, принял специальное решение, позволяющее Октавии сочетаться новым браком. Получив это разрешение, Антоний и Октавиан в сопровождении своих сторонников направились в Рим, где и была сыграна блестящая свадьба. Казалось, Антонию удалось восстановить свое положение в центре власти, которое было значительно по-

колеблено и его долгим отсутствием, и шокирующими слухами о связях с египтянкой, и разгромом его сторонников во время Перузинской войны. Еще ранее одним из консулов 40 г. был избран его сторонник Гай Азиний Поллион, но реально он вступить в должность смог только теперь, ибо из-за событий в Италии он предпочитал находиться в Александрии вместе с Антонием. Однако реальность была совсем другой.

Октавиан тем легче согласился предоставить Антонию верховную власть на Востоке, что сложившееся там положение было очень тяжелым и требовало немедленной и весьма обширной военной акции, ни участвовать в которой, ни тем более проводить которую своими силами Октавиан в то время не желал. Дело было в мощном парфянском вторжении в восточные провинции Римской республики. До разгрома Красса в 53 г. до н. э. парфяне, насколько можно судить по их действиям, не предпринимали никаких попыток расширить свои владения к западу от Евфрата. Оглушительная победа при Каррах уничтожила их страх перед силой Рима и позволила претендовать на западную часть бывшей державы Ахеменидов, т. е. на римские владения в Азии, и даже на Египет. Они пытались использовать для этого обстановку почти непрерывной гражданской войны. Сначала парфяне действовали дипломатическими средствами, предлагая свою помощь то Помпею, то республиканцам, выбирая тех, кто в этот момент находился в затруднительном положении, противопоставлял себя правителю Рима и, как им казалось, был готов за такую помощь весьма основательно их отблагодарить. Кассий во время своего пребывания в Сирии направил к парфянскому царю Ороду II Квинта Аттия Лабиена, сына того Лабиена, который когда-то был одним из лучших командиров Цезаря во время Галльской войны, а во время гражданской перешел на сторону Помпея и в 45 г. до н. э. погиб после разгрома помпеянцев под Мундой. Лабиен вел переговоры с парфянским царем (кстати, это был тот же царь, кто правил парфянами во время трагического похода Красса) о помощи республиканцам. Но пока шли переговоры республиканцы были разгромлены у Филипп, и Лабиен остался при парфянском дворе в Ктесифоне. Теперь он стал подстрекать Орода непосредственно выступить против римлян. Как когда-то фимбрианцы, служившие Митридату, так теперь Лабиен рассматривал свое участие в войне против Рима не как измену родине, а как использование чужих сил для свержения ненавистного и, по его мнению, узурпаторского режима, утвердившегося в Риме. Лабиен убеждал царя в необходимости использовать подходящий момент, ибо Октавиан завяз в западных делах, а Антоний весь опутан любовными сетями Клеопатры и не будет ни во что вмешиваться, что их легионы после жес-

токой войны ослаблены, а провинции, города и вассальные царьки, отягощенные поборами триумвиров, только и ждут освободителей. Агитация Лабиена дала свои плоды. Царь поставил его во главе довольно значительных сил, которые перешли Евфрат и вторглись в Сирию в конце 41 или в начале 40 г. до н. э. Официально главнокомандующим парфянской армией был царевич Пакор, но его ближайшим советником стал Лабиен, который фактически и возглавил эту армию на первом этапе войны. Римских сил в Сирии было мало, и парфянская армия Лабиена действовала весьма успешно. Наместник Сирии Люций Децидий Сакса, старый соратник Цезаря и Антония, попытался сопротивляться, но был разбит около города Апамеи и бежал в сирийскую столицу Антиохию, но и там он удержаться не смог и бежал дальше в Киликию, где вскоре и погиб. Сирия была практически оккупирована парфянами. После этого парфянская армия разделилась. Одна ее часть уже непосредственно под командованием Лабиена вторглась в Киликию, а парфянские всадники разорили всю южную часть Малой Азии вплоть до Карики, расположенной в юго-западной части полуострова. Наместник провинции Азии Люций Мунаций Планк бежал, и только некоторые города, такие как Стратоникея, которая позже за это получила определенные привилегии, сопротивлялись парфянам.

Другая парфянская армия во главе с царевичем Пакором двинулась на юг Сирии и в Палестину. Местные царьки, еще недавно раболепно выражавшие свою покорность Риму, поспешили примкнуть к победителям. Правитель Итурей (на юге Сирии) Лисаний объявил о своем союзе с парфянами. Он поддержал претендента на иудейский трон Антигона. Сторонники Антигона открыли ему ворота Иерусалима. Правивший Иудеей сторонник Антония Ирод бежал из страны. Пакор и Лисаний посадили на иудейский трон Антигона. Передняя Азия и значительная часть Малой Азии фактически были для Рима потеряны.

Антоний направил против парфян своего ближайшего соратника Публия Вентидия Басса, а сам с молодой женой направился в Афины, где с удовольствием проводил время, наслаждаясь почестями, играми и пирами. При живой и даже находившейся вместе с ним в Афинах жене афиняне объявили Антония мужем богини Афины. Возможно, что и Октавия была каким-то образом связана с богиней. Не растерявшийся Антоний тотчас потребовал в качестве приданого миллион драхм. А пока он упивался удовольствиями, его полководцы одерживали победы. Люций Марций Цензорин и Гай Азиний Поллион разбили ряд иллирийских племен, угрожавших Македонии. Басс же в это время успешно сражался с парфянами и армией Лабиена, вытесняя их из Малой Азии.

Вентидий Басс был типичным представителем «новых людей», которые поднялись наверх в эпоху гражданских войн благодаря своему положению в победившей «партии». Сам он был италиком и происходил из пиценского города Аскула. Его отец принадлежал к местной знати и принял активное участие в Союзнической войне как один из руководителей италийского войска. Он сражался с Помпеем Страбонем и во время боя погиб, а будущий полководец Антония, которому тогда еще не было и 10 лет, был захвачен в плен и вместе с другими пленными италиками проведен в триумфальном шествии Страбона. Став римским гражданином, Вентидий провел довольно трудную юность, но проявил при этом определенные способности. В частности, он занимался поставкой в армию мулов и повозок. Его заметил Цезарь, и Басс с удовольствием примкнул к нему. Цезарь выступал в то время как вождь популяров, а италики традиционно поддерживали именно эту «партию». Когда Цезарь в 58 г. до н. э. направился в Галлию, Басс последовал за ним и, по-видимому, занимал должность начальника ремесленников (*praefectus fabrum*), т. е. был одним из руководителей интендантской части цезаревской армии. Он активно поддержал Цезаря и во время гражданской войны. И Цезарь по достоинству оценил способности и заслуги Басса. В 47 г. до н. э. он ввел его в сенат, а в 46 или 45 г. заставил «избрать» народным трибуном. Уже после смерти Цезаря, но явно в соответствии с его более ранними распоряжениями Басс стал претором 43 г. до н. э. Когда в этом году развернулась открытая война между Антонием и коалицией части цезарианцев и остатков помпеянцев и республиканцев, Басс открыто выступил на стороне Антония и активно участвовал в военных действиях. Как и Антоний, он был объявлен «врагом отечества» и вместе с ним отступил в Галлию, где выступил одним из инициаторов заключения союза с Лепидом. А когда был создан второй триумвират, Басс не только был реабилитирован в Риме, но и достиг новых высот. На два последних месяца 43 г. до н. э. он вместе с другим цезарианцем Гаем Карриной стал, не теряя ранга претора, консулом-суффектом, а затем направился вновь в Галлию уже в качестве легата Антония. Во время Перузинской войны Басс вместе с другими антонианскими полководцами двинулся в Италию на помощь Люцию Антонию и Фульвии, но был остановлен полководцами Октавиана Марком Випсанием Агриппой и Квинтом Сальвидиеном Руфом. Не решаясь вступить в бой без приказа самого Антония, его полководцы, в том числе Басс, стояли в нерешительности, пока Октавиан не одержал полную победу. И теперь Басс был направлен в Малую Азию для войны с парфянами и Лабиеном. Его ближайшим помощником был Квинт Поппедий

Силон, потомок (может быть, внук) того Поппедия Силона, который в свое время был другом Друза, а затем одним из самых видных полководцев италиков.

В Азии Басс действовал весьма решительно. Он высадился там весной 39 г. до н. э. и сразу же развернул активные военные действия. Лабием даже еще не получив никакого известия о высадке Басса, а тот уже обрушился на него. Басс выбил парфян из западной части южного побережья полуострова и заставил их отступить в Киликию, а затем начал вытеснять их и оттуда. У Киликийских Ворот произошло жестокое сражение, в котором парфяне были разбиты. После этого они отказались поддерживать Лабиена и ушли из Сирии, и Лабием был вынужден бежать. Он пытался скрыться, переодевшись, но был схвачен и казнен. После этого произошла новая битва уже на севере Сирии, и снова римляне одержали победу, причем в этом бою погиб парфянский полководец Фарнастан. Парфяне были выбиты из римских владений. Но на следующий год их армия во главе с Пакором снова вторглась в Сирию. Поскольку силы Басса были разделены и часть их находилась еще в Киликии, он не сумел воспрепятствовать переходу парфян через Евфрат. Но вскоре Басс сумел объединить всю свою армию и встретил парфян. В ожесточенном сражении у Гиндара армия Басса, получившего к этому времени подкрепления, одержала полную победу, большая часть парфянской армии была уничтожена, причем в сражении погиб сам Пакор, и остатки некогда мощной и грозной армии парфянского царя ушли за Евфрат. Битва при Гиндаре стала реваншем римлян за катастрофу у Карр. Голову погибшего Пакора отрубили, повторив то, что 15 лет назад парфяне сделали с трупом Красса. После этого поражения парфяне двести лет не пытались вторгнуться в римские владения. Басс, хорошо зная нрав своего покровителя, не решился на плечах поверженного противника вторгнуться в Месопотамию, отдавая славу полного разгрома парфян Антонию. Поэтому он предпочел обратиться против царька сравнительно небольшого государства Коммагены Антиоха и осадил его столицу Самосату. Но и этого успеха Антоний не захотел доверить Бассу.

Узнав о победах Басса и боясь, как бы вся слава победителя на Востоке не досталась тому, Антоний покинул Афины и со своей армией направился к Самосате. Антиох еще до этого пытался договориться с Бассом, предлагая подчиниться Антонию и уплатить контрибуцию в 1000 талантов. Но Басс, узнав о приближении армии Антония, не решился сам заключить договор с мятежным царьком и потребовал от него направить послов непосредственно к Антонию. Да и Антоний, услышав о введущихся переговорах, официально запретил своему легату за-

ключить договор. После этого он прибыл под стены Самосаты и принял командование всеми стоявшими там войсками. Но на этот раз его командование оказалось неудачным. Самосата упорно сопротивлялась, и Антонию пришлось заключить с Антиохом мир, добившись от того уплаты только 300 талантов. Еще находясь в Риме, он встретил бежавшего туда Ирода. На этот раз Антоний действовал вместе с Октавианом. Они оба обласкали бежавшего правителя Иудеи и привели его в сенат, который официально признал Ирода царем Иудеи. Опираясь на римскую помощь, Ирод в 37 г. до н. э. взял Иерусалим, свергнув парфянского ставленника Антигона, который был публично казнен. Власть Рима в восточной части его владений была полностью восстановлена.

В Сирии Антоний занялся устройством местных дел. И одним из первых таких дел было отстранение Басса от реального управления этими землями. Басс был направлен в Рим, где сенат постановил дать ему триумф. В ноябре 38 г. до н. э. Рим увидел пышное триумфальное шествие Публия Вентидия Басса, который пятьдесят один год назад сам в качестве пленника шел в триумфе Помпея Страбона. Трудно себе представить более зримый знак коренных изменений, произошедших в римской элите за эти полвека! Басс стал первым и более чем на столетие последним римлянином, отпраздновавшим триумф за победы на парфянами. Но вскоре после этого он перестал играть активную роль. Видимо, Антоний слишком позавидовал успешному полководцу. Но Басс, вероятно, все-таки остался сторонником Антония. Он умер, не увидев его окончательного поражения, а после смерти был удостоен государственных похорон.

Несмотря на поражение парфян, положение на Востоке оставалось очень сложным. Парфянская угроза окончательно ликвидирована не была. Попытка Антония захватить Пальмиру не удалась. С другой стороны, недавние успехи в войне с парфянами казались Антонию достаточной основой для дальнейшего похода. Антоний не мог не понимать, что общественное мнение справедливо приписывало победы Бассу, а не ему лично, и он жаждал доказать, что и он сам, а не только его легат, может одерживать блестящие победы. Перед умственным взором честолюбивых римских полководцев постоянно стоял пример похода Александра Македонского, и Антоний не был исключением. Все римляне жаждали отомстить парфянам за поражение Красса и мечтали о возвращении знамен и пленников. Стать исполнителем этих желаний и мечтаний означало бы приобрести сильнейшую поддержку римского общественного мнения в борьбе за единоличную власть. Парфянский поход планировал совершить Цезарь, и только его убийство остановило активную подготовку этого похода, который он должен был начать

через несколько дней. Таким образом, война с Парфией стала бы исполнением воли Цезаря, и его реальным наследником выступил бы не его приемный сын, а Антоний. И он стал активно готовиться к большому восточному походу. Для начала он направил своего легата Публия Канидия Красса в Армению для обеспечения своего левого фланга. Зимой 37/36 гг. до н. э. Канидий двинулся в Армению, где армянский царь Артавазд, вновь вступивший в союз с Римом, предоставил ему базу для дальнейшего похода. Перезимовав, по-видимому, в армянской столице Арташате, Канидий весной следующего года выступил в поход против иберов, живших к северу от Армении (современных грузин). Иберский царь Фарнабаз попытался сопротивляться, но был разбит. Из Иберии Канидий двинулся на восток и, разбив албанского царя Зобера, достиг Каспийского моря. Таким образом, Канидий повторил кавказский поход Помпея. И Фарнабаз, и Зобер заключили союз с Римом. В это же время новый наместник Сирии Гай Сосий, «новый человек», как и Басс, помог Ироду восстановить свою власть в Иудее, укрепив правый фланг будущего похода. Итак, и тыл, и фланги будущей грандиозной военной операции были обеспечены.

Урегулировав свои дела в Италии и получив от Октавиана, которому выгодно было, чтобы Антоний как можно глубже увяз в восточных делах, обещание военной помощи, Антоний вернулся на Восток. Сначала его вновь сопровождала жена, но на острове Коркире они расстались, и дальше Антоний путешествовал уже один. Перезимовать Антоний предпочел в Афинах, проводя время в пирах и гимнастических играх. В Греции Антоний объявил себя новым Дионисом, и греки радостно согласились с этим. Чем больше он приближался к Востоку, тем сильнее разгоралась старая любовь к Клеопатре. Прибыв в Антиохию, Антоний направил своего друга Гая Фонтея Капитона в Александрию с поручением привезти в Антиохию Клеопатру. Клеопатра с восторгом отправилась с Капитоном, и осенью 37 г. до н. э. любовники встретились вновь. Впрочем, здесь надо сделать весьма существенную оговорку. Что Антоний был безумно влюблен в царицу, нет никакого сомнения. Была ли так же страстно влюблена в него Клеопатра, сказать трудно, хотя несомненно, что определенные чувства к триумвиру она, конечно, питала. И все же любовь не мешала обоим преследовать и свои политические интересы. Едва ли Антоний сомневался, что рано или поздно ему придется снова столкнуться с Октавианом, но пока важнее всего для него был парфянский поход. А для него, как и для будущей борьбы за единоличную власть, нужны были огромные средства, которые опустошенные гражданскими войнами и парфянским вторжением восточные провинции дать не могли. Такие средства мог предоставить

Антонию только Египет. Клеопатра же, утвердившись у власти с помощью Цезаря, а затем Антония, теперь стремилась с помощью последнего расширить свои владения, восстановив, насколько это было возможно, старую державу Птолемеев.

И уже в Антиохии началась искусная дипломатическая игра, в которой политические расчеты и любовная страсть смешивались в единое нерасторжимое целое. И Клеопатра, пожалуй, переиграла Антония. Он официально признал своими детьми двойняшек, рожденных Клеопатрой, и дал им имена Александра Гелиоса (Солнца) и Клеопатры Селены (Луны). Возможно, что, давая такие прозвища своим детям, Антоний бросал вызов парфянскому царю, который официально именовался «сыном Солнца и Луны». Конечно, называя своего сына Александром, Антоний в первую очередь думал об Александре Македонском. Но надо сказать, что и в истории Египта тоже были Александры. Это было второе имя Птолемея X и его сына Птолемея XI. Значительную роль в политической жизни Восточного Средиземноморья в начале I в. до н. э. играла Клеопатра Селена. Но все трое не очень-то прославились своими победами, так что едва ли Антоний и Клеопатра думали о них, называя своих детей.

Для царицы все же важнее было присоединение к ее владениям большей части Финикии, Келесирии, Кипра и значительной части Киликии. В ее пользу Антоний отрезал приморскую часть Nabatei (полузависимого арабского царства к югу и востоку от Иудеи), а также часть Иудеи. Большая часть Иудеи осталась под властью Ирода, которого спасло его раболепие и покровительство Антония. Так что Клеопатра почти восстановила державу своих предков. Это вызвало возмущение в Риме, еще более подогреваемое октавиановской пропагандой. Но Антония это не остановило. Одновременно он реорганизовывал политическую структуру Малой Азии, усиливая там систему клиентских государств. Он произвольно менял их границы и сажал на троны своих ставленников. Царем Понта, чья территория была несколько увеличена по сравнению с той, которая осталась после побед Помпея и Цезаря, он сделал Полемона, сына ратора Зенона, который не имел никакого отношения в прежней династии, но зато доказал свою верность Риму, активно сражаясь с парфянами. На трон Галатии Антоний посадил секретаря бывшего царя Аминту. Династические изменения были произведены и в Каппадокии. Все это укрепляло малоазийский тыл Антония и его фланги в случае войны не только с Парфией, но и с Октавианом.

Внутренние события в Парфии послужили Антонию поводом к началу военных действий и, казалось, обещали быстрый успех его предприятия. В 37 г. до н. э. царевич Фраат, ставший наследником парфянского

трона после гибели своего брата Пакора, сверг и убил своего отца Орода, впавшего в депрессию после смерти Пакора, и вступил на престол. Это вызвало недовольство ряда парфянских аристократов, и один из них, некий Монес, бежал в Сирию. Антоний радушно встретил его и отдал ему во владение три сирийских города. Это, естественно, встревожило Фраата, который понимал истинную причину великодушия Антония. И он, как и Клеопатра, оказался более искусным дипломатом. Парфянский царь сделал все, чтобы примириться с Монесом и убедить его вернуться в Парфию. И, как ни странно, Антоний помог ему в этом. Надеясь приобрести в глазах римского общественного мнения прежний авторитет, чрезвычайно подорванный его любовью и уступками, он сам отправил Монеса к парфянскому царю, предложив тому заключить мир, если последний вернет римские знамена, попавшие к парфянам после разгрома Красса. Возвращение знамен и пленников стало бы триумфом Антония. Но положительного ответа Фраата он так и не дождался.

Еще не собрав полностью свои силы, Антоний раньше, чем это было принято, выступил в поход против парфян. Клеопатра вернулась из Сирии в Египет, а Антоний с войсками двинулся через населенные арабами внутренние районы Сирии к Армении. По-видимому, он хорошо запомнил урок Красса, который вторгся непосредственно из Сирии в Месопотамию и был полностью разгромлен. Поэтому он решил идти другим путем: через Армению в Мидию, а уже оттуда, с востока, нанести удар по Месопотамии и расположенной там парфянской столице Ктесифону. Кроме того, уже на первом этапе войны можно было захватить Экбатаны, древнейшую столицу Мидии, окруженную ореолом старины в глазах народов Востока, что, конечно, создавало бы определенный моральный перевес для Антония. Почва для такого похода была уже подготовлена Канидием. Армянский царь Артавазд II во время похода Красса перешел на сторону парфян, но теперь его надо было заставить снова встать на римскую сторону. Видимо, эту задачу и выполнял Канидий. Видя изменение соотношения сил, Артавазд еще до похода Канидия действительно вновь стал римским союзником. Так был создан хороший плацдарм для Антония, который им и воспользовался. В Армении к нему присоединились отряды зависимых восточных царьков, в том числе царя Понта Полемона. Под знаменами Антония собралась сотысячная армия, в которой только самих римских пехотинцев было 60 тысяч. Это была самая большая римская армия, какую видел Восток; она в два раза превосходила армию Красса и в три раза — армии Лукулла и Помпея. Особенно важным было большое количество конницы, что должно было предотвратить окружение римской армии парфянской кавалерией, как это было во время похода Красса.

С этой огромной армией Антоний в том же 36 г. до н. э., выполняя свой план, начал поход. Его армия подошла к Зегме, где обычно войска переправлялись через Евфрат, но Антоний не стал форсировать реку, а двинулся вдоль нее на север и, пройдя через ряд вассальных государств, вошел в пределы Армении, а оттуда уже вторгся в Атропатену. Позже его упрекали, что он не стал зимовать в Армении, что могло бы дать отдых изнуренным дальним походом воинам, что из любви к Клеопатре он поторопился с походом, чтобы успеть до зимы вернуться в Александрию. Но дело было не в этом. Антоний действительно торопился, стремясь нанести решающий удар, прежде чем парфянский царь сможет собрать все свои силы. Он помнил, чем кончилась нерешительность Красса, который, одержав первые победы, ушел зимовать в Сирию. И он решил не медлить. Однако Антоний все же не рассчитал свои силы. Римские воины были действительно измучены переходом из Сирии в Армению, особенно учитывая трудные природные условия Армении. Большой обоз с осадными орудиями оказался скорее помехой, чем подмогой, для похода, задерживая стремительное движение римских войск. А Антоний понимал, что именно быстрота действий даст ему дополнительный шанс на успех. Поэтому он вскоре оставил обоз под защитой двух легионов римских воинов и какого-то количества союзников под командованием Оппия Статиана, а сам двинулся дальше и вскоре осадил столицу Мидии Атропатены Фрааспу. Но вопреки его ожиданиям осада затянулась, и это дало парфянам необходимое время для сбора войск. Первый удар они нанесли по обозу, окружив его и полностью уничтожив. При этом погибло или попало в плен до 10 тысяч римских воинов. Эта неудача заставила некоторых римских союзников, в том числе Артавазда, задуматься, и армянский царь вскоре снова порвал с римлянами и со своими частями покинул армию Антония.

Вслед за этим начались сражения между главными силами Антония и парфянского царя. В первом сражении римляне одержали победу, но потери врага были столь малы, что эта победа грозила стать «пирровой». В следующей битве победили парфяне, которым активную помощь оказали войска их вассала царя Мидии Атропатены, на территории которого и шли военные действия. Это поражение в военном отношении было довольно незначительным, но оно нанесло тяжелый удар боевому духу воинов. Тогда Антоний прибег к старинной мере восстановления дисциплины и морали воинов — децимации, казнив каждого десятого и резко сократив рацион остальных. Дисциплина была восстановлена, но положение римской армии ухудшалось. Осада Фрааспы затягивалась, она продолжалась уже два месяца, и не было никакого признака скорой победы, страна, где шли бои, была враждебна и неиз-

вестна, и армии грозил голод в случае дальнейшего затягивания боевых действий. Планируя свой поход, Антоний полагался прежде всего на его быстроту, но добиться этой быстроты он не сумел. Однако и парфянскому царю затягивание военных действий не шло на пользу, так как парфяне никогда не воевали зимой, а она приближалась, и он вполне мог опасаться самороспуска своей армии. Так что обе стороны были заинтересованы в прекращении кампании. Инициативу взял на себя Фраат IV, который предложил заключить перемирие. Антоний попытался выговорить прежние условия мира: возвращение знамен и пленных, но парфянский царь отказался даже это обсуждать. Перемирие было заключено на условиях свободного возвращения армии Антония. Так и не добившись никаких успехов, Антоний начал отступление.

Отступление стало делом еще более трудным, чем наступление. Парфяне нарушили договоренность и неоднократно нападали на отступающую римскую армию, которую к тому же терзали голод и особенно жажда. Римляне отбивались от парфянских атак, а один раз им даже пришлось построить «черепаху»: особый военный строй, когда армия или воинская часть окружает и покрывает сверху себя щитами, двигаясь наподобие современного танка. Такой строй пробить врагам чрезвычайно трудно, но и римским воинам двигаться в нем тоже весьма непросто, так что прибегали к этому средству римляне относительно редко. С большим трудом, отбивая постоянные парфянские атаки, ни одна из которых не достигла цели, сражаясь не только с врагами, но и с природой, армия Антония добралась до Армении, потеряв четверть римских воинов, треть союзных и весь обоз. О новом походе нельзя было и думать. И Антоний вернулся в Сирию, потеряв в условиях наступившей зимы по пути еще значительную часть своих воинов. Некоторые древние авторы говорят, что назад Антоний привел лишь треть, а то и четверть, той армии, с которой он выступил в парфянский поход.

Своей резиденцией Антоний избрал небольшое селение на финикийском побережье, где дал отдых и себе, и своим воинам. Как это не раз бывало, Антоний после огромного напряжения всех физических и духовных сил дал себе «расслабиться», предаваясь бесконечным пирам и нетерпеливо ожидая прибытия Клеопатры. Он ждал не только любимую женщину, но египетскую царицу, которая поможет ему восстановить его армию. И он не обманулся в своих расчетах. Клеопатра привезла с собой необходимые Антонию деньги и даже одежду для солдат. С помощью Клеопатры Антоний начал восстанавливать свои силы, готовясь к новому походу.

Восстановление Антонием его сил едва ли очень понравилось его коллеге, родственнику и сопернику Октавиану. Умный, расчетливый, великолепный дипломат, Октавиан задумал хитрый план. Еще во время свидания в Таренте он обещал направить на помощь Антонию для его парфянского похода, который официально рассматривался, по-видимому, как общеримское предприятие, 20 тысяч воинов, но вовремя обещание, разумеется, не выполнил. И вот теперь он послал Антонию 2 тысячи солдат, и привести их к мужу должна была Октавия. План был безупречным. Если египетская царица могла помогать римскому полководцу, почему этого не может сделать законная римская супруга по поручению своего брата? Две тысячи воинов дело не решали и не очень-то ослабляли Октавиана, но Антоний стоял перед дилеммой: если он примет эту сравнительно небольшую помощь, которую доставит ему жена, то должен распротиться с Клеопатрой и тем самым лишиться себя гораздо более важной поддержки да и любимой женщины тоже; если не примет, то любому римлянину станет ясно, что чужестранка для него важнее римянки, а это даст прекрасный повод для антиантониевской пропаганды в самом Риме. Октавиан практически ничем не рисковал, а выгоды могли быть большими. Расчет оказался совершенно верным. Антоний отказался принять присланную из Рима помощь, а самой Октавии приказал не приезжать к нему, а ждать его в Афинах, где та в то время находилась. Это фактически было приказом о разводе. После этого Антоний уехал с Клеопатрой в Александрию, где и стал готовиться к новой кампании.

Внутренние события в Парфии снова дали Антонию надежду на успех. Большую роль в поражении в 36 г. до н. э. сыграла позиция царя Мидии Атропатены Артавазда (тезки армянского царя), который остался верен своему суверену царю Парфии Фраату и чья конница активно участвовала в боях с римлянами, а население заняло по отношению к воинам Антония решительно враждебную позицию. Но вскоре после победы над Антонием между парфянским сувереном и его мидийским вассалом начались трения, и последний серьезно опасался, что его лишат трона. Насколько серьезны были эти опасения, сказать трудно; возможно, в предвидении новой войны с римлянами Фраат действительно пытался укрепить свое государство и взять Мидию Атропатену под свой непосредственный контроль. Как бы то ни было, Артавазд обратился за помощью к Антонию, обещая в случае нового похода последнего соединить свои силы с его, дав римской армии столь недостающую ей конницу. Антоний с радостью принял это предложение. Новый союз был скреплен браком дочери Артавазда с сыном Антония и Клеопатры Александром Гелиосом. Но для его осуществления было

необходимо снова укрепиться в Армении. А поведение армянского царя в 36 г. до н. э. показывало, что надеяться на крепость армянского тыла было невозможно. И Антоний в 34 г. до н. э. вторично направился в Армению. Теперь он официально обвинил ее царя Артавазда в предательстве, возложив на него всю вину за свою неудачу в парфянском походе. С Арменией ему было расправиться легче, чем с Парфией, к тому же он сумел заманить Артавазда к себе и затем захватил его. Еще раньше он пытался пригласить Артавазда в Александрию, чтобы там с ним покончить, но армянский царь, почувствовав ловушку, отказался. Тогда в следующем году Антоний предложил Артавазду выдать его дочь за своего сына Александра Гелиоса и с этой целью послал в Армению своего верного и коварного агента Деллия, который когда-то убедил прибыть к нему Клеопатру. Одновременно он с армией снова двинулся в Армению. То ли угроза завоевания, то ли искусная дипломатия Деллия, но Артавазд с большей частью своей семьи оказался в руках Антония. Сын Артавазда Артаксес бежал к парфянам. Антоний объявил Армению римской провинцией. На страну была наложена большая контрибуция.

В это время напряжение в отношениях с Октавианом возрастало, и было ясно, что решающая схватка между ними не за горами. В таких условиях ввязываться в новый большой поход против Парфии Антоний не решился и ограничился посылкой царю Мидии Атропатены части своих солдат. Однако надежда Антония добиться своих целей в этой части мира с помощью Артавазда оказалась тщетной. Парфяне разбили войска мидийского царя, перебив при этом всех римлян, которые находились в его войске.

Между тем Антоний представил свой поход в Армению, пленение (не без коварства) ее царя и превращение страны в провинцию как огромный успех. Были выпущены специальные монеты с портретами Антония на лицевой стороне и Клеопатры на оборотной и надписью «Побежденная Армения». Антоний вернулся в Александрию и справил там великолепный триумф, в своих основных чертах повторяющий римское триумфальное шествие, только роль римского храма Юпитера Капитолийского играло александрийское святилище Сераписа. Но были в этом триумфе и восточно-эллинистические черты. Триумфальное шествие было по-восточному пышным, а сам Антоний появился в облике Диониса. Вместе с Антонием торжествовала победу Клеопатра, которая в виде египетской богини Исиды встречала победителя в храме Сераписа. Когда известие об этом триумфе достигло Рима, там не было предела возмущению: римский полководец празднует свою победу не в Риме, а в Александрии, и это возмущение все более подогрелось про-

пагандой Октавиана. Она представляла Антония в глазах римлян предателем и пленником египетской царицы, готовым на все ради удовлетворения своих и ее прихотей. А сам Антоний, казалось, делал все, чтобы подтвердить эти обвинения. Себя он вел скорее как восточно-эллинистический монарх, чем как римский полководец, что подтверждал и его внешний вид: пурпурный наряд, золотой скипетр, короткий меч на боку. И выпускаемые им монеты подчеркивали монархические замашки Антония.

Вернувшись из похода в Армению, Антоний осенью принял важные политические решения. В предвидении неизбежной войны с Октавианом он стремился укрепить свой восточный тыл, а единственным средством такого укрепления он считал создание сети государств, управляемых его египетской женой, с которой он официально вступил в брак, и их детьми, тем более что из-за малолетства детей фактическое управление должно было находиться в его руках (или, скорее, Клеопатры). Он торжественно провозгласил Клеопатру «царицей царей», а ее официального соправителя и сына от Цезаря Птолемея Цезариона «царем царей». Этим устанавливалось их верховенство над всеми клиентскими государями Востока, в том числе и собственными детьми. Александр Гелиос был объявлен правителем Армении, Мидии и Парфии, которые еще надо было завоевать, так что речь шла лишь о демонстрации воинственных намерений Антония. Второй сын Антония от Клеопатры Птолемей Филадельф был провозглашен правителем Финикии, Сирии и Киликии, т. е. земель к западу от Евфрата. Наконец, Клеопатре Селене достались Ливия и Киренаика, расположенные к западу от Египта. Все это создавало совершенно новую политическую структуру; в Восточном Средиземноморье формировалось новое объединение государств с центром в Александрии, которое совершенно явно становилось мощным соперником Римской республики. И Рим стерпеть этого не мог.

Октавиановская пропаганда немедленно объявила акты Антония расхищением имущества римского народа. Именно за присвоение владений римского народа Клеопатре (а не Антонию) в 32 г. до н. э. была объявлена война. Войне предшествовали долгие дипломатические маневры и интенсивная пропагандистская кампания. В частности, Антоний, надеясь склонить на свою сторону сенат и римское общественное мнение, направил в сенат специальное послание, объясняющее и оправдывающее его действия на Востоке, и особенно дары Клеопатре и ее детям. Октавиан и Антоний обвиняли друг друга и при этом активно готовились к открытой войне. Официально разорвав брак с Октавией, Антоний приказал ей покинуть его римский дом и этим ясно показал,

что ни к какому примирению с Октавианом не стремится. Одновременно он с большим войском в сопровождении Клеопатры двинулся на западный берег Малой Азии поближе к Италии и возможному театру будущих военных действий. Туда пришли и другие войска Антония, и в Эфесе он устроил грандиозный военный смотр. Там же он со своими военачальниками обсуждал план дальнейших действий на случай войны. Некоторые из ближайших соратников Антония настоятельно советовали ему отослать Клеопатру в Александрию, считая ее присутствие оскорблением для римских воинов, но та сумела убедить Антония этого не делать. Вместе с ней Антоний переправился на остров Самос, но там вместо подготовки к войне был весь поглощен многодневными роскошными праздниками, которые продолжались затем и в Афинах.

А политическая обстановка накалялась. Консулами 32 г. до н. э. стали сторонники Антония Гней Домиций Агенобарб и Гай Сосий. Вначале консулы пытались найти какое-то примирение. По настоянию Агенобарба в сенате было прочтено оправдательное послание Антония, но большого впечатления оно не произвело. Уже в феврале Сосий обрушился с обвинениями на Октавиана. В частности, он упрекал его, что тот не согласился с Антонием сложить одновременно обязанности триумвиров. Дело в том, что триумвират был установлен на пять лет, а затем полномочия триумвиров были продлены еще на столько же, и было непонятно, истекли ли они вообще или еще нет. Чтобы решить этот вопрос, Антоний и предложил Октавиану одновременно сложить с себя полномочия, тем более что третий член триумвирата — Лепид — уже давно был их лишен, что, кстати, Антоний ставил в вину Октавиану. Антоний явно рассчитывал, что почти неисчерпаемые ресурсы Египта дадут ему в таком случае явный перевес над его соперником. Но и Октавиан опасался именно этого и предложение Антония решительно отверг. Теперь Сосий открыто обвинял его в этом. Октавиан не стал отвечать на обвинения консула, но в скором времени явился в сенат в сопровождении своих сторонников, вооруженных кинжалами, и произнес длинную речь с обвинениями Сосия и самого Антония. Окруженные вооруженными противниками, консулы не осмелились ничего ответить, а когда Октавиан заявил, что созовет специальное заседание сената, на котором представит соответствующие документы, они решились бежать из Рима к Антонию в Грецию. Вскоре за ними последовали и многие сенаторы.

Но и в лагере Антония нашлись недовольные. Многие его сторонники ненавидели Клеопатру и полагали, что связь с ней оскорбляет римского полководца, а египетская царица платила им тем же. И снова, даже с еще большей силой, стал вопрос о пребывании Клеопатры в став-

ке Антония. Антоний оказался между двух огней. Если он уступит своим римским соратникам, то может лишиться не только любви Клеопатры, но и египетских ресурсов. Если же он решительно встанет на сторону Клеопатры, то от него могут отвернуться его проверенные сторонники из числа римских командиров. После некоторых колебаний Антоний все же высказался в пользу Клеопатры. И тогда многие из тех, кто вступил в конфликт с Клеопатрой, покинули лагерь Антония и переместились в Рим. Среди них были Люций Мунаций Планк, бывший консул 42 г. до н. э., и его племянник Марк Тиций.

Планк был самым активным участником всех событий 40–30-х гг. I в. до н. э. До этого он был одним из легатов Цезаря во время войны в Галлии, позже активно участвовал в гражданской войне на стороне Цезаря. Отправляясь в 46 г. до н. э. в Испанию, Цезарь включил Планка в число восьми городских префектов, которые должны были вместе с Лепидом управлять Римом. После убийства Цезаря Планк стал наместником той части Галлии, которая была Цезарем завоевана, и отказался выступить против Антония. В это время он, выполняя принятое ранее решение Цезаря, основал вместе с Лепидом колонию Лугдун. Несколько позже Планк присоединился к Лепиду и Антонию перед их совместным походом из Трансальпийской Галлии в Цизальпийскую и выступил за союз с Октавианом, способствуя тем самым созданию второго триумvirата. Потом он активно участвовал в последней войне с республиканцами, а затем командовал войсками Антония в Галлии. Во время Перузинской войны Планк пытался прийти на помощь Фульвии, а после поражения вместе с ней бежал к Антонию. Позже Антоний назначил Планка наместником Сирии. Тиций тоже был среди ближайших соратников Антония. Именно ему Антоний поручил устранение и убийство Секста Помпея, что тот и исполнил.

Планк и Тиций были ближайшими доверенными лицами Антония и свидетелями при составлении его завещания. Прибыв в Рим, они открыли Октавиану секрет этого завещания. Октавиан тотчас же понял, какую огромную пропагандистскую выгоду это ему даст. Он вопреки закону и обычаю добился от весталок, жриц богини Весты, которые хранили такие документы, выдачи ему завещания Антония, и оно было публично прочитано. В нем Антоний, в частности, просил утвердить все его распоряжения и похоронить в Александрии рядом с Клеопатрой. Завещание произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Большого оскорбления представить себе римляне не могли. В такой обстановке почти всеобщей антиегипетской экзальтации и была объявлена война Клеопатре. Антония как ее союзника лишили всех полномочий, в том числе и будущего консульства. Вся Италия, а затем и западные

провинции были приведены к присяге Октавиану. Узнав об этом, Антоний привел к присяге себе не только солдат, но и всю восточную часть государства. Война стала фактом.

Каждая из сторон стремилась не допустить высадки противника на своей территории и, наоборот, связать его на собственной земле. Антоний, намереваясь переправиться в Италию, сосредоточил основную часть своего флота при выходе из Коринфского залива. Выход из этого залива закрывал мыс Акции, к востоку от которого в сушу вдавался Амбракийский залив, являвшийся ответвлением Коринфского. Там Антоний и сосредоточил основную часть своего флота, расположив рядом сухопутную армию под командованием Публия Канидия Красса, одного из немногих оставшихся в его распоряжении видных римских командиров. Греция за все это время была весьма основательно разорена, так что базами сообщения огромного войска Антония были Сирия и особенно Египет, связь с которыми осуществлялась в основном по морю. Поэтому Антонию было чрезвычайно важно сохранить контроль над морскими коммуникациями. Для обеспечения этого контроля он расположил эскадру у крайнего юго-запада Пелопоннеса, поручив командование ею мавританскому царю Богуду. Богуд был лишен царства своим соперником Бокхом, сторонником Октавиана, и бежал к Антонию. Другая эскадра и гарнизон заняли Коркиру, чтобы не допустить переправы армии Октавиана. Свою главную ставку Антоний расположил в городе Патры на южном побережье Коринфского залива.

Гарантировав, как ему казалось, себя от высадки войск Октавиана, Антоний сам стал готовиться к дальнейшим действиям. Но его опередил полководец и флотоводец Октавиана Агриппа, которые в свое время одержал решающую победу над флотом Секста Помпея. Выйдя в море в марте 31 г. до н. э., он первым удар нанес по эскадре Богуда и одержал полную победу, причем сам Богуд был убит. Эта неудача привела к потере Антонием контроля над морскими коммуникациями с Востоком. Но Агриппа этим не ограничился. Он вытеснил и морские, и сухопутные силы Антония с Коркиры, и с этого времени господство в Адриатическом море полностью перешло к Октавиану. Используя сложившуюся ситуацию, Октавиан с армией высадился на Балканском полуострове и двинулся к югу, к мысу Акции. Агриппа же разбил эскадру Квинта Насидия, защищавшую вход в Коринфский залив, и прорвался в него, захватив Патры, где еще недавно располагался сам Антоний. В это же время на суше произошло несколько стычек, которые ничего не решали, но неудачи в которых производили на солдат Антония удручающее впечатление.

Положение становилось критическим. Антоний созвал военный совет для обсуждения дальнейших действий. Канидий предложил вооб-

ще покинуть побережье и отступить к Дунаю, где, по его словам, царь гетов Диком обещал помощь. Клеопатра же, наоборот, настаивала на том, чтобы разместить в наиболее важных стратегических пунктах свои гарнизоны, а с основными силами армии и флота уйти в Египет, где можно организовать хорошую оборону. В конце концов Антоний склонился к мнению Клеопатры. Вскоре после этого совета один из его участников Квинт Деллий, который когда-то вместе с Клеопатрой составил искусный план обольщения Антония, перебежал к Октавиану и сообщил ему о намерениях Антония. Октавиан и Агриппа прекрасно понимали всю возможную опасность такого плана и решили уничтожить флот Антония и Клеопатры, не выпуская его из Коринфского залива.

Решив прорываться с флотом в Египет и тем самым фактически бросая на произвол судьбы большую часть своей сухопутной армии, Антоний, разумеется, самим солдатам об этом ничего не сказал. Напротив, он, как это было принято в то время в римской армии, обратился к ним с горячей речью. Он убеждал воинов в превосходстве своей армии и в тяжелом положении войск противника, восхвалял себя как опытного полководца в противоположность Октавиану, не одержавшему лично ни одной победы и даже под Филиппами обязанному общей победой ему, Антонию. Антоний утверждал, что он находится в самом расцвете сил и ему не свойственно ни безрассудство юности, ни бессилие старости, в то время как его противник — неопытный юнец. В то же время Антоний признавал, что на суше силы Октавиана слишком значительны и поэтому необходимо перенести войну на море, где более мощные и сильные его корабли превосходят флот Октавиана; а в случае победы на море, в какой он, разумеется, не сомневается, войну вообще можно будет решить без нового сражения, ибо после захвата господства на море враг будет сломлен голодом. Обращаясь к своим союзникам, Антоний напоминал, что война объявлена не ему, а именно им, а обращаясь к римлянам, утверждал, что он борется за свободу против единовластия. Но при этом нельзя, говорил полководец, делать каких-либо различий между воинами, ибо в случае разделения они обречены на поражение, а при единении несомненно одержат победу. А чтобы его воины держались до последнего, Антоний напомнил о судьбе сторонников Секста Помпея и Лепида и уверил, что в случае поражения или тем более капитуляции их всех ждет в лучшем случае рабство.

Планируя предстоящее сражение, Антоний рассчитывал заманить флот Октавиана в сравнительно узкий Амбракийский пролив, где его более мощные корабли имели бы преимущество. Агриппа же, фактически командовавший октавиановским флотом, наоборот, хотел выма-

нить корабли противника на оперативный простор Коринфского залива и там их уничтожить, но не дать из этого залива вырваться. 2 сентября 31 г. до н. э., когда утих дувший четыре дня неблагоприятный ветер, переходящий в бурю, развернулась морская битва. Бой долгое время проходил с переменным успехом. Корабли шли на таран друг друга, временами бои напоминали сухопутные. В разгар сражения Клеопатра, увидев подходящую брешь в строю вражеских судов, подала египетским кораблям сигнал к прорыву и уходу из залива и сама бросилась в эту брешь. Клеопатра явно выполняла план, принятый на недавнем военном совете, но при этом совершенно не подумала об остальных судах, сражавшихся с октавиановским флотом. А Антоний, увидев этот маневр царицы, понял, что, лишившись сильной египетской эскадры, он обречен на поражение, и на своем корабле бросился вслед за Клеопатрой⁶. Попутный северный ветер дал им возможность уйти от преследования противника. Несмотря на фактическое бегство своего командующего, моряки и находившиеся на кораблях солдаты продолжали упорно сражаться, но лишенный общего руководства флот потерпел в конце концов полное поражение.

Добравшись до мыса Тенар на самом юге Греции, Антоний узнал о гибели своего флота. Туда же собрались уцелевшие соратники Антония. Впав в очередной раз в меланхолию, Антоний раздал свои сокровища друзьям и посоветовал им самим спасаться и не разделять с ним его судьбу. Но в то же время он еще надеялся на сухопутную армию и приказал Канидию отступить через Македонию в Азию. Но в армии уже всюю действовали агенты Октавиана. Целую неделю армия дождалась своего главнокомандующего, но, убедившись, что никаких надежд на прибытие Антония нет, сдалась на приемлемых условиях. Канидий, еще до капитуляции покинув армию, направился в Александрию, где и сообщил Ан-

⁶ Внезапный уход Клеопатры со своим флотом и последовавшее за ним бегство Антония были предметом размышлений еще в древности. Тогда полагали, что либо царица просто изменила Антонию, либо женщина не смогла выдержать напряжение боя, а Антоний был настолько захвачен страстью к ней, что позорно бежал, предпочитая обладание любимой женщиной победе в войне. Эта версия очень нравится поэтам и художникам всех последующих веков. Но в ней слишком явно видны следы октавиановской пропаганды. Современные исследователи считают, что действительность была более сложной и что Клеопатра, видимо, выполняла ранее принятые решения. Думают даже, что первым сигнал к выходу из боя дал именно Антоний, а Клеопатра лишь его продублировала. Но такое мнение не находит никакого подтверждения в источниках. Кажется более вероятным, что царица воспользовалась создавшимся положением и, не дожидаясь общего сигнала, сама приступила к выполнению плана. А Антонию, обреченному на поражение, уже ничего не оставалось, как попытаться спастись самому. Если бы первым сигнал дал Антоний, а не Клеопатра, то непонятно, почему ни один неегипетский корабль не последовал за Клеопатрой и Антонием.

тонию об исчезновении его сухопутного войска. Тем временем победитель начал по своему усмотрению решать восточные дела. Вассальные царьки, еще недавно раболепствовавшие перед Антонием, как можно быстрее переходили на сторону Октавиана. И вскоре в распоряжении Антония и Клеопатры остался только Египет.

Антоний и Клеопатра предприняли лихорадочные меры для защиты Египта. Высадившись после бегства из Греции в Перитонии на западной границе страны, он отправил Клеопатру в Александрию, а сам решил направиться в Киренаику, где стояли четыре легиона под командованием Люция Пинария Скарпа. Их направил туда Антоний еще в самом начале войны с целью защиты Египта от возможного нападения октавиановских войск с запада из провинции Африки. Пинарий был внуком старшей сестры Цезаря Юлии, и тот включил его в свое завещание, оставив, правда, ему много меньше, чем будущему Октавиану, и в отличие от Октавиана не усыновляя. Под командованием Антония Пинарий сражался с республиканцами при Филиппах, а затем принял участие в Перузинской войне на стороне Люция Антония, после чего бежал к Марку Антонию. Антоний явно рассчитывал, что такая биография делает Пинария несомненным врагом Октавиана и, следовательно, он может на него полностью полагаться. Но Пинарий оценил изменение обстановки и не стал связывать свою судьбу с побежденным. Он казнил посланцев Антония, а позже, когда к Киренаике подошла часть армии Октавиана под командованием Гая Корнелия Галла, он со своими легионами перешел на его сторону.

Со своей стороны, Клеопатра позаботилась об укреплении своего положения в самом Египте. Чтобы обеспечить продолжение династии и одновременно подчеркнуть ее прочность, она провозгласила царями и, следовательно, своими соправителями кроме своего сына от Цезаря Цезариона также старшего сына Антония (от Фульвии) Антила. Ложно объявив о якобы одержанной победе, она под шумок казнила своих потенциально опасных противников из числа александрийской знати, а заодно и находившегося там в плену армянского царя Артавазда, а его голову отослала его тезке и яростному врагу мидийскому царю, надеясь этой ценой купить его поддержку. Но тот отказался вмешиваться в дела, которые его непосредственно не касались. Не порывая с Антонием, Клеопатра в то же время начала вести переговоры с Октавианом, готовая на всевозможные уступки для сохранения своей власти. Одновременно, справедливо не доверяя Октавиану, она стала готовиться к возможному бегству. Предварительно Клеопатра отправила Цезариона со значительными сокровищами в далекую Индию, но его воспитатель, желая выслужиться перед Октавианом, убедил юношу вернуться в Египет. Царица намеревалась волоком пере-

тащить корабли через сравнительно узкий перешеек из Средиземного моря в Красное, чтобы в случае неудачи отправиться на таинственный остров Исиды, расположенный где-то на берегу Индийского океана. Но октавиановский наместник Сирии Квинт Дидий уговорил набатеев сжечь подготовленные для этого корабли.

Все это время Клеопатра не переставала вести тайные переговоры с Октавианом. Она даже отправила к нему знаки царской власти, давая понять, что готова вновь принять царское достоинство из его рук. Ни о каком сохранении земель, которые Антоний даровал ей и ее детям, теперь, конечно, не могло быть и речи. А Антоний снова впал в протрацию, удалился на остров Фарос в александрийской гавани и проводил там время в полном одиночестве. Однако через некоторое время он снова бросился в водоворот удовольствий, устраивая бесконечные празднества по самым различным поводам. Вместе с группой ближайших друзей, или, вернее, собутыльников, Антоний составил «союз желающих умереть вместе», члены которого решили умереть вместе с Антонием, но пока все они предавались роскошным пирам. Клеопатра, не прерывая переговоры с Октавианом, всячески подчеркивала свою любовь к Антонию и в честь его дня рождения устроила необыкновенно пышный праздник. Но вскоре события заставили Антония и Клеопатру заняться делами обороны.

Задержанный волнениями в Италии Октавиан весной 30 г. до н. э. возобновил свое наступление, двигаясь со своей основной армией через Малую Азию и Сирию. Одновременно Галл, к которому присоединились и легиона Пинария, начал наступление на Египет с запада. Антоний и Клеопатра попытались было вести мирные переговоры. Антоний был готов отказаться от дальнейшей борьбы, если ему разрешат жить частным человеком в Александрии или в Афинах, а Клеопатра предложила отказаться от трона, если он будет передан ее детям. Но просьбу Антония Октавиан, естественно, отверг, ибо ему было совершенно ясно, что долго частным человеком тот жить не сможет, а Клеопатре условием полного снисхождения поставил убийство или по крайней мере изгнание Антония. Но открыто согласиться на это Клеопатра не могла. А Антоний, видя полную невозможность спасения, стянул с себя оцепенение и начал активно готовиться к защите Египта.

Антоний бросился к Перитонию, пытаясь защитить подход к Египту с этой стороны. Он надеялся на свой авторитет у бывших солдат Пинария и полагал, что сумеет переманить их на свою сторону. Но Галл сумел помешать ему войти в контакт с воинами, а затем уничтожить прибывший вместе с Антонием флот и захватить сам Перитоний. Путь

на Александрию с запада был открыт. Одновременно главные силы Октавиана подошли к Пелусию, защищавшему Египет с востока. Клеопатра, желая выслужиться перед несомненным победителем, по видимому, приказала командиру пелусийского гарнизона Селевку после видимости штурма немедленно сдаться. Конечно, возможно, что это была и личная инициатива командира. Но Антоний, к этому времени вернувшийся из-под Перитония, воспринял сдачу крепости именно как предательство своей возлюбленной. Чтобы отвести от себя эти подозрения, Клеопатра выдала Антонию на расправу семью Селевка. Но если сдача Пелусия и была изменой самой Клеопатры, воспользоваться ею она не могла. В распоряжении Антония еще имелись определенные вооруженные силы, так что открыто перейти на сторону Октавиана царица была не в состоянии.

Антоний колебался между отчаянием и надеждой. Одно время он задумал даже бежать в Испанию, надеясь, может быть, оттуда начать отвоевание Рима, как надеялись в свое время Серторий или Секст Помпей. Но в отличие от них Антоний никогда сам в этой стране не был и никакой опоры в ее населении не имел, так что сам замысел выглядел как чистое и ни на чем не основанное прожектерство. Тем не менее Клеопатра испугалась. Она прекрасно понимала, что бегство Антония будет поставлено в вину ей и в таком случае ни о каком успешном исходе ее переговоров с Октавианом не могло бы идти речи. Поэтому она задумала передать свой флот Октавиану, а без кораблей Антоний, разумеется, никуда бежать не мог. Но Антоний и сам скоро понял бессмысленность этого замысла. Он решил встретить Октавиана под стенами Александрии и дать ему последний бой, хотя и понимал, что шансов на победу у него практически нет. Однако первая кавалерийская стычка оказалась для него успешной. Конница Октавиана была разбита, и Антоний преследовал ее до самого лагеря. Вдохновленный этой удачей, он стал готовиться к новому сражению, которое решил вести одновременно и на суше, и на море. Незадолго до этого сражения Антоний направил Октавиану вызов на личный поединок. Что это было? Бравата в расчете на отрицательный ответ? Или он действительно хотел избежать напрасных жертв и решить дело непосредственно боем двух претендентов на власть? В характере Антония действительно было нечто рыцарское, так что исключить вторую возможность нельзя. Но произошло первое: Октавиан, абсолютно уверенный в своей победе, конечно же, холодно отверг предложение, заявив, что Антонию открыто много путей к смерти. И Антоний решил на сражение.

Рано утром 1 августа 30 г. до н. э. Антоний расположил в боевом строю свое войско, а египетский флот должен был выйти из александ-

рийской гавани и ударить по кораблям Октавиана. Но совершенно неожиданно Антоний увидел, что корабли перешли на сторону врага. А вслед за этим то же самое сделала и его конница. Антоний бросил в бой пехоту, но та, не имея никакой поддержки, потерпела поражение. Антоний понял, что Клеопатра его предала. Сама же царица, боясь и Антония, и Октавиана, вместе со своими сокровищами заперлась в еще недостроенном собственном мавзолее, превращенном в крепость. Оттуда она послала Антонию ложное известие о своей смерти. Это известие повергло Антония в шок. Он сразу же забыл собственные слова о ее измене. Потеряв и армию, и любимую женщину, он решил, что ему больше незачем жить, и приказал своему рабу Эроту убить его. Тот, любя своего господина, предпочел заколоть себя. Тогда Антоний собственными руками вонзил себе меч в живот. Он не умер тотчас же, но рана все-таки была смертельной. В этот момент Антоний узнал, что сообщение о смерти Клеопатры ложно и что она заперлась в собственной гробнице, и попросил отнести себя к ней. Умирая, он все еще думал о своей последней возлюбленной. Клеопатре ничего не оставалось, как поднять умирающего Антония к себе, и там он умер в ее объятиях.

Узнав о смерти Антония, Октавиан понял, что им одержана окончательная победа и теперь нужно ею хорошенько воспользоваться. Сначала он сделал хорошую мину, доказывая своим соратникам, что не он развязал войну, а затем приказал сделать все возможное, чтобы захватить Клеопатру живой, а вместе с ней и ее сокровища, которые так были нужны ему в первую очередь для расплаты с собственной армией. Поэтому он отправил в город своих приближенных для переговоров с царицей, а сам тем временем вступил в Александрию. В гимнасии он заявил, что прощает город. А с Клеопатрой начались долгие переговоры. Октавиан всеми силами старался уговорить Клеопатру не уходить из жизни. Но ей была нужна не просто жизнь, а жизнь царицы. Ради этого она была готова пожертвовать и сокровищами, которые она по описи передала победителю. Октавиан лично посетил Клеопатру, всячески ее уговаривая, но в то же время решительно опровергая ее оправдания, когда она, пытаясь снять с себя вину за войну, ссылаясь на страх перед Антонием и его принуждение. Фактически предав его в последнем сражении и только недавно торжественно похоронив, она теперь предавала его уже мертвого. Вступая в переговоры с Октавианом, в том числе и личные, Клеопатра надеялась добиться от него достижения своих целей, как сумела это сделать с Цезарем и Антонием. Но Октавиан был совершенно другим человеком. По своим качествам он был, пожалуй, подобен египетской царице, так что эти два одноименных полюса решительно отталкивались друг от друга. И все же царица сумела в последний раз переиграть своего парт-

нера. Узнав о бесповоротном намерении победителя не только лишить ее и ее детей трона, но и провести ее в своем триумфальном шествии, она усыпила бдительность своих стражей и 12 августа 30 г. до н. э. покончила с собой. Как это точно произошло, не знает никто, но самая распространенная легенда гласит, что она дала себя укусить ядовитой змее.

Октавиан ликвидировал Египетское царство Птолемеев и присоединил Египет к Риму. Цезарион и Антил, недавно провозглашенные соправителями Клеопатры, были убиты по приказу победителя. Остальных детей Антония (как от Фульвии, так и от Клеопатры) взяла на воспитание Октавия, брошенная римская жена Антония. Повзрослев, они вошли в состав римской знати.

Борьба между Антонием и Октавианом стала последним актом великой трагедии гибели Римской республики. И закончился этот акт гибелью Антония. Антоний и Октавиан были очень разными людьми. Антоний был неплохим полководцем и достаточно умелым политиком, но его политика была ближнего прицела. Он был очень хорош в тактике (как это проявилось после убийства Цезаря), но не в стратегии. Кроме того, он был очень импульсивным человеком и, на какое-то время проявив бешеную энергию, мог затем впасть в полное ничегонеделание. Он легко переходил от бурной радости к полному отчаянию. Страстно влюбленный в Клеопатру, Антоний порой подчинял этой любви даже политику и свои честолюбивые расчеты.

Совершенно иным человеком был Октавиан. Холодный, расчетливый, лицемерный — открытый и милостивый, когда это требовалось, и скрытный и жестокий, когда так было нужно, — он продумывал все свои слова и поступки на много ходов вперед. Даже со своей страстно любимой женой он порой разговаривал по заранее написанному конспекту, чтобы не сказать чего-либо лишнего. Не всегда хороший тактик, Октавиан был великолепным стратегом. Иногда он терпел неудачи (например, не сумел перехитрить Клеопатру), но в целом его стратегия принесла ему полный успех. Очень важно то, что он обладал способностью, присущей очень немногим людям, — он умел трезво оценивать и не переоценивать себя. Поэтому Октавиан окружал себя людьми, которые своими достоинствами компенсировали его недостатки: так, поняв, что он неважный полководец, он приблизил к себе Агриппу, который и принес ему большинство его побед, в том числе над Секстом Помпеем и Марком Антонием. И, что, может быть, еще важнее: Октавиан превосходно оценивал окружающую обстановку, принимал решения соответственно ей, мог вовремя остановиться, и все это позволило ему в конце концов стать безусловным победителем и создать тот государственный строй, который почти на два века пережил его самого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поражение Антония означало начало новой эпохи римской истории. Теперь у Октавиана больше не было соперников. Будучи абсолютно уверенным в своей окончательной победе, он не торопился возвращаться в Рим, приводя в порядок запутанные восточные дела. Был окончательно решен египетский вопрос. Эта богатейшая страна была присоединена к Риму, но стала не обычной провинцией, а личным владением Октавиана, перейдя позже к его преемникам по власти. На Востоке, на острове Лесбос, Октавиан принял свое пятое консульство. И только в августе 29 г. до н. э. он вернулся в Рим. Затем он отпраздновал три триумфа подряд за свои победы, в том числе за победу над Египтом. Он, конечно, надеялся провести среди пленников и гордую египетскую царицу, но та своим самоубийством лишила Октавиана этой радости. Но и без этого триумф был пышным и вполне соответствовал чаяниям римской толпы. Став снова консулом в 28 г. до н. э., Октавиан провел чистку сената, изгнав множество сторонников Антония и введя своих приверженцев. 1 января 27 г. до н. э. Октавиан вместе со своим другом Агриппой в седьмой раз стал консулом (для Агриппы это было третье консульство). А уже 13 января того же года он созвал сенат и заявил об отказе от всех полномочий и возвращении в мирную жизнь. Это вызвало переполох в сенате, на который тщательно спланированная комедия и была рассчитана. Сенат упросил Октавиана не бросать государство и предоставил ему ряд важных полномочий. В 23 г. до н. э. эти полномочия были частично изменены и в значительной степени дополнены. Некоторые изменения были сделаны и позже. В частности, Октавиан приобрел новое имя — Император Цезарь сын божественного Августа. Под именем Августа он и вошел в историю. Всеми этими актами были заложены основы нового строя.

Жестокий кризис, поразивший Римскую республику во второй половине II и в начале I в. до н. э., после Союзнической войны перешел в агонию республики. Ожесточенная внутренняя борьба, все чаще при-

нимавшая форму открытых гражданских войн, завершилась гибелью старого государства и созданием нового. Для этого были весьма основательные исторические причины.

Римская республика изжила себя *исторически*. Республика являлась государственной формой полиса, а после Союзнической войны полисная форма государства уже не соответствовала его содержанию. Реально происходило изменение правящего класса государства: им все заметнее становилась знать не только Рима, но и Италии вообще. Недаром среди активных деятелей этого времени все большее место занимали люди, не принадлежавшие к тесному кругу сенаторской олигархии, правившей республикой в докризисные времена. Но власть в значительной степени оставалась в руках староримской знати, чьим органом был в первую очередь сенат. Развитие общества вышло за тесные полисные рамки и нуждалось в ином типе государства.

Республика изжила себя *политически*. Те нормы государственности, которые возникли частично еще в царский период, а в основном во время борьбы патрициев и плебеев, и которые вполне соответствовали небольшому городу, уже не подходили для управления огромной державой. Римлянам все чаще приходилось прибегать к различным чрезвычайным и далеко не всегда законным мерам для более эффективного решения стоящих задач. И по мере углубления кризиса и начала острой борьбы за наследство республики такие меры становились чуть ли не нормой политической жизни. Рангом пропретора или даже проконсула облакали человека, который до этого не был претором или консулом. Самым ярким примером, пожалуй, может служить назначение «вместо консулов» на войну с Серторием в Испанию Помпея, который не только еще не исполнял никакой выборной должности, но даже не был сенатором. Нужна была иная форма управления, менее связанная или даже вовсе не связанная с регулярными выборами должностных лиц, как это было при республиканском режиме.

Республика изжила себя *социально-экономически*. Она была основана на полном, в том числе и социально-экономическом, господстве Рима сначала над Италией, а затем над провинциями. Но постепенно Италия, а потом и провинции стали играть все большую роль в экономической, да и в социально-политической жизни Римского государства. После Союзнической войны италийское население стало равноправным с природными римлянами. И уже одно это поставило под вопрос само существование старого порядка. Но в I в. до н. э. надо было решать вопрос и о провинциях. Оставлять их в положении «поместий римского народа», как их назвал Цицерон, было уже невозможно. Политика романизации, т. е. включения провинций в общеримское

морскую систему, управляемую Римом, резко ускорилась. И уже к 30 г. до н. э. появились и целые города, и даже целые провинции или их части, которые обладали римским либо латинским гражданством. Старое государство, представлявшее господство Рима над конгломератом провинций, было необходимо заменить таким, где провинции составляли наряду с Италией интегральную часть державы, т. е. единым Средиземноморским государством со столицей в Риме. Конечно, такое государство не могло возникнуть мгновенно, и даже после падения республики понадобился определенный исторический промежуток для его создания. Но при республике такое государство появиться просто не могло.

Наконец, республика изжила себя *психологически*. Обстановка постоянной нестабильности угнетала людей. Они устали от почти бесконечных гражданских войн, жестоких репрессий, которые все меньше вызывались какими-либо принципиальными мотивами, а все больше — чисто личными. Римляне были готовы принять любое единоличное господство, которое гарантировало бы им мир и личную безопасность. Характерно приведенное ранее высказывание Фавония, последовательного республиканца и верного друга Катона, о том, что единовластие лучше междоусобной войны. Сам Фавоний, правда, потом принял участие в последней войне республиканцев с цезарианцами, но само по себе это высказывание хорошо отражает настроение подавляющей части римлян. Значительная же часть старой знати, кровно заинтересованной в сохранении республики, была либо уничтожена в ходе гражданских войн и репрессий (особенно в результате проскрипций второго триумvirата), либо настолько ослаблена, что сопротивляться переменам уже не могла.

Таким образом, республика должна была уступить место новой форме государства. В конкретных условиях того времени это могло быть только более или менее единоличное правление. Но общество оставалось античным. Полисные принципы общественной жизни, распространившись на территории сначала вне Рима, а затем и вне Италии, как и старые римские традиции, глубоко укоренившиеся в глубинах римского сознания, не давали возможности создания абсолютной монархии. Новый государственный строй стал нераздельным сплавом бюрократически-монархических и полисно-республиканских элементов. Нечто подобное, по-видимому, неясно мерещилось Цицерону и Помпею. Через такой строй пытался перескочить Цезарь. Такой строй и создал Октавиан Август. Почему в борьбе с Антонием победил он, а не его, казалось бы, более опытный противник, определялось личными качествами того и другого, о чем уже шла речь.

За время борьбы сменилось несколько поколений ее участников. Старшее представлено Друзом, марианцами Цинной, Карбоном, Серторием. К этому поколению принадлежали также Марий и Сулла. Все они были достаточно честолюбивы, что вообще являлось характерной чертой высшего слоя римского общества, но все-таки им были свойственны определенные идейные принципы, и лозунги оптиматов или популяров они принимали всерьез, даже если «партийный» выбор был вызван чисто личными причинами. Даже те жестокие репрессии, которые они в случае победы обрушивали на своих противников, были вызваны в значительной степени уверенностью, что ради утверждения справедливости, как они ее понимали, можно уничтожить сотни и тысячи ее врагов. В этом они были похожи на многих революционеров последующих веков и тысячелетий. Личная власть была для них средством не только собственного утверждения, что, естественно, не исключалось, но и утверждения такого порядка, который они считали правильным. И в этом отношении характерен пример Суллы. Его отказ от власти, за которую он так долго боролся, был вызван не только болезнью или пришедшим пониманием, что власть вблизи не так сладка, как кажется издали, но и уверенностью в исполнении им поставленных перед собой задач, особенно утверждения превосходства сената в политической жизни Римской республики. Конечно, и тогда были подлецы, которые использовали создавшуюся ситуацию для личного обогащения, как, например, Катилина. Но для основной массы политических деятелей того времени было характерно все же наличие политических принципов.

Следующее поколение вступало в политическую жизнь либо во время первой гражданской войны, либо уже после диктатуры Суллы. В этом поколении тоже были люди, для которых принципы были важнее личных устремлений. Таким был в первую очередь Катон. Таким был, по-видимому, и Цицерон, который при всех своих шатаниях и изгибах политической и личной судьбы все же проводил основную идею — возрождение государства, основанного, как он считал, на согласии сословий. Но пример Суллы оказался заразительным и поучительным, и основную часть наиболее активных деятелей этого времени составляли честолюбцы, для которых главным было приобретение личной власти, что не исключало, разумеется, и личного обогащения. Власть становилась для них самостоятельной ценностью. Наиболее характерный деятель этого поколения — Цезарь, считавший Суллу младенцем в политике, раз он отказался от завоеванной власти. Он называл республику пустотой без содержания и собирался ее содержанием сделать самого себя. Ту же линию, хотя и менее последовательно, проводили Помпей и Красс.

В третьем поколении существовали «белые вороны», у которых еще имелись какие-то политические принципы. Таким был, несомненно, Брут и, может быть, Кассий. Но при всем к ним уважении реального влияния такие люди почти не имели и были обречены на поражение. Основная масса политических деятелей этого поколения, к которой принадлежали такие люди, как Антоний, Лепид, Секст Помпей, стремилась только к собственному утверждению. Недаром многие из них сравнительно легко переходили из лагеря в лагерь в зависимости от политической конъюнктуры. Если какие-либо красивые лозунги и выдвигались, то только для привлечения как можно большего числа сторонников. И одно это ясно показывало, что старая республика существовать уже не может, ибо почти уже не было людей, которые искренне в нее верили.

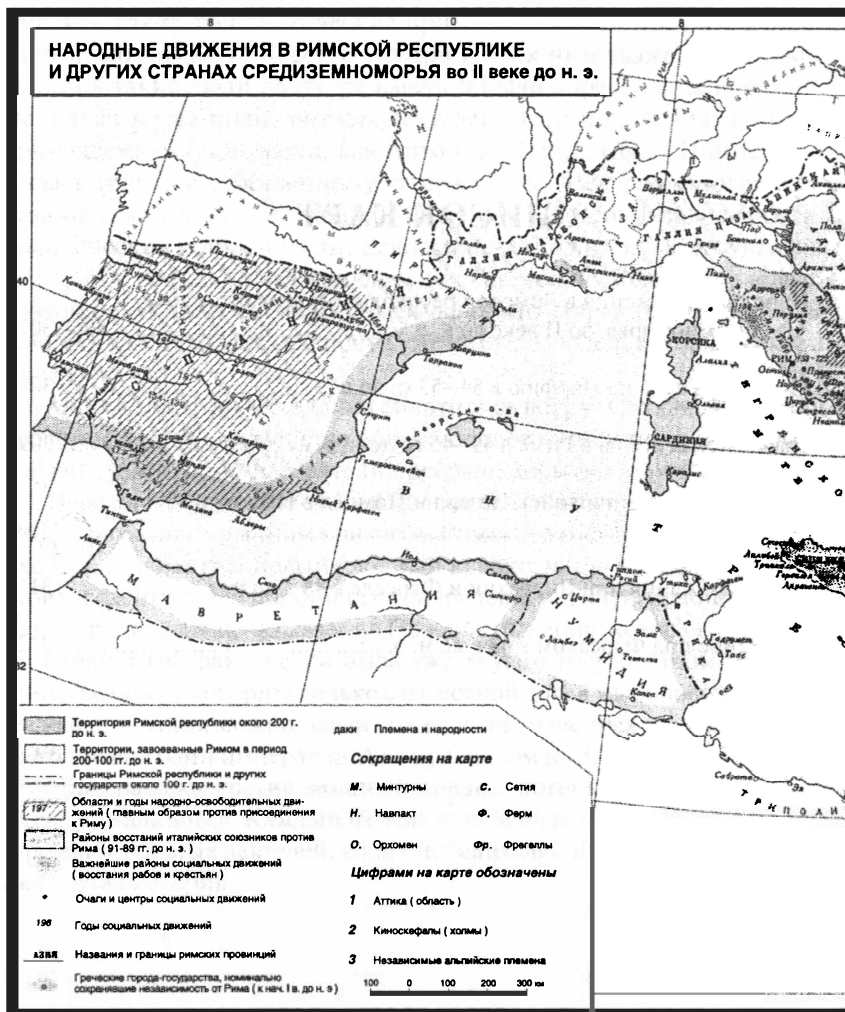
Многие из этого поколения сплотились вокруг Октавиана, который представлял поколение, еще более молодое. Оно и покончило со старой республикой. И его деятели превращались уже в имперскую элиту.

Пережитое Римом во второй половине II и в первые три четверти I в. до н. э. не было последним кризисом Римского государства. С конца II в. уже н. э. развивается новый ужасный кризис, часто называемый просто «кризисом III в.». Он покончил с той империей, какую основал Август, и из него родилась так называемая Поздняя империя, которая по всем своим параметрам фактически была уже другим государством. Даже о ее единстве можно говорить только с известной долей условности. За 110 лет ее существования можно насчитать едва ли более трех десятков лет, когда ею правил один император. А с ее распадом на Западную и Восточную империи начался третий мощный кризис, который Западная империя не выдержала вовсе. Каждый из этих кризисов тоже дал серии ярких фигур, значительных деятелей, своих победителей и побежденных. Но это уже другая история.

СПИСОК КАРТ

1. Народные движения в Римской республике и других странах Средиземноморья во II веке до н. э.	306–307
2. Походы Красса на Парфию в 54–53 гг. до н. э.	308
3. Гражданская война в Риме в 49–45 гг. до н. э.	309
4. Схема продвижения войск Цезаря и Помпея в Италии в 49 г. до н. э.	310
5. Схема сражения при Диррахии и Фарсале в 48 г. до н. э.	311
6. Сражение под Фарсалом в 48 г. до н. э.	312

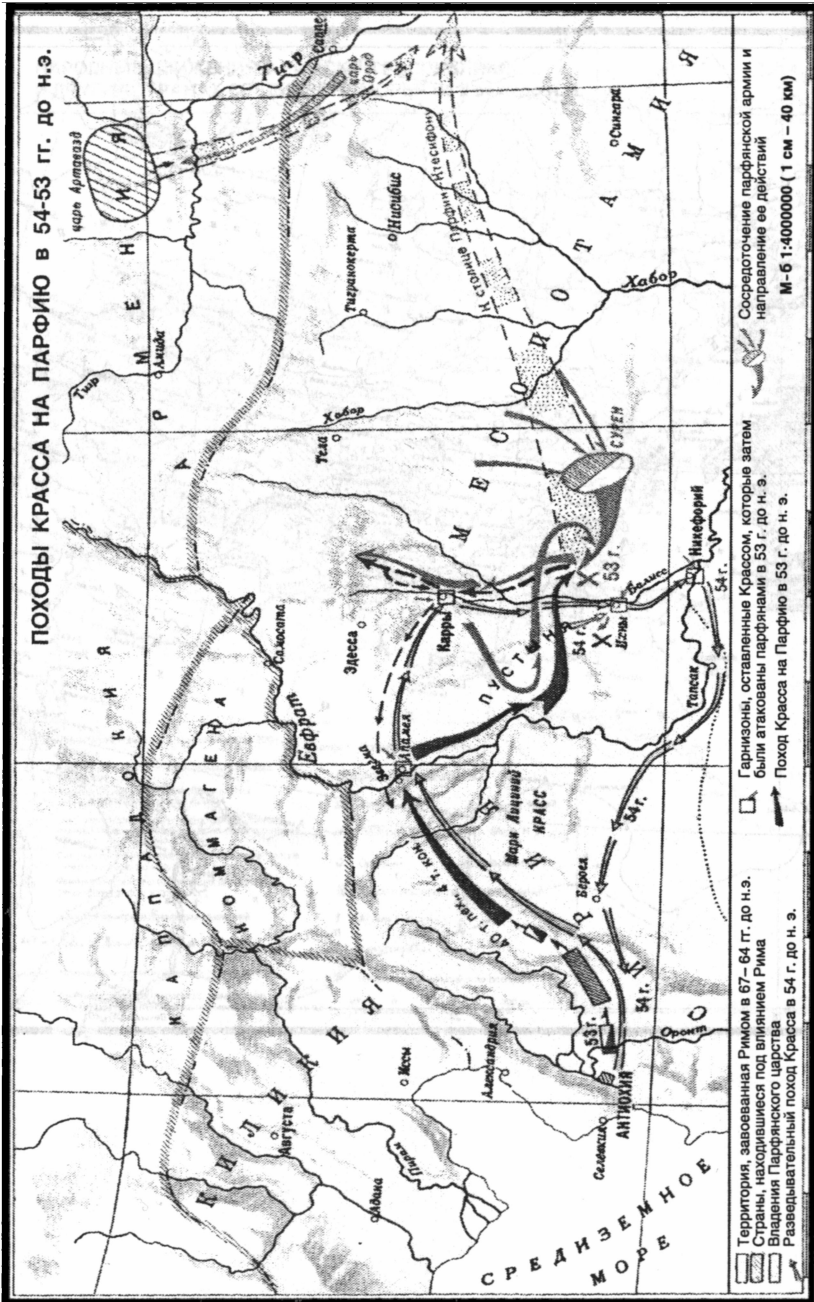
ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В РИМЕ. ПОБЕЖДЕННЫЕ

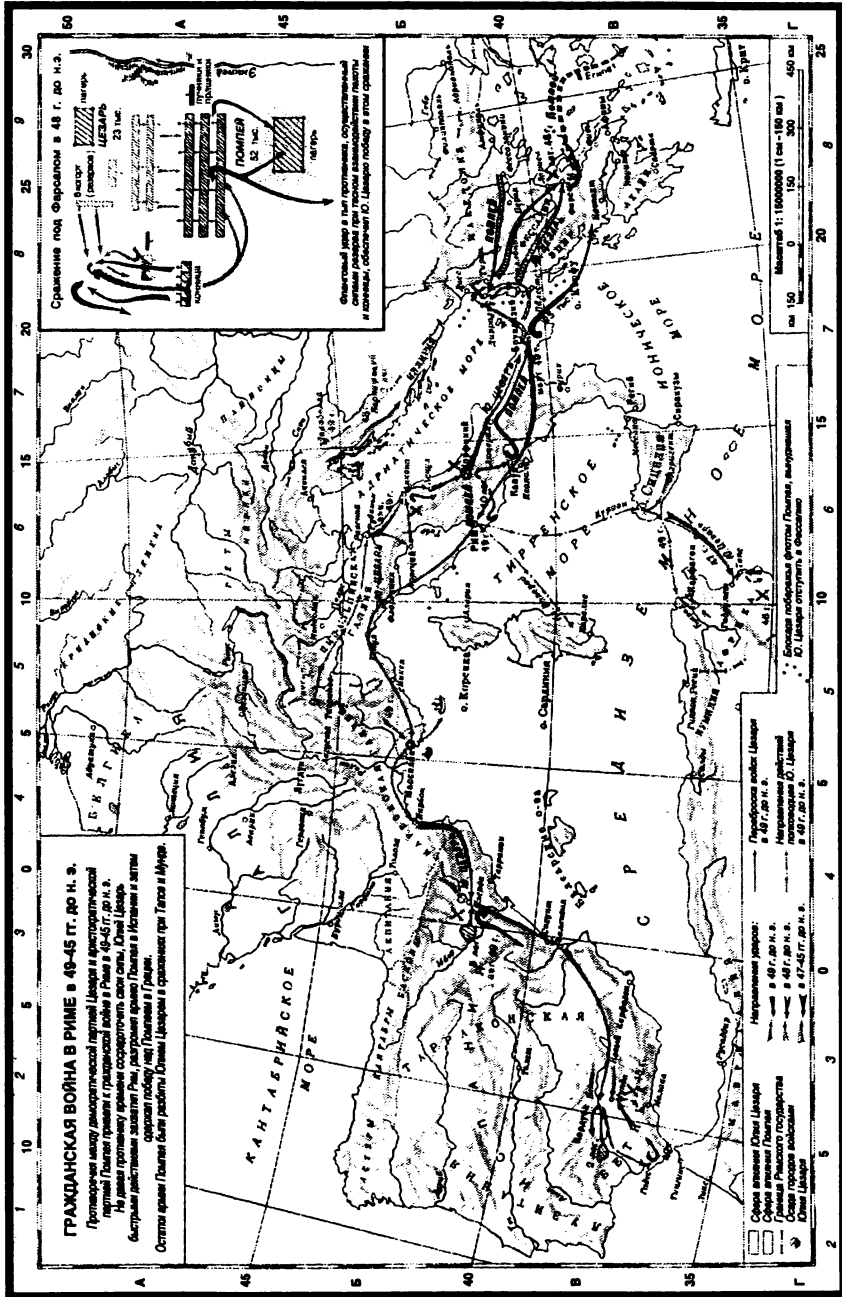

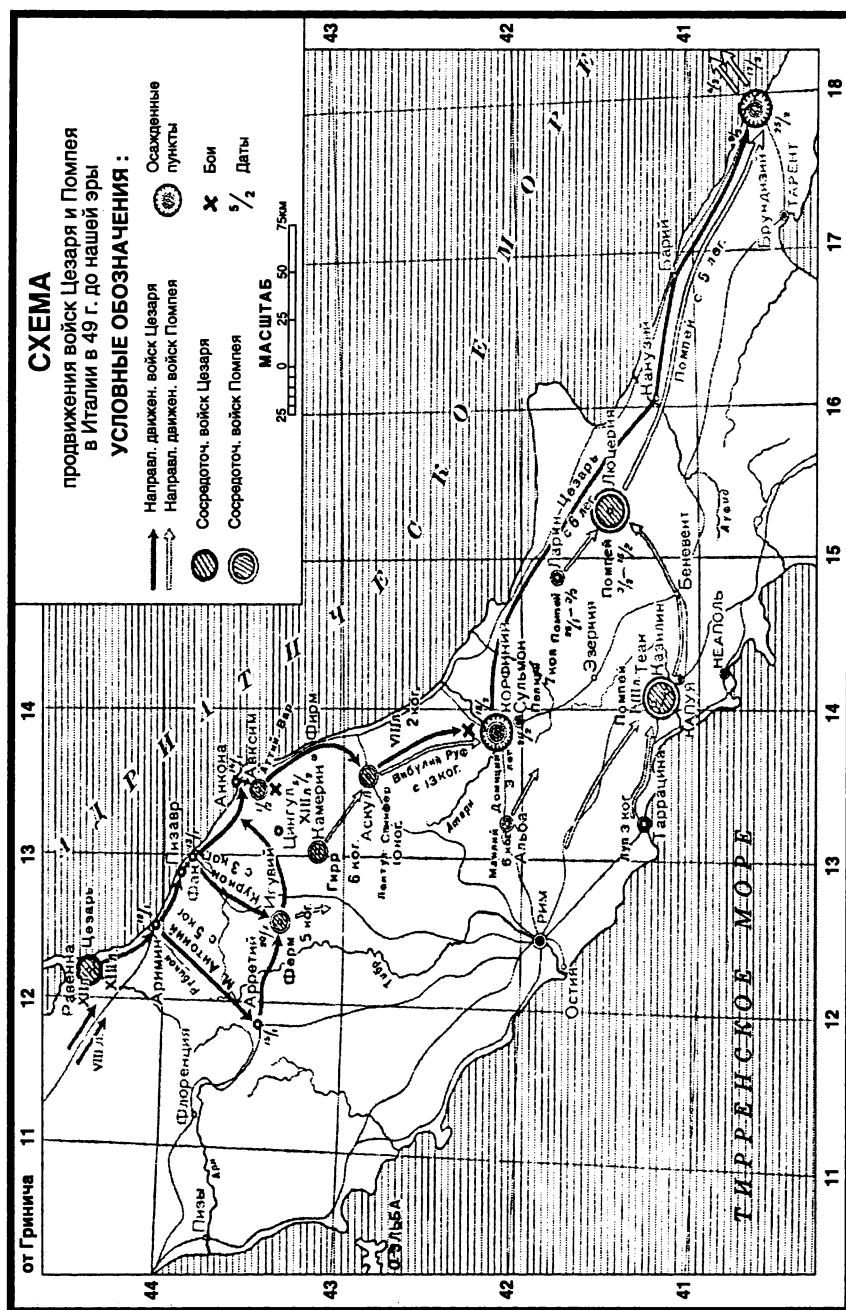
КАРТЫ

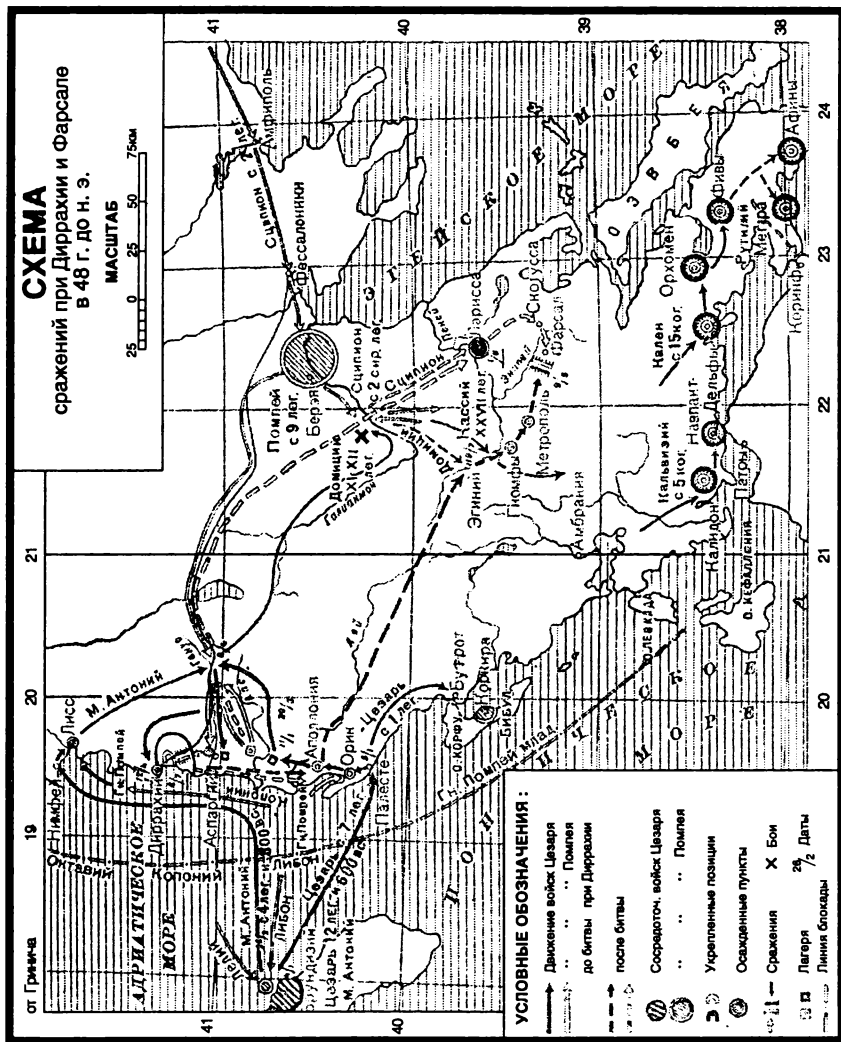

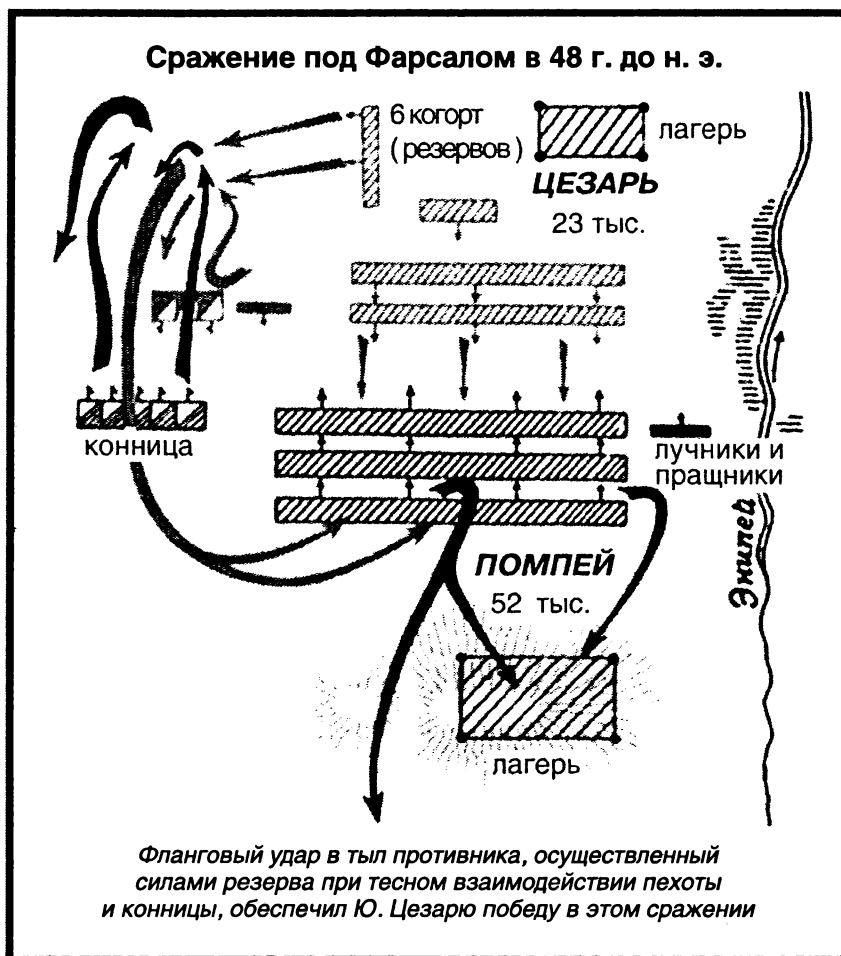
ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В РИМЕ. ПОБЕЖДЕННЫЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
I. Путь к гибели	5
II. Неудачливый соглашатель (Марк Ливий Друз)	30
III. Марианцы	48
IV. Благородный мятежник Квинт Серторий	68
V. Последние республиканцы (Катон, Брут, Кассий)	91
VI. Помпей Великий и его сын	138
VII. Триумвиры «второго ряда» (Красс, Лепид)	209
VIII. Антоний и Клеопатра	244
Заключение	300
Список карт	305